ISSN 2308-152X (Print)

ISSN 2313-6197 (Online)

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

2020. Том 8, № 3

ZOLOTOORDYNSKOE OBOZRENIE =
GOLDEN HORDE REVIEW

2020, vol. 8, no. 3

<http://goldhorde.ru>

E-mail: mail@goldhorde.ru

© ГБУ «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан», 2020

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ

Научный журнал

«Золотоордынское обозрение» – это рецензируемый научный журнал, на страницах которого находят отражение научные публикации конкретно-исторического, историографического и источниковедческого характера, охватывающие все области изучения истории Золотой Орды и татарских ханств.

Журнал печатает ранее неопубликованные, оригинальные статьи российских и зарубежных авторов на русском и английском языках. «Золотоордынское обозрение» уделяет также большое внимание обсуждению новых научных изданий (монографий, академических публикаций), которое осуществляется в формате рецензий.

Журнал входит в Перечень российских рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по научным специальностям: 07.00.02 – Отечественная история (исторические науки), 07.00.09 – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки).

Размещение и индексирование журнала в международных реферативных и полнотекстовых базах данных: Scopus, Web of Science (ESCI), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich's Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), Научная электронная библиотека открытого доступа КиберЛенинка.

Журнал является участником партнерств: CrossRef и профессионального сообщества «Ассоциация научных редакторов и издателей (АНРИ)»

Наименование органа, зарегистрировавшего издание:	Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77–54682 от 9 июля 2013 г. выдано Роскомнадзором
Журнал основан:	2013 г.
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Периодичность:	4 раза в год
Учредитель и издатель:	Государственное бюджетное учреждение «Институт истории им. Ш. Марджани Академии наук Республики Татарстан» (420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А)
Адрес редакции:	420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А
Типография:	Издательский дом «Логос»
Сайт:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Тел./факс	(843) 292 84 82 (приемная), 292 00 19
Подписка:	Подписной индекс П7934 . Оформить подписку можно как в отделениях почтовой связи, так и в режиме онлайн на сайте podpiska.pochta.ru

GOLDEN HORDE REVIEW

Academic Journal

“Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” is a peer-reviewed academic journal publishing articles of historical, historiographical and source-researching nature, covering all fields of study of the history of the Golden Horde and the Tatar khanates.

The journal publishes unpublished and original articles by Russian and foreign authors in Russian and English. “Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review” also pays considerable attention to the discussion of new researches (monographs and other academic publications) in the form of reviews.

The journal is included in the List of Russian peer-reviewed scientific journals publishing the main scientific results of dissertations for the academic degrees of a doctor and candidate of sciences in scientific specialties: 07.00.02 – Domestic history (historical studies), 07.00.09 – Historiography, source study and methods of historical research (historical studies).

The journal is indexed by: Scopus, Web of Science (Emerging Sources Citation Index), Directory of Open Access Journals (DOAJ), Ulrich’s Periodicals Directory, ERIH PLUS, AcademicKeys, ResearchBib, WorldCat, Google Scholar, EBSCO, Open Academic Journals Index (OAJI), Russian Science Citation Index (RSCI), Russian Science Citation Index Database, CyberLeninka.

The journal is a participant of partnerships: CrossRef and Association of scientific editors and publishers (ASEP).

Name of the authority that registered the periodical:	Roskomnadzor, certificate of registration of the media ПИ № ФС77–54682, issued on July 9, 2013
The journal was founded:	2013
ISSN	ISSN 2308-152X (Print), ISSN 2313-6197 (Online)
Publication frequency:	4 times a year
Founder and publisher:	State Budgetary Institution “Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences” (420111, Kazan, Baturin Str., 7A)
Editorial address:	420111, Kazan, Baturin Str., 7A
Press:	Publishing house “Logos”
Web-site:	http://goldhorde.ru
E-mail:	mail@goldhorde.ru
Tel./fax:	(843) 292 84 82 (receiving office), 292 00 19
Subscription:	Subscription index И7934 . The subscription can be made both in the post offices and online at podpiska.pochta.ru

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Миргалеев Ильнур Мидхатович, к.и.н., руководитель Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Хакимов Рафаиль Сибгатович, д.и.н., научный руководитель Института истории им. Ш. Марджани АН РТ, вице-президент АН РТ, академик АН РТ, председатель редакционной коллегии (Казань, Российская Федерация)

Трепавлов Вадим Винцерович, д.и.н., главный научный сотрудник Института российской истории РАН, руководитель Центра истории народов России и межэтнических отношений (Москва, Российская Федерация)

Иштван Вашари, Ph.D. (история), профессор Университета им. Лоранда Этвеша (Будапешт, Венгрия)

Виктор Спинеи, Ph.D. (история), профессор, вице-президент Румынской академии, почетный директор Института археологии (Яссы, Румыния)

Карпов Сергей Павлович, д.и.н., профессор, академик РАН, президент исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация)

Никола Ди Козмо, Ph.D. (история), профессор исследований Восточной Азии, Институт перспективных исследований (Принстон, Нью Джерси, США)

Дариуш Колодзейчик, Ph.D. (история), профессор, директор Института истории Варшавского университета (Варшава, Польша)

Зайцев Илья Владимирович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН и Института востоковедения РАН (Москва, Российская Федерация)

Крамаровский Марк Григорьевич, д.и.н., ведущий научный сотрудник Отдела Востока Государственного Эрмитажа, куратор центрально-азиатских коллекций (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Чарльз Гальперин, Ph.D. (история), научный сотрудник Института исследований России и Восточной Европы, Индианский университет (Блумингтон, США)

Мари Фаверо-Думенжу, Ph.D. (история), научный сотрудник исторического факультета Оксфордского университета (Оксфорд, Великобритания)

Горский Антон Анатольевич, д.и.н., профессор исторического факультета Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН (Москва, Российская Федерация)

Александар Узелац, Ph.D. (история), научный сотрудник Института истории (Белград, Сербия)

Иванов Владимир Александрович, д.и.н., профессор кафедры отечественной истории Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акумлы (Уфа, Российская Федерация)

Муминов Аширбек Курбанович, д.и.н., профессор, Евразийский Национальный университет им. Л.Н. Гумилева (Астана, Казахстан)

Почкаев Роман Юлианович, к.ю.н., профессор, заведующий кафедрой юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург, Российская Федерация)

Мария Иванич, Ph.D. (история), руководитель кафедры алтаистики и тюркологической исследовательской группы Академии наук Венгрии, Университет Сегеда (Сегед, Венгрия)

Тимоти Мэй, Ph.D. (история), профессор истории Центральной Евразии, университет Северной Джорджии (США)

Борис Черкас, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (Киев, Украина)

Аксанов Анвар Васильевич, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

РЕДАКЦИЯ

Редакторы английских текстов: **Роман Хаутала**, Ph.D. (история), старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ; доцент исторического отделения гуманитарного факультета университета Оулу (Оулу, Финляндия); **Стивен Поу**, Ph.D. (история), Центрально-Европейский университет (Будапешт, Венгрия)

Литературный редактор: **Сайфетдиновна Эльмира Гаделзяновна**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Корректор: **Галимов Тэймур Рустэмович**, к.и.н., старший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

Технический редактор, ответственный секретарь: **Гиниятуллина Люция Сулеймановна**, младший научный сотрудник Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (Казань, Российская Федерация)

CHIEF EDITOR

Il'nur M. Mirgaleev, Cand. Sci. (History), Head of the Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Rafail' S. Khakimov, Dr. Sci. (History), Academic Director, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (TAS), Vice-president of TAS, Academician of TAS, Chairman of the Editorial Board (Kazan, Russian Federation)

Vadim V. Trepavlov, Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow, Institute of Russian history, Russian Academy of Sciences, Chief of the Center of History of the Peoples of Russia and Interethnic Relations (Moscow, Russian Federation)

István Vásáry, Ph.D. (History), Professor, Eötvös Loránd University (Budapest, Hungary)

Victor Spinei, Ph.D. (History), Professor, Vice-president of the Romanian Academy, Honorary Director of the Institute of Archaeology (Iasi, Romania)

Sergey P. Karpov, Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Historical Faculty of the Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation)

Nicola Di Cosmo, Ph.D., Professor of East Asian Studies, Institute for Advanced Study (Princeton, New Jersey, USA)

Dariusz Kołodziejczyk, Ph.D. (History), Professor, Director of the Institute of History, University of Warsaw (Warsaw, Poland)

Il'ya V. Zaytsev, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Mark G. Kramarovskiy, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Oriental Department, State Hermitage Museum, Curator of Central Asian Collection (St. Petersburg, Russian Federation)

Charles J. Halperin, Ph.D., Research Associate, Russian and East European Institute, Indiana University (Bloomington, USA)

Marie Favereau Doumenjou, Ph.D. (History), Research Associate, Faculty of History, Oxford University (Oxford, England)

Anton A. Gorsky, Dr. Sci. (History), Professor, Faculty of History, Lomonosov Moscow State University, Leading Research Fellow, Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences (Moscow, Russian Federation)

Aleksandar Uzelac, Ph.D. (History), Research Fellow, Institute of History (Belgrade, Serbia)

Vladimir A. Ivanov, Dr. Sci. (History), Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmulla (Ufa, Russian Federation)

Ashirbek Muminov, Dr. Sci. (History), Professor, L.N.Gumilyov Eurasian National University (Astana, Kazakhstan)

Roman Yu. Pochekaev, Cand. Sci. (Jurisprudence), Professor, Law Faculty, St. Petersburg branch of the National Research University «Higher School of Economics», (St. Petersburg, Russian Federation)

Mária Ivanics, Ph.D. (History), Professor, Head of the Department of Altaic Studies and Turcological Research Group of the Hungarian Academy of Sciences, University of Szeged (Szeged, Hungary)

Timothy May, Ph.D., Professor of Central Eurasian History, University of North Georgia (USA)

Boris V. Cherkas, Dr. Sci. (History), Leading Research Fellow, Institute of History of Ukraine, National Academy of Sciences of Ukraine (Kyiv, Ukraine)

Anvar V. Aksanov, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

EDITORIAL OFFICE

English texts' editors: **Roman Hautala**, Ph.D. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences; Docent, Historical branch at the Faculty of Humanities, University of Oulu (Oulu, Finland); **Stephen Pow**, Ph.D. (History), Central European University (Budapest, Hungary)

Literary editor: **Elmira G. Sayfedinova**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Corrector: **Teymur R. Galimov**, Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

Technical editor, Executive secretary: **Lyutsiya S. Giniyatullina**, Research Fellow, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russian Federation)

СОДЕРЖАНИЕ

Оригинальные статьи

Nikolov A. The “Tatar Hegemony”: The Mongol Empire and the Golden Horde in Bulgarian Historiography and History Textbooks	424
Тимохин Д.М., Тишин В.В. Этноплеменной состав Дешт-и Кыпчака как объект дискуссии (к статье В.А. Иванова «Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков»)	437
Абзалов Л.Ф. Бимаристан в Золотой Орде	457
Недашковский Л.Ф., Моржерин К.Ю. Костяные изделия из Укека	472
Карпов С.П. Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г.	504
Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries	515
Нагаминэ Х. Сыгнал как «порт Дашт-и Кыпчака» и «город-мавзолеей»: период от правления левого крыла Джучидов до основания «Казахского ханства»	533
Сабитов Ж.М. Интерпретация сведений «Зубдат ал-фикра» в научном труде А.А. Порсина	552
Головнёв А.В. Остяк остяка видит издали: по мотивам книги «Иштяки: приуральско-сибирское пограничье»	563
Беляков А.В. Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI–XIX вв.	578
Габдрафикова Л.Р. Образ Сююмбике в татарской культуре начала XX века	613

Хроника

Байбулатова Л.Ф. Международный круглый стол «Исторические журналы: тенденции развития научно-издательской деятельности» (Казань, 26 июня 2020 г.)	624
--	-----

CONTENTS

Original papers

- Nikolov A.** The “Tatar Hegemony”:
The Mongol Empire and the Golden Horde
in Bulgarian Historiography and History Textbooks 424
- Timokhin D.M., Tishin V.V.** Ethno-tribal Composition of Desht-i Kipchak
as an Object of Discussion (on V.A. Ivanov’s article “Nomads
of the Golden Horde in the Perception of Modern Historians”) 437
- Abzalov L.F.** Bimaristan in the Golden Horde 457
- Nedashkovsky L.F., Morzherin K.Yu.** Bone Wares from Ukek 472
- Karpov S.P.** Like a Phoenix from the Ashes:
The Rebirth of Tana’s Trade after the 1395 Disaster 504
- Malikov A.** “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses
and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries 515
- Nagamine H.** Sighnaq as the “Port of *Dasht-i Qipchaq*”
and a “Mausolean City”: The Period from the Jochid Left Hand
to the Foundation of the *Qazaq* Khanate 533
- Sabitov Zh.M.** Interpretation of Zubdat al-fikra’s Information
in the Work of A.A. Porsin 552
- Golovnev A.V.** Ostyak Sees Ostyak from Afar: Few Remarks
on the “Ishtyaks: The Borderland between the Cis-Urals and Siberia” 563
- Belyakov A.V.** The Sheydyakov Princes and Mirzas in Russia
from the sixteenth to the nineteenth century 578
- Gabdrifikova L.R.** The Image of Suyumbike in the Tatar Culture
of the early twentieth century 613

Chronicle

- Baybulatova L.F.** International Round Table “Historical Journals:
Trends in the Development of Academic and Publishing Activities”
(Kazan, June 26, 2020) 624

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

УДК 930.23

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.424-436

THE “TATAR HEGEMONY”: THE MONGOL EMPIRE AND THE GOLDEN HORDE IN BULGARIAN HISTORIOGRAPHY AND HISTORY TEXTBOOKS

A. Nikolov

*Sofia University St. Kliment Ohridski
Sofia, Bulgaria
aleksandur@uni-sofia.bg*

Abstract: *Research objectives:* The main goal of the report is to present the general trends of the Tatar topic in Bulgarian historiography, starting from its beginnings in the later part of the eighteenth century up to modern times. Another objective is to comment on the presentation of the topic about the Golden Horde and the so-called “Tatar hegemony” in modern history textbooks in Bulgaria. An additional issue is the context of the topic related to the theories of Bulgarian-Tatar real or alleged ethnic affiliations.

Research materials: For the preparation of the article the author used variety of specific accounts on the topic, covering different periods of the development of Bulgarian historiography. Some of them are summaries of certain periods or issues, related to the Tatar topic, other are more general narratives on Bulgarian medieval history. There is special focus on several history textbooks that are illustrative on the presentation of the Tatar topic for a broader audience, especially students. There are also some comments on negative image of the Bulgarians, depicted as “Tatars”, that circulated in several Serbian and Greek nationalist circles in the nineteenth and early twentieth century, and how this type of propaganda affected the debate on Bulgarian ethnogenesis and the origin of the Proto-Bulgarians.

The *novelty* of the study emerges from the larger chronological frame, the broader type of historiographical works and history textbooks included and discussed, and this being the first general summary on the topic in English. Lastly, the topic of Bulgarian-Tatar relations in the Middle Ages is presented in a broader political and social context, related to the topic of the origin of modern and ancient Bulgarians, their link to the Volga Bulgars, and the possible common roots and heritage of Bulgarians, Tatars, and Chuvash people in modern times.

Research results: The Tatar topic in Bulgarian historiography emerged almost exclusively in the context of the influence of Nogay at the end of the thirteenth century, presented as foreign negative impact on Bulgarian development. Another aspect was the possible “Tatar” roots of ancient and modern Bulgarians, viewed mostly negatively by Bulgarian nationalists embracing Pan-Slavist ideas. In the course of time, the “Tatar” topic has been better researched and more objectively presented. During recent decades, there is a new approach presenting the Tatar Golden Horde not only as negative factor, but also as possible ally and protector of medieval Bulgaria in the context of a rather moderate regime of vassalage. In the textbooks, however, because of the more conservative character of this type of educational materials, the older stereotypes are still presented to a certain extent. In general, a positive image of the Tatar Golden Horde is slowly emerging, especially in the

context of the common Bulgar component in the ethnogenesis of modern Bulgarians, Tatars, and Chuvash people.

Keywords: Golden Horde, “Tatar hegemony” in medieval Bulgaria, Bulgarian historiography, Bulgarian textbooks in history, “Tatar” issue in the debates about Bulgarian ethnogenesis

For citation: Nikolov A. The “Tatar Hegemony”: The Mongol Empire and the Golden Horde in Bulgarian Historiography and History Textbooks. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 424–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.424-436

The history of medieval Bulgaria from the middle of the thirteenth century to the first decades of the fourteenth century has been closely related to the history of the Golden Horde – the westernmost *ulus* of the Mongol empire of the Chinggisids. The Mongols or Tatar-Mongols appeared in the Balkans during their Western campaign in 1241–1242 that affected deeply the development of Eastern and Central Europe. Some countries like Kievan Rus, Poland, Hungary have been heavily devastated by the Mongols. The Balkan states of Serbia and Bulgaria were also subject of the Mongol invasion, but obviously they succeeded to negotiate more successfully with the invaders and the devastations here seemingly did not leave such a deep impact and such strong traces in the sources and the memory of the local population. In the case of Bulgaria we know that it became dependent to some extent to the rulers of the Golden Horde. However, “Tatars” were also loyal allies of Bulgaria in certain conflicts with its neighbors. A significant deterioration of these relations happened during the rule of the rebellious lord of the western areas of the Horde, Nogay (r. circa 1260–1300), and his son, Chaka, who controlled for a while the Bulgarian capital Târnovo (1299–1300). Their troops invaded the territory of Bulgaria with variable success, but the Tatar influence at that time reached its peak. After 1300 AD, with the accession of Tsar Theodore-Svetoslav Terter, who descended from a prominent aristocratic family of Cuman origin, and his successful policy, both countries moved closer to mutually profitable alliance. Bulgaria even had the opportunity to stabilize its internal and international position and to extend its territory to the northeast with solid Tatar support. The relations started to weaken with the slow decline of the Tatar power to the middle of the fourteenth century. Bulgaria lost a significant protector and ally that could be useful in combating the rising powers of the Serbian Empire and later of the Ottomans. The aim of this article is to follow the tradition in modern Bulgarian historiography concerning the period of the so-called “Tatar hegemony” and the impact of this tradition on Bulgarian history textbooks in the last decades. In my opinion there is also a certain influence of Russian and Soviet tradition about the “Mongol yoke” that is subject of debates in modern Russian historiography. What were the Tatars: cruel invaders or loyal and important allies or both? Was the Tatar hegemony a totally negative or, on the contrary, stabilizing factor in certain periods of late medieval Bulgarian history? The article will try to present the debate in modern Bulgarian history writing on these matters in academic and broader educational sphere.

In fact, our sources about the Bulgarian-Tatar relations between 1241 and 1396 AD are rather scattered and mostly of Byzantine origin. Despite of the important role of the Tatars in the region in the late Middle Ages we have very little

information about them in domestic written sources. The most important of them is a marginal note to a Greek manuscript, added by Theodore Grammatik in Greek language:

"This book was bought by Theodore Grammatik after the invasion of the godless Tatars, when Bulgaria was under the rule of Kaliman Asen, son of John Asen, for 5 yperpera, in the year 6751 (1242–1243 AD) First Indiction, and let the readers pray for the sinner, for I could obtain salvation from the eternal punishment through your prayers" [13, p. 5; 34, p. 425; 22, p. 86].

It is important and unique local confirmation of the initial Tatar-Mongol invasion in Danube Bulgaria, led by prince Kadan, after the big Tatar-Mongol raid in Central Europe and the Balkans in 1241–1242.

Of course, we have another stone inscription from the fortress of Shumen, Bulgaria, with following content: *"I, Gergi (George), looked down and up and said: God, in your name, save us from the Tatars"*. This inscription is also dated in the thirteenth century. However, it is difficult to find a more precise information on its dating [24, p. 131].

The Tatars appear also in the apocryphal literature from the thirteenth century. In the text, known as *Razumnik-ukaz*, with rather disputed date and content, there is zoomorphical characteristic of several ethnic groups of Europe and Eurasia, among them the Tatars. According to the anonymous author they are like the dogs of Agar, biblical mother of Ismael from the Old Testament [28, p. 305]. Agar and Ismael were also, according to the text, ancestors of all infidel nations. Agarenes or Ismaelites were also usual names for the Muslims in the Middle Ages. Therefore, this passage here perhaps testifies the process of gradual Islamization of the Golden Horde in the second half of the thirteenth and the fourteenth centuries [28, p. 306].

The lack of information in the local written sources should not mislead us. We have already serious historiographical contributions of Bulgarian and foreign historians that reveal the dimensions of the Tatar presence and influence in the Balkans before the Ottoman conquest [30, p. 100–230; 22; 29].

Another important aspect, however, of the Bulgarian-Tatar relations and possible links is the debate about the origin of the Protobulgarians, that affected in a very peculiar way also the Tatar topic in the Bulgarian historiography, especially in the late eighteenth and the nineteenth centuries.

The beginning of modern Bulgarian historiography is connected traditionally with "Slavo-Bulgarian history" of Paisiy Hilendarski, an Athonite monk, who wrote his book in 1761 in the Bulgarian monastery of Zograph. His text, basically following medieval and Renaissance patterns and sources, rarely mentions the Tatars. They appear only in the context of the uprising of Lagan/Lahanas (Ivaylo), a humble peasant, who in 1277 defeated Tsar Constantine Asen and for a while was crowned for Bulgarian Tsar. According to Paisiy, Lahanas, after his defeat, took shelter by Noga (famous Nogay), "the Tatar master", who murdered him after a request from John (John Asen III) and the "Greek" Tsar. It corresponds to the information of the Byzantine sources, but the continuation of the story is rather a mixture of several events. According to Paisiy, the Bulgarian throne was occupied by certain "Peter", a "baron" of John Asen III. He defeated Noga, captured him and killed him in the jail. Later "Peter" was expelled by the Bulgarians and died in Adrianople of fever. His successor was Svetoslav (Theodore Svetoslav Terter),

who, indeed, according to more reliable sources, executed Nogay's son, Chaka, on the request of the Khan of the Golden Horde, Toqta [15, p. 238–245].

The negative image of the Tatars, built back in the era of Mongol expansion among a number of European peoples, contains the image of ruthless conquerors, wild "Asians" in the context of the emergence of the Orientalist paradigm, according to which Europe and the white race are the only promoters of progress, and Asia is a symbol of both innumerable riches and splendor, as well as barbarity, laziness, unreasonable cruelty, and an inability to perceive the values of modern civilization.

On the other hand, the concept of "Turkic-Tatar" peoples emerged in linguistics and historiography from the eighteenth and nineteenth centuries, referring to some of the peoples of the Altay language family who inhabited the Ottoman Empire and the Eurasian steppes of Russia. It is here that the Proto-Bulgarians, who in the eighteenth century began to emerge as one of the components that led to the emergence of modern Bulgarians, are also present. This interest coincided with the rediscovery of modern Bulgarians who, during the sixteenth and the seventeenth centuries, have been forgotten in Europe and often fell under the common denomination of the Orthodox subjects of the Sublime Gate, sometimes referred to as "Greeks", "Schismatics", or with Antique-Renaissance terms such as "Illyrians", "Thracians", "Macedonians", "Mysians", etc.

Of course, Tatars were not in the focus of Bulgarian historiographical debate in the later decades, at least, not as a central topic. As already mentioned, they played certain role in the debates of the origin of the Protobulgarians and modern Bulgarians, that took place in the late eighteenth and the nineteenth century. This debate started basically at the end of the eighteenth century, with the thesis of Johann Christian v. Engel that ancient and modern Bulgarians are a branch of the "Turk-Tatar" peoples. However, modern Bulgarians accepted the Slavic language and Christianity in the ninth century. Nevertheless, they are more closely related to the Hungarians, than to the Russians and their future would be much prosperous under the rule of the Austrian Emperor, who as King of Hungary, is also a legal pretender of the Bulgarian crown, than under the Ottomans [5, p. 60–61].

The theses of Engel and his adherents connected the Bulgarians to their Ottoman masters, something that was completely unacceptable to the nascent Bulgarian nationalism. The very first Bulgarian national activists ("the early revivalists"), influenced by the medieval tradition and the South Slavic Illyrianism, firmly defended the Slavic character of the Bulgarian people. This is especially clear by Paisiy Hilendarski, who explicitly named his work "Slavo-Bulgarian History". He strongly advocates the Slavic character of the Bulgarians [15, p. 91–95], and Jovan Rajić, who puts them together with Serbs and Croats, rejects Engel's thesis and Martin Schmeitzel's theory of identity between Bulgarians and Vlachs [27, p. 72–76]. Even stronger the Slavic origin of Bulgarians was promoted by Yuri Venelin [31, p. 198–199].

In addition, here was the debate between Marin Drinov and Gavril Krâstevich, who published "History of the Bulgarians under the name of the Huns" and tried to promote the thesis about the non-Slavic origin of the ancient Bulgarians. He was, however, confronted by the powerful figure of Marin Drinov, Professor at Kharkov University, who imposed the thesis on the Slavic origin of modern Bulgarians. In his opinion, they only took their name from a small non-Slavic horde and their

Slavic ancestors migrated to the Balkans from the territory of the Russian Empire. Therefore, Bulgarians and Russians are closely related peoples united with a common religion and culture [4, p. 210–238].

In parallel with these debates in Bulgarian society, the thesis of the “Tatar” or “Mongolian” origin of the ancient Bulgarians became popular within some nationalist circles in Serbia and Greece. In a situation of competition with the rising Bulgarian nationalism, the representatives of these circles exploited the theory of non-Slavic “Turk-Tatar” Bulgarians entirely in favor of their propaganda. In the Greek version the “Mongolian” or “Turanian” origin of the Bulgarians is the ultimate evidence of racial and cultural inferiority, compared to the “noble Hellenic race” that contributed so much to European and world civilization [10, p. 155–156].

In the Serbian nationalists’ version, the ancient Bulgarians conquered temporarily large parts of the Balkans, conquering Slavic, i.e. Serbian tribes. However, their real settlement was limited to the northeastern corners of Bulgaria, and in the other territories, although under the Bulgarian political name, the Serb ethnicity has been preserved. In the western and southwestern lands it is still unmixed, and in the southeast appears the strange construction “Serbo-Bulgarians” [26, p. 1–15].

Professor Jovan Djordjević, who published a textbook “for the high schools and for the people”, was even more radical. According to him, in 679 AD in the Balkan Peninsula settled “Bulgarians” (people of Mongolian origin), who occupied the lands to Timok River. They were gradually assimilated by the more cultivated Serbs, but they imposed their name on them and have been since then included in the Slavic community [3, p. 8, 255]. In general, Bulgarians were defined as “Asian Barbarian invaders” who have attacked Europe and conquered brutally the local population, whether Byzantines or Slavo-Serbs.

Against this background, and in the context of Russia’s pan-Slavic propaganda towards the Bulgarians, the thesis of the “Turanian” Protobulgarians was definitely not profitable, regardless of scientific or quasi-scientific evidence and debate in this direction. Belief in Slavic unity and complete domination of Slavic theory continued until the wars of 1912–1913, when many of the Pan-Slavic myths were shaken in the minds of the Bulgarians and many realized that Serbia and Russia were the main opponents of the realization of “the San Stefano ideal”, promoted by the same Russia, however, in completely different historical circumstances.

This atmosphere allowed for more detailed studies on the non-Slavic component in the formation of the Bulgarian nation and state. In this connection, the names of the linguist Stefan Mladenov, who adhered to the “Turanian” thesis linking the Protobulgarians with the Altaic (or according to his terminology – with the “Aryo-Altaic”) peoples [11, p. 49–71], and the historian Vasil Zlatarski, who used the term “Hunno-Bulgarians” to define the non-Slavic Bulgars, are noteworthy. Nevertheless Zlatarski strongly supported the thesis of the predominantly Slavic character of the medieval and modern Bulgarian nationality, at least after the process of Christianization in the second half of the ninth century [33, p. 74–112].

Thus, the “Tatar” theme acquired quite unexpected dimensions in the context of Bulgarian historiography. It is perhaps for this reason that the Bulgarian-Tatar relations were not initially of considerable interest to the first professional Bulgarian historians, since they seemed unimportant compared to other unexplained topics of medieval Bulgarian history. Moreover, the second half of the thirteenth century,

when these relations seemed to be the most intense, was generally considered an era of slow decline, which is not particularly interesting in the construction of the national narrative.

However, Konstantin Jireček, whose "History of the Bulgarians" is considered to be the basis for the first academic comprehensive history of the Bulgarians, which largely meets the standards of the second half of the nineteenth century in European historiography, paid some attention to the relations between the medieval Bulgarian Tsardom and the Tatar Golden Horde. A special place here is occupied again by the time of Ivaylo's uprising from 1277–1280. The strong influence of Nogay in the Bulgarian lands, and the appearance of his son Chaka in Târnovo in 1299–1300, was defined by Jireček as the peak of the "Tatar rule".

"The return of the Tatars from Croatia through Serbia and Bulgaria to Russia had too devastating consequences for the country; then, or perhaps a little later, Bulgaria was forced to pay tax to the Tatars, who have since had some influence for almost half a century on the fates of Bulgaria, though, of course, not to the extent that on Russia" [9, p. 308].

For Jireček, Tsar George I Terter was not completely loyal to Nogay and therefore he had to flee from country, despite the fact that Nogay's son, Chaka, was his son of law. In 1292 Bulgarian Tsar became Smilets, who, according to Jireček was Tatar vassal. Later Chaka appeared in Târnovo with the assistance of his brother in law, Theodore Svetoslav Terter and pretended to be Tsar of Bulgaria. Very soon he was executed by Theodore Svetoslav, who send his head to Toqta, executed his agent, Patriarch Joachim III and became loyal supporter and ally of the Golden Horde, but for Jireček he was "liberator of the fatherland from the Asian nomads" [9, p. 330–331].

Jireček again argues that with the coming of the reign of Theodore Svetoslav Terter (1300–1321), Tatar influence in Bulgaria gradually weakened and in the fourteenth century the Tatars emerged more and more as allies and mercenaries of the Bulgarian Tsars. This process is, of course, also linked to the gradual weakening of the Golden Horde itself, which was engulfed in internecine wars and later greatly suffered by the Tamerlane campaigns in the late fourteenth and early fifteenth centuries, similarly to many other political units in Western Eurasia, Asia Minor, and the Middle East [9, p. 332–333].

The scheme proposed by Jireček has remained a landmark in Bulgarian historiography for a long time. The first significant attempt at a more detailed study of the Bulgarian-Tatar relations undoubtedly belongs to Petâr Nikov. In his famous work, "Tatar-Bulgarian Relations in the Middle Ages with a special focus to the reign of the Smilets", he makes a thorough analysis of the available sources, however, not in contradiction to the Jireček's concept.

Immediately at the beginning of his study, he notes that "the political dependence of Bulgaria on the Tatars" is not a particularly well-researched topic by Bulgarian historians and that his research aims to fill this gap. He underlines precisely that Bulgarian Tsars accepted voluntarily to pay tax to the Tatars as early as 1242, thereby avoiding the fate of many other Eastern European countries devastated by the Tatar-Mongol invasion in 1241–1242 [13, p. 3–4].

Nikov clearly states that all subsequent Bulgarian Tsars to Theodore Svetoslav paid a tax to the "Kipchak khan", i.e. the ruler of the Golden Horde, and the hostility of the secessionist Nogay to the Bulgarian Tsardom was also due to the fact that

Târnovo supported his suzerain, with whom he was at war. After the death of Mengü Timur, Nogay was temporarily the most powerful man in the Golden Horde and of course the Bulgarian Tsar George I Terter, elected ruler by the boyars in 1280, declared loyalty to him in 1285.

This fidelity was also supported by his daughter's marriage to Nogay's son, Chaka, and the sending of his son, Theodore Svetoslav, as a hostage to Nogay's court. However, later George I Terter was forced to flee to Byzantium and Smilets (1292–1298) came to power in Târnovo, which was entirely under Tatar dependence ("the culmination of Tatar power in Bulgaria"). In 1299 after the death of Nogay, Târnovo became briefly headquarters of his son, Chaka, but in 1300 he also was murdered by Theodore Svetoslav, who from that point on became a loyal ally of Toqta Khan [13, p. 15–16].

The interesting detail here is that Nikov calls the rulers of the Golden Horde "khans of Kipchak", while Nogay is a "Tatar prince" ("knyaz"), i.e. something different. He raises the question, therefore, to what extent were the Tsars of Târnovo real or even just formal vassals of the Golden Horde and did this condition continue until the very fall of Bulgaria under Ottoman rule? [13, p. 53].

The topic of Tatar-Bulgarian relations was also addressed by the other two great Bulgarian medievalists from the interwar period – Petâr Mutafchiev and Vasil Zlatarski in their summaries on the medieval history of Bulgaria. Again at the center of their research are the events of the second half of the thirteenth century, when the relations between the Bulgarian Tsardom and the Golden Horde were most intense. Undoubtedly again, Nogay's actions on the territory of the Balkan Peninsula and his influence on the political development of Bulgaria after 1280 until his death and the death of his son Chaka at the hands of Theodore Svetoslav Terter in 1300 play the most important role.

Despite some nuances in the interpretation of the events, Mutafchiev and Zlatarski do not differ much in their views on the specific events and processes that unfold in Bulgaria due to its vassalage to the Golden Horde, and especially due to the strong influence of Nogay. However, Mutafchiev emphasizes the fact that Nogay was not the ruler of the Golden Horde, but rather a separatist who controlled its southwest borders and often acted to the detriment of the interests of the legitimate rulers [12, p. 201–203].

In his summarizing work on the history of the Second Bulgarian Tsardom, Vasil Zlatarski pays serious attention to both Bulgaria's relations with the Golden Horde and the state of the Golden Horde itself during the given period. In his opinion, by the early fourteenth century its power had been seriously shaken, despite the resolution of the conflict between Toqta and Nogay in favor of Toqta [33, p. 525–526].

In the aftermath of World War II, the theme of Bulgarian-Tatar relations was regularly featured in the general narratives of medieval Bulgarian history, but mainly refracted during the events surrounding the Ivaylo's uprising of 1277–1280, due to its increased role in the Marxist paradigm, which represented mainly medieval history as a series of socio-class conflicts between the feudal aristocracy and the peasantry. This picture gradually changed in the 1970s–80s with the gradual dissolution of ideological restrictions and the restoration of the relative freedom of academic research [32, p. 72].

In his review article on the image of the Tatars and the Golden Horde [32], Georgi Vladimirov cites as a harbinger of new trends in the study of the issue the study of the numismatist Todor Gerasimov, dedicated to the Bulgarian coinage from the time of Tsar George I Terter, as an important source for Tatar influence in Bulgaria in the last decades of the thirteenth century during the so-called "Tatar hegemony". A much more serious place is occupied by the Golden Horde and its presence and influence in Bulgaria in the work of Hristo Kolarov "The Medieval Bulgarian State", where a whole chapter is devoted to the "Tatar hegemony".

A specific feature of Kolarov's composition, along with his excellent knowledge of the source material, is that Nogay's son, Chaka, was a Bulgarian Tsar between 1298 and 1300. This thesis raises a new problem about Chaka's possible role in the political history of Bulgaria and the controversy over whether he was crowned in Târnovo as a Bulgarian Tsar or just temporarily looked for asylum there, trying to make Bulgaria a pillar in his fight against Toqta? [32, p. 72–73].

G. Vladimirov believes that in developing the topic of the Golden Horde and its relations with the Bulgarian Tsardom, Bulgarian historians adhere to a superficial approach and downplay the role and significance of these relationships. In this regard, according to him, the Golden Horde and its presence and influence in Bulgaria are reflected in the volume of the academic (BAS) "History of Bulgaria" with many interpretative and factual errors and gaps [32, p. 73].

According to Georgi Vladimirov, and also in our opinion, a breakthrough in this direction was made by Plamen Pavlov in the late 1980s. In a series of studies that were initially in the context of his large-scale studies of the Cumanic presence and settlement in Bulgaria, Pavlov laid new fundament on the studies of Bulgarian-Tatar relations and drew on many historiographic resources and sources not yet used in Bulgarian historical science [16; 17; 18; 19; 20; 21].

It is Pavlov who points out new aspects in the study of relations between Bulgaria and the Tatars, defining the Tatar influence in Bulgaria as a long-term process, divided into four periods. The Tatars proved to be an important factor in the stabilization of the Bulgarian Tsardom during the turbulent fourteenth century, supporting the Bulgarians in their confrontation with Serbia and Byzantium with varying success. In fact, the decline of the Golden Horde itself after the mid-fourteenth century had a negative impact on Bulgarian development and contributed to the gradual military and political decline of the country after 1371, leading to its final conquest by the Ottoman Turks [32, p. 73].

Plamen Pavlov's contributions are summarized in an important joint study by Pavlov and Georgi Vladimirov, "The Golden Horde and the Bulgarians", where the new views on Bulgarian-Tatar relations are set out in serious detail. It is here that a new trend emerges in the study of these relations, as here both authors include an essay on the relations between the Mongol Empire and Volga Bulgaria, which was conquered and permanently included in the Golden Horde, and its population actively participated in the ethnogenesis of the modern Tatar nation [22, p. 72–73].

This issue, of course, goes beyond the main purpose of our presentation, which seeks to trace the main lines of study of relations between the Golden Horde and the Bulgarian Tsardom of the Lower Danube. To these studies may be added the article by Stoyan Antonov, who looks very briefly at the studies of relations between Tatars and Bulgarians in the Middle Ages, but gives us information on other aspects of Bulgarian-Tatar relations related to the presence of the Crimean Giray

dynasty in the Bulgarian lands, the resettlement of Crimean Tatars between the fifteenth and nineteenth centuries, and the studies on the Tatar community, which still inhabits several settlements in northeastern Bulgaria [1, p. 117–125].

As it is clear from this brief overview, the issue of the presence and influence of the Golden Horde in Bulgarian medieval history is a question developed in Bulgarian historiography, but not a central theme in narrative.

Despite the serious contributions and changes that have taken place there after the active research of authors such as Plamen Pavlov, Georgi Atanasov [2, p. 3–32], Vasil Gyuzelev [7, p. 155–159], S. Georgieva [6], D. Rabovyanov [25], and others, which gradually change the schematic picture of “Tatar hegemony”, this notion continues to dominate the mass literature, especially in Bulgarian textbooks, where the more complex concept of Bulgarian-Tatar relations with an objective view of the negatives and positives of these relations on the development of medieval Bulgaria is slowly breaking through.

Of course, textbooks, unlike academic research and publications, usually reflect more conservative and lasting ideas about a historical phenomenon. In them, change occurs slowly, sometimes meeting resistance from certain social or political circles, and is usually confronted with long-established stereotypes. The concept of Tatar-Bulgarian relations does not make any difference as it is presented in the current Bulgarian history textbooks (or according to the recent definition “history and civilizations” textbooks, obviously influenced by the French academic model). Again, the main focus is on the time of the last decades of the thirteenth century, when Bulgaria was under the considerable influence of the warlord Nogay, usually described as the “Tatar Khan”.

The space restrictions of the textbooks naturally do not allow a full picture to be revealed, of a global phenomenon such as the Tatar-Mongol expansion in the thirteenth century that led to the creation of the global *Pax Mongolica*, and to a deeper representation of the Golden Horde, the western successor state of the united empire.

The Golden Horde remains an external factor for Bulgarian development, and its influence and its contacts with Bulgaria are presented again through the prism of “Tatar hegemony”, “Tatar domination”, and generally in negative discourse. Theodore Svetoslav Terter is presented as a ruler who managed to put an end to this situation, which in the reigns of his predecessors George I Terter and Smilets reached its culmination.

The Chaka episode is usually viewed rather briefly, without commenting on the issue of whether he was crowned Tsar of the Bulgarians or simply temporarily controlled the situation in the Bulgarian Tsardom without formal prerogatives. After the removal of Chaka and the reign of Theodore Svetoslav, who regained, according to the official version, the Bulgarian rule over southern Bessarabia with the sanction of his ally and patron, Toqta Khan, the Tatars actually disappear from the horizon of the Bulgarian textbooks. As we have noted, the modern achievements of academic science show that Tatar influence and Tatar-Bulgarian contacts were intense enough in the first half of the fourteenth century and only the unrest in the Golden Horde itself weakened its influence on the Balkan Peninsula, creating a vacuum that was filled in eventually from the Ottoman expansion in the decades that followed [14, p. 110–115; 23, p. 154–156].

We can summarize that the image of the Golden Horde Tatars in Bulgarian historiography and educational literature, although related to a certain negative image, caused by the political dependence of the Bulgarian Tsardom and the raids of Nogay's warriors at the end of the thirteenth century, is far from similar stereotypes that exist in other historiographical traditions, for example, in the Russian mass view of the so-called "Tatar-Mongol yoke" [8, p. 1–6].

Recent studies are increasingly presenting us with a full-blooded picture of Bulgarian-Tatar relations at the end of the medieval epoch, in which negative and positive elements gradually take on a specific dimension. Fortunately, there are no "anti-Tatar" stereotypes in Bulgarian society, and studies on the history of Volga Bulgaria also intensify the perception, even in the broader public, of some kind of kinship with the Chuvash and Tatars, who are perceived as the main bearers of the Volga-Bulgarian heritage. This is a positive trend that favors an unbiased and objective study of an undeniably interesting and still incompletely studied period of medieval history in Bulgaria and the entire Black Sea and Balkan region.

REFERENCES

1. Antonov S. Tatarite v bălgarskata nauchna literatura [The Tatars in the Bulgarian scientific literature]. *Bălgarite v Severnoto Prichernomorie. Izsledvaniya i materialy* [The Bulgarians in the Northern Black Sea Region. Research and Materials]. Vol. 3, b.1. V. Tărnovo, 1994, pp. 117–125. (In Bulgarian)
2. Atanasov G., Pavlov P. Tataro-Bulgarica – Tri etyuda o bolgarsko-tatarskih kontaktah na Nizhnem Dunaye v XIII–XIV vv. [Tataro-Bulgarica: Three studies on the Bulgarian-Tatar contacts on the Lower Danube in the thirteenth and fourteenth centuries]. *Arheologiya Evraziyskih stepey*, Vyp. 13: *Materialy Foruma "Idel'-Altay" (7–11 dekabrya 2009 g. Kazan)* [The Archaeology of the Eurasian Steppes, Iss. 13: Proceedings of the "Idel'-Altay Forum" (December 7–11, 2009, Kazan)]. Kazan, 2011, pp. 3–32. (In Russian)
3. Đorđević J. *Istoriya srpskoga naroda od najstarijega do najnovijega doba* [History of the Serbian People from the Oldest to the Most Recent Times]. Vranje, 1901. 255 p. (In Serbian)
4. Drinov M. Hunni li sme? [Are we Huns?]. *Periodichesko spisanie na BKD* [Periodical Journal of the BKD]. Brăila, 1872, year 1, book 5–6, pp. 210–238. (In Bulgarian)
5. Engel J.C. v. *Istoriya na bălgarite v Miziya* [History of the Bulgarians in Moesia]. V. Tărnovo, 2009. 291 p. (In Bulgarian)
6. Georgieva S. Politicheskite otnosheniya mezhdu Tărnovskoto tsarstvo i Zlatnata orda v svetlinata na bălgaro-tatarskite brakove [The political relations between Tărnovo Tsardom and the Golden Horde in the light of the Bulgarian-Tatar marriages], *Istoriicheski pregled* [History Overview], 2016, no. 3–4, pp. 3–21. (In Bulgarian)
7. Gyuzelev V. Bălgariya v kraya na XIII – nachaloto na XIV v. Tsaruvaneto na Terterovtsi (1280–1322) [Bulgaria at the end of the thirteenth and the beginning of the fourteenth centuries. The Reign of the Terterids (1280–1322)]. *Bălgariya 681–1981* [Bulgaria 681–1981]. Sofia, 1981, pp. 155–159. (In Bulgarian)
8. Halperin Ch. J. *The Tatar Yoke: The Image of the Mongols in Medieval Russia*. Bloomington, Indiana, 2009. 248 p.
9. Jireček K. *Istoriya na bălgarite* [History of the Bulgarians]. Sofia, 1979. 936 p. (In Bulgarian)
10. Kalostypis I. *Makedonia* [Macedonia]. Athens, 1993. 315 p. (In Greek)
11. Mladenov S. Polozhenieto na Asparuhovite bălgari v reda na tyurkskiya klon ot ario-altayskite ezitsi [The place of the Asparuh Bulgarians in the order of the Turkic branch

of the Aryo-Altaic languages]. *Bългарска istoricheska biblioteka* [Bulgarian Historical Library]. 1928, vol. I, pp. 49–71. (In Bulgarian)

12. Mutafchiev P. *Istoriya na bâlgarskiya narod* [History of the Bulgarian People]. Sofia, 1943. Vol. II. 374 p. (In Bulgarian)

13. Nikov P. Tatarobâlgarskite otnosheniya prez srednite vekove s ogled kârn tsaruvaneto na Smiletsa [Tatar-Bulgarian relations in the Middle Ages, especially during the reign of Smilets]. *Godishnik na Sofiyskiya universitet, XV–XVI* [Annual of the University of Sofia, XV–XVI]. Sofia, 1921. 96 p. (In Bulgarian)

14. Nikolov A., Delev M., and Ivanchev A., Yanchev V. *Istoriya i tsivilizatsiya za 11 klas. Profilirana podgotovka*. [History and Civilisation for the Eleventh Grade. Profile Training]. Prosveta, Sofia, 2002. 448 p. (In Bulgarian)

15. Paisiy Hilendarski. *Istoriya slavyanobâlgarska* [Slavo-Bulgarian History]. Dobrev I. (ed.). Athos Holy Mountain, Slavo-Bulgarian Holy Monastery of Zograph, 2016. 413 p. (In Bulgarian)

16. Pavlov P. Belezhi kârn sâbitiyata v Bâlgariya i v srednovekovnata stolitsa Târnovo v kraya na XIII-nachaloto na XIV v. [Remarks on the events in Bulgaria and in the medieval capital Târnovo at the end of the thirteenth and the beginning of the fourteenth centuries]. *Târnovska knizhovna shkola* [Târnovo Literary School]. 1994, no. 5, pp. 527–534. (In Bulgarian)

17. Pavlov P. Bâlgariya, “Zlatnata orda” i kumanite (1242 – okolo 1274) [Bulgaria, the “Golden Horde”, and the Cumans (1242 – c. 1274)]. *Vekove* [Centuries]. 1991, no. 2, pp. 24–33. (In Bulgarian)

18. Pavlov P. Mongolotatari na bâlgarska voenna sluzhba v nachaloto na XIV vek. [The Mongol-Tatars at the Bulgarian military service in the beginning of the fourteenth century]. *Voennistoricheski sbornik* [Military History Collection]. 1987, no. 2, pp. 112–120 (In Bulgarian)

19. Pavlov P., Atanasov G. Preminavaneto na tatarskata armiya prez Bâlgariya (1241–1242) [The crossing of the Tatar army through Bulgaria (1241–1242)]. *Voennistoricheski sbornik* [Military History Collection], 1994, no. 1, pp. 5–20 (In Bulgarian)

20. Pavlov P. Tatarite na Nogay, Bâlgariya i Vizantiya (okolo 1270–1302 g.) [The Tatars of Nogay, Bulgaria, and Byzantium (c. 1270–1302)]. *Bâlgarite v Severnoto Prichernomorie* [The Bulgarians in the Northern Black Sea Region]. Veliko Târnovo, 1995, vol. IV, pp. 121–130. (In Bulgarian)

21. Pavlov P. Za rolyata na pravoslavната tsârkva v otnosheniyata na Vizantiya i Bâlgariya sârn Zlatnata orda. [On the role of the Orthodox Church in the relations of Byzantium and Bulgaria with the Golden Horde]. *Obshtoto i spetsifichnoto v balkanskite kulturi do kraya na XIX vek – Sbornik v chest na 70-godishninata na prof. Vasilka Tâpkova-Zaimova* [The Common and the Specific in the Balkan Cultures to the end of the nineteenth century – Collection of Essays in Honor of the 70th Anniversary of Prof. Vasilka Tâpkova-Zaimova]. Sofia, 1997, pp. 177–185. (In Bulgarian)

22. Pavlov P. and Vladimirov G. *Zlatnata orda i bâlgarite* [The Golden Horde and the Bulgarians]. Sofia, 2009. 176 p. (In Bulgarian)

23. Pavlov P., Nikolov A., and Boseva M. *Istoriya i tsivilizatsiya za 8 klas* [History and Civilisation for the Eighth Grade]. Azbouki-Prosveta, Sofia, 2009. 184 p. (In Bulgarian)

24. Popkonstantinov K. and Kronsteiner O. Starobâlgarski nadpisi / Altbulgarische Inschriften. *Die slawischen Sprachen*, 1994, vol. 36. 270 p. (In Bulgarian and German)

25. Rabovyanov D. Srednovekovni kosteni aplikatsii za kolchan ot hâlma Trapezitsa, Veliko Târnovo [Medieval bones’ applications for quiver from Trapezitsa Hill in Veliko Târnovo]. *Arheologiya* [Archaeology]. 2001, no. 2, pp. 53–72. (In Bulgarian)

26. Radosavljević-Bdin S. *Istorija Bugarizma na Balkanskom poluostrvu. Narodnost i jezik Makedonaca* [History of the Bulgarian Idea on the Balkan Peninsula. Ethnicity and Language of the Macedonians]. Belgrade, 1890. 400 p. (In Serbian)
27. Raić J. *Istorija na vsichki slavyanski narodi i nay-pache na bolgari, horvati i serbi* [History of All Slavic Nations, Mostly of the Bulgarians, the Croats, and the Serbs]. Sofia, 1993. 189 p. (In Bulgarian)
28. Tăpkova-Zaimova V., Miltenova A. *Istoriko-apokaliptichnata knizhnina vâv Vizantiya i v srednovekovna Bălgariya* [Historical-apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria]. Sofia, 1996. 360 p. (In Bulgarian)
29. Uzelac A. *Pod senkom psa* [Under the Shadow of the Dog]. Belgrade, 2015. 324 p. (In Serbian)
30. Vásáry I. *Cumans and Tatars. Oriental Military in Pre-Ottoman Balkans, 1185–1365*. Cambridge: Cambridge University Press, 2005. 230 p.
31. Venelin Y. *Drevnie i nyneshnie Bolgare v politicheskome, narodopisnom, istoricheskom i religioznom ih otnoshenie k Rossiyanam* [The Ancient and the Modern Bulgarians in Their Political, Ethnographical, Historical, and Religious Relations to the Russians]. Moscow, 1829. 287 p. (In Russian)
32. Vladimirov G. *Obraz tatar i Zolotoy Ordy v sovremennoy bolgarskoy istoriografii* [The image of the Tatars and the Golden Horde in modern Bulgarian historiography]. *Zolotoordynskaya tsivilisatsiya* [Golden Horde Civilization]. Kazan, 2008, no. 1, pp. 71–77. (In Russian)
33. Zlatarski V. *Obrazuvane na bălgarskata narodnost* [The formation of the Bulgarian ethnicity]. *Bălgarska istoricheska biblioteka* [Bulgarian Historical Library]. 1928, vol. 1, pp. 74–112. (In Bulgarian)
34. Zlatarski V. *Istoriya na bălgarskata dărzhava prez srednite vekove*, T. III: *Vtoro bălgarsko tsarstvo – Bălgariya pri Asenevtsi (1187–1280)* [History of the Bulgarian State in the Middle Ages, Vol. 3: The Second Bulgarian Tsardom – Bulgaria under the Asenids (1187–1280)]. Sofia, 1970. 634 p. (In Bulgarian)

About the author: Alexandar N. Nikolov – Ph.D. (History), Professor, Faculty of History, Sofia University St. Kliment Ohridski (15, Tsar Osvoboditel Blvd., Sofia 1504, Bulgaria). E-mail: aleksandur@uni-sofia.bg

*Received May 30, 2020, Accepted for publication August 27, 2020
Published September 29, 2020*

**«ТАТАРСКАЯ ГЕГЕМОНИЯ»:
МОНГОЛЬСКАЯ ИМПЕРИЯ И ЗОЛОТАЯ ОРДА
В БОЛГАРСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ И УЧЕБНИКАХ ИСТОРИИ**

А. Николов

*Софийский университет имени Св. Климента Охридского
София, Болгария
aleksandur@uni-sofia.bg*

Цель исследования: заключается в том, чтобы проследить развитие татарской проблематики в болгарской историографии со времени ее возникновения в конце XVIII века и до наших дней. Другой аспект – это место Золотой Орды и так называемой

мой «татарской гегемонии» в современных болгарских учебниках по истории. Третий вопрос, который рассматривается в статье – это «татарский вопрос» в дебатах о болгарском этногенезе и роли протоболгар при формировании современного болгарского этноса.

Материалы исследования: в статью включены разнообразные материалы, относящиеся к присутствию татарской проблематики в болгарской историографии. Это некоторые обобщения о татарах и их роли в болгарской средневековой истории, а также более общие сочинения по истории болгар, где излагается история так называемой «татарской гегемонии». В статью также включены комментарии, связанные с проблемой этногенеза средневековых и современных дунайских болгар, негативной пропагандой в некоторых сербских и греческих националистических кругах, реакцией болгарских националистов, связанных с панславистские идеями, и появлением первых более серьезных и профессиональных исследований о татарах и их роли в болгарской истории. Как уже отмечалось, в статью включены комментарии относительно некоторых современных болгарских учебников по истории в данном контексте.

Новизна исследования состоит в том, что в нем впервые выполнено хронологически полное прослеживание «татарской проблематики» в болгарской историографии и исторической литературе во всех ее основных аспектах на английском языке.

Результаты исследования: по мнению автора, «татарская» проблематика постепенно занимает должное место в болгарской историографии. Негативные стереотипы, которые первоначально преобладали, постепенно уступают место более профессиональным взглядам. Это менее заметно в учебниках в связи с более консервативным характером этого типа образовательной литературы. Очень позитивно влияет на образ Золотой Орды в болгарском обществе тема об общих корнях дунайских болгар, татар и чуваш в контексте волжско-булгарского и прото-болгарского наследия.

Ключевые слова: Золотая Орда, «татарская гегемония» в Болгарии, дебаты о болгарском этногенезе, болгарская историография, современные болгарские учебники по истории

Для цитирования: Nikolov A. The “Tatar Hegemony”: The Mongol Empire and the Golden Horde in Bulgarian Historiography and History Textbooks // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 424–436. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.424-436

Сведения об авторе: Александр Николов Николов – Ph.D. (история), профессор, исторический факультет, Софийский университет им. Св. Климента Охридского (1504, бул. “Цар Освободител”, 15, София, Болгария). E-mail: aleksandur@uni-sofia.bg

Поступила 30.05.2020 Принята к публикации 27.08.2020
Опубликована 29.09.2020

УДК 930.2+930.001.12

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456

**ЭТНОПЛЕМЕННОЙ СОСТАВ ДЕШТ-И КЫПЧАКА
КАК ОБЪЕКТ ДИСКУССИИ
(К СТАТЬЕ В.А. ИВАНОВА «КОЧЕВНИКИ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ
В ВОСПРИЯТИИ СОВРЕМЕННЫХ ИСТОРИКОВ»)**

Д.М. Тимохин¹, В.В. Тишин²

¹ *ФГБУН Институт востоковедения РАН
Москва, Российская Федерация
horezm83@mail.ru*

² *Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН
Улан-Удэ, Российская Федерация
tihij-511@mail.ru*

Цель исследования: вышедшая в 2018 г. статья профессора В.А. Иванова поднимает важную проблему необходимости корреляции данных письменных источников с археологическими материалами относительно территориальной привязки племенных группировок Дешт-и Кыпчака в эпоху, предшествовавшую монгольскому завоеванию. Авторы настоящей статьи солидарны с В.А. Ивановым в том, что поставленная им проблема существует, однако, они не могут согласиться с преподнесением ее в том ключе, как предлагается оппонентом. Исследование этнических процессов в евразийских степях представляются им несколько более сложными, чем В.А. Иванову, а упреки в адрес авторов, работающих с письменными источниками, кажутся им не совсем справедливыми и корректными.

Материалы исследования: авторы обратились к наиболее значимым и показательным, на их взгляд, вопросам, связанным с идентификацией племенных группировок Дешт-и Кыпчака, для чего пришлось прибегать как непосредственно к письменным источникам, так и к историографическому наследию. База задействованных письменных источников представлена, прежде всего, арабо-персидскими историческими сочинениями. По мере необходимости авторы обращали внимание на данные языка и археологии.

Результаты и научная новизна: выделяя несколько показательных проблем в этнической истории Дешт-и Кыпчака, авторы стремились продемонстрировать недостаточность письменных данных для их однозначного решения. В то же время наглядно показано, что ряд выводов, делающихся на основе такого материала, зачастую требуют перепроверки, поскольку непосредственно связаны с личностью пришедшего к ним исследователя. Авторы выражают сомнения в том, что археология располагает достаточными материалами по истории Восточной части Дешт-и Кыпчака, потому пока вопрос о соотношении их с письменными источниками преждевременен.

Ключевые слова: письменные источники, археологические материалы, кочевники, Дешт-и Кыпчак, кыпчаки, этническая история, историография

Для цитирования: Тимохин Д.М., Тишин В.В. Этноплеменной состав Дешт-и Кыпчака как объект дискуссии (к статье В.А. Иванова «Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков») // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 437–456. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456

Благодарности: Работа Д.М. Тимохина выполнена в рамках Государственного задания 0179/2019-0004 «Закономерности исторического развития народов Востока с

древнейших времен до середины XX века». Работа В.В. Тишина выполнена при поддержке Комплексной программы фундаментальных исследований СО РАН XII.191.1.2. Межкультурное взаимодействие, этнические и социально-политические процессы в Центральной Азии, № АААА-А17-117021310264-4.

**ETHNO-TRIBAL COMPOSITION OF DESHT-I KIPCHAK
AS AN OBJECT OF DISCUSSION
(ON V.A. IVANOV'S ARTICLE "NOMADS OF THE GOLDEN HORDE
IN THE PERCEPTION OF MODERN HISTORIANS")**

D.M. Timokhin¹, V.V. Tishin²

¹ *Institute of Oriental Studies of the RAS
Moscow, Russian Federation
horezm83@mail.ru*

² *Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies
of the Siberian Branch of the RAS
Ulan-Ude, Russian Federation
tihij-511@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* Published in 2018, an article by Prof. V.A. Ivanov pointed to a pressing problem regarding the possibility to correlate information provided in written sources with archaeological data, discussing it in the context of issues of localization of nomadic tribal groups in the Desht-i Kipchak in the period preceding the Mongol conquest. The authors of the present article are in agreement with V.A. Ivanov in recognizing this problem. However, they cannot agree with his manner of its presentation. A study of ethnic processes in the Eurasian steppes seems more complex than is presented in V.A. Ivanov's view. In addition, it seems to the authors that Ivanov's reproaches to researchers working with written sources are not entirely fair and correct.

Research materials: The authors submitted for discussion some of the more significant and indicative issues, in their view, related to the broad problem of identification of nomadic tribal groups of the Desht-i Kipchak. Therefore, they had to resort to both written sources and the body of research works. The foundation of the written sources used here is represented, first of all, by Arabic-Persian historical works. In addition, the data of linguistics and archaeology was also involved in the paper.

Results and novelty of the research: Pointing to several of the most illustrative issues in the ethnic history of the Desht-i Kipchak, the authors sought to demonstrate the real lack of unambiguous solutions based on data in written sources. Often real historical problems are dependent on subjective interpretation of texts provided by scholars. At the same time, their results are influenced by a combination of factors – such as the degree of informativeness of written sources as well as the approaches and personal capacities of the researcher. Moreover, the authors of this article express doubts that archaeologists have sufficient material on the history of the Eastern Desht-i Kipchak. Therefore, the question of the possibility of correlating this archaeological material with written sources is premature.

Keywords: written sources, archaeological materials, nomads, Desht-i Kipchak, Kipchaks, ethnic history, historiography

For citation: Timokhin D.M., Tishin V.V. Ethno-tribal Composition of Desht-i Kipchak as an Object of Discussion (on V.A. Ivanov's article "Nomads of the Golden Horde in the Perception of Modern Historians"). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 437–456. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.437-456

Acknowledgments: D.M. Timokhin's work was carried out within the framework of State Assignment 0179/2019-0004 "Patterns of the historical development of the peoples of the East from ancient times to the mid-twentieth century". V.V. Tishin's work was supported by the Comprehensive Program of Fundamental Research of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences XII.191.1.2. Intercultural interaction, ethnic and socio-political processes in Central Asia, No. AAAA-A17-117021310264-4.

В третьем номере за 2018 год журнала «Золотоордынское обозрение» профессором В.А. Ивановым была опубликована статья «Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков», помещенная редакционной коллегией в раздел «Дискуссия», что, по-видимому, нужно рассматривать именно как вызов к собственно дискуссии. Главный посыл статьи В.А. Иванова, нужно понимать, состоит в том, что в современной историографии среди авторов, работающих с письменными источниками, отсутствует консенсус в отношении представлений о локализации тех или иных групп кочевнического населения территорий, вошедших впоследствии в состав Золотой Орды в период, предшествующий монгольским завоеваниям, и это, в свою очередь, определенным образом тормозит работы археологов, не позволяя им уверенно атрибутировать вещественный материал. Статья, по сути, носит историографический характер, представляя собой, по словам самого В.А. Иванова, «обзор "исторической полифонии" восточного Дешт-и-Кыпчак и завоевания его монголами» [3, с. 629]. Сам автор формулирует цель работы следующим образом: «показать, как современные историки воспринимают и трактуют историю кочевников Золотой Орды, основным источником информации о которых являются археологические источники» [3, с. 618]. Безусловно, археологу желательно получить возможность точной корреляции встречаемых в письменных источниках этнонимов с конкретными археологическими памятниками. Поскольку точка зрения авторов настоящей статьи также не осталась незамеченной В.А. Ивановым [3, с. 629], мы не могли остаться в стороне от обсуждения обозначенной проблемы.

Необходимо обратить внимание на то, что, предлагая вниманию читателей обзор историографии истории Дешт-и Кыпчака, В.А. Иванов выстраивает его методологически неверно: значительное внимание уделяется работам «обзорного характера», т.е. базирующимся, в основном, на исследованиях, а не работе с историческими источниками. Неоспоримо, что такого рода работы должны быть включены в историографические обзоры в рамках монографий, однако в случае со статьями анализировать нынешний уровень историографии по тем или иным вопросам истории кочевых племен Дешт-и Кыпчака следовало бы на материале трудов, в которых содержатся как минимум оригинальные выводы, а не пересказ, в большей части, мнений предшествующих исследователей. Соответственно, не вызывает удивления сожаление В.А. Иванова о том, что «в имеющихся исторических дискурсах по проблеме явно не хватает критического анализа источников» [3, с. 629]. Достаточно указать, что в статье наибольшее внимание приковано к работам Я.В. Пилипчука, монографии И. Зимони, Н. Кузембаева, а точка зрения В.В. Трепавлова, например, упоминается однократно и без какого-

либо анализа. Авторская выборка и логика в данном случае вызывает еще больше вопросов: в ряду современных исследований у него неоднократно фигурируют работы С.М. Ахинжанова. Тут надо или обозначить, что следует понимать под «современными исследованиями», или же учитывать тогда также позиции, например, В.В. Бартольда и З.М. Буниятова по тем же вопросам. Возможно, читателю покажется, что перед ним попытка придаться к отдельным моментам статьи В.А. Иванова, но последствия методологического «феномена» нивелирует обоснование тех идей автора указанной работы, с которыми нам бы хотелось бы согласиться.

Неясность с критерием подбора литературы дополняет неясность предпочтений В.А. Иванова тем или иным точкам зрения. Например, автор пишет: «В.Я. Пилипчук¹ считает (и, по-моему, справедливо), что в XI – начале XIII вв. Дешт-и-Кыпчак представлял собой конгломерат отдельных орд – “вожеств”». Восточные кыпчаки представляли в нем конфедерацию племен под “вожеством” племени ильбари/ольбери, занимавшую огромную территорию от Тарбагатай (“крайние восточные границы конфедерации восточных кыпчаков располагались поблизости от хребта Тарбагатай”) до Приаралья. Между Аральским и Каспийским морями, как считает исследователь, располагались уже владения канглов². То есть, на расстоянии почти 1500 км с востока на запад (практически вся территория современного Казахстана) кочевали племена, политически (а, следовательно – и административно) контролируемые ильбари/ольбери. Они совершали регулярные нападения на Волжскую Булгарию, Саксин, иштяков, восточных венгров и башкир (?)» [3, с. 625]. Отсутствие каких-либо аргументов оставляет непонятным предпочтение В.А. Иванова мнению Я.В. Пилипчука, при том, что точка зрения украинского исследователя приводится в ряду мнений других специалистов, которые, таким образом, автоматически попадают в разряд «неверных». Подобный казус возможен лишь в том случае, если исследователь работает с заведомо ограниченным кругом историографических источников и не формирует при этом четких критериев при работе с ними. В результате, в данном случае, не только точка зрения украинского исследователя теряет значение, но и собственно авторская позиция по данному вопросу становится весьма уязвимой. Используя В.А. Иванов более изощренный инструментальный или же просто методологически грамотно подойди к анализу историографии – этой критике ему удалось бы избежать. В связи со всем выше сказанным несколько странной выглядит ключевая претензия археолога к историкам, сформулированная автором следующим образом: «в имеющихся исторических дискурсах по проблеме явно не хватает критического анализа источников. Более того – он там вообще отсутствует, будучи подменен механистическим “дайджестом” из средневековых нарративов и суждений предшественников» [3, с. 629]. Вероятно, в отношении отдельных работ, приведенных В.А. Ивановым, подобного рода суждения верны, однако само такое обобщение, кажется, заслуживало бы гораздо более существенного обоснования. Вероятно, при другой подаче историографического материала, для читателя не составило бы труда, как и для самого автора, разделить работы с тем самым

¹ В тексте статьи описка – нужно «Я.В. Пилипчук».

² Корректнее писать *канглы*, не склоняя, поскольку это не русскоязычная форма множественного числа от некоего «кангл» (?), а тюркское слово.

«механистическим “дайджестом”» от исследований качественно иного уровня. Однако в статье В.А. Иванова этого нет, как и объяснения того, что следует считать «дайджестом» и каковы особенности такого рода работ по истории Дешт-и Кыпчака. Между тем сама проблема является более сложной, чем это может показаться некоторым коллегам.

Само требование археолога к «письменникам» вполне справедливо и оправданно ввиду их зависимости археологических интерпретаций от существующего фактического материала. На самом деле, не так давно об этом высказывался еще великий востоковед Д. Синор. Затрагивая, правда, в более широком аспекте, вопрос о возможностях археологии в изучении этнолингвистических процессов в истории степной Евразии, Д. Синор сказал следующее: «К сожалению, результаты археологических изысканий редко могут вписаться в картину исторических исследований. Касательно Внутренней Азии рискованно соотносить исторические данные, основанные на письменных источниках, с данными археологии. На основе каких данных, без сторонних свидетельств, можно отличить могилы одного народа от могил другого? Когда кто-то считает, что то или иное погребение принадлежит тюркскому или монгольскому народу, в его голове вполне может возникнуть шуточный вопрос: что подтверждает эту идентификацию – горшок, лук? или же выкопанный череп на самом деле поздоровался с исследователем на тюркском или монгольском языке?» [25, р. 6].

В нашем случае вопрос о языке пока не ставится, хотя из-за отсутствия письменных памятников он вряд ли когда-нибудь сможет быть решен. В частности, как писал тот же Д. Синор, «из-за недостатка письменных нарративных источников, ученые зачастую пытаются буквально выжать какие-нибудь выводы путем сомнительных этимологий. Бесчисленное число авторов писали бесчисленное множество статей (справедливости ради, это следует отнести на свой счет), посвященных различным заключениям о языке, на котором говорит тот или иной народ, исходя при этом только лишь на этимологизации его этнонима, чиновничьей титулатуры или нескольких отдельных, помещенных вне контекста слов, зафиксированных, скажем, в каком-нибудь китайском, греческом или иранском тексте. Даже в том случае, когда мы еще не располагали каким-либо отдельным словом, говорившим бы нам о языке данного народа, мы уже определяли его язык» [25, р. 4].

В нашем случае речь идет о населении определенной части евразийской степи в конкретный исторический период, когда накопленные данные уверенно позволяют говорить об его тюркоязычии. Так или иначе, сама проблема идентификации тех или иных археологических объектов и проблема локализации территорий расселения отдельных племенных группировок по письменным источникам гораздо сложнее, чем это кажется со стороны. Это именно та ситуация, когда получить простые и однозначные ответы едва ли возможно.

При всей широте фонда письменных источников именно его многообразие, заключающееся в принадлежности тех или иных текстов к разным культурным традициям (мусульманские, китайские, тюркские, латинские и др.), осложняет задачу интерпретации, требующей погружения в контекст каждого отдельного сочинения через особенности самой традиции, в рамках которой оно было создано. Но даже в рамках одной традиции, в кругу источников, незначительно отдаленных друг от друга хронологически, часто бывает невозможно найти

какое-то общее решение. Свидетельство тому – различные показания ан-Насави, Джузджани и Джувейни относительно происхождения Теркен хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада. Вопрос о соотношении между собой этнонимов *кыпчак*, *йемек*, *канглы*, *байавут*, *эврэн*³, *йугур* оказывается гораздо более сложным, если именно углубляться в источники, а не стремиться искусственно «раскидать» их между собой, представляя в виде обозначения таксономических единиц разного уровня в рамках какой-то единой структуры, по принципу наподобие «клан (род) – подплемя – племя – союз племен» и т.п. (ср.: [14, с. 215]) Точно также нельзя просто так механически нанести их все на карту. Это значит, что работа с письменными источниками подразумевает не просто прочтение содержания текста и восприятие его как перечня фактов, а требует чрезвычайно критического подхода к его наполнению.

Возвращаясь к упомянутому В.А. Ивановым «механистическому “дайджесту” из средневековых нарративов и суждений предшественников» [3, с. 629], в отношении последних следует указать, что В.А. Иванов сам замечает, что «суждения предшественников» «тоже являются своего рода источниками, требующими соответствующей источниковедческой критики» [3, с. 629].

Если касаться не «обзорных», а именно самостоятельных исследовательских работ, по нашему мнению, нельзя, говоря как о «современных авторах», так и о «предшественниках», ставить в один ряд исследователей, имеющих разную специальную подготовку и, соответственно, различные возможности для работы с источниками. Наверное, мало кто из археологов стал бы спорить с утверждением, что к интерпретации вещественного материала, предпринятой археологом, уровень доверия будет выше, чем если это сделает человек, даже имеющий историческое образование, но не замеченный ранее в умении работы с материальными источниками. Точно также следует отличать выводы, основанные на работе с оригиналами письменных источников, и результаты, полученные на основе выполненного кем-то перевода, т.е. через вторичный источник. Мы не собираемся поднимать дискуссию о целесообразности переводной работы вообще или о необходимости владения языками среди исследователей, оговорившись, что не пропагандируем какую-либо из крайних позиций по каждому из этих вопросов. Об этом, в частности, неплохо сказал, Н.Н. Крадин, защищая от нападок востоковедов Т.Дж. Барфилда, а также Г.Е. Грумм-Гржимайло и Л.Н. Гумилева: «Несомненно, хорошее владение китайским языком полезно для специалиста, изучающего кочевников Внутренней Азии. Однако в силу существующего разделения наук это очень проблематично. По той же причине востоковеды, как правило, имеют менее глубокие знания в области этнологии и этнографии. В идеале было бы хорошо иметь одинаково хорошие знания в области языков, этнографии и археологии» [4, с. 209, прим. 55]. В конце концов, даже возможность исследователя читать на том или ином восточном языке еще отнюдь не гарантирует автоматически качественного выполнения им критической работы в отношении источника.

Однако, озвученный нами момент кажется важным для оценки значимости работ предшественников, которая должна быть сделана адекватно и взвешенно,

³ Обычно пишут *уран* или *оран*, но, как мы уже обращали внимание, вслед за Х. Эрénom, это, по-видимому, неправильно [14, с. 214]. Я.В. Пилипчук в своей монографии принял нашу правку без соответствующих ссылок и без каких-либо оговорок [6, с. 77].

прежде чем критиковать последователей того или иного автора. Нельзя равнять друг с другом, например, работы В.В. Бартольда и С.М. Ахинжанова – даже не потому, что исследователи жили и творили в разное время и в разных условиях для науки, а потому что это исследователи совершенно разного профиля. В.В. Бартольд как историк-филолог, владевший арабским и фарси, несомненно, лучше знал созданные в рамках мусульманской традиции сочинения, что заочно определяет уровень доверия к сделанным им на основе их анализа заключениям. При этом хорошо известно, что его совершенно не привлекала полевая работа с материальными источниками, в то время как тот же С.М. Ахинжанов был именно археологом. Когда мы говорим «нельзя равнять/сравнивать друг с другом», мы не подразумеваем то, что кто-то «лучше», а кто-то «хуже», а говорим именно о том, что каждый исследователь обладает своими преимуществами перед другими, равно в чем-то уступая. Как и человек, не имеющий возможности читать оригинал источника, бессилён перед выбором между двумя разнящимися переводами, точно так же и человек, не разбирающийся в археологических штудиях, может только слепо довериться тому или иному специалисту, при этом они оба рискуют попасть под огонь критики специалистов.

Авторы настоящей статьи только на основе бесед с коллегами-археологами могут позволить себе сделать такое, возможно, дилетантское с виду, заключение, что, например, вопросы, связанные с выявлением датирующих и/или атрибутирующих признаков тех или иных археологических объектов на основе анализа в совокупности, как всего предметного комплекса, так и конструктивных особенностей объекта, для решения столько же сложны, как и «препарирование» текста для специалистов соответствующего профиля. Игнорирование или упущение отдельных деталей чревато перегибами в интерпретации.

Таким образом, если мы сами владеем материалом, с которым работали наши предшественники, мы имеем все возможности решить для себя, результаты изысканий какого из авторов мы принимаем, лишь где-то подкорректировав, а чьи результаты мы должны пересмотреть полностью. Например, степень научной подготовки, осторожность и сдержанность суждений, как и честность перед собой и читателем в способностях решить тот или иной вопрос, характерные для работ В.В. Бартольда, навсегда оставят его работы в статусе фундамента для ученых последующих поколений. Только введение в оборот новых источников может внести какие-то коррективы в сделанные им построения. Если же речь идет об авторе, который отдавал предпочтения гипотезам, а не сдержанной критике, не всегда имея возможность сдерживать полет своей мысли, его работа устареет гораздо быстрее – даже просто потому, что следующий исследователь найдет как слабые места в его логических построениях, так и противоречия со сведениями источников. Но даже и авторы, не боящиеся гипотез, если они строят их на кропотливом анализе источникового материала, оставят после себя гораздо более богатое наследие даже в виде разрозненных источниковедческих заметок, что, например, мы можем сказать о работах Й. Маркварта или П. Пельо. Только некомпетентный критик может упрекнуть современного автора в наличии большинства ссылок на их работы и их количественное доминирование перед современными исследованиями. Последние за редкими исключениями, к которым, например, относятся работы П. Голдена, совершенно не могут быть сравнимы по глубине исследования, выверенности суждений и полноте аргументации с работами многих «современных авторов».

Поэтому следование авторов предшественникам заслуживает столько же внимания, сколько выявление происхождения или преемственности сведений, представленных в исторических текстах.

В сегодняшних условиях мы сталкиваемся с новым вызовом к исследователям. Расширение библиографии даже по одной исторической проблеме происходит чрезвычайно динамическими темпами и становится совершенно ясно, что прочитать всего невозможно – даже не по причине того, что какая-то литература может оказаться на недоступном для исследователя языке, а просто по причине нехватки времени. Однако само увеличение количества напечатанных работ не является показателем качества. Все эти работы различаются по своей научной ценности. Поэтому главной проблемой сегодня является выработка критериев, позволивших бы фильтровать бесконечно печатающиеся работы с точки зрения их ценности для науки. Эта проблема упирается в вопрос методики и методологии. Сегодня объективно уже не могут считаться конкурентоспособными работы, просто сводящие в какую-то концептуальную канву фактический материал, если речь идет о вопросах, имеющих длительную историю изучения, и точно так же мало значения имеют работы, воспроизводящие давно известные гипотезы и теории, неизвестные, правда лишь самим авторам, которые открывают что-то для себя, но на деле «изобретают велосипед». Их существование является даже не историографическим, а больше историческим фактом.

Наверняка, это мысль встретит удивленный, а, возможно, даже возмущенный вопрос: а кто судьи? Хорошо известно, что и характер критики предшественников и коллег-современников, так же как и вообще наличие или отсутствие ссылок на тех или иных авторов в определенной части случаев могут быть обусловлены не столько научными критериями, сколько личностными. Однако, отбрасывая этот аспект, касающийся, скорее, сферы этики, следует отметить, что правом оценивать качество тех или иных работ могут обладать только специалисты в конкретной области. Как археолог видит натяжки в датировке или атрибуции отдельных предметов или целых комплексов у коллег, точно так же человек, имеющий возможность работать с письменным источником, судит об уровне интерпретаций, построенных на основе текстов.

Учитывая такое объективное для наших дней явление как узость специализаций различных направлений науки даже в рамках цельных дисциплин, сегодня, как уже отмечалось выше, трудно ожидать появления широкопрофильных специалистов, поэтому остается только один выход – кооперироваться: либо осуществлять исследования, требующие работы с разнородным материалом коллективными усилиями, либо консультироваться со специалистами в тех или иных областях, или же – ограничивать себя в задачах. Современная картина иногда напоминает своеобразное соревнование между авторами по написанию работ, при том, что каждый из них осуществляет свою деятельность словно в изоляции от остального научного мира. Главный приоритет – не продвинуть вперед изучение какой-либо проблемы, а просто заявить о себе, сказать свое слово. Погоня за оригинальностью и сенсационностью при пренебрежении историографией и отсутствии внимания к методологическим вопросам, однако, сводит ценность таких работ к нулю. Занятие наукой превращается именно в творчество, самореализацию, что приближает его, скорее, к

журналистике. Однако, если подходить к проблеме честно, следует заявить, что сегодня нельзя просто так прийти «с улицы» и написать, например, «Историю кыпчаков», даже просто собрав доступные переводы исторических текстов и механически выстроить извлеченный фактический материал, не углубляясь ни в критику источников, ни в полемику с другими авторами⁴. При этом и сама полемика, как ясно из всего выше сказанного, должна строиться отнюдь не по принципу «тот-то считает так-то, тот-то так-то, а вот мы считаем так-то»: обращение к источниковому материалу здесь необходимо и неизбежно.

Другой вопрос – это общее снижение научного уровня сегодня, по крайней мере, на пространствах бывшего Советского Союза, где отсутствует сама по себе система подготовки качественных специалистов уровня В.В. Бартольда или современных исследователей ведущих зарубежных школ. Преимущества последних в знании языков (как современных, так и древних) и владении исследовательской методологией задают темп работы и эталон, к которому нужно стремиться. Достаточно указать на слова А. Рона-Таша, сказанные касательно изучения в венгерской традиции хазарской проблематики: «...исследователи уделяли основное внимание изучению филологических и лингвистических проблем, пытаясь в то же время обойти исторические. Этому есть много причин. Одна из них в том, что после прихода к власти коммунистов в Венгрии многие ученые определили себя как лингвисты, поскольку историки были вынуждены полностью освоить марксистскую идеологию, тогда как лингвисты могли обходиться несколькими цитатами...» [11, с. 112, 121, прим. 9]. Нас волнуют в данном случае не коммунисты, а сам тот факт, что исследователи смогли при необходимости легко и быстро переквалифицироваться из историков в лингвисты. Можно ли такое было представить в Советском Союзе или в любом из сегодняшних постсоветских государств? Многие зарубежные школы не утратили связи с традициями классической науки, когда филология считалась прикладной дисциплиной и неотъемлемой составляющей исторических исследований (достаточно вспомнить работы Й. Маркварта в Германии и П. Пельво во Франции), а в той же Венгрии, где интерес к языкам всегда был особо сильным⁵, основатель «будапештской школы» Л. Лигети, «ключевая фигура в венгерской ориенталистике»⁶, сам будучи, прежде всего, лингвистом, считал, что изучение языка какого-либо народа должно происходить в тесной связи с его

⁴ Достаточно просто указать на появившиеся в последние годы совершенно дилетантские статьи и книги Ю.А. Евстигнеева. Наиболее показательный пример того, как абсолютно ничего не смыслящий в предмете изучения автор, при абсолютном незнании ни источников, ни литературы, берется решать глобальные вопросы, апеллируя, соответственно, к давно устаревшим гипотезам и несостоятельной методологии. О творениях этого автора можно было бы не упоминать, если бы они не выпускались в научных изданиях. Специалистам очевидно, что это профанация, но неподготовленный читатель, неспособный различить качество продукта, оказывается в зоне риска.

⁵ Особенно к алтайским, что, впрочем, было обусловлено самой историей венгерского народа, тесно связанной с тюркским миром [22].

⁶ «Лигети был вице-президентом Венгерской академии наук, президентом ее Восточной комиссии, основателем *Acta Orientalia*, главой факультета Центральной Азии, Института изучения Китая и Дальнего Востока, а также некоторое время стоял во главе факультета тюркологии в Будапештском университете. Почти все венгерские ученые-ориенталисты (тюркологи, монголоеды, тибетологи, синологи и др.) после 1945 г. были его учениками, или, по меньшей мере, он сыграл значительную роль в их карьере» [11, с. 111, 121, прим. 6].

историей и прививал этот взгляд своим ученикам [12, с. 157, 158]. Именно за счет внимания к «филологическим и лингвистическим проблемам», венгерскими исследователями было сделано очень многое в области изучения этнонимии, личной ономастики, титулатуры и вообще в сфере лингвистических контактов кочевнических общностей.

Объективно приходится признать, что работы обреченных заочно на слишком узкую подготовку, например, российских исследователей, слишком часто подвержены методологическому детерминизму – когда исследователь оказывается неспособным взглянуть на предмет исследования, не выходя за рамки тех схем, которые начертаны его специальностью. Это ограничивает потенциал самих работ и снижает их конкурентоспособность. Это уже другая проблема, перед которой стоит, в частности, российская наука (вообще на постсоветском пространстве в целом дела не лучше), не имеющая прямого отношения к дискуссии.

Минувший 2018 год отмечен выходом трех монографий, где, так или иначе, затрагиваются вопросы, озвученные В.А. Ивановым. Это, во-первых, монография А.А. Порсина «История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра» [7], затрагивающая, на самом деле, гораздо более широкий круг вопросов и тематически, и хронологически, чем это заявлено в названии; во-вторых, монография украинского исследователя Я.В. Пилипчука «Соціальна історія кипчаків у IX – XIII ст.» [6], наверное, первая попытка создания подобной работы, также затрагивающая значительный спектр проблем, часто не имеющих непосредственного отношения к собственно социальной истории, но очень важных в целом; в-третьих, книга Д.М. Тимохина и В.В. Тишина «Очерки истории Хорезма и восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII в.» [15]. Все три отличаются походом к источниковому материалу. Мы не можем здесь обсуждать те или иные позиции двух других авторов, наших коллег, имея значительные разногласия с ними, но отметим, что в нашей работе как раз была предпринята попытка специально разобраться с проблемами племенной структуры и локализации тех или иных кочевнических групп Восточного Дешт-и Кыпчака в исторический период, предшествовавший монгольскому завоеванию⁷. Нам не хочется, чтобы наши слова были интерпретированы как реклама своей работы, но думается, не будет ничего предосудительного, если в данной статье мы будем опираться на результаты проделанных исследований.

Чтобы адекватно смотреть на проблемы истории Дешт-и Кыпчака домонгольского периода и, в частности, распределить между собой весь калейдоскоп известных этнонимов, недостаточно просто прочитать источники. Появление любого отдельного на страницах того или иного исторического сочинения является не просто отражением в тексте каких-то реалий, которые мы не поймем, если не признаем тот факт, что оно имеет свою историю, связан-

⁷ К сожалению, книга вышла с множеством досадных опечаток и даже пропусков. В частности, автор настоящей статьи уже принес свои извинения П.Б. Голдену за такой досадный момент, что, например, его фамилия, в тех местах, где следует читать ее в именительном падеже стоит в форме родительного. Несмотря на это, думается, мы сумели достичь определенного научного результата, при том, что нам уже сейчас, спустя некоторое время после издания этой работы, очевидны и более важные недостатки именно научного характера.

ную непосредственно с личностью автора источника. Почему ан-Насави, Джузджани и Джувейни по-разному говорят о происхождении Теркен хатун? В одном случае – это племя (перс. *қабїлаҳ* قبيلة [qbylh], араб. *‘ашйрат* عشيرة [‘šyrt]) *байāvūt* بياوت [byâwwt]), являющееся одной из ветвей (перс. *фарӯ* فرو [frwʻ], араб. *фараг* فرع [frġ]) *йемеков*⁸, в другом – племя *канглы*, в третьем – ее отец зовется ханом *кыпчаков* [23, s. 171, anm. 1; 19, p. 23, note 78; 2, с. 206, 235–236]⁹. Как это соотносится с тем, что у того же Джузджани, равно как и в других, в сущности, синхронных источниках (монгольских, западно-европейских, китайских и др.) *кыпчаки* и *канглы* упоминаются как два равнозначных этнонима, маркирующие, как можно подумать, разные общности, а, например, в сочинениях мусульманских авторов наименования *канглы* и *йемек* фигурируют среди названий других племен *кыпчаков*? (см.: [15, с. 99–103])? Как с этим соотносится тот факт, что правитель Делийского султаната Улуг хан-и Аджам (Гийас ад-Дин Балбан, правил в 1266–1287 гг.) назван у Джузджани «ханом *йлбры* [ylbry] и шахом *йемеков*» [23, s. 171–172; 21, p. 107]? Откуда в этом случае в 1183 г. в Поволжье появились *половцы емякове*, т.е. носители наименования *йемек* [20, p. 121]?

Следует сразу оговорить, что относительно первого из примеров в недавно вышедшей статье нам удалось привести доказательства в пользу того, что основное противоречие в отношении происхождения Теркен хатун в большей степени связано с отражением этого в исторических источниках с одной стороны, и желанием многих исследователей найти в ее противостоянии с Джалал ад-Дином Манкбурны межплеменной конфликт – с другой стороны (см.: [16]). Относительно второго момента: в главном источнике по данной проблеме, труде ан-Насави, не упоминается племенная принадлежность ай-Чичек, матери Джалал ад-Дина, и это единственная причина, по которой ее относят к другому тюркскому кочевому племени. Последнее абсолютно бездоказательно на уровне исторических источников, однако становится объектом длительной историографической дискуссии и многочисленных вариантов реконструкции племенной принадлежности ай-Чичек. Однако подробный анализ труда ан-Насави позволяет предположить и доказать тот факт, что обе указанные правительницы вполне могли принадлежать к одной и той же племенной структуре, а персидский историк сознательно не привел указание на это в своем труде. При этом в своем же труде ан-Насави однозначно указывает на то, что у хорезмшахов рождались дети только от «дочерей кыпчакских владык», что также подтверждает единство племенного происхождения обеих правительниц Хорезма: «Кипчакские племена были связаны с этим домом (хорезмшахов) дружбой и любовью, так как и в давние времена и ныне у них рождались дети только от матерей из числа посватанных и введенных в этот дом дочерей кыпчакских владык. Поэтому Чингиз-хан и его сыновья сделали все для полного уничтожения кыпчаков, так как те были опорой силы хорезмшахов, корнем их славы и основой многочисленности их войск» [5, с. 220]. Что же касается противоречивых данных относительно происхождения самой Теркен хатун в исторических источниках, то, с нашей точки зре-

⁸ Ранее мы приводили только передачу оригинальных слов лишь из арабского перевода ан-Насави [15, с. 102].

⁹ Мы не касаемся уже явно поздних версий, например, аз-Захаби или Ибн Халдуна о каракитайском происхождении Теркен хатун [18, p. 144].

ния, никакого противоречия в свидетельствах ан-Насави, Джувейни и Джузджани относительно ее происхождения нет. Ответ следует искать в понимании средневековыми историками указанных этнонимов: авторы данной работы показали, что этноним *кыпчак* в рассматриваемый период обладал более широким значением, чем *йемек* и *канглы*. Оба последних использовались для обозначения более конкретной кыпчакской группировки, распространившей свои владения в степях Восточного, Южного и Центрального Казахстана, доходя до низовьев Сыр-Дарьи [16, с. 96]. Таким образом, одновременно все три средневековых автора указывают на кыпчакское происхождение матери Ала ад-Дина Мухаммада, приводя разные, известные им, группировки, входившие в состав кыпчаков.

Эти и многие другие случаи позволяют только лишь расположить этнонимы *байавут*, *эврэн*, **ольберли(г)* в условной таксономической схеме ниже, чем *кыпчак*, *йемек* и *канглы*. Употребление же последних в синхронных источниках тоже не оставляет ясности. Только этноним *кыпчак* фигурирует как единица наиболее высокого уровня. При этом этноним *канглы*, появившись только после, по крайней мере, третьей четверти XI в., потому что его нет у Махмуда ал-Кашгари, фигурирует у различных мусульманских авторов в составе кыпчакских племен [20, р. 115], как и *йемек*, известный, однако, гораздо раньше [20, р. 121]. Это не значит, что, даже при учете всех этих контекстов, следует говорить об одном и том же этнониме в привязке с историей одной общности. В истории кочевников хорошо известны явления, когда наименование одной кочевнической группы, занявшей доминирующее отношение над другими, распространяется на них в качестве своеобразного политонима, при этом все они, как доминирующая, так и подчиненные группировки, сохраняют и свои изначальные названия. В результате распада этого объединения в силу тех или иных причин, название доминирующей группы может унаследовать (или присвоить) любая из групп, прежде носивших подчиненное положение, наряду с тем, что оно сохраняется у самой той общности, носившей его изначально как собственное название. Точно также и любая из таких общностей может подвергнуться распаду или разделению, но при этом обе могут носить одно и то же имя, даже оказавшись со временем в разных географических регионах и вобрав в себя элементы других общностей. Динамичность всех этих процессов, связанных с миграциями, образованием, распадом, разделением отдельных кочевнических групп обусловила гибкость самой социальной организации кочевников, где как численность и состав таксонов, как соотношение между ними, были такими же изменчивым [24, о. 25–47]. При всей подвижности сегментов, составляющих структуру их социальной организации для самих кочевников представления об иерархическом соотношении тех или иных кочевнических групп, носящих свои наименования, существовали скорее в форме некоей теоретической модели, при том, что и представления о месте той или иной единицы, когда речь идет о сегментах низших уровней, были у них достаточно смутными, и сама терминология, используемая для обозначения этих сегментов, была весьма расплывчата [17, с. 217–222]. Насколько все эти процессы были ясны и уловимы иноземным историкам? Могли ли они получить адекватное отражение в их сочинениях?

Несмотря на то, что факторы, способствующие формированию крупных кочевнических объединений, условия и ход этого процесса в каждом случае могут быть разными, важнейшим является то соображение, что эти объединения всегда были многокомпонентны, а элементарной единицей также выступали группы, состоящие из нескольких семей, родственных или неродственных, объединенных хозяйственными интересами, которые еще Г. Вамбери предложил условно называть *аул*. И именно процессы объединения, отсоединения и перемещения таких групп обуславливают то обстоятельство, что такие созданные ими образования любой численности не могут рассматриваться как «этнические» в привычном значении этого слова [27, s. 181–185]. Это то, почему в отношении любых кочевнических общностей лучше не употреблять слов типа «народ», «народность», «этнос», как с большой оговоркой употреблять и определение «этнический».

На основе анализа различных источниковых данных мы пришли к согласию с С.Г. Кляшторным, считавшим, что *канглы* представляло собой изначально локальное название группы кыпчакских племен в долине Средней Сыр-Дарьи, став таковым уже однозначно к XII в. [15, с. 120–121]. Этот район, у северных границ Хорезма, фигурирует в источниках как один из основных центров их активности. И как раз где-то здесь произошла и битва войск хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада с монголами в 1218 г., как нам удалось установить, обратив внимание на указание С.Г. Агаджанова о том, что в XII в. русло р. Иргиз, где локализуется битву ан-Насави, доходило до бассейна р. Сыр-Дарьи [1, с. 155; 15, с. 133–134, 234]. Такая локализация места, не севернее линии Арал–Балхаш, и хорошо вписывается в исторический контекст, и пресекает вопросы о логичности локализации битвы где-то еще, совсем далеко от Хорезмийских территорий¹⁰. При этом корреляция названия *канглы* с наименованием *йемек* может быть также объяснена тем, что в течение какого-то исторического периода *канглы* распространили свое влияние на территории, исторически связанные с расселением племенной группировки *йемек*, имя которой уже в эпоху Махмуда ал-Кашгари (третья четверть XI в.) носила локальная племенная группа на левом берегу Иртыша. При этом сама эта группа, получившая когда-то название *канглы*, скорее всего, была тесно связана с *йемеками* таким образом, что прежде входила в состав той же племенной группировки, т.е. в период т.н. Кимекского каганата¹¹. В период, когда писалось сочинение ан-Насави, это был уже явный анахронизм. В частности, в китайских источниках, а также в ряде мусульманских (Джувейни, Рашид ад-Дин), когда речь заходит о событиях второй половины XII в., *канглы* помещаются именно на Верхнем Иртыше и о них говорится как о соседях *найманов* [15, с. 143–145]. Однако, ничто не позволяет исключать, что та же группа племен *канглы* использовала и наименование *йемек*.

Таким образом, встречая наименование *йемек* на Иртыше и на Волге в одно и то же время, мы не хотим сказать, что речь идет о какой-то одной группировке. На Волге вполне могла оказаться и самостоятельная группа, когда-то

¹⁰ В цитируемой В.А. Ивановым нашей работе этому важнейшему моменту не было уделено внимания [3, с. 629]. Однако вопрос был специально разобран нами в другой публикации: [13].

¹¹ Вопрос о соотношении названий *йемек* ~ *кимек* мы не имеем возможности здесь затронуть.

откочевавшая от иртышских сородичей, попавших под власть *канглы*. Аналогично может объясняться и употребление у Джузджани во взаимосвязи наименований *بَلْبَرِي* [*ylbry*], отождествляемого с **ольберли*(г), и *йемек*. И точно так же это автоматически не означает, как при этом и не исключает того, что *половци емякове*, единожды упомянутые в древнерусских летописях, были связаны с той самой нижневолжской группировкой **ольберли*(г). В.А. Иванов склонен отождествлять последних с упоминаемой в древнерусских памятниках ордой *Боурчевичей* [3, с. 622–623]. Но как в таком случае объяснить тот факт, что мусульманские источники упоминают *бурджоглы* и **ольберли*(г) как названия двух разных племен, при том, что ад-Димашки вовсе связывает первых со степью, пограничной с Хорезмом [20, р. 110, 116–117]?

А как быть с распределением наименований *байавут*, *эврэн*, *йугур* [20, р. 110, 117–118, 121]? Про второй мы ничего сказать не можем, кроме того, что он совпадает с тюркским словом, имеющим значение ‘змея’. Для этимологизации первого из упомянутых выше этнонимов П.Б. Голден предложил наиболее оптимальную версию – как кыпчакизированный вариант исходного *bajayut* (при *-ayu-* > *-awu-*), известного в лексиконе древнеуйгурских памятников в значении ‘торговец’ [20, р. 110], что, по-видимому, никак не связано с известным в огузской среде наименованием *bajat* и монгольским *bajayut* ~ *baja'ut*. При этом «Юань ши» 元史 дает косвенные основания связывать **ольберли*(г) и *байавут*, где в реконструируемом сочетании **ольберли*(г) *байавут* обе его части могут рассматриваться и как двойной этноним, т.е. две единицы выступают как таксономически равноправные, либо первый должен иметь расширительное значение, и точно так же первое может выступать как название местности [15, с. 115, 119]. С наименованием *йугур* все тоже, более или менее, ясно: это образовавшая в результате метатезы форма от исходного *уйгур* [20, р. 103, 121].

Оба наименования заставляют нас углубиться в процессы, связанные с миграциями и формированием племенных группировок на территории Восточного Дешт-и Кыпчака, и, по-видимому, нет ничего удивительного в том, что на конец XII в. мы можем наблюдать в составе племен Дешт-и Кыпчака наименования группировок, чьи корни уходят дальше, на восток, углубляя нас в эпоху, связанную с распадом Уйгурского каганата [15, с. 130–137, 206–222]. При этом надо учитывать, что мы видим лишь некую преемственность этнонимов, история кочевания которых отнюдь не тождественна истории конкретных общностей.

Можно ли здесь дать конкретные ответы на вопросы, связанные с отождествлением тех или иных кочевых групп? Именно их, по-видимому, хотел бы видеть В.А. Иванов. Однако мы можем, в свою очередь, посмотреть с другой стороны. Какие есть у археологов на сегодняшний момент возможности помочь науке в привязке тех или иных общностей, в конкретный исторический период носивших какой-либо известный по источникам этноним, к какому-либо археологическому объекту или, лучше, комплексу объектов? Если, допустим, наука располагает возможностями выделить для тех или иных групп памятников «критерий “кыпчакскости”» [3, с. 630], подразумевая под этим возможность отделить их от памятников, например, огузо-печенежского круга, то есть ли у археологов какие-то основания для выделения внутри этой совокуп-

ности памятников критериев «канглыскости», «ольберли(г)скости», «байавутскости», «йугурскости» и др.? Какие характеристики могут точно так же отделить друг от друга группировки, например, огузского или печенежского круга? Несмотря на то, что как мусульманские, так византийские и древнерусские источники упоминают *печенегов* и *огузов/торков* как две равнозначные по политическому статусу общности, каждая из которых имеет и свой ареал кочевания, и свою внутреннюю структуру (к тому же, они враждуют между собой), огузо-туркменская традиция упоминает имя *печенег* в составе племенной структуры огузов, что подтверждается и соответствующим топографическим материалом более поздних эпох, относящимся к тем территориям, где появления печенегов письменными источниками не отмечено, например, в Малой Азии и Сирии [26, с. 36–37, 175, 180, 320–323]. Это по-разному можно интерпретировать: связывать с печенегами, находившимися на службе у византийцев, в 1071 г во время битвы при Манцикерте перешедших к сельджукам [26, с. 54, 102], либо, как Фарук Сюмер, изначально говорить о сосуществовании двух группировок с одинаковым названием, исторически, несомненно, связанных, но выступающих в разном политическом статусе или, как мы условно говорим, представленными единицами различного таксономического уровня.

В любом случае даже факты вариативности представленного в погребениях предметного комплекса различной степени, как и локальные особенности погребально-поминальной обрядности (способ захоронения, положение и ориентировка погребенного при ингумации, наличие/отсутствие сопроводительного захоронения животного или его частей, положение и ориентировка животного при наличии, конструкция погребально-поминальных сооружений и т.д.) у населения определенной территории в конкретный хронологический отрезок вполне ожидаемые, учитывая многокомпонентность политических объединений кочевников, не могут служить основательным критерием для привязки их к известной по письменным памятникам этнонимам. Примером, отражающим такой случай, может служить ситуация в восточной части Казахстана, Западной и Южной Сибири, где мы будем пытаться разобраться с населением эпохи Кимекского каганата. Но даже если речь идет о тех случаях, когда картина не так значительно разнообразна, как, например, в Северо-причерноморских степях¹², то и в этом случае, как мы видели выше с *бурджоглы/Боурчевичами* и **ольберли(г)/Отперлюеве ~ Оперлюеве*, не так все просто. Думается, чрезвычайно сложно у кочевников, идентифицировавших себя, даже принадлежа к разным племенам, в рамках одной общности, ожидать каких-то ярких признаков, позволивших бы четко отделить одно условное племя от другого, а, тем более, если в источниках нет четкого понимания, насколько данное именование соответствует условному племени или социальной единице более низкого таксономического уровня. Как предостерегал еще А.М. Хазанов, «всегда есть риск, что археологические данные об отдельном сегменте общества могут быть ошибочно распространены на таксономические подразделения более высокого уровня, особенно если этому сегменту присущи некоторые культурные особенности» [17, с. 28].

В связи с этими вопросами нельзя обратить внимание на проблему собственно возможностей археологов на сегодняшний день. Если в отношении

¹² Иногда некорректно именуемых по традиции «Южнорусскими».

западной части Дешт-и Кыпчака благодаря целым поколениям археологов, в том числе трудам самого В.А. Иванова, мы обладаем достаточно солидным материалом, то совсем иначе обстоит дело с его восточной частью. Плохая изученность в археологическом отношении территории Казахстана на предмет выявления т.н. «средневековых» памятников едва ли пока может дать нам возможности искать в скудном материале какие-то конкретные племенные группировки.

Источником, гораздо больше перспективным для таких идентификаций, может служить тамговый материал. Именно последнее десятилетие, пожалуй, у исследователей наметился особый всплеск внимания к этому источнику. Однако, если говорить о тамговом материале с территории Дешт-и Кыпчака интересующей нас эпохи, то на данный момент, насколько можно судить по результатам последних исследований, активно проводимых, в частности, на территории Казахстана, именно период XI–XIII вв. в этом отношении остается «белым пятном», в то время как тамговый материал предыдущего периода, который можно назвать «тюркским» или, по нашему мнению, лучше «древнетюркским», как и материал постмонгольского времени, очень богат [8; 9; 10].

Мы хотели бы предложить В.А. Иванову изменить постановку проблемы, несколько переместив акценты. Нам кажется, что сам факт выхода его статьи свидетельствует о несомненной актуальности поднятой им проблемы, но, как мы попытались объяснить, не совсем правомерно винить в ней коллег, работающих с письменными источниками. Мы попытались кратко объяснить все обстоятельства, обуславливающие объективную сложность затрагиваемой проблематики, и, понимая претензии археологов, хотелось бы выразить надежду также на взаимное понимание и с их стороны. По нашему мнению, вместо взаимных нападок друг на друга среди специалистов в различных сферах гораздо лучше было бы перейти к кооперации усилий и созданию комплексных исследований, как раз за которыми и есть будущее исторической науки, как можно думать, исходя из тех тенденций, которые мы также попытались обозначить. Точно так же, как безвозвратно ушло время энциклопедистов, уходит то время, когда узкий специалист, будь то историк, филолог, археолог или антрополог/этнолог, может в одиночку решить какую-то глобальную проблему. Возрастающие требования к качеству исследований, требующие углубленности и в то же время всесторонности, постепенно оставляют нам возможность заниматься узкими проблемами, в которых мы можем считать себя компетентными, и одновременно препятствуют попыткам интервенции в смежные отрасли, в которых работают годами оттачивающие мастерство специалисты. Что же касается истории Дешт-и Кыпчака домонгольского времени, хотя она еще не написана, но вообще после многочисленных работ П.Б. Голдена едва ли тут остаются какие-либо слабо разработанные вопросы, которые можно затронуть на основе письменных источников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агаджанов С.Г. Очерки истории огузов и туркмен Средней Азии IX–XIII вв. Ашхабад: Ылым, 1969. 296 с.
2. Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алматы: Гылым, 1995. 296 с.

3. *Иванов В.А.* Кочевники Золотой Орды в восприятии современных историков // Золотоордынское обозрение. 2018. Т. 6, № 3. С. 618–634.
4. *Крадин Н.Н.* Монгольская империя в современной западной историографии // История Небесной империи, Т. I: История первых пяти ханов из дома Чингисова / под ред. Ларичева В.Е.; пер. с маньчж. Тюрюминой Л.В. и Каменского П.И.; коммент. Тюрюминой Л.В. Новосибирск: Изд-во ИАЭ СО РАН, 2011. С. 201–218.
5. *ан-Насави Шихаб ад-Дин Мухаммад.* Жизнеописание султана Джалал ад-Дина Манкбурны / Пер., предисл., коммент., примеч. и указатели Буниятова З.М. Баку: Элм, 1973. 450 с.
6. *Пилипчук Я.* Соціальна історія кипчаків у IX–XIII ст. Київ; Вінниця: Національний педагогічний університет ім. М.П. Драгоманова, ТОВ «ТВОРИ», 2018. 340, [20] с.
7. *Порсин А.А.* История Золотой Орды конца XIII – начала XIV века в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-Фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
8. *Рогожинский А.Е.* Тамги-петроглифы средневековых кочевников Казахстана: итоги новейших исследований и перспективы дальнейшего изучения // «Тарихи-мәдени мұра және заманауи мәдениет» халықаралық ғылыми-тәжірибелік семинарының материалдар жинағы / Сборник материалов международного научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура» [30 ноября 2012 г. Алматы, 2012] / ред. кол.: Телебаев Г.Т., Мухамеджанова Н.С., Рогожинский А.Е. Алматы: Service Press, 2012. С. 91–104.
9. *Рогожинский А.Е.* Проблемы изучения удостоверительных знаков средневековых кочевников Казахстана // Известия Национальной академии наук Республики Казахстан. Сер. общ. и гум. наук. 2013. № 3. С. 226–240.
10. *Рогожинский А.Е.* Знаки собственности и власти древних и средневековых обитателей казахской степи // Археологическое наследие Сибири и Центральной Азии (проблемы интерпретации и сохранения): мат-лы междунар. конф. / под ред. Боброва В.В. Кемерово: Кузбассвуиздат, 2016. С. 53–63.
11. *Рона-Таи А.* Хазары и мадьяры // Хазары / ред. кол.: Петрухин В., Москович В., Федорчук А., Кулик А., Шапира Д. Иерусалим: Гешарим; М.: Мосты культуры, 2005 (Евреи и славяне. Вып. 16). С. 111–124.
12. *Санжеев Г.Д.* Академик Лайош Лигети и развитие алтаистики в Венгрии // Народы Азии и Африки. 1962. № 5. С. 155–158.
13. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* К вопросу о локализации «сражения на Тургайской равнине» между армией Хорезма и монгольским корпусом Джучи-хана // XIII Фаизхановские чтения. Наследие Золотой Орды в Государственности и культурных традициях народов Евразии: материалы международной научно-практической конференции. Санкт-Петербург, 4–6 мая 2016 г. / редкол.: Мухетдинов Д.В. (пред.), Зайцев И.В., Тишин В.В. (отв. ред.), Хабутдинов А.Ю., Хайретдинов Д.З., Юзев А.Н. М.: Издательский Дом «Медина», 2017. С. 516–533.
14. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* [Рец. на] Пилипчук Я.В., Сабитов Ж.М. Очерки этнополитической истории кипчаков [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Астана, Ғылым, 2015. 248 с. // Восток (Oriens). 2017. № 6. С. 210–218.
15. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Очерки истории Хорезма и восточного Дешт-и Кыпчака в XI – начале XIII в. М.: ИВ РАН. 2018. 380 с.
16. *Тимохин Д.М., Тишин В.В.* Происхождение Теркен-хатун, матери хорезмшаха Ала ад-Дина Мухаммада: к проблеме соотношения этнонимов в восточном Дешт-и Кыпчаке в XII – начале XIII вв. в исторических источниках // Материалы II-й научной конференции средневековой истории Дешт-и Кыпчака. Павлодар: ТОО НПФ «ЭКО», 2018. С. 83–103.
17. *Хазанов А.М.* Кочевники и внешний мир. Изд. 3-е, доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. 604 с.

18. *Biran B.* The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 298 p.
19. *Golden P.B.* Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986 [1988]. T. VI. P. 5–29.
20. *Golden P.B.* Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq clans and tribes // *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995–1997. Vol. IX. P. 99–122.
21. Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou / Traduit et annoté: Pelliot P. et Hambis L. Leiden: E.J. Brill, 1951. T. I. xxvii + 485 p.
22. *Ligeti L.* Az Akadémia könyvtára és az orientalisztika // *Magyar Könyvszemle*. 1977. XCIII évf. 1. szám 1. 3–13. o.
23. *Marquart J.* Über das Volkstum der Komanen // *Bang W., Marquart J.* Ostturkische Dialektstudien. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914 (Abhandlungen der Koeniglichen Gesellschaft der Wissenschaften zu Goettingen, Philologisch-historische Klasse, Neue Folge, Bd. XIII, № 1). S. 25–238.
24. *Németh Gy.* A honfoglaló Magyarorszag kialakulása. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397. o.
25. *Sinor D.* Reflections on the history and historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. Vol. 58(1): Proceedings of the First International Conference on the Mediaeval History of the Eurasian Steppe: Szeged, Hungary May 11–16, 2004: Part I. 2005. P. 3–14.
26. *Sümer F.* Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. bk. Ankara, 1972 (Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları: 170). xv + 532 s.
27. *Vámbéry H.* Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. xii + 638 s.

Сведения об авторах: Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник ФГБУН Института востоковедения РАН (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН (670047, ул. Сахьяновой, 6, Улан-Удэ, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

Поступила 22.04.2020 Принята к публикации 14.08.2020
Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Agadzhanov S.G. *Ocherki istorii oguzov i turkmen Sredney Azii IX–XIII vv.* [Essays of the History of the Oghuz and Turkmens from the ninth to thirteenth centuries]. Ashkhabad: Ylym, 1969. 296 p. (In Russian)
2. Akhinzhanov S.M. *Kypchaki v istorii srednevekovogo Kazakhstana* [Kipchaks in the History of Medieval Kazakhstan]. Almaty: Gylym, 1995. 296 p. (In Russian)
3. Ivanov V.A. Kochevniki Zolotoy Ordy v vospriyatii sovremennykh istorikov [Nomads of the Golden Horde in the perception of modern historians]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2018, vol. 6, no. 3, pp. 618–634. DOI: 10.22378/2313-6197.2018-6-3.618-634 (In Russian)
4. Kradin N.N. Mongol'skaya imperiya v sovremennoy zapadnoy istoriografii [The Mongol Empire in the modern historiography]. *Istoriia Nebesnoi imperii*, Tom 1. *Istoriya pervykh pyati khanov iz doma Chingisova* [History of the Heaven Empire, Vol. 1: History of the First Khans of the Chinggis's Dynasty]. Larichev V.E. (ed.), Tyuryumia L.V.,

Kamensky P.I. (trans.). Novosibirsk: Institute of Automation and Electrometry of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 2011, pp. 201–218. (In Russian)

5. An-Nasavi Shikhab ad-Din Mukhammad. *Zhizneopisanie sultana Dzhahalal ad-Dina Mankburny* [The Life of Sultan Jalal al-Din Mankburny]. Buniyatov Z.M. (trans.). Baku: Elm, 1973. 450 p. (In Russian)

6. Pilipchuk Ya. *Sotsial'na istoriya kipchakiv u IX–XIII st.* [A Social History of Kipchaks from the ninth to thirteenth centuries]. Kiyv, Vinnitsia: M.P. Dragomanov National Pedagogical University, 2018. 340, [20] p. (In Ukrainian)

7. Porsin A.A. *Istoriya Zolotoy Ordy kontsa XIII – nachala XIV veka v trude Rukn ad-Dina Beibarsa al-Mansuri “Zubdat al-Fikra”* [History of the Golden Horde of the late thirteenth and early fourteenth centuries in the work of Rukn ad-Din Beybars al-Mansuri “Zubdat al-fikra”]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)

8. Rogozhinsky A.E. Tamgi-petroglify srednevekovykh kochevnikov Kazakhstana: itogi noveishikh issledovaniy i perspektivy dal'neyshego izucheniya [Tamgha-petroglyphs of medieval nomads of Kazakhstan: Results of recent researches and perspectives of future studies]. *Sbornik materialov mezhdunarodnogo nauchno-prakticheskogo seminara “Istoriko-kul'turnoe nasledie i sovremennaya kul'tura”* (30 noyabrya 2012 g. Almaty, 2012) [Proceedings of the International Seminar “Historic Cultural Heritage and Modern Culture” (November 30, 2012, Almaty)]. Telebaev G.T., Mukhamedzhanova N.S., and Rogozhinsky A.E. (eds). Almaty: Service Press, 2012, pp. 91–104. (In Russian)

9. Rogozhinsky A.E. Problemy izucheniya udostoveritel'nykh znakov srednevekovykh kochevnikov Kazakhstana [Problems of studying the certifying signs of medieval nomads of Kazakhstan]. *Izvestiya Natsional'noy akademii nauk Respubliki Kazakhstan* [News of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan (Social Sciences and Humanities Series)]. 2013, no. 3, pp. 226–240. (In Russian)

10. Rogozhinsky A.E. Znaki sobstvennosti i vlasti drevnikh i srednevekovykh obitateley kazakhskoy stepi [Signs of ownership and power of ancient and Medieval inhabitants of Kazakh steppe]. *Arkheologicheskoe nasledie Sibiri i Tsentral'noi Azii (problemy interpretatsii i sokhraneniia): mat-ly mezhdunar. konf.* [Archaeological Heritage of Siberia and Central Asia: Proceedings of International Conference]. Bobrov V.V. (ed.). Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 2016, pp. 53–63. (In Russian)

11. Rona-Tas A. Khazary i mad'yary [The Khazars and Magyars]. *Khazary* [The Khazars]. Petrukhin V.V., Moskovich V., Fedorchuk A., Kulik A., and Shapira D. (eds). Jerusalem: “Gesharim”; Moscow: “Bridges of culture”, 2005, pp. 111–124. (In Russian)

12. Sanzheev G.D. Akademik Lajos Ligeti i razvitie altaistiki v Vengrii [Academician Lajos Ligeti and development of Altaic studies in Hungary]. *Narody Azii i Afriki* [Peoples of Asia and Africa]. 1962, no. 5, pp. 155–158. (In Russian)

13. Timokhin D.M., Tishin V.V. K voprosu o lokalizatsii “srazheniya na Turgayskoy ravnine” mezhdru armiey Khorezma i mongol'skim korpusom Dzhuchi-khana [On the problem of localization of the battle between Khwarazmian troops and Mongol army of Jochi Khan]. *XIII Faizkhanovskie chteniya. Nasledie Zolotoy Ordy v Gosudarstvennosti i kul'turnykh traditsiyakh narodov Evrazii: materialy mezhdunarodnoy nauchno-prakticheskoy konferentsii. Sankt-Peterburg, 4–6 maya 2016 g.* [The Thirteenth Faizkhanov Readings: The Heritage of the Golden Horde in the Nationhood and Cultural Traditions of the Peoples of Eurasia. Proceedings of International Research Conference (St. Petersburg, May 4–6, 2016)]. Mukhetdinov D.V., Zaitsev I.V., Tishin V.V., Khabutdinov A.Yu., Khayretdinov D.Z., and Iuzeev A.N. (eds). Moscow: “Medina”, 2017, pp. 516–533. (In Russian)

14. Timokhin D.M., Tishin V.V. [Review on] Pilipchuk Ia.V., Sabitov Zh.M. Ocherki etnopoliticheskoy istorii kypchakov [Essays on Ethnic and Political History of Kipchaks]. Astana, Gylym, 2015. 248 s. *Vostok (Oriens)*. 2017, no. 6, pp. 210–218. (In Russian)

15. Timokhin D. M., Tishin V.V. *Ocherki istorii Khorezma i vostochnogo Desht-i Kypchaka v XI – nachale XIII v.* [Essays of the History of Khwarazm and the Desht-i

Kipchak from the eleventh to early thirteenth century]. Moscow: Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, 2018. 380 p. (In Russian)

16. Timokhin D.M., Tishin V.V. Proiskhozhdenie Terken-khatun, materi khorezmshakha Ala ad-Dina Mukhammada: k probleme sootnosheniya etnonimov v vostochnom Desht-i Kypchake v XII – nachale XIII vv. v istoricheskikh istochnikakh [An origin of Terken Khatun, mother of Khwarazmshah Ala al-Din Muhammad: Toward the problem of correlation between ethnonyms in the Eastern Desht-i Kipchak in the early thirteenth century in historical sources]. *Materialy II-i nauchnoy konferentsii srednevekovoy istorii Desht-i Kypchaka* [Proceeding of the Second Research Conference of Medieval History of the Desht-i Kipchak]. Pavlodar: TOO NPF “EKO”, 2018, pp. 83–103. (In Russian)

17. Khazanov A.M. *Kochevniki i vneshniy mir* [Nomads and Outside World]. 3rd ed. Almaty: Daik-Press, 2002. 604 p. (In Russian)

18. Biran B. *The Empire of the Qara Khitai in Eurasian History: Between China and the Islamic World*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005. 298 p.

19. Golden P.B. Cumanica II: The Ölberli (Ölperli): The fortunes and misfortunes of an Inner Asian nomadic clan. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1986 [1988], vol. 6, pp. 5–29.

20. Golden P.B. Cumanica IV: The Cumano-Qıpçaq clans and tribes. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. 1995–1997, vol. 9, pp. 99–122.

21. *Histoire des campagnes de Gengis Khan, Chêng-wou ts'in-tchêng lou*. Vol. 1. Pelliot P., Hambis L. (tr.). Leiden: E.J. Brill, 1951. xxvii + 485 p. (In French)

22. Ligeti L. Az Akadémia könyvtára és az orientalisztika [Library of the Academy and Oriental Studies]. *Magyar Könyvszemle* [Hungarian Book Review]. 1977, vol. 93, pt. 1, no. 1, pp. 3–130. (In Hungarian)

23. Marquart J. Über das Volkstum der Komanen. In: Bang W., Marquart J. *Ostturkische Dialektstudien*. Berlin: Weidmannsche Buchhandlung, 1914, pp. 25–238. (In German)

24. Németh Gy. *A honfoglaló Magyarság kialakulása* [Formation of the Hungarians during the Conquest Period]. 2nd ed. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 p. [In Hungarian]

25. Sinor D. Reflections on the history and historiography of the Nomad Empires of Central Eurasia. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Vol. 58(1): *Proceedings of the First International Conference on the Mediaeval History of the Eurasian Steppe: Szeged, Hungary May 11–16, 2004*. Part I. 2005, pp. 3–14.

26. Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları* [Oghuzs (Turkmens): A History, Tribal Organization, Folklore]. 2nd ed. Ankara: Ankara University Press, 1972. xv + 532 p. (In Turkish)

27. Vámbéry H. *Das Türkenvolk in seinen Ethnologischen und Ethnographischen Beziehungen*. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1885. xii + 638 p. (In German)

About the authors: Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (6, Sakhyanova Str., Ulan-Ude 670047, Russian Federation). E-mail: tihij-511@mail.ru

Received April 22, 2020 Accepted for publication August 14, 2020
Published September 29, 2020

БИМАРИСТАН В ЗОЛОТОЙ ОРДЕ

Л.Ф. Абзалов

*Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
len_afzal@mail.ru*

Цель исследования: в рамках данной статьи автор, опираясь на сведения о больнице Ургенча, предпринимает попытку характеристики больничного дела в Золотой Орде с целью составления более полной картины жизни золотоордынского общества.

Материалы исследования: источниковой основой исследования послужили данные арабских авторов Шайха ал-Бирзали и Ибн Баттуты о бимаристане в Хорезме (Ургенче). Для реконструкции его устройства активно используются методы аналогии и сравнения.

Результаты исследования и научная новизна: в статье выявляются факторы строительства бимаристана в этом крупнейшем городском центре государства Джучидов. Известный арабский купец и путешественник Ибн Баттута посетил Ургенч в эпоху его расцвета, именно в это время здесь были воздвигнуты наиболее значимые архитектурные памятники, сохранившиеся до сегодняшнего дня (например, минарет Кутлуг-Тимура и мавзолей Турабек ханум). Бурное строительство стало следствием социально-экономического развития города и политической стабильности в стране. Мусульманская культура, мусульманское благочестие, приобщение монголо-татарской элиты к исламу, привели к тому, что Ургенч стал одним из главных культурных центров Улуса Джучи. Все вышеуказанное предопределило учреждение бимаристана. Очевидно, бимаристан Ургенча был устроен по аналогии с мусульманскими больницами, возникшими еще в IX в. Косвенные материалы позволили автору предположить о возможном существовании бимаристанов и в других крупных городах Золотой Орды. Бимаристаны в Золотой Орде могли иметь отдельные здания или же входили в комплексы, включавшие в себя т.н. заведения мусульманского благочестия. Деятельность больниц могла обеспечиваться только при наличии профессионального врача и влиятельного покровителя, первый из которых организовывал процесс лечения больных, второй создавал ее материальную и финансовую базу.

Ключевые слова: бимаристан, больница, история медицины, Золотая Орда, Ургенч

Для цитирования: Абзалов Л.Ф. Бимаристан в Золотой Орде // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 457–471. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.457-471

BIMARISTAN IN THE GOLDEN HORDE

*L.F. Abzalov**Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
len_afzal@mail.ru*

Abstract: *Research objectives:* Based on information about the Urgench hospital, the author of this article analyzes the activities of hospitals in the Golden Horde in order to present a more complete picture of life in Golden Horde society.

Research materials: Information from Arab authors, Shaikh al-Birzali and Ibn Battuta, about the bimaristan in Khwarazm (Urgench). The author of the article applied the use of analogy and comparison methods to reconstruct how the hospital plausibly functioned.

Results and novelty of the research: The author identified the reasons for the construction of a bimaristan in the largest urban center of the Jochid state. The famous Arab merchant and traveler, Ibn Battuta, visited Urgench during its heyday. The most significant architectural monuments that have survived to this day (e.g. the Qutlugh Timur minaret and the Turabek Khanum mausoleum) were built at this time. Intermittent construction activity was a consequence of the social and economic development of the city and the presence or absence of political stability in the country. Muslim culture, Muslim piety, the gradual conversion to Islam of the Mongol-Tatar elite led to Urgench becoming one of the main cultural centers of the ulus of Jochi. All of the above factors predetermined the establishment of a bimaristan there.

Obviously, the bimaristan of Urgench was developed by analogy with Muslim hospitals that first arose in the ninth century. Indirect information allowed the author to suggest the possible existence of bimaristans in other major urban centers of the Golden Horde. They could have separate buildings or could be part of complexes that included the so-called institutions of Muslim piety. The activity of hospitals could be carried out only with the presence of a professional doctor and an influential patron – the former organized the process of treating of patients while the latter created the material and financial basis for the function of a hospital.

Keywords: Bimaristan, hospital, history of medicine, Golden Horde, Urgench

For citation: Abzalov L.F. Bimaristan in the Golden Horde. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 457–471. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.457-471

По данным письменных и археологических материалов известно, что города Золотой Орды имели мусульманский облик, с соответствующей инфраструктурой, предполагавшей наличие мечетей, минаретов, ханак, завий, текие, караван-сараев, общественных бань, медресе и больниц. Археологические и картографические изыскания показали, что на территории Золотой Орды было 140 объектов городского типа [13, с. 574]. В наиболее крупных из них проживали десятки тысяч людей. Данное обстоятельство объективно обуславливало необходимость санитарного обеспечения жизни такого большого населения. Тем более, что в мусульманской культуре этот вопрос был решен путем создания соответствующей инфраструктуры, включавшей в себя систему водоснабжения и канализации, строительством общественных бань и больниц.

Высокий для своего времени уровень развития городской культуры Золотой Орды предопределил функционирование стационарного пункта оказания медицинских услуг – больницы. К сожалению имеющиеся в нашем распоряжении источники весьма скудно освещают этот аспект золотоордынской культуры.

В письменных источниках можно обнаружить несколько упоминаний о больнице Ургенча. Это сведения из сочинения Шайха ал-Бирзали (ум. 1339) следующего содержания: «Здесь он [Ала ад-Дин ан-Нуман ал-Харезми] сдружился с царем ее Меликтемиром, служил у него врачом и сделался старшим врачом больницы в Харезме» [21, с. 173]; и Ибн Баттуты (1304–1377): «В Харезме [есть] больница¹ при которой сирийский врач, называемый Эссахиуни, вследствие происхождения [его] из Сахиуна, [одного] из Сирийских городов» [27, с. 218].

Для того, чтобы пролить свет на деятельность бимаристана Хорезма нам, прежде всего, необходимо обратиться к характеристике больничного дела на мусульманском Востоке.

Больницы в мусульманском мире

Расцвет мусульманской культуры сопровождался развитием медицины. Со временем в мире ислама начинают строиться специальные лечебные пункты, которые среди мусульманских народов имеют разные обозначения. Например, на территории Ирана они могли называться «бимаристанами» (перс. «место, где находятся больные», или в сокращённой форме маристан) [7], «дар аш-шифа», «бимарханэ», «шифаханэ», в Египте их называли «мусташфаа» [2, с. 60], в османской литературе для построек медицинского назначения употреблялись слова «дарюшифа», «дарю'с-сыхха», «шифаханэ», «бимаристан», «бимарханэ» и «тымарханэ» [11, с. 292]. Эти заведения предназначались как для целительства, так и для обучения целителей и развития медицины [7]. На современном этапе термин «бимаристан» чаще всего используется в значении дома для умалишённых [25, р. 1222].

Развитие больниц в исламе связано с мусульманским милосердием и сочувствием к больным и нуждающимся, забота о них считалась священным долгом [26]. Строительство и содержание больниц в исламе являлось богоугодным делом. Везирь ильханов Рашид ад-Дин ат-Табиб (1247–1318) по этому поводу пишет следующее: «Для возмещения этого ущерба и исправления этого вреда, [который приносят болезни], султаны ислама и великие государи устанавливали раздачу содержания и одаривали милостыней, [сооружали] здания с хорошим воздухом и благоустроенные и привлекательные дома. Как средство лечения ради исправления состояния здоровья они собирали лекарства и экстракты, привлекали знающих врачей и устраивали удобные и светлые больницы. По причине устройства всего этого [они уготовили] себе [на том свете] бесчисленное количество наград, потому что “кто оживил [душу], тот как будто оживил всех людей”» [15, с. 290].

Основателями мусульманских госпиталей обычно были правители или лица, занимавшие высшие посты в государстве [30]. Больницы содержались за счет вакфа [32, р. 381; 11, с. 291] и пожертвований властимущих, богатых и влиятельных лиц, в нашем случае ханов, их жен, сановников, врачей и пр.

¹ В тексте «маристан».

[28, с. 101]. Также в мусульманском мире учреждали т.н. имареты – мусульманские религиозно-культурные центры, включавшие мечеть, духовное училище, больницу и другие учреждения, существовавшие за счет доходов вакфа [10, с. 953]. Поэтому посещение больниц было бесплатным.

Еще по приказу омейядского халифа ал-Валида (705–715) в 706 г. в Дамаске был построен квартал, где жили больные лепрой [32, р. 366]. Первая больница общего типа была сооружена в Багдаде около 805 г. врачом Джибраилом ибн Бахтишу во времена халифа Харуна ар-Рашида (786–809). По ее подобию стали строить больницы и в других провинциях халифата, в частности в Кайруане (Тунис), Мекке, Медине, Кордове [20, с. 243; 32, р. 370] и др. В начале X столетия в Багдаде было уже пять больших больниц [20, с. 243].

Мусульманские традиции врачевания находят свое развитие и в сельджукскую (XI–XII вв.) и османскую эпоху. Первая сельджукская больница была построена везиром султана Алп-Арслана Низам ал-Мульком (ок. 1017–1092). Начиная с 477/1055–1056 г. сельджуки строили бимаристаны в Багдаде, Ширазе, Бердесире, Кашане, Эбхере, Зенджане, Гяндже, Харране и Мардине [11, с. 292]². К XII в. почти в каждом большом городе имелись больницы общего типа, они стали неотъемлемой частью мусульманского города [29, р. 136–137; 33, р. 72]. Первое медицинское учреждение в османское время построил султан Баязид I (1389–1402) в Бурсе. Его сооружение было завершено 12 мая 1400 г. в восточной части города, у подножия Улудага, рядом с мечетью. В тот же день кади Бурсы Молла Фенари Мехмед б. Хамза подписал акт об учреждении вакфа [11, с. 292]. Самой знаменитой больницей средневекового мусульманского мира была больница «ал-Мансури» в Каире, основанная в 1282 г. мамлюкским правителем ал-Малик ал-Мансуром Калавуном [20, с. 244; 32, р. 374; 31], представителем династии, поддерживавшей тесные контакты с Золотой Ордой.

Больничное дело в халифате с самого начала испытало влияние персидских (иранских)³ и византийских традиций [20, с. 242]. Особое место здесь следует отвести сирийцам, через посредство которых к арабам и проникает античная и византийская медицина [30].

В течение нескольких столетий бимаристан развивался в сложный организм, неотъемлемыми частями которого стали больница с мечетью или молельней, клиника для душевнобольных, фармакологический центр и медицинская школа с библиотекой [7]. Обслуживающий персонал больниц состоял из врачей и немедицинского персонала [20, с. 243]. Одну из самых крупных больниц Багдада «ал-Адуди», построенную в 981 г., обслуживали 24 врача, санитары, слуги, привратники, управители и надзиратели.

Известно, что в годы правления хана Узбека при беклярбеке Кутлуг-Тимуре (ум. 1335/1336) [19, с. 116–117] Ургенч, единственный город Улуса Джучи, где упоминается больница, достигает своего наивысшего расцвета. Золотоордынское городище превзошло размеры домонгольского Ургенча [3, с. 253; 12]. Очевидно в это время здесь были продолжены традиции образования и учености, существовавшие в Хорезме в домонгольский период [14, с. 292–294; 22, с. 266]. Арабский писатель и историк Ибн Арабшах (1392–

² О сохранившихся постройках средневековых больниц см. подробнее [11, с. 292].

³ Здесь, прежде всего, имеется в виду знаменитый центр медицины Джунди-Шапур.

1450) дает следующую характеристику духовной культуры Хорезма в целом, и Ургенча в частности: «Джурджан был столицей их и являлся одним из древних городов. Вообще это государство [Хорезм] богат древними городами и большими областями. Его столица является городом, где собираются ученые люди, талантливые находят местожительство, для умных и поэтов обитель, родником воспитателей и великих людей, горным рудником для уважаемых и почитаемых, морским источником для ищущих правду, нашедших свой путь и ошибающихся» [9].

Также следует учесть, что в ближайших от золотоордынских границ городских центрах, Бухаре и Самарканде, тоже были крупные для своего времени больницы. Рашид ад-Дин пишет, как о достаточно ординарном случае, об отъезде одного из представителей «золотого рода» для лечения в Самарканд: «Джумукур, сын Хулагу-хана, слегка заболел; под тем предлогом, что *“я-де поеду в Самарканд для лечения”*, он отпросился у Ариг-Буки и в кулкун-ил, год мыши, соответствующий месяцу Руб’и I 662 г.х. [1264 г.], отделился от него» [17, с. 164]⁴.

Такие же больницы существовали на территории Ирана, находившегося под властью монгольской династии Хулагуидов, проявлявших значительный интерес к медицине⁵. Большие больницы были в Солтании и Мараге. Рашид ад-Дин также пишет о восстановлении больницы в Ширазе, построенной еще атабеками Фарса и о строительстве больницы в Хамадане [15, с. 290, 292]. Об учреждении больниц хулагуидскими правителями упоминает и персидский автор XV в. Хафиз Аbru, который, говоря о постройках города Султании, возведенных ильханом Олджайту (1304–1316), пишет: «Построил медресе, подобно той, что Мустансир построил в Багдаде и Дар аш-шифа с лекарями, снабженными со всем необходимым... В том эмирате до сих пор (т.е. во время Хафиза Аbru) сохранились некоторые из этих построек, такие как медресе “Дар аш-Шифа”, ханака с многочисленным моугуфатом (т.е. с имуществом, обращенным в вакф), которые построил ходжа (Рашид ад-Дин) – обладатель великодушия» [23, с. 30]. В городе Амасье сохранилась больница, возведенная на пожертвования жены султана Олджайту Юлдуз Хатун в 1309 г. [11, с. 292].

На северо-восточной окраине Тебриза, одной из столиц хулагуидского Ирана, сохранились руины большого квартала – Руб’и Рашиди, спланированного и построенного по инициативе самого Рашид ад-Дина⁶. Помимо этого в Тебризе также функционировал комплекс Газание, возведенный по приказу Газан-хана в 1297 г. В этот комплекс также входили дворец, два медресе, ханака, святилище для сеидов, обсерватория, библиотека, государственные учреждения и больница (дар аш-шифа)⁷.

⁴ Возможно, здесь у Рашид ад-Дина речь идет о больнице, основанной караханидом Ибрагимом ибн Насром в 1066 г.

⁵ В качестве примера можно привести ильхана Газана [16, с. 208].

⁶ Комплекс Руб’и Рашиди включал в себя две мечети, школу, ханаку, научные учреждения, две библиотеки, больницу, бани, караван-сарай, мельницы, мастерские по производству бумаги, аптеку и многочисленные сады [5, с. 141]. См. также: [28, р. 98]. О дальнейшей судьбе «Рашидова квартала» см.: [15, р. 425–426].

⁷ В «Вакф-намэ Рашид ад-Дина» в качестве синонима «дар аш-шифа» используется слово «дару-ханэ» [28, р. 97–117].

Дар аш-шифа в Руб'и Рашиди содержалась за счет вакфа и всевозможных пожертвований. Создание и содержание благотворительной больницы было дорогостоящим предприятием и требовало больших инвестиций. Основатель больницы обычно наделял ее вакфом, включавшим в себя большие участки земель сельскохозяйственного назначения, от доходов которого функционировала больница [28, р. 101; 15, с. 263–267].

Рашид ад-Дин, в своем «Джами ат-таварих», приводит сжатое изложение грамоты Газан-хана (1295–1304), в котором указаны расходы вакфов, в том числе и на содержание дар аш-шифа в Тебризе, Хамадане и других областях: «Больница.

Добавочные [средства]: на ковры, ткани, стоимость опahal, масла, благовоний и гончарной утвари.

Средства: на снадобья, целебные напитки, лекарственные смеси, пластыри, глазные мази, рисовую кашу и печенье, спальные принадлежности и одеяние больных.

Содержание: врачам, глазным лекарям, костоправам, кладовщикам, служителям и прочим работникам.

Обряжение: покойников, которые там умирают» [16, с. 230].

Исследователь Хани Хавипур, опираясь на данные вакф-намэ Руб'и Рашиди, указывает, что: «ежегодное пожертвование, выделенное больнице, составило 3450 динаров, 1400 из которых пошли на покупку медикаментов, 600 динаров на еду и помощь пострадавшим, 100 на погребение умерших, 200 на обувь и 200 динаров на покупку хлопка [...] Остальные 950 динаров предназначены для выплаты заработной платы» [28, р. 102].

Как свидетельствуют арабские источники, главным врачом в хорезмийской больнице был Ала ад-Дин ан-Нуман ал-Харезми. В указанных источниках упоминаются только главные врачи больницы, при этом не столь важно было упоминать врачей, которые служили под его началом. Судя по нисбе, Ала ад-Дин ан-Нуман имел хорезмийское происхождение. Он мог получить соответствующее образование как в самом Хорезме, так и за его пределами, по крайней мере, Ала ад-Дин ан-Нуман мог продолжить его в других крупных мусульманских центрах учености: Бухаре, Самарканде, Багдаде, Каире, Дамаске и др. В данную эпоху образование в мусульманском мире было универсальным, в том смысле, что каждый мусульманин, имевший основы исламского образования, мог продолжить его в любом культурном центре и у любого мусульманского ученого.

В мусульманском мире врачи для получения лицензии (ijazah) на право врачебной деятельности сдавали экзамены: «Врачам разрешалось практиковать только то, к чему они были подготовлены, и для этого они должны были сдать экзамен и получить лицензию на практику по специальности» [26].

В 30-е гг. XIV в. Ала ад-Дин ан-Нуман стал придворным врачом и очевидно, переехал из Ургенча в ставку хана Золотой Орды. На должность врача хорезмийской больницы был назначен другой специалист – врач, представитель сирийской медицинской школы. Здесь следует подчеркнуть, что в начале XIII в. Сирия была признанным центром медицинского обучения [31, р. 26]. До строительства больницы ал-Мансури в Каире, больница Дамаска оставалась одной из самых крупных и значимых на мусульманском Востоке XIII в.

Регионы Мавераннахра, Ирана и Ближнего Востока были традиционными центрами, откуда в Золотую Орду приезжали специалисты. Ученые и профессионалы были востребованы, это было особенно актуально в периоды политической стабилизации и экономического роста, что мы можем наблюдать и в Золотой Орде первой половины XIV в. Исторические источники свидетельствуют о том, что в Золотую Орду приезжали ученые со всего мусульманского мира. Данное обстоятельство было возможно только в случае, если местные власти проводили соответствующую политику по отношению к ученым, т.к. в рассматриваемую эпоху научные знания не могли развиваться без покровительства правителей и высокопоставленных особ. Если обратиться к данным Ибн Баттуты, то можно видеть, что многие мусульманские деятели имели неординарное происхождение, по крайней мере, об этом могут свидетельствовать их имена [21, р. 153, 156, 158 и др.].

Не последнюю роль в этом играл и процесс исламизации золотоордынского общества. Принятие ислама в качестве официальной религии также способствовало притоку мусульманских специалистов, в том числе и в области медицины. Хорошие врачи были востребованы во все времена, но во все же времена ощущался их недостаток. Эта проблема, очевидно, достаточно остро стояла и в Золотой Орде. Даже в более развитом хулагуидском Иране наблюдались подобные факты. Так, по данным Рашид ад-Дина: «Госпиталь у ворот Саллам, который расположен в городе Ширазе и относится к числу построек атабеков Фарса, [в течение] длительного срока и долгого времени вынужденно оставался в пренебрежении и запустении по той причине, что не было врача, который бы взялся за [устройство] его дел» [15, с. 290]. Как видно из этого фрагмента, только опытный и заинтересованный врач мог организовать больничное дело.

О бимаристане Ургенча

Каким же образом могла быть устроена больница в Ургенче? Можно попытаться ответить на этот вопрос. Как уже указывалось, строительство больницы в Хорезме не случайно. Этот регион имел давние медицинские традиции, которые, очевидно, в некоторой степени сохранились, несмотря на страшное монгольское разорение. Политическая стабильность, экономический рост, урбанизация, исламизация золотоордынского общества, покровительство властимущих ученым – все это в совокупности могло способствовать восстановлению больницы в крупном населенном пункте с мусульманской традицией благочестия.

Трудно сказать, когда именно эта больница была восстановлена или построена вновь. Очевидно это происходило параллельно с восстановлением экономического могущества Ургенча. Объективно функционирование больницы было связано с благосостоянием города, здесь должна была существовать прямая зависимость. С определённой долей уверенности можно сказать, что в эпоху правления хана Узбека патроном и покровителем хорезмской больницы был эмир Кутлуг-Тимур и его семья, в первую очередь его жена Турабек-хатун. Она была известным благотворителем и меценатом. Именно она покровительствовала местным мусульманским ученым. Вполне возможно, что и больница входила в число учреждений, финансируемых представителями этого могущественного рода. Выражение мусульманского благочес-

тия было связано не только с религиозными чувствами, но и политическими соображениями. Именно при поддержке эмира Кутлуг-Тимура Узбек взшел на престол, и именно Узбек дал исламу официальный статус. В связи с чем было необходимо демонстрировать свою религиозность для того, чтобы повысить лояльность своих подданных, авторитет и славу во всем мусульманском мире. Такого рода тенденции наблюдались и в другом государстве Чингизидов – в хулагуидском Иране. Несмотря на враждебные отношения, Иран являлся культурным образцом для Джучидов.

Больница в Хорезме должна была содержаться за счет вакфа и всевозможных пожертвований благочестивых мусульман. Со всей очевидностью можно сказать, что золотоордынские власти издавали указы (ярлыки) о назначении врачей больницы, определяли вакфные доходы и давали предписания представителям местной администрации. Подобную картину можно наблюдать в хулагуидском Иране, где учреждения здравоохранения пользовались особым вниманием влиятельного везира Рашид ад-Дина Табиба [15, с. 289–294, 263–277]. В рассматриваемый период времени в мусульманском мире существовал институт идрара, который означал постоянную, всегда наследственную денежную пенсию представителям гражданской бюрократии и духовенства. В «Дастур ал-катиб» дается следующее разъяснение этому слову: «Идрар – это некая сумма, которую государи жалуют в дар кому-либо из достойных лиц и после долгого времени утверждают и передают навечно сыновьям и внукам его» [15, с. 84, 368]. Возможность функционирования этого института в Золотой Орде вполне допустима. За счет вакфа здесь могли содержаться мечети, медресе, ханаки, больницы, а идрар могли получать видные религиозные деятели, сеиды, ученые и врачи.

Даже после назначения на должность придворного врача Ала ад-Дин ан-Нуман ал-Харезми мог покровительствовать больнице Хорезма, а также вполне допустимо инициирование с его стороны строительства подобного рода учреждения в столице Золотой Орды – Сарае. К сожалению, такое предположение невозможно подкрепить конкретными фактами.

Для того чтобы представить возможную картину устройства ургенчского бимаристана, следует обратиться к данным о больнице в Руб'и Рашиди: «Дар ал-шифа состоял из нескольких палат, таких как дар ал-шурб, махзан-и адвия или байт ал-адвия (аптека), ривак ал-мураттабин (зал пациентов), жилые помещения для персонала, матбах (кухня) и гулабхана» [28, p. 102].

Историк мусульманской медицины Ибн Абу Усайбиа (ум. 1269), автор знаменитой «Истории врачей», описывает режим работы больницы Нур ад-Дин в Дамаске следующим образом: «В бимаристанах все пациенты сначала обследовались во внешнем зале, тех, кто не был тяжелобольным давали лекарства и отправляли домой; те, у кого были более серьезные заболевания и сильное недомогание госпитализировались. Их мыли и давали новую одежду, а старую отправляли на хранение, которую получали после выписки, а также некоторую сумму денег» [26].

Бимаристаны были не только местом лечения, но центром изучения и обучения медицине. Студенты здесь изучали терапию, офтальмологию, хирургию, клиническую медицину и остеопатию. Там же проводились клинические исследования. Кроме того, в больницах имелись библиотеки, аудитории

для совещаний и лекций, а также жилье для сотрудников и студентов. Таким образом, больница с богатой медицинской библиотекой, аптекой, хранилищем лекарственных средств, служила идеальным местом для преподавания медицины и подготовки молодых врачей к практике [26].

В 1315 г. в дар аш-шифе Руб'и Рашиди работало 16 человек, в том числе: «врач (tabīb), пять врачей-интернов (muta'allim-i tibb), один ассистент-преподаватель (mu'id), один хирург/офтальмолог (jarrāh/kahhāl), аптекарь (sharābdār), суперинтендант/казначей (khāzin), две сиделки (khādim al-murazī), один водонос (saqqā'), один дворник (farrāsh), один привратник (bawwāb) и повар (matbakhī)» [28, p. 102].

Тебриз и Ургенч имели много общего: оба являлись крупными мусульманскими центрами, с древними культурными традициями, со значительным населением и развитой экономикой, находились под властью Чингизидов, здесь также была распространена мусульманская филантропия. Если в Тебризе наиболее крупным меценатом был Рашид ад-Дин, то в Ургенче – эмир Кутлуг-Тимур и его жена Турабек-ханум. Учитывая все вышесказанное, можно допустить, что больница Хорезма имела сходное с больницей Руб'и Рашиди устройство. По крайней мере, устройство тебризской больницы позволяет в общих чертах представить, как могла выглядеть больница Хорезма, но, очевидно, в более скромных размерах.

С началом кризиса золотоордынского государства и последующим разрушением войсками Тимура Ургенча, его больница, очевидно, прекращает свое существование. Выжившие врачи или были угнаны в Самарканд, или же покинули город в период внутренних катаклизмов. Доходы вакфов не позволяли содержать больницу. Отсутствие налаженного систематического образования не позволяло восполнять утраченные кадры. В результате бимаристан прекращает свое существование.

О других бимаристанах в Золотой Орде

Археологически лечебные заведения Золотой Орды еще не обнаружены, но археологи выдвигают предположения относительно некоторых памятников, связывая их с суфийскими завиями или же маристанами. А.А. Глухов, проводивший археологические раскопки Колобовского городища, относительно одного из выявленных объектов пишет следующее: «Учитывая огромные размеры объекта, конструктивные особенности вскрытых сооружений, обнаруженные во время раскопок находки, очевидно, можно предполагать существование здесь в 50–60-х гг. XIV в. монументального культового комплекса, который мог в себя включать мечеть, медресе, маристан (госпиталь) и ряд других служб и заведений» [4, с. 248].

В.Г. Блохин в одной из своих работ определяет рассматриваемый объект как комплекс типа завийи [1, p. 89]. Как пишет известный археолог Э.Д. Зиливинская: «Ханака (рибаты), завия и текия. Все эти учреждения служили нуждам многочисленных дервишских орденов, которые получили в средние века огромное распространение [...] Члены общины суфиев жили в специально отведенных зданиях и совершали совместные обряды и мистические радения. Поэтому композиционным центром в большинстве ханака является большой зал для коллективных ритуалов. Вокруг него группируются молельни, жилище основателя, худжры членов общины, кухня, кладовые. В отличие от ортодок-

сального ислама для суфизма характерен культ святых могил, поэтому ханака обычно строятся при гробницах, в которых похоронены почитаемые члены суфийского ордена. Часто жилище основателя ханака превращается в гробницу после его смерти. Кроме зданий, где дервиши проживали постоянно, существовали странноприимные дома для странствующих дервишей и паломников, совершающих хадж – завия. В завии паломники могли получить бесплатный кров и пропитание. Это менее масштабные здания. В состав их помещений входил зал для молитв и радений, несколько хозяйственных комнат и худжр. Часто завии выполняли роль гостиниц для путешественников [...] Термин текия (текке) появляется несколько позже в XIII–XIV вв. Текия строились как большие благотворительные комплексы, выполнявшие различные функции. В их состав входили отдельно стоящая мечеть, минарет, общественная столовая с кухней, жилые помещения для шейха и его семьи, купольная галерея с худжрами для паломников, общественные источники, сады, водоемы, мазары и кладбище. В архитектурном плане текия представляли собой не замкнутые вокруг двора или зала здания, а развернутые по продольной оси садово-парковые ансамбли. В здании также может находиться гробница, дополнительная мечеть, баня-хаммам и кухня» [8, с. 129–151]. В целом можно допустить, что при указанных заведениях могли существовать больницы. По крайней мере, в мусульманском мире бимаристаны часто были пристроены к мечетям и погребальным комплексам, поскольку услуги бимаристанов прежде всего предназначались для больных и бедных жителей общины, а также путешественников, которые не имели надлежащего жилья и часто не могли позволить себе лекарства и услуги врача [28, р. 100–101]. Эвлия Челеби в своей «Книге путешествий», описывая современный ему Бахчисарай в главе о больницах для страждущих пишет: «Вообще-то все больные и ослабшие находятся под присмотром домашних. Татарский народ, опасаясь морового поветрия, избегает [больниц]. Около мечети Сахиб Герай-хана есть больница в пару комнат, там присматривают за больными» [24].

Ко всему прочему, высокообразованные мусульманские религиозные деятели, мыслители в большинстве своем обладали значительным багажом медицинских знаний, вследствие чего к ним могли обращаться больные и страждущие. Например, об одном таком шейхе, жившем в Сарае, пишут арабские источники: «Шейх имам Абдеррахим, сын Абдеррахмана, сын Насра, Эльмаусули, известный под именем Ибннеджема [...] Был он шейхом-факихом и *врачом*» [18, с. 462–463]. Не случайно, что после смерти суфийских шейхов их гробницы становились местом поклонения и паломничества, люди приходили к ним не только по религиозным соображениям, но и в надежде на исцеление от всяких недугов. Но в тоже время некоторые суфии могли практиковать отказ от лечения, исходя из религиозно-философской концепции, предполагающей уход от лечения болезни, что рассматривалось как признак благочестия и смиренное принятие воли Аллаха [26].

Данные арабского купца и путешественника Ибн Баттуты свидетельствуют о широком распространении ханак, теккие и завий в Золотой Орде. Несмотря на это, археологически духовные школы и странноприимные дома в Золотой Орде почти не выявлены. Постройки, которые могут считаться медресе и ханака, на территории Золотой Орды представлены единичными

зданиями. Столь малый объем материала, заключает Э.Д. Зиливинская, не позволяет сделать какие-либо серьезные выводы. Пока можно говорить о том, что, как и в других мусульманских странах, они строились рядом с мечетями [8, с. 133, 139]⁸.

Возможность существования на территории Селитренного, Царевского городища и Болгара бимаристана вполне вероятна, что может быть обосновано их размерами, значением в социально-политической, экономической и культурной жизни золотоордынского государства. Как пишут арабские авторы, Сарай «сделался средоточием науки и рудником благодатей, и за короткое время в нем набралась добрая и здоровая доля ученых и знаменитостей, словесников и искусников, да всяких людей заслуженных» [18, с. 463]. К ханскому двору, в основном из мусульманских стран, привлекались ученые, богословы, поэты и просто образованные люди, им оказывалось покровительство [18, с. 462–463 (прим.)]. Еще в домонгольский период в Болгаре жили и творили видные ученые, в том числе и медики. Нам известны имена ученых-медиков, имевших болгарское происхождение. Данное обстоятельство может свидетельствовать о существовании традиций врачевания в Болгаре. Другим аргументом могут выступать археологические находки из болгарских памятников [6, с. 318–319, 325].

Таким образом, представленные выше материалы позволяют сделать вывод о том, что несмотря на разрушения нанесенные монгольским завоеванием, крупнейшие мусульманские центры были восстановлены, более того, покровительство ханов и бурное развитие караванных путей способствовали строительству новых городов, которые также стали центрами ремесла, торговли и культуры. К числу последних следует отнести Селитренное и Царевское городища. Скорое приобщение золотоордынской элиты к исламу привело к развитию мусульманской культуры, включавшей в себя медицинские знания и практику, чему также способствовали традиции, существовавшие в Ургенче и Болгаре в домонгольский период. Данные известных нам письменных источников сохранили упоминание лишь о больнице в Ургенче, которая, очевидно, была устроена по аналогии с мусульманскими больницами, возникшими еще в IX столетии при халифе Харуне ар-Рашиде. Косвенные материалы позволяют предположить о возможном существовании бимаристанов и в других крупных городских центрах Золотой Орды. Бимаристаны в Золотой Орде могли иметь отдельные здания или же могли входить в комплексы, включавшие в себя т.н. заведения мусульманского благочестия. Деятельность больниц могла обеспечиваться только при наличии профессионального врача и влиятельного покровителя, первый из которых организовывал процесс лечения больных, второй создавал ее материальную и финансовую базу.

⁸ На Селитренном городище раскопано здание, местоположение и особенности планировки которого позволяют предположить, что в нем также находилось учреждение, связанное с мусульманской религией. Г.А. Федоров-Давыдов предположил, что в этом здании находился странноприимный дом – ханака [8, с. 138].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Блохин В.Г. Золотоордынское поселение у с. Колобовки в Ленинском районе Волгоградской области // Археология Нижнего Поволжья на рубеже тысячелетий: Материалы Всерос. науч.-практич. конф. Астрахань, 2001. С. 87–89.
2. Борисов В.М. Арабско-русский словарь. М.: «Сам интернешнл», 1993. 1130 с.
3. Бурханов А.А. Поселения Хорезма // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 250–259.
4. Глухов А.А. Колобовское поселение: новые данные и интерпретация памятника // Золотоордынская цивилизация. Казань, 2011. Вып. 4. С. 245–249.
5. Гулиев Б.Н. К описанию архитектуры Азербайджана в период Ильханата (по англоязычной историографии) // Збірник наукових праць «Гілея: науковий вісник». Історичні науки. Випуск 111. С. 141–142.
6. Давлетишин Г.М. Очерки по истории духовной культуры предков татарского народа (истоки, становление и развитие). Казань: Татар. кн. изд-во, 2004. 431 с.
7. Еникеева-Стародуб Т. Бимаристан (госпиталь) в истории Ислама [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rus-islam.blogspot.com/2016/06/bimaristan-gospital-bolnitsa-v-istorii-islama.html> (Дата обращения – 15.09.2019)
8. Зиливинская Э.Д. Медресе и ханака в Золотой Орде (по письменным источникам и археологическим данным) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2011. №2. С. 129–151.
9. Ибн Арабшах. Чудеса судьбы истории Темура [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ibn_Arabshah/text1.phtml?id=5713 (Дата обращения – 15.09.2019)
10. Имареты // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. XIIa. СПб., 1894. С. 593.
11. История Османского государства, общества и цивилизации / Под ред. Ихсаноглу Э. Пер. с тур. Феоновой В.Б. М.: Восточная литература, 2006. Т.2. 586 с.
12. Кдырниязов М.-Ш. Хорезм и Золотая Орда // Новые исследования по археологии Казахстана. Труды научно-практической конференции «Маргуланские чтения–15». Алматы, 2004. С. 87–91.
13. Крамаровский М.Г. Город и городская жизнь в Золотой Орде // История татар. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань, 2009. С. 567–588.
14. Медицина // Малая медицинская энциклопедия. Т. III. М.: Медицина, 1991. С. 203–373.
15. Рашид ад-Дин. Переписка. М.: Наука, 1971. 498 с.
16. Рашид ад-Дин. Сборник летописей / Пер. с перс. Арендса А.К. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1946. Т. III. 340 с.
17. Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. II. 248 с.
18. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Извлечения из арабских сочинений, собранные Тизенгаузенем В.Г. СПб., 1884. Т. I. 564 с.
19. Селезнев Ю. Элита Золотой Орды. Казань: «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
20. Сорокина Т.С. История медицины. Т.1.: учебник для студ. учреждений высш. мед. образования. М.: Академия, 2018. 288 с.
21. Становление и расцвет Золотой Орды. Источники по истории Улуса Джучи (1266–1359 гг.). Казань, 2011. 438 с.
22. Старр Ф. Утраченное Просвещение: Золотой век Центральной Азии от арабского завоевания до времен Тамерлана [Lost Enlightenment Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane]. Пер. с англ. М.: Альпина Паблишер, 2017. 574 с.
23. Хафиз Абру (Шихаб ад-Дин Абдаллах ибн Лутфуллах ал-Хавафи). Зайл-и Джами ат-таварих-и Рашиди («Дополнение к собранию историй Рашида») [Supple-

ment to Rashid's Collection of Stories] / Пер. с перс., предисл., коммент., прим. и указ. Талышханова Э.Р. Казань: ЯЗ, 2011. 320 с.

24. *Челеби Эвлия*. Книга путешествий. Сейяхатнаме. Рассказ о постройках города Бахчисарая [Travel Book]. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus8/Celebi2/text61.htm> (Дата обращения – 15.09.2019)

25. *Bimaristan* // *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden; London, 1986. Vol. I. P. 1222–1226.

26. *Deuraseh N.* Medical Care During the Middle Ages [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://alhassanain.org/english/?com=book&id=856&search=Medical%20Care%20During%20the%20Middle%20Ages> (Дата обращения – 15.09.2019)

27. *Ibn Battuta*. Voyages. II. De La Mecque aux steppes russes. Traduction de l'arabe de C. Defremery et B.R. Sanguinetti (1858). Introduction et notes de Yerasimos S., Cartes de Barthel C. Paris, 1982. 393 p.

28. *Khafipour Hani*. A Hospital in Ilkhānid Iran: Toward a socio-economic reconstruction of the Rab'-i Rashīdī // *Iranian Studies*. Vol. 45. No. 1. 2012. P. 97–117.

29. *Lawrence I.C.* The Arab-Islamic Medical Tradition in the Western Medical Tradition: 800 BC to 1800 AD. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 556 p.

30. *Michael M. Dols*. The origins of the Islamic hospital: Myth and reality // *Bulletin of the History of Medicine*. Vol. 61. No 3. 1987. P. 367–390.

31. *Northrup L.S.* Al-Bimāristān Al-Manṣūrī – Explorations: The Interface between Medicine, Politics and Culture in Early Mamluk Egypt. History and Society during the Mamluk Era (1250–1517). Bonn, 2013. 37 p.

32. *Sami Hamarneh*. Development of hospitals in Islam // *Journal of the History of Medicine*. 1962. No. 17. P. 366–384.

33. *Yaacov L.* Charity, Endowments, and Charitable Institutions in Medieval Islam. Gainesville: University Press of Florida, 2005. 224 p.

Сведения об авторе: Ленар Фиргатович Абзалов – кандидат исторических наук, доцент кафедры исторического и обществоведческого образования Института международных отношений Казанского (Приволжского) федерального университета (420008, ул. Пушкина, 1/55, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

Поступила 28.12.2019 Принята к публикации 30.04.2020

Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Blohin V.G. Zolotoordynskoe poselenie u s. Kolobovki v Leninskom rayone Volgogradskoy oblasti [The Golden Horde settlement near Kolobovka village in the Leninsky district of the Volgograd region]. *Arheologiya Nizhnego Povolzh'ya na rubezhe tysyacheletiy: Materialy Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [Archaeology of the Lower Volga Region at the Turn of the Millennium: Proceedings of the All-Russian Research Conference]. Astrakhan, 2001, pp. 87–89. (In Russian)

2. Borisov V.M. *Arabsko-russkij slovar'* [Arabic-Russian Dictionary]. Moscow: "Sam International", 1993. 1130 p. (In Russian)

3. Burhanov A.A. Poseleniya Khorezma [Settlements of Khwarazm]. *Istoriya tatar. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatars, Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). From the thirteenth to mid-fifteenth century]. Kazan, 2009, pp. 250–259. (In Russian)

4. Gluhov A.A. Kolobovskoe poselenie: novye dannye i interpretatsiya pamyatnika [The Kolobov settlement: New data and interpretation of the monument]. *Zolotoordynskaya civilizatsiya=Golden Horde Civilization*. Kazan, 2011, vol. 4, pp. 245–249. (In Russian)
5. Guliev B.N. K opisaniiu arkhitektury Azerbaydzhana v period Il'khanata (po angloyazychnoy istoriografii) [On the description of the architecture of Azerbaijan during the Ilkhanate period (according to English historiography)]. *Zbirnik naukovih prac' "Gileya: naukovij visnik". Istorichni nauki* [Collected Papers "Gileya: Scientific Bulletin". Historical Studies]. Vol. 111, pp. 141–142. (In Russian)
6. Davletshin G.M. *Ocherki po istorii dukhovnoy kul'tury predkov tatarskogo naroda (istoki, stanovlenie i razvitie)* [Essays on the History of the Spiritual Culture of the Ancestors of Tatar People (origins, formation and development)]. Kazan: Tatar book publishing house, 2004. 431 p. (In Russian)
7. Enikeeva-Starodub T. *Bimaristan (gospital') v istorii Islama* [Bimaristan (hospital) in the History of Islam]. Available at: <http://rus-islam.blogspot.com/2016/06/bimaristan-gospital-bolnitsa-v-istorii-islama.html> (last accessed: 15.09. 2019) (In Russian)
8. Zilivinskaya E.D. Medrese i hanaka v Zolotoj Orde (po pis'mennym istochnikam i arheologicheskim dannym) [Madrasah and khanaka in the Golden Horde (according to written sources and archaeological data)]. *Problemy istorii, filologii, kul'tury* [Problems of History, Philology, Culture]. 2011, no. 2, pp. 129–151. (In Russian)
9. Ibn Arabshah. *Chudesa sud'by istorii Temura* [Wonders of the Fate of History of Temur]. Available at: http://www.vostlit.info/Texts/rus17/Ibn_Arabshah/text1.phtml?id=5713 (last accessed: 15.09. 2019) (In Russian)
10. Imarety [Imereti]. *Enciklopedicheskiy slovar' Brokgauza i Efrona* [Encyclopedic Dictionary of Brockhaus and Efron]. Vol. 12a. St. Petersburg, 1894. (In Russian)
11. *Istoriya Osmanskogo gosudarstva, obshchestva i tsivilizatsii* [History of the Ottoman State, Society, and Civilization]. Ihsanoglu E. (ed.); Feonova V.B. (tr.). Moscow: Oriental literature, 2006. Vol. 2. 586 p. (In Russian)
12. Kdyniyazov M.-Sh. Khorezm i Zolotaya Orda [Khwarazm and the Golden Horde]. *Novye issledovaniya po arkheologii Kazakhstana. Trudy nauchno-prakticheskoy konferentsii "Margulanskie chteniya-15"* [New Research in the Archaeology of Kazakhstan. Proceedings of the Research Conference "Margulan Readings-15"]. Almaty, 2004, pp. 87–91. (In Russian)
13. Kramarovskiy M.G. Gorod i gorodskaya zhizn' v Zolotoj Orde [City and city life in the Golden Horde]. *Istoriya tatar. Vol. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). XIII – seredina XV v.* [History of Tatars, Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). From the thirteenth to mid-fifteenth century]. Kazan, 2009, pp. 567–588. (In Russian)
14. Medicina [Medicine]. *Malaya medicinskaya enciklopediya* [Small Medical Encyclopedia]. Vol. III. Moscow: Medicine, 1991, pp. 203–373. (In Russian)
15. Rashid al-Din. *Perepiska* [Correspondence]. Moscow: "Science", 1971. 498 p. (In Russian)
16. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Arends A.K. (tr.). Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1946. Vol. III. 340 p. (In Russian)
17. Rashid al-Din. *Sbornik letopisey* [Compendium of Chronicles]. Moscow; Leningrad, 1960. Vol. II. 248 p. (In Russian)
18. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordyy. Izvlecheniya iz arabskikh sochineniy, sobrannye V. G. Tizengauzenom* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde. Extracts from Arabic Works collected by Tiesenhausen V.G.]. St. Petersburg, 1884. Vol.1. 564 p. (In Russian)
19. Seleznev Yu. *Elita Zolotoy Ordyy* [The Elite of the Golden Horde]. Kazan: Fen Publ., 2009. 232 p. (In Russian)

20. Sorokina T.S. *Istoriya meditsiny*, T. 1: *Uchebnik dlya stud.uchrezhdenij vyssh.med.obrazovaniya* [History of Medicine, Vol. 1: Textbook for Student Institutions of Higher Medical Education]. Moscow: Academy, 2018. 288 p. (In Russian)
21. *Stanovlenie i rascvet Zolotoy Ord. Istochniki po istorii Ulusa Dzhuchi (1266–1359 gg.)* [Formation and Flowering of the Golden Horde. Sources on the History of the Ulus of Jochi (1266–1359)]. Kazan, 2011. 438 p. (In Russian)
22. Starr F. *Utrachennoe Prosveshchenie: Zolotoy vek Central'noy Azii ot arabskogo zavoevaniya do vremen Tamerlana* [Lost Enlightenment: Central Asia's Golden Age from the Arab Conquest to Tamerlane]. Russian translation from English. Moscow: Al'pina Publisher, 2017. 574 p. (In Russian)
23. Hafiz-i Abru ('Abdallah ibn Lotf-Allah ibn 'Abd-al-Rashid Behdadini). *Dayl-e Jame' al-tawarik Rashidi* ("Dopolnenie k sobraniyu istoriy Rashida") [Addition to the Rashid's Compendium of Chronicles]. Talyshkhanov E.R. (tr.). Kazan: YAZ, 2011. 320 p.
24. Çelebi Evliya. *Kniga puteshestviy. Seyahatname. Rasskaz o postroykakh goroda Bakhchisaraya* [Travel Book. Seyahatname. A Story about the Buildings of the City of Bakhchisarai]. Available at: <http://vostlit.narod.ru/Texts/rus8/Celebi2/text61.htm> (last accessed: 15.09.2019) (In Russian)
25. Bimaristan. *The Encyclopaedia of Islam*. Leiden; London, 1986. Vol. I, pp. 1222–1226.
26. Deuraseh N. *Medical Care during the Middle Ages*. Available at: <http://alhassanain.org/english/?com=book&id=856&search=Medical%20Care%20During%20the%20Middle%20Ages> (last accessed: 15.09.2019)
27. Ibn Battuta. *Voyages. II. De La Mecque aux steppes russes. Traduction de l'arabe de C. Defremery et B.R. Sanguinetti (1858)*. Introduction et notes de Yerasimos S., Cartes de Barthel C. Paris, 1982. 393 p.
28. Khafipour Hani. A Hospital in Ilkhānid Iran: Toward a socio-economic reconstruction of the Rab'-i Rashīdī. *Iranian Studies*. 2012, vol. 45, no. 1, pp. 97–117.
29. Lawrence I.C., Neve M., Nutton V., Porter R., and Wear A. *The Western Medical Tradition: 800 BC to 1800 AD*. Cambridge: Cambridge University Press, 1995. 518 p.
30. Michael M. Dols. The origins of the Islamic hospital: Myth and reality. *Bulletin of the History of Medicine*. 1987, vol. 61, no. 3, pp. 367–390.
31. Northrup L.S. *Al-Bīmāristān Al-Manṣūrī – Explorations: The Interface between Medicine, Politics and Culture in Early Mamluk Egypt. History and Society during the Mamluk Era (1250–1517)*. Bonn, 2013. 37 p.
32. Sami Hamarneh. Development of hospitals in Islam. *Journal of the History of Medicine*. 1962, no. 17, pp. 366–384.
33. Yaacov L. *Charity, Endowments, and Charitable Institutions in Medieval Islam*. Gainesville: University Press of Florida, 2005. 214 p.

About the author: Lenar F. Abzalov – Cand. Sci. (History), Associate Professor of Department of Historical and Social studies education, Institute of International Relations, Kazan Federal University (1/55, Pushkin Str., Kazan 420008, Russian Federation); ORCID: 0000-0003-3952-6715. E-mail: len_afzal@mail.ru

*Received December 28, 2019 Accepted for publication April 30, 2020
Published September 29, 2020*

КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ ИЗ УКЕКА

Л.Ф. Недашковский¹, К.Ю. Моржерин²

¹ Казанский (Приволжский) федеральный университет
Казань, Российская Федерация
Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

² Саратовский областной музей краеведения
Саратов, Российская Федерация
Morjerin@comk.ru

Цель: изучение коллекции костяных изделий с Увекского городища, расположенного на южной окраине Саратова.

Материалы исследования: предметы из фондов Государственного Эрмитажа (14), Государственного исторического музея (4), Национального музея Республики Татарстан (13), Саратовского областного музея краеведения (12), Энгельсского краеведческого музея (1) и Археологического клуба-музея при Саратовской областной станции юных туристов (5).

Результаты и научная новизна: Почти все предметы из кости с Увекского городища ранее не публиковались; новизна исследования заключается в получении новой информации на основе анализа коллекции. Изделия были разделены по функциональному назначению на группы, состоящие из ряда категорий: орудия труда и предметы обихода (игольники, «юрок», ложка, печать, составные части ножей и других орудий: рукояти, затыльники, муфты, обоймы), предметы боевого и охотничьего снаряжения (наконечник стрелы, колчаные петли, орнаментированные обкладки колчанов, рукояти плетей), предметы туалета и украшения (пуговица, бусина, накладка, поясная обойма, нашивка), предметы для игр (шашки, игральный кубик), изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости (пластина с отверстиями). Морфологические особенности изделий рассматриваются на основе типологии с привлечением широкого сравнительного фона материалов средневековых памятников Евразии. Примечательно распределение находок по группам: орудия труда и предметы домашнего обихода – 65,3%, предметы боевого и охотничьего снаряжения – 16,3%, предметы туалета и украшения – 10,2%, предметы для игр – 6,1%, изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости – 2,1%. Налицо преобладание на Увекском городище орудий труда и предметов домашнего обихода (почти две трети всего комплекса), преимущественно представленных составными частями ножей и других орудий. Находка пластины с отверстиями, образовавшимися в результате изъятия круглых заготовок, убедительно свидетельствует о наличии в Укеке косторезного ремесла.

Ключевые слова: Увекское городище, Укек, костяные изделия, косторезное ремесло

Для цитирования: Недашковский Л.Ф., Моржерин К.Ю. Костяные изделия из Укека // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 472–503. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.472-503

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00004.

BONE WARES FROM UKEK

*L.F. Nedashkovsky¹, K.Yu. Morzherin²**¹ Kazan Federal University
Kazan, Russian Federation
Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru**² Saratov Regional Museum of Local Lore
Saratov, Russian Federation
Morjerin@comk.ru*

Abstract: *Research objectives:* To study the collection of bone wares from the Uvek site situated on the southern outskirts of Saratov.

Research materials: Artefacts from the collections of the State Hermitage (14), State Historical Museum (4), National Museum of the Republic of Tatarstan (13), Saratov Regional Museum of Local Lore (12), Engels Museum of Local Lore (1), and Archaeological club-museum at the Saratov regional station of young tourists (5).

Results and novelty of the research: Almost all bone objects from the Uvek site have not previously been published. The novelty of the study lies in obtaining new information based on the analysis of the collection. Wares were divided on the basis of functional purpose into a number of categories: tools and household articles (needle cases, cylinders with three holes for weaving loom, spoons, seals, components of knives and other tools – handles, backplates, couplings, holders), arms and hunting equipment (arrowheads, quiver loops, ornamented facings of quivers, handles of whips), objects of toilette and ornaments (buttons, beads, brackets, belt holders, stripes), objects for games (checkers, dice), wares characterizing technological processes of production from horn and bone (plates with openings). Morphological features of wares are considered on the basis of typology, taking into consideration a wide comparative background of materials of medieval monuments of Eurasia. Distribution of finds on the basis of groupings is remarkable: tools and household articles – 65.3%, objects of arms and hunting equipment – 16.3%, objects of toilette and ornaments – 10.2%, objects for games – 6.1%, wares characterizing technological processes of production from horn and bone – 2.1%. On the Uvek site, the prevalence of tools and household articles (nearly two thirds of all finds in the complex), which are mainly presented by components of knives and other tools, is evident. A find of plate with the openings made by extraction of round work pieces convincingly demonstrates the existence of a bone carving craft in Ukek.

Keywords: Uvek site, Ukek, bone wares, bone carving craft

For citation: Nedashkovsky L.F., Morzherin K.Yu. Bone Wares from Ukek. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 472–503. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.472-503

Acknowledgments: The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00004.

Изучение материальной культуры и быта оседлого населения Золотой Орды имеет большую историческую значимость. В частности, подробное и детальное исследование костяных предметов, использовавшихся городскими жителями Нижнего Поволжья, центра джучидского государства, представляется важной научной задачей.

Косторезное дело в Золотой Орде было высокоразвитым. Косторезы использовали различные технологии: обрабатывали изделия на токарном стан-

ке, распиливали, резали кость, наносили на изделия циркульную орнаментацию, гравировали и полировали их. Мастерские косторезов известны на таких крупных городищах, как Царевское, Селитренное и Болгарское, на последнем доказано окрашивание костяных изделий, а также изготовление костяных орнаментированных обкладок колчанов, которые продавалисьномадам. На территории двух усадеб Царевского городища, на которых изготавливали рукояти ножей, навершия и накладки, были найдены костяные, роговые заготовки, обрезки и полуфабрикаты. Производственные отходы, заготовки, браки, сырье, многочисленная готовая продукция косторезного ремесла, а также орудия труда косторезов (резцы, сверла, специальные ножи) были найдены на Болгарском городище [126; 127].

Ранее один из авторов уже обращался к анализу различных аспектов экономики и хозяйства населения Золотой Орды, в том числе ремесла [82; 83; 84; 132; 134, р. 229; 135; 136]. В данной статье мы сосредоточим внимание на костяных изделиях, найденных на Увекском городище второй половины XIII – XIV в. Проблема исследования заключается в необходимости изучения продукции косторезного ремесла золотоордынского Нижнего Поволжья на базе материалов Укека. Задачи исследования предусматривают выявление ассортимента изделий, используемого сырья, уровня навыков мастеров, традиций косторезного ремесла и характера производства.

Предметы из кости с территории Увекского городища (золотоордынского города Укека), описываемые в статье, были разделены по функциональному назначению на группы, состоящие из ряда категорий. В основу систематизации материала была положена классификация И.А. Закировой [40], предложенная ей для костяных изделий Болгара на основе изучения более 700 артефактов; совершенство этой системы вызывает у исследователей известные сомнения, но других классификаций костяных изделий золотоордынских городов пока не создано. Следует отметить, что в нашем материале присутствуют почти все выделенные для Болгара группы, но при значительно меньшем количестве категорий предметов, т.к. к настоящему времени в коллекциях с Увекского городища известно всего 49 предметов из кости и рога, которые хранятся в Саратовском областном музее краеведения, Национальном музее Республики Татарстан, Государственном Эрмитаже, Государственном историческом музее и других российских собраниях. Костяная рукоять ножа (рис. 1,3) происходит из погребения (передана С.А. Щегловым в 1909 г.), а игольник [55, с. 195–196, 212, рис. 3,6] – из захоронения в мавзолее, исследованном в 1913 г.; остальные находки являются материалами случайных сборов, преимущественно конца XIX – первых десятилетий XX в.

Материалы Увекского городища можно разделить по функциональному назначению на следующие группы костяных изделий¹. I группа – орудия труда и предметы домашнего обихода (игольники, «юрок», ложка, печать, составные части ножей и других орудий: рукояти, затыльники, муфты, обоймы). II группа – предметы боевого и охотничьего снаряжения (наконечник стрелы, колчаные петли, орнаментированные обкладки колчанов, рукояти плетей). III группа – предметы туалета и украшения (пуговица, бусина, на-

¹ Помимо изделий в составе коллекции имеется крупный необработанный позвонок сома (Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМРТ) № 5365-63).

кладка, поясная обойма, нашивка). IV группа – предметы для игр (шашки, игральный кубик). VII группа – изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости (пластина с отверстиями). V (культовые предметы) и VI (вещи неопределенного функционального назначения) группы по классификации И.А. Закировой в материалах с Увекского городища отсутствуют.

I группа – орудия труда и предметы домашнего обихода.

I категория – рукояти ножей и других орудий, изготовленные из рога и трубчатых костей. Рукояти с несквозным отверстием имеют внутренний канал, длина его менее 1/3 длины предмета. Цельные рукояти из кости имеют сквозное отверстие, размеры которого соответствуют выбранной губчатой структуре кости. Рукояти делятся на два типа: одно и двусоставные.

I тип по степени усложнения формы навершия делится на виды. I 1А (рис. 1,1-3) – срез боковых граней навершия образует скругленный острый или прямой угол при ровном основании (3 экз.). Размеры данных рукоятей ножей: длина 11–13 см, ширина 1,5–1,8 см. Поверхность украшена прочерченными линиями (рис. 1,1-3) и циркульным орнаментом (рис. 1,1-2). Подобные изделия известны из Булгара, Биляра, Суvara, с других памятников Среднего Поволжья [11, с. 239, рис. 22.6.14-15,17; 40, с. 221–223, рис. 96,1; 50, с. 113, 125, рис. 9,5; 56, с. 81–83, табл. XXXI,2-3,5-6,23, XXXII,13; 137, pl. VI,13], из Сарайчика [106, с. 291], Саркела XI в. [116, с. 70–71, 132, рис. 29,6, 64,3], древнерусских городов X–XIV вв. [16, с. 222, 224, рис. 3,1; 33, с. 229, табл. 1,11; 41, с. 220–221, табл. 355, рис. 238,10; 42, с. 56, рис. 18,23; 49, с. 183–184, рис. 2,1; 67, с. 203–204, рис. 7; 75, с. 132, 134, рис. 97,1,3-4; 104, с. 161–162, рис. 1,2-3; 124, с. 68, 92, 94, рис. 33,27, 49,6-7; 125, с. 47, рис. 17,23], с Селитренного [111, с. 174, 177, рис. 36,1-2] и Царевского городищ, причем с последнего с раскопа II–1964, датированного монетами 40-х – начала 60-х гг. XIV в. [113, с. 103–104, 115, табл. II,9]. Полная аналогия рукояти без циркульного орнамента (рис. 1,3) происходит из Азака XIV в. [87, с. 26–27, 29, рис. 3,13]. I 1Б (рис. 1,4-11) – изделия с ровно срезанными концами (7 экз.). Изделия имеют длину от 3 до 10 см при диаметре от 1 до 3,5 см. На одном из них имеется поперечное сквозное отверстие в средней части предмета (рис. 1,10); на двух изделиях данного вида имеется орнамент из желобчатых кольцевых линий (рис. 1,5,10). Рукояти вида I 1Б характерны для салтово-маяцкой культуры [54, с. 82, 84, рис. 4,13], присутствуют они в материалах Царевского [110, с. 80–81, рис. 12,8], Селитренного [111, с. 174, 177, рис. 36,4-5] и Билярского [56, с. 81–82, табл. XXXI,11] городищ, Сарайчика [106, с. 292], Новгорода [22, с. 101, 164, рис. 73,4], Старой Ладogi IX–XVII вв. [30, с. 107, 109, рис. 3,11, 5,3-4], Белоозера [41, с. 221, табл. 356, рис. 239,2], Владимира [20, с. 231, 236, рис. 27,16], Берестья [62, с. 242–243, 280–281, рис. 158,2, 192,1,3-4,7-9], а также поселения Лукашевка-V в Молдавии [120, с. 22, 75, рис. 21,6,3]. Граненые рукояти, аналогичные увекской (рис. 1,7), известны с Водянского городища (раскопы, датированные монетами XIII – начала 60-х гг. XIV в.) [3, с. 190, 284, № 436; 37, с. 161, 164–167, табл. V,4-5,7], из Белоозера [41, с. 221, табл. 356, рис. 239,3], Пскова XV в. [48, с. 92, 95, рис. 20,3] и Саркела IX–X вв. [116, с. 70, рис. 28,7, 29,15]. Рукояти, сходные с увекской (рис. 1,5), были найдены в Азаке [34, с. 197, 200,

рис. 4,4] и на Царевском городище [114, с. 162, табл. I,9]. Небольшая рукоять, подобная увекской (рис. 1,6), происходит из Пскова XV в. [48, с. 92, 95, рис. 20,4]; подобное же крупное изделие было найдено в Белоозере [41, с. 221, табл. 356, рис. 239,1]. Изделие, подобное более крупной орнаментированной рукояти (рис. 1,10), происходит из Владимира XII в. [20, с. 231, 238, рис. 27,26]. Одно из изделий выполнено в виде семигранного бруска со сквозным отверстием, сужающимся к одному концу, на котором выполнен продольный пропил (рис. 1,11), длина предмета 4,7 см, ширина 1,6 см, толщина 1 см; костяные рукояти ножей с ровно срезанными концами, подобные данному, известны в материалах Новгорода [22, с. 101, 164, рис. 73,6], III Бальнгуского (Торецкого) селища середины XIV – первой половины XV в. [17, с. 168, 187, рис. 13,16], а также раскопов II-1963 и VII-1963 Царевского городища, датированных монетами второй половины 30-х – первой половины 60-х гг. XIV в. [113, с. 95, 98, 115, табл. II,20,22-23]. Вероятно, к этому виду можно отнести многогранную рукоять, выточенную из рога (рис. 2,1): на одном конце с боков под углом просверлено по отверстию диаметром 4,5 мм, сходящемуся в отверстие в середине торцевой стороны; длина изделия 8,5 см, ширина 4,5 см. Подобное изделие известно из Херсонеса XII–XIII вв. [93, с. 88, рис. 2,43]. Возможно, к типу I рассматриваемой группы можно отнести предмет конусовидной формы с обструганными гранями, на верхнем, узком, основании которого проточены неглубокие желобки, а в широком основании проделано конусовидное углубление (рис. 1,13); длина изделия 3,5 см, ширина оснований 1,7 и 2,8 см.

II тип – половина рукояти из двух роговых пластин, скрепленных железной заклепкой и штифтами (?) (рис. 1,12). Длина изделия, имеющего по краям с внутренней стороны нарезки для заливки клея, составляет 10 см, ширина 1,8–2 см. Подобные двусоставные рукояти известны из Булгара [40, с. 222–223, рис. 96,6], Биляра [86, с. 210, 213, рис. 3,15], Казани [102, с. 183, рис. 161,32], Азака [52, с. 205, 207, рис. 20,1], Сарайчика [106, с. 294], материалов селища Мякинино I (комплекс XIII в.) [8, с. 22–23, рис. 2,3], Новгорода конца XIV–XV в. [22, с. 101, 164, рис. 73,2-3], Твери [49, с. 183–184, 186, рис. 2,5-7, 3,13,15], Переяславля Рязанского [104, с. 161–162, рис. 1,5,7-8], Киева [123, с. 30–31, табл. II,8,18], Берестья [62, с. 280–281, рис. 192,6], Саркела [116, с. 71, рис. 27,12], Херсонеса [93, с. 89–90, рис. 3,48] и Шотландии [131, р. 196–197, fig. 44,282], их заготовки встречены на селищах салтовомаяцкой культуры [54, с. 82, 84, рис. 4,14].

2 категория – затыльники рукоятей ножей. Пластинки имеют один заостренный конец, в зависимости от наличия или отсутствия отверстий они делятся на два типа. Длина затыльников обоих типов от 2,2 до 3 см, ширина 1,4–1,8 см.

I тип – без отверстий (2 экз.): I 1А – овальной формы с конусовидным углублением в середине и штриховкой на тыльной стороне (рис. 2,2), I 1Б – семигранный с рельефными валиками и треугольным выступом на конце (рис. 2,3). Затыльники типа I имеют параллели в материалах раскопа II-1963 Царевского городища, датированного монетами второй половины 30-х – первой половины 60-х гг. XIV в. [113, с. 95, 98, 115, табл. II,10-11,16]. Затыльник вида I 1А имеет параллели в материалах Среднего Поволжья [21, с. 11, табл.

VII,21; 79, с. 80, рис. 6; 127, с. 215, рис. 2,3; 137, pl. VI,29], Подонья XIII в. [27, с. 156, 158, рис. 7,32], курганной группы Зауморье (погребение с монетой 1348–1349 гг.) [63, с. 165–166, 174, рис. 2,4], Новгорода второй половины XIII в. [22, с. 165, рис. 74,5], Владимира XIII–XIV вв. [20, с. 231, 239, рис. 27,27], Переяславля Рязанского [104, с. 164, 167, рис. 2,15–16], Берестья [62, с. 277–278, рис. 189,15], Полоцка [124, с. 93, рис. 48,28], городища Слободка XII – первой половины XIII в. [85, с. 100–101, рис. 52,7] и Селитренного городища [111, с. 174–175, рис. 34,2], а вида I 1Б – Болгарского городища [40, с. 224, рис. 97,17–19], Сарайчика [106, с. 293] и Новгорода конца XIV – начала XV в. [22, с. 101, 165, рис. 74,6]. Затыльники *II типа* имеют два отверстия: II 1А – овальной формы (рис. 2,4), II 2Б – пластина семигранная с рельефным выступом, имеющим желоб в середине (рис. 2,5). Изделия вида II 1А имеют аналогии из Пронска [67, с. 203–204, рис. 7], Старой Рязани [33, с. 296, табл. 68,10], Сарайчика [106, с. 276], Азака [52, с. 194, 196, рис. 13,5], Джукетау [79, с. 80, рис. 7], с Малорязанского II селища [50, с. 113, 125, рис. 9,7], Болгарского [11, с. 240, рис. 22.6.22; 40, с. 222, 224, рис. 97,9; 96, с. 73, 89, табл. 13,239,246; 137, pl. VI,30], Селитренного [111, с. 174–175, рис. 34,8] и Царевского городищ, причем на последнем такой затыльник был найден на раскопе IV–64, датированном монетами 40-х – начала 80-х гг. XIV в. [114, с. 160, 162, табл. I,8]; подобные затыльники найдены и в косторезных мастерских восточного пригорода Царевского городища [29, с. 128–129, рис. 3,9–10]. Затыльники II 2Б подобны изделиям с Болгарского [40, с. 222, 224, рис. 97,11,13–14], Селитренного, Водянского [111, с. 174–175, рис. 34,4; 112, с. 217, 220–221, рис. 31,14; 128, р. 171, fig. 92,10–12] городищ, Багаевского селища (раскоп I-2009, культурный слой, № 14, -47 см) и Царевских курганов (погребение 1 кургана 71, датированное серебряными монетами Джанибека)².

3 категория – муфты ножей. *I тип* – овальные пластинки с одним отверстием, различаются по конфигурации. I 1А (2 экз.) – с закругленным нижним концом (рис. 2,6–7), I 1Б (2 экз.) – с заостренным нижним концом (рис. 2,8–9). Изделия вида I 1А имеют аналогии с Болгарского, Билярского [11, с. 240, рис. 22.6.18; 40, с. 222, 224, рис. 97,1; 96, с. 73, 89, табл. 13,242,247; 127, с. 215, рис. 2,Г–Д] и Селитренного [111, с. 174–175, рис. 34,5] городищ, а также из Азака [34, с. 198, рис. 5,3], Сарайчика [106, с. 276], Новгорода конца XIV – начала XV в. [22, с. 101, 165, рис. 74,2–4], Твери XIV–XVI вв. [49, с. 183, 185–186, рис. 3,17,19–20], Ростова Великого второй половины XIII–XV в. [100, с. 26, 78, рис. 47,2,4–9], Суздаля домонгольского времени [12, с. 212, 214, рис. 11,12], Владимира XII в. [20, с. 231, 238, рис. 27,14], Белоозера [41, с. 220, табл. 354, рис. 237,1–3,6], Переяславля Рязанского [104, с. 162–165, рис. 1,12–13, 2,2–10], Берестья [62, с. 277–278, рис. 189,9,14], Пинска [61, с. 109, рис. 30,25–26], Волковыска [42, с. 54, рис. 17,18], с городища Слободка [85, с. 100–101, рис. 52,14], селищ Багаевское (раскоп I-2008, культурный слой, № 67, -43 см), Малорязанское II на Самарской Луке [50, с. 113, 125, рис. 9,6] и Каменное в Рязанской земле [107, с. 192, 202, рис. 7,10]. Муфты I 1Б аналогичны изделиям с Болгарского, Билярского, Старокуйбышевского, Балымерского X – начала XII в., Селитренного, Водянского (раскоп II-1973, датиро-

² Мыськов Е.П. Отчет о раскопках могильника Царев, проведенных Волго-Ахтубинским отрядом археологической экспедиции Волгоградского пединститута в 1990 году // Архив Института археологии РАН. Р. 1. Д. 15669. Л. 3–5; Д. 15670. Рис. 7,1, 9.

ванный монетами XIII – начала 60-х гг. XIV в.) и Царевского (раскопы I-1963 и II-1961, датированные монетами 30-х – начала 60-х гг. XIV в.) городищ, из Джукетау, Мохши, Азака, Саркела IX – начала X в., Берестья, Турова, Пинска (слой XIII в.), городища Слободка XII – первой половины XIII в., Ростова (усадьба второй половины XIII – XV в.), Твери XIV–XV вв., Костромы, материалов III Батынгуского (Торецкого) селища середины XIV – первой половины XV в., Муранского могильника XIV в. и из погребения в курганной группе Харьковка в Волгоградской области, в котором было обнаружено 16 серебряных монет (чеканенных при ханах от Узбека до Мюрида) [1, с. 275, 283, рис. 17,33; 11, с. 240, рис. 22.6.21; 17, с. 168, 187, рис. 13,9; 21, с. 11, табл. VII,13; 24, с. 140–141, 329, табл. XXVI,4; 31, с. 54, 64, рис. 10,3; 37, с. 161, 166–167, табл. V,1; 39, с. 46–47, рис. 13,5; 40, с. 222, 224, рис. 97,2,15; 49, с. 183, 186, рис. 3,16,18; 52, с. 212–213, рис. 23,5; 57, с. 22, табл. I; 59, с. 44, рис. 3; 61, с. 58–59, рис. 11,10,14; 62, с. 277–278, рис. 189,16; 79, с. 80, рис. 8; 85, с. 100–101, рис. 52,8; 86, с. 211, 213, рис. 2,8,13; 92, с. 286, 288–289, рис. 1,17; 96, с. 73, 89, табл. 13,235-236,240-241,248,253-254,260-264; 100, с. 26, 78, рис. 47,3; 104, с. 164–165, рис. 2,11; 112, с. 217, 220–221, рис. 31,2,5; 114, с. 98–100, 153–154, 162–163, табл. I,7, II,7; 116, с. 103, рис. 52,7; 117, с. 20, 148, табл. VI,4-5; 119, с. 153, табл. XI,15-16; 127, с. 215, рис. 2,Б-В,Е; 128, р. 171, fig. 92,9; 137, pl. VI,28]³.

4 категория – обоймы (рис. 2,10-14). *I тип* – короткие (3 экз.) усеченно-конические (рис. 2,10-12); не исключено, что подобные обоймы могли применяться и в качестве наконечников стрел [23, с. 179–188; 116, с. 47–49, рис. 11]. Диаметр изделий 1,3–2,1 см, высота от 1 до 1,9 см. У одной из обойм желобки в верхней части (рис. 2,12). *II тип* – длинные (2 экз.) усеченно-конические (рис. 2,13-14), с желобчатыми линиями и циркульным орнаментом. Размеры предметов данного типа: диаметр 1,4–1,8 см, высота 2,4–3 см. Сходные с типом II изделия известны из Костромы [115, с. 102, рис. 36,4], Владимира XII в. [20, с. 231, 238, рис. 27,25], Смоленска первой половины XIII в. [5, с. 69–70, рис. 1,3] и Переяславля Рязанского XIII в. [104, с. 164, 167, рис. 2,19]; подобные длинные орнаментированные трубочки происходят из Среднего Поволжья [137, pl. VI,16], из золотоордынской курганной группы Вербовый Лог VIII [18, с. 36, 55, рис. 13,3] и с Царевского городища (материалы 20-х – начала 60-х гг. XIV в.) [110, с. 80–81, рис. 12,5].

К группе предметов домашнего обихода, к **категории 5**, можно отнести и находку ручки ложки (?), длиной 9,2 см, шириной 0,7–1 см (рис. 2,15). На конце изделия боковые грани срезаны, образуя тупой угол, сечение изделия линзовидное. Костяная ложка с подобной ручкой была найдена в Азаке [34, с. 198, 200, рис. 5,4].

6 категория – игольники (2 экз.). Один из них с отверстиями для подвешивания (рис. 2,16), подобные изделия происходят из Азака [69, с. 120, 122, рис. 14,9], Саркела [116, с. 78–80, рис. 37,3,7-11,14-16] и Биляра [86, с. 212, 214, рис. 4,2]. Другой узкий вытянутый игольник орнаментирован желобчатыми кольцевыми линиями, он был найден в погребении 1 начала XIV в., совершенном в склепе в мавзолее, исследовавшемся в 1913 г. [55, с. 195–196,

³ НМРТ. № 5363-63.

212, рис. 3,6]; примечательно, что изделие происходит из центрального, самого богатого женского захоронения мавзолея, а внутри игольника, привязанного на шнурочке к кошельку, был обнаружен моток ниток зеленого цвета и железная иглолка. Игольник, аналогичный второму, также имевший железную иглу внутри, был найден в курганной группе Бахтияровка II (курган 48, погребение 2), датированной серебряными монетами 710–759 гг.х. [3, с. 190, 284, № 435]⁴.

7 категория – «юрок» для горизонтального ткацкого стана (рис. 2,17). Подобные цилиндры из трубчатых костей были найдены в древнерусских городах [26, с. 128, табл. XXXI,1-17; 42, с. 54–55, рис. 17,14,22; 60, с. 57–58, рис. 6,12,14,16; 67, с. 203–204, рис. 7; 75, с. 182, рис. 141,3], в Молдавии [120, с. 34, 95, рис. 45,б,7], на памятниках Первого Болгарского царства, в Саркеле IX–XI вв. [116, с. 74–77, рис. 34], на Муромском городке [73, с. 38], в Биляре [86, с. 211, 214, рис. 4,5], Джукетау [79, с. 84–85, рис. 17], Азаке [69, с. 120, 122, рис. 14,10], на Водянском [77, с. 256, 266–267, рис. 6,22-23] и Селитренном [128, fig. 91,10] городищах.

8 категория – древнерусская печать конца XIII – XIV в. с сокращенной надписью «Семенова печать» [53, с. 39–40, 48, рис. 2].

II группа – предметы боевого и охотничьего снаряжения.

1 категория – наконечник стрелы. Втульчатый наконечник пулевидной конической формы с отверстием у основания; длина 7,6 см, диаметр в основании 1,7 см (рис. 3,1). Аналогии имеются с Болгарского, Билярского и Бальмерского городищ, Муромского городка, VI Алексеевского и Мурзихинского селищ [10, с. 193, рис. 9.3-5; 11, с. 242, рис. 22.6.33; 21, с. 11, табл. VII,15-16; 39, с. 46–47, рис. 13,2; 40, с. 226–227, рис. 99,1; 56, с. 26–27, 32, табл. VII,1-10; 73; 94, с. 21, 64, 73, 80, 97, 99, рис. 2,8-9, 11,7-8, 17,17-18; 95, с. 45, 178, рис. 37,13; 96, с. 69, 78–79, табл. 2,16-42, 3,43-47,49-60,62-78,81; 97, с. 63, 182, рис. 71,1-5,7-36,47; 127, с. 218, рис. 4,Д-Ж; 137, pl. VI,12,31], в материалах Древней Руси [42, с. 104, 110, рис. 33,43; 61, с. 58, 135, рис. 11,6-7, 39,4; 62, с. 220–221, рис. 150,2-3,5; 74, с. 87, табл. 22,1, 25,22, 28,28, 30,Д,103; 100, с. 26, 78, рис. 47,16; 124, с. 93, рис. 48,15], Саркела [116, с. 47, рис. 10,6-22], Пронска [67, с. 203–204, рис. 7], Джукетау [79, с. 78, рис. 10], Казани [102, с. 183, рис. 161,3; 103, с. 109–110, рис. 8,А,2], Водянского городища [58, с. 32, 136, рис. 45,7], из золотоордынских погребений Нижнего Поволжья и Северного Кавказа [24, с. 196–197, 326, табл. XXIII,15; 25, с. 131–132, рис. 9; 101, с. 64, 67, рис. 16,2; 108, с. 26, 29, рис. 3,10,1; 122, с. 400, 514–515, рис. 69,5].

Ко **2 категории** относятся части колчанных петель (рис. 3,2-3), в том числе экземпляр со срединным выступом-петлей с отверстием в центре, сохранившаяся длина данного предмета 4 см при ширине в средней части 2 см (рис. 3,2).

3 категория – орнаментированные обкладки колчанов [66, с. 156, табл. X,33-34], широко распространенные в золотоордынских древностях Восточной Европы.

⁴ Кригер В.А. Отчет о раскопках Бахтияровского могильника в Ленинском районе Волгоградской области в 1983 г. // Архив Института археологии РАН. Р. 1. Д. 10342. Л. 12-13; Д. 10342а. Рис. 43,1, 44.

4 категория представлена рукоятями плетей трех типов. *Tun I* – бочонковидной формы с отверстием в середине и боковым клювовидным выступом (рис. 3,4); высота предмета 3,5 см, наибольшая длина 6,5 см, он уже был опубликован ранее [130, р. 52–53, ill. VI]. Аналогичные рукояти плетей известны у золотоордынских кочевников Восточной Европы, в Волжской Булгарии (Биярское городище, домонгольские и раннезолотоордынские материалы Болгарского городища), в Саркеле – Белой Веже, на Руси в X–XIII вв., в Прикамье и Румынии [6, с. 277, 279, 304, рис. 22,5; 11, с. 241, рис. 22.6.23; 40, с. 228, 230, рис. 100,11; 45, с. 71–74, 109–110, 136, рис. 41,III, табл. XXIV,3-6,10-11; 56, с. 206–208, табл. LXIX,7-8; 88, с. 258–259, рис. 3; 96, с. 70–71, 85, табл. 9,181; 108, с. 22, 26, рис. 3,3; 116, с. 62, 134, рис. 20,5-6,8; 122, с. 401, 511, 516, рис. 66,21; 137, pl. VI,4-5]. *Tun II* – цилиндрическая рукоять со сквозным отверстием и шаровидным окончанием (рис. 3,5); предмет сохранился на высоту 3 см при таком же диаметре шаровидного окончания. Подобные навершия были найдены в I Большеетарханском могильнике, Саркеле – Белой Веже, на юге Западной Сибири в погребениях VIII–X вв. [15; 44, с. 48–49, рис. 11,46; 116, с. 63, рис. 20,4] и на прилегающей территории Казахстана в погребении X–XIII вв. [2, с. 110–111, рис. 90], а также на Царевском [113, с. 98, 118–119, табл. II,18] и Водянском [3, с. 190, 281, № 407] городищах и в Сарайчике [106, с. 295]. *Tun III* – цилиндрическая рукоять с несквозным отверстием, завершающаяся шаровидным окончанием, орнаментированная прочерченными кольцевыми линиями (рис. 3,8); высота рукояти 6,6 см, диаметры 1,7–3 см, глубина отверстия 3 см. Подобные изделия были найдены на Багаевском селище (раскоп I-2008, яма 12, № 133, -166 см) и на городище Слободка XII – первой половины XIII в. [85, с. 99–100, рис. 52,1].

III группа – предметы туалета и украшения.

1 категория – пуговица. Она круглой формы, в сечении трапециевидная, с одним сквозным отверстием в середине (рис. 3,6); на изделии прочерчены короткие парные насечки. Диаметр пуговицы 2 см, высота 0,5 см. Подобные изделия известны с Биярского, Болгарского [40, с. 231–232, рис. 102,8,15-19; 96, с. 72, 94, табл. 18,348,352,354-355; 97, с. 64, 221, рис. 110,1,7,12-13] и Царевского [114, с. 153, 163, табл. II,34] городищ, I Измерского селища [43, с. 142–143, рис. 46,22], из Джукетау [79, с. 90, рис. 1], Азака [28, с. 136, 140, рис. 11,10; 35, с. 308, рис. 2,2; 69, с. 112, 114, рис. 10,2; 70, с. 103–104, рис. 9,9-10; 71, с. 99, 116, рис. 17,16; 72, с. 204, 215, 231–232, 237, 239, рис. 22,12-14, 34,5, 40,2], Херсонеса [93, с. 90–91, рис. 4,66,68], с золотоордынского могильника Мамай-Сурка [38, с. 60, 63, рис. 1,4] и из позднекочевнических захоронений Северного Кавказа [80, с. 80–82, рис. 37,2-3].

2 категория – бусина грушевидной формы (рис. 3,7). Аналогичная бусина была найдена в раннезолотоордынском слое Болгарского городища [40, с. 231–232, рис. 102,32].

3 категория – подпрямоугольная накладка с циркульным орнаментом и петель, снабженная железными шпеньками (рис. 3,10); стороны изделия оформлены в виде фигурных скобок, оно было опубликовано нами ранее [76, с. 131, 135–136, рис. 3,22; 81, с. 32, 36, рис. 6,22; 133, р. 20–21, 203, fig. 34,22]. Данная накладка была найдена в комплексе с монетами 20-х – 30-х гг. XIV в.

Рис. 1. Костяные рукоятки ножей (1-3, 5-8, 11-12) и орудий (4, 9-10, 13) с Увекаского городища.

1, 12 – ГИМ № 34162, оп. 952, №/№ 14, 16. 2, 6 – ГЭ №/№ 30-42, 7273.137; 30-128, 7273.46 (40?), 7273.136. 3, 5, 10 – СОМК №/№ СМК 51998 (СУАК 1045/21); СМК 52043/А-2329 (АО 265/2; СУАК 216/22); СМК 52017/А-2303 (АО 1219). 4, 7-9, 13 – НМРТ № 5365-63, №/№ 43 (4), 133-134 (7-8), 142 (9). 11 – Археологический клуб-музей при Саратовской областной станции юных туристов № 91

Fig. 1. Bone handles of knives (1-3, 5-8, 11-12) and tools (4, 9-10, 13) from Uvek site.
1, 12 – GIM N 34162, inventory 952, NN 14, 16. 2, 6 – GE NN ZO-42, 7273.137; ZO-128, 7273.46 (40?), 7273.136. 3, 5, 10 – SOMK NN SMK 51998 (SUAK 1045/21); SMK 52043/A-2329 (AO 265/2; SUAK 216/22); SMK 52017/A-2303 (AO 1219). 4, 7-9, 13 – NMRT N 5365-63, NN 43 (4), 133-134 (7-8), 142 (9). 11 – Archaeological club-museum at the Saratov regional station of young tourists N 91

Рис. 2. Костяные рукоять орудия (1), затыльники (2-5) и муфты (6-9) ножей, обоймы (10-14), ручка ложки (15), игольник (16) и «юрок» (17) с Увекского городища.

1, 4, 6-7, 13, 17 – ГЭ №/№ 30-61, 7273.39, 7273.132b; 30-130, 7273.44, 7273.151; 30-133, 7273.43, 7273.150; 30-43, 7273.149; 30-134, 7273.36, 7273.147c; 30-127, 7273.42, 7273.132. 2-3, 5, 9, 11, 14 – СМК №/№ СМК 52018/A-2304 (АО 1226/1); АО 1657; НВСП 31370 (СУАК 2593); НВСП 17682 (АО 126/22); СМК 52042/A-2328 (СУАК 216/22; АО 265/2); СМК 52047/A-2327 (АО 265/2; СУАК 216/22). 8, 12, 16 – НМРТ № 5365-63, №/№ 43 (8), 144 (12), ст. № 1850, № 56 (16). 10, 15 – Археологический клуб-музей при Саратовской областной станции юных туристов

Fig. 2. Bone handle of tool (1), backplates (2-5) and couplings (6-9) of knives, holders (10-14), spoon handle (15), needle case (16) and cylinder with three holes for weaving loom (17) from Uvek site.

1, 4, 6-7, 13, 17 – GE NN ZO-61, 7273.39, 7273.132b; ZO-130, 7273.44, 7273.151; ZO-133, 7273.43, 7273.150; ZO-43, 7273.149; ZO-134, 7273.36, 7273.147c; ZO-127, 7273.42, 7273.132. 2-3, 5, 9, 11, 14 – SOMK NN SMK 52018/A-2304 (AO 1226/1); AO 1657; NVSP 31370 (SUAK 2593); NVSP 17682 (AO 126/22); SMK 52042/A-2328 (SUAK 216/22; AO 265/2); SMK 52047/A-2327 (AO 265/2; SUAK 216/22). 8, 12, 16 – NMRT N 5365-63, NN 43 (8), 144 (12), old N 1850, N 56 (16). 10, 15 – Archaeological club-museum at the Saratov regional station of young tourists

Рис. 3. Костяные наконечник стрелы (1), колчанные петли (2-3), рукояти плетей (4-5, 8), пуговица (6), бусина (7), нашивка (9), накладка (10), шашки (11-12), игральный кубик (13), поясная обойма с петлей (14) и пластина с отверстиями (15) с Увекского городища.

1, 4, 6, 8, 11 – ГЭ №/№ 30-60, 7273.41, 7273.140k; 30-122, 7273.153; 30-132, 7273.45, 7273.146; 30-125, 7273.34, 7273.139i; 30-135, 7273.46, 7273.145. 2, 5, 7, 9, 14 – НМРТ № 5365-63, ст. № 20086 (5), ст. № 18361, № 152 (14); № 5365-58 (7). 3 – Энгельсский краеведческий музей № НВСП 9098 (сборы Д.Г.Барина 1994 г.). 10, 13 – Археологический клуб-музей при Саратовской областной станции юных туристов. 12 – ГИМ № 34162, оп. 952, № 17. 15 – СОМК № НВСП 31547

Fig. 3. Bone arrowhead (1), quiver loops (2-3), handles of whips (4-5, 8), button (6), bead (7), stripe (9), mount (10), checkers (11-12), dice (13), belt holder with loop (14) and plate with openings (15) from Uvek site.

1, 4, 6, 8, 11 – GE NN ZO-60, 7273.41, 7273.140k; ZO-122, 7273.153; ZO-132, 7273.45, 7273.146; ZO-125, 7273.34, 7273.139i; ZO-135, 7273.46, 7273.145. 2, 5, 7, 9, 14 – NMRT N 5365-63, old N 20086 (5), old N 18361, N 152 (14); N 5365-58 (7). 3 – Engels Museum of Local Lore N NVSP 9098 (investigations of D.G. Barinov of 1994). 10, 13 – Archaeological club-museum at the Saratov regional station of young tourists. 12 – GIM N 34162, inventory 952, N 17. 15 – SOMK N NVSP 31547

4 категория – поясная обойма с петлей, с горизонтальной прорезью для крепления к ремню (рис. 3,14).

5 категория представлена подпятиугольной поясной нашивкой с фестончатыми краями (рис. 3,9), в центре фестонов имеются отверстия для крепления [76, с. 131, 137, рис. 3,26; 81, с. 32, 37, рис. 6,26; 133, р. 21, 203, fig. 34,26].

IV группа – предметы для игр.

1 категория – фигуры для игры в шашки (рис. 3,11-12); не исключено, однако, что такие предметы могли использоваться как пуговицы. Изделия круглые плоские с отверстиями в центре, одно из них с прочерченными кольцевыми линиями вокруг отверстия и по краю (рис. 3,11). Близкие ко второй (рис. 3,11) шашки найдены на Царевском городище [109, с. 246, 248, рис. 10,3; 114, с. 98, 163, табл. II,8] и в Переяславле Рязанском [104, с. 175–176, рис. 7,1-2]. Плоские поделки с отверстиями (в том числе с орнаментом) известны с Селитренного городища [19, с. 175–176, 191, рис. 1,3-6; 111, с. 174, 176, рис. 35,8-9; 112, с. 217, 220–221, рис. 31,21; 128, р. 172, fig. 91,7,9], из Азака [68, с. 135, 137, рис. 2,8; 72, с. 200, 202, 226, 228, 237, 239, рис. 12,6, 30,9, 40,3-4] и Казани [102, с. 183, рис. 161,22-25; 103, с. 109–110, рис. 8,4,13-14]. Подобные шашки, но без отверстий в центре, известны с Болгарского городища [40, с. 233–234, рис. 103,4-5], из Вятки [64, с. 172, 185, рис. 1,16; 65, с. 174, рис. 3,16], Пскова [118, с. 72–73, рис. 31,3], Ростиславля Рязанского [7, с. 232, рис. 5,1], Переяславля Рязанского XIV–XV вв. [104, с. 179–180, рис. 8,5-7], Москвы и из материалов XIV в. Тушкова-городка под Можайском [9, с. 276–277, рис. 6,3-5; 90, с. 282–283, рис. 20,5; 91, с. 303–304, рис. 129,Б]; в Новгороде (в том числе в материалах второй половины XIII – первой четверти XV в.) встречены подобные изделия с отверстиями и без них [22, с. 101, 165, рис. 74,10-13,15; 46, с. 232, 235, рис. 45,10; 47, с. 168, 171, рис. 22,1; 99, табл. 79,9-14]. Подобные шашки, к которым могут быть отнесены и изделия с отверстиями, найдены в Саркеле IX–X вв. [116, с. 107, рис. 54,8-10].

2 категория – кубик, на гранях которого циркулем выполнены «очки» (рис. 3,13). Стороны имеют размер 1,5х1,5 см. Подобные кубики известны с Болгарского (где найден и шиферный кубик) [10, с. 156–157, рис. 7.3.48-50; 40, с. 233; 89, с. 27, 34, рис. 6,8]⁵, Билярского [96, с. 75, 97, табл. 21,411-412] и Царевского [78, с. 120–121, рис. 4,8; 114, с. 153, 163, табл. II,9]⁶ городищ, из Мохши [59, с. 44, рис. 1–2], Казани [102, с. 183, рис. 161,12; 103, с. 109–110, рис. 8,4,15], Берестья XIII в. [62, с. 284], Пскова X–XII вв. [105, с. 106–107, рис. 38,2], Смоленска XII в. [5, с. 76–77, рис. 7,5], Старой Рязани первой трети XIII в. [32, с. 44–45, рис. 24,10], Новгорода XIII–XV вв. [4, с. 161, 171–172, рис. 11,жс; 36, с. 101; 98, с. 220, 223, рис. 19], Москвы [91, с. 303–304, рис. 129,В], Херсонеса IX–XIII вв. [93, с. 94–95, рис. 7,137-138], Йорка [129, р. 114–115, fig. 138], Северо-Восточной Шотландии [131, р. 196–197, fig. 44,278], Пенджикента VI – середины VIII в. [13, с. 104–105, рис. 66], Саркела IX–X вв., с селища Подгаевка I салтово-маяцкой культуры [54, с. 88,

⁵ Болгарский государственный историко-архитектурный заповедник. №/№ 24–26, 150–113.

⁶ Государственный Эрмитаж. № Сар-193.

рис. 7,17; 116, с. 107, рис. 54,1-6] и в раннесредневековом кургане в Ростовской области [121, с. 384–385, рис. 6,1-2]. Присутствуют схожие изделия на памятниках Римской империи, есть они и в материалах исламских стран⁷.

VII группа – изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов.

В этой группе имеется только пластина длиной 7,5 см и шириной 3 см, подвергшаяся расщеплению и распрямлению, несущая на себе следы обработки с использованием циркульного инструмента, выразившейся в изъятии круглых (диаметром 1–1,3 см) заготовок (рис. 3,15). Подобные пластины были найдены в Белгороде-Днестровском [51, с. 84–85, рис. 33,5], Булгаре [11, с. 237, рис. 22.6.5], Казани [102, с. 176, 183, рис. 118,2, 161,34-41; 103, с. 109–110, рис. 8,4,19-22] и Москве [14, с. 111–112, рис. 39,2; 91, с. 118–119, 121, рис. 56,4, 58,6].

Примечательно распределение находок (49 экз.) по группам: I группа, орудия труда и предметы домашнего обихода (32 экз., 65,3%); II группа, предметы боевого и охотничьего снаряжения (8 экз., 16,3%); III группа, предметы туалета и украшения (5 экз., 10,2%); IV группа, предметы для игр (3 экз., 6,1%); VII группа, изделия, характеризующие технологический процесс изготовления предметов из рога и кости (1 экз., 2,1%). Налицо очевидное преобладание на Увекском городище орудий труда и предметов домашнего обихода (почти две трети всего комплекса), преимущественно представленных составными частями ножей и других орудий.

Сравним с нашей количественно более представительные коллекции костяных изделий, распределив их по тем же группам. По данным для Болгарского городища [40] определяемые по назначению предметы (391 экз.) распределяются следующим образом: I группа (195 экз., 49,9%), II группа (57 экз., 14,6%), III группа (46 экз., 11,7%), IV группа (25 экз., 6,4%), V группа (5 экз., 1,3%) и VII группа (63 экз., 16,1%). Для Саркела [116, с. 36, 118, табл. 2, 7] определяемые предметы (987 экз.) распределяются так: I группа (247 экз., 25%), II группа (232 экз., 23,5%), III группа (97 экз., 9,9%), IV группа (13 экз., 1,3%), V группа (26 экз., 2,6%) и VII группа (372 экз., 37,7%). Доля орудий труда и предметов домашнего обихода на Увекском городище гораздо больше, чем в коллекциях Булгара и Саркела, а доля свидетельств местного изготовления костяных изделий – гораздо меньше, чем на этих двух памятниках.

Что касается сырья, использованного для изготовления рассмотренных изделий, то они были сделаны из рога (игольник, печать, обкладки колчанов, рис. 1,1-8,10-13, 2,1-5,7-9,11-16, 3) – 91,8%, или из трубчатых костей млекопитающих – 8,2% (рис. 1,9, 2,6,10,17).

При изготовлении рукоятей, затыльников и муфты (рис. 1,8,12-13, 2,2,4,8) использовалась штриховка стыковочных поверхностей для лучшего склеивания деталей. Ряд изделий несет следы обработки на токарном станке (печать, рис. 1,4,10,13, 2,13-14, 3,5-8,11-12), отпиливания (рис. 1,1-11,13, 2,1-14,16-17, 3,1,4-5,8-12,14) и обстругивания (рис. 1,4,7,13, 2,1). На многие изделия наносилась различная орнаментация (игольник, печать, обкладки колчанов, рис. 1,1-3,5-6,10-11,13, 2,3,5,12-14, 3,5-6,8,10-11,13), в том числе цир-

⁷ Находка из Фустата, XI–XII вв. The Metropolitan Museum of Art. № 1974.98.3. Rogers Fund 1974.

кульная (рис. 1,1-2, 2,13-14, 3,10,13). В заключительной стадии производства все изделия были отполированы с внешних, остававшихся видимыми, сторон. Судя по проанализированным изделиям, уровень технологических навыков мастеров, изготовивших продукцию из Укека, не уступал уровню золотоордынского косторезного ремесла в целом (не зафиксированы лишь изделия с сохранившимися следами окрашивания), а также ремесла других средневековых государств. Изделия, изготовленные с использованием токарного станка, а также имеющие циркульный орнамент (печать, рис. 1,1-2,4,10,13, 2,13-14, 3,5-8,10-13), можно уверенно относить к продукции специализированного ремесленного производства [116, с. 132]; оставшиеся изделия, однако, не следует считать кустарными, поскольку их изготовление также требовало значительных ремесленных навыков.

Пластина с отверстиями, образовавшимися в результате изъятия круглых заготовок, убедительно свидетельствует о наличии в Укеке косторезного ремесла. Из города продукция косторезов поступала в сельские поселения: она найдена в округе Укека при раскопках селищ Широкий Буерак (рукоять ножа) и Багаевское (рукоять, затыльник, муфта ножа, обойма, колчанная петля, рукоять плети, нашивка, альчики, орнаментированное изделие).

Формы средневековых костяных изделий традиционны. Как правило, большинство из них датируется достаточно широко, поэтому приведенные аналогии (несмотря на наличие среди них и очень узко датированных) в большинстве своем имеют широкий хронологический диапазон, иногда относящийся как к более раннему, так и более позднему времени, чем золотоордынское.

Аналогии изделиям из Укека указывают на салтово-маяцкие и болгарские корни традиций (сырье, технология изготовления, орнаментация) золотоордынского косторезного ремесла и на синхронные связи с центрами Нижнего Поволжья, Нижнего Подонья и Древней Руси.

Рассмотренные изделия из кости с Увекского городища характеризуют материальную культуру крупного города Нижнего Поволжья эпохи Золотой Орды. Судя по ним, продукция косторезов из Укека ни в чем не уступала профессиональным ремесленным изделиям из других золотоордынских городов: представлены те же основные категории предметов, используемое сырье и технологии обработки материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // Материалы и исследования по археологии СССР. 1954. № 42. С. 259–301.
2. Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1968. С. 98–111.
3. Археологическое наследие Волгоградской области. К 100-летию Волгоградского краеведческого музея. Волгоград: Издатель, 2013. 288 с.
4. Арциховский А.В. Раскопки восточной части Дворища в Новгороде // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11. С. 152–176.
5. Асташова Н.И. Костяные изделия средневекового Смоленска // Средневековые древности Восточной Европы. М.: Издательский центр ГИМ, 1993. С. 69–78.

6. Атавин А.Г., Каменецкий И.С. Харинка: средневековый слой // Нижневолжский археологический вестник. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2002. Вып. 5. С. 266–307.
7. Бадеев Д.Ю. Фигурки настольных игр из Ростиславля Рязанского // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: Институт археологии РАН, 2007. Вып. 3. С. 229–233.
8. Бадеев Д.Ю. Изделия из кости и рога с селища Мякинино I // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: Институт археологии РАН, 2008. Вып. 4. С. 20–26.
9. Бадеев Д.Ю. Шахматы и шашечные игры (по данным археологических исследований Московского Кремля) // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: Институт археологии РАН, 2010. Вып. 6. С. 271–277.
10. Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. Т. 1. Древний Болгар: жизнь города. 267 с.
11. Баранов В.С., Бугров Д.Г., Ситдииков А.Г. Музей Болгарской цивилизации. Казань: Главдизайн, 2016. Т. 2. История тюрко-болгарской цивилизации. 254 с.
12. Бейлекчи В.В., Родин В.В. Исследования на улицах Теремки и Пушкарская в городе Суздале // Археология Подмосквья: Материалы научного семинара. М.: Институт археологии РАН, 2007. Вып. 3. С. 205–228.
13. Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г. Средневековый город Средней Азии. Л.: Наука, Ленингр. отд-ие, 1973. 389 с.
14. Беленькая Д.А., Дубынин А.Ф. Работы на территории Китай-города (Москва) в 1964–1965 гг. // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института археологии. 1967. Вып. 110. С. 110–113.
15. Бородавский А.П. Плети и стеки в экипировке раннесредневекового всадника юга Западной Сибири // Военное дело населения юга Сибири и Дальнего Востока. Новосибирск: ВО «Наука», Сибирская издательская фирма, 1993. С. 179–189.
16. Брайчевский М.Ю., Трохимец П.А. Новые археологические материалы по истории Белой Церкви // Советская археология. 1961. № 4. С. 218–226.
17. Валиулина С.И. Балынгуское (Торецкое) III селище и проблема преемственности городской культуры в округе Билярского городища в золотоордынский период // Татарская археология. Казань: ООО «Печатные технологии», 2004. № 1–2(12–13). С. 157–191.
18. Власкин М.В., Гармашов А.И., Доде З.В., Науменко С.А. Погребения знати золотоордынского времени в междуречье Дона и Сала. М.: Памятники исторической мысли, 2006. 232 с.
19. Волков И.В. Неопределенные предметы в золотоордынских городах // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века», 25–28 сентября 2003 года, Казань-Яльчик. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 175–194.
20. Воронин Н.Н. Оборонительные сооружения Владимира XII в. // Материалы и исследования по археологии СССР. 1949. № 11. С. 203–239.
21. Высоцкий Н.Ф. Несколько слов о древностях Волжской Булгарии. Казань: Типолитография ИУ, 1908. 14 с.
22. Гайдуков П.Г. Славенский конец средневекового Новгорода. Нутный раскоп. М.: «Эвтектика», 1992. 197 с.
23. Гайдуков П.Г., Макаров Н.А. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород, 1993. Вып. 7. С. 179–188.
24. Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа: Гилем, 1998. 335 с.

25. Голубев Л.Э., Сазонов А.А. Погребение воина-кочевника из Прикубанья // Российская археология. 2008. № 4. С. 130–133.
26. Гончаров В.К. Райковецкое городище. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1950. 149 с.
27. Гоняный М.И., Кокорина Н.А., Свирина А.Б. Гончарный комплекс первой половины XIII в. на поселении Монастырщина 5 // Средневековые древности Восточной Европы. М.: Издательский центр ГИМ, 1993. С. 143–160.
28. Гусач И.Р. Археологические исследования на территории турецкой крепости Азак // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. Вып. 21. С. 127–141.
29. Гусева Т.В. Ремесленные мастерские в восточном пригороде Нового Сарая // Советская археология. 1974. № 3. С. 125–141.
30. Давидан О.И. Староладожские изделия из кости и рога (по раскопкам Староладожской экспедиции ИИМК АН СССР) // Археологический сборник. Л.-М.: Советский художник, 1966. Вып. 8. С. 103–115.
31. Данилов О.В., Зеленева Ю.А., Румянцев Г.Г. Раскоп 2002 г. на улице Депутатской в городе Кострома // Вестник Костромской археологической экспедиции. Кострома, 2006. Вып. 2. С. 45–69.
32. Даркевич В.П. Раскопки на Южном городище Старой Рязани (1966–1969 гг.) // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 19–71.
33. Даркевич В.П., Борисевич Г.В. Древняя столица Рязанской земли. М.: Издательство «Кругъ», 1995. 448 с.
34. Дмитриенко М.В. Итоги спасательных раскопок в г. Азове в 2006 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2006 г. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2008. Вып. 23. С. 193–200.
35. Дмитриенко М.В. Итоги спасательных археологических раскопок на территории города Азова в 2007 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2010. Вып. 24. С. 305–311.
36. Древний Новгород: Прикладное искусство и археология. М.: Искусство, 1985. 167 с.
37. Егоров В.Л., Федоров-Давыдов Г.А. Исследование мечети на Водянском городище // Средневековые памятники Поволжья. М.: Наука, 1976. С. 108–167.
38. Ельников М.В. Погребение с геммой-инталией сасанидского периода из низовий Днепра // Татарская археология. Казань: ООО «Фолиантъ», 2006. № 1–2(16–17). С. 60–63.
39. Ефимова А.М. Городецкое селище и болгарское городище у с. Балымеры Татарской АССР // Материалы и исследования по археологии СССР. 1962. № 111. С. 25–48.
40. Закирова И.А. Косторезное дело Болгара // Город Болгар: Очерки ремесленной деятельности. М.: Наука, 1988. С. 220–243.
41. Захаров С.Д. Древнерусский город Белоозеро. М.: «Индрик», 2004. 592 с.
42. Зверуго Я.Г. Древний Волковыск X–XIV вв. Минск: Наука и техника, 1975. 143 с.
43. Казаков Е.П. Булгарское село X–XIII веков низовий Камы. Казань: Татар. кн. изд-во, 1991. 176 с.
44. Казаков Е.П. Культура ранней Волжской Болгарии (Этапы этнокультурной истории). М.: Наука, 1992. 335 с.
45. Кирпичников А.Н. Снаряжение всадника и верхового коня на Руси IX–XIII вв. Л.: Наука, 1973. 140 с.
46. Колчин Б.А., Рыбина Е.А. Раскоп на улице Кирова // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М.: Наука, 1982. С. 178–238.

47. Колчин Б.А., Хорошев А.С. Михайловский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 135–173.
48. Королева Э.В., Харлашов Б.Н. К вопросу о дворах в средневековом Пскове (по материалам Васильевского раскопа) // Археологическое изучение Пскова. Псков: Миклош, 1994. Вып. 2. С. 77–96.
49. Костыгина (Новикова) Л.А. К изучению косторезного ремесла древней Твери // Тверь, Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Тверь, 1996. Вып. 1. С. 181–188.
50. Кочкина А.Ф. Малоярзанское II селище – русский поселок золотоордынского времени на Самарской Луке (предварительные результаты) // Среднее Поволжье в контексте средневековой российской истории: на перекрестке культур (конец XIII–XVI в.). Материалы научно-практической конференции. Самара: ООО «Офорт», 2012. С. 107–128.
51. Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV в.). Киев: Наукова думка, 1986. 127 с.
52. Кравченко С.А., Широченко Э.Б., Гончарова С.М. Раскопки в г. Азове в 2010 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2012. Вып. 26. С. 178–214.
53. Крамаровский М.Г. Печать конца XIII–XIV в. с исламским вариантом христианской легенды об отроках из Эфеса // Татарская археология. Казань: Типография Управления делами Президента РТ, 1999. № 1–2 (4–5). С. 39–48.
54. Красильников К.И. Изделия из кости салтовской культуры // Советская археология. 1979. № 2. С. 77–91.
55. Кубанкин Д.А. Погребальные памятники Увекского городища // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Научная книга, 2006. Вып. 4. С. 190–213.
56. Культура Биляра. Булгарские орудия труда и оружие X–XIII вв. М.: Наука, 1985. 216 с.
57. Кушева-Грозевская А. Золотоордынские древности Государственного Исторического Музея из раскопок 1925–26 гг. в Нижнем Поволжье. Саратов: Тип. Промкомбината, 1928. 36 с.
58. Лапшин А.С., Мыськов Е.П. Исследования на Водянском городище в 2009–2010 гг. Волгоград: ООО «Царицынская полиграфическая компания», 2011. 174 с.
59. Лебедев В.И. Загадочный город Мохши. Пенза: Кн. изд-во, 1958. 48 с.
60. Левашева В.П. Обработка кожи, меха и других видов животного сырья // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. М.: Советская Россия, 1959. С. 38–60.
61. Лысенко П.Ф. Города Туровской земли. Минск: Наука и техника, 1974. 200 с.
62. Лысенко П.Ф. Берестье. Минск: Наука и техника, 1985. 399 с.
63. Ляхов С.В. Новые золотоордынские погребения Саратовского Заволжья // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов: Изд-во Саратовского ун-та, 1992. Вып. 3. С. 158–184.
64. Макаров Л.Д. Типология и хронология древностей Хлынова // Типология и датировка археологических материалов Восточной Европы. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1995. С. 166–189.
65. Макаров Л.Д. Древнерусский город Вятка (Хлынов) по археологическим данным // Научное наследие А.П. Смирнова и современные проблемы археологии Волго-Камья. Материалы научной конференции. М.: Редакционно-издательский центр ГИМ, 2000. С. 170–176.
66. Малиновская Н.В. Колчаны XIII–XIV вв. с костяными орнаментированными обкладками на территории евразийских степей // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 132–175.
67. Мальм В.А., Фехнер М.В. Археологические исследования древнего Пронска и городища на горе Гневне // Археология Рязанской земли. М.: Наука, 1974. С. 193–209.

68. *Масловский А.Н.* Работы I Азовского отряда в 1997 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1995–1997 гг. Азов: Азовский краеведческий музей, 1998. Вып. 15. С. 133–137.
69. *Масловский А.Н.* Археологические исследования в Азове и Азовском районе в 2005 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2005 г. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. Вып. 22. С. 102–126.
70. *Масловский А.Н.* Археологические работы в Азове и Азовском районе в 2004 году // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2004 г. Азов: Азовский музей-заповедник, 2006. Вып. 21. С. 92–117.
71. *Масловский А.Н.* Подвал купеческого дома конца первой половины XIV века из Азака // Степи Европы в эпоху средневековья. Донецк: ДонНУ, 2008. Т. 6. Золотоордынское время. С. 93–124.
72. *Масловский А.Н.* Археологические исследования в городе Азове и Азовском районе в 2007–2008 годах // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2007–2008 гг. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2010. Вып. 24. С. 182–242.
73. *Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф.* Муромский городок. Самара: ООО «Офорт», 2005. 44 с.
74. *Медведев А.Ф.* Ручное метательное оружие (Лук и стрелы, самострел). VIII–XIV вв. М.: Наука, 1966. 184 с.
75. *Монгайт А.Л.* Старая Рязань. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1955. 228 с.
76. *Моржерин К.Ю., Недашковский Л.Ф.* Детали поясных наборов из Укека // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1996. Вып. 4. С. 124–148.
77. *Мыськов Е.П.* Русский поселок и русский квартал Водянского городища // Материалы по археологии Волго-Донских степей. Волгоград: Изд-во Волгоградского государственного университета, 2001. Вып. 1. С. 250–267.
78. *Мыськов Е.П.* Северо-западный пригород Царевского городища // Поволжье и сопредельные территории в средние века / Труды Государственного исторического музея, Вып. 135. М.: «Тиссо-Полиграф», 2002. С. 115–122.
79. *Набиуллин Н.Г.* Джукетау – город булгар на Каме. Казань: Татар. кн. изд-во, 2011. 143 с.
80. *Нарожный Е.И.* Средневековые кочевники Северного Кавказа (некоторые дискуссионные проблемы этнокультурного взаимодействия эпохи Золотой Орды). Армавир: Центр археологических исследований АГПУ, 2005. 210 с.
81. *Недашковский Л.Ф.* Золотоордынский город Укек и его округа. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 2000. 224 с.
82. *Недашковский Л.Ф.* Интенсивность экономического развития Нижнего Поволжья золотоордынской эпохи (по материалам округа крупнейших городов) // Stratum Plus. 2016. № 6. Pax Mongolica и евразийские потрясения XIII–XIV веков. С. 151–162.
83. *Недашковский Л.Ф.* Химический состав изделий из цветных металлов с золотоордынских поселений северных районов Нижнего Поволжья // Stratum Plus. 2018. № 6. Балансы истории: ценности и средства. С. 243–254.
84. *Недашковский Л.Ф., Шигапов М.Б.* Вооружение и конское снаряжение с Багаевского селища // Stratum Plus. 2019. № 5. «Огнем и мечом». С. 167–177.
85. *Никольская Т.Н.* Городище Слободка XII–XIII вв. К истории древнерусского градостроительства в Земле вятичей. М.: Наука, 1987. 185 с.
86. *Пальцева Д.У., Шакиров З.Г., Худяков А.В.* Костяные предметы быта средневекового населения Биляра // Филология и культура. 2012. № 1(27). С. 208–215.
87. *Перевозчиков В.И.* Итоги раскопок I Азовской археологической экспедиции в 1989 г. // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1989 г. Азов, 1990. Вып. 9. С. 22–29.

88. *Полубояринова М.Д.* Костяные детали снаряжения средневекового всадника и лучника из Болгара // Советская археология. 1986. № 2. С. 254–260.
89. *Полубояринова М.Д.* Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М.: Наука, 1993. 123 с.
90. *Рабинович М.Г.* Крепость и город Тушков // Советская археология. 1959. XXIX–XXX. С. 263–286.
91. *Рабинович М.Г.* О древней Москве: Очерки материальной культуры и быта горожан в XI–XVI вв. М.: Наука, 1964. 353 с.
92. *Равдина Т.В.* Раскопки в Пинске // Советская археология. 1966. № 1. С. 285–290.
93. *Романчук А.И.* Изделия из кости в средневековом Херсоне // Античная древность и средние века. Свердловск, 1981. Вып. 18. С. 84–105.
94. *Руденко К.А.* VI Алексеевское селище. Казань: Репер, 2000. 107 с.
95. *Руденко К.А.* Остров «Мурзиха» и его окрестности. Хронологический атлас археологических коллекций НМ РТ (1991–1999 гг.). Опыт микрорегионального исследования. Казань: РИЦ «Школа», 2002. 208 с.
96. *Руденко К.А.* Булгарские изделия из кости и рога // Древности Поволжья: эпоха средневековья (исследования культурного наследия Волжской Булгарии и Золотой Орды). Материалы II Всероссийской конференции «Поволжье в средние века», 25–28 сентября 2003 года, Казань-Яльчик. Казань: РИЦ «Школа», 2005. С. 67–97.
97. *Руденко К.А.* Волжская Булгария в XI – начале XIII в.: поселения и материальная культура. Казань: РИЦ «Школа», 2007. 244 с.
98. *Рыбина Е.А.* Готский раскоп // Археологическое изучение Новгорода. М.: Наука, 1978. С. 197–226.
99. *Рыбина Е.А.* Шашки, «мельница», шахматы // Археология / Древняя Русь. Быт и культура. М.: Наука, 1997. С. 110–114.
100. *Самойлович Н.Г.* Конюшенный раскоп в Ростове Великом. М.: ООО «ТА-УС», 2007. 88 с.
101. *Синицын И.В.* Археологические исследования Заволжского отряда // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60. С. 39–205.
102. *Ситдиков А.Г.* Казанский кремль: историко-археологическое исследование. Казань: ООО «Фолиант», 2006. 288 с.
103. *Ситдиков А.Г., Хузин Ф.Ш.* Некоторые итоги археологического изучения кремля ханской Казани (по материалам раскопок 1994–2005 гг.) // Российская археология. 2009. № 1. С. 99–111.
104. *Судаков В.В.* Изделия из кости из Переяславля Рязанского // Археологические памятники Окского бассейна. Рязань, 1996. С. 159–186.
105. *Тараканова С.А.* Раскопки древнего Пскова (1945–1947 гг.) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1949. Вып. XXVII. С. 104–112.
106. *Тасмагамбетов И.Н., Самашев З.С.* Сарайчик. Алматы: Berel, 2001. 319 с.
107. *Тропин Н.А.* Орудия труда, предметы быта и украшения из раскопок сельских поселений XII–XIV вв. южных районов Рязанской земли // Верхнедонской археологический сборник. Липецк: Успех-Инфо, 2001. Вып. 2. С. 185–204.
108. *Федоров-Давыдов Г.А.* Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. Археологические памятники. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 274 с.
109. *Федоров-Давыдов Г.А.* Новый Сарай по раскопкам в 1963–1964 гг. // Советская археология. 1966. № 2. С. 233–248.
110. *Федоров-Давыдов Г.А.* Исследование большой аристократической усадьбы на Царевском городище // Вестник МГУ, серия 8 история. 1981. № 1. С. 64–84.
111. *Федоров-Давыдов Г.А.* Золотоордынские города Поволжья. М.: Изд-во МГУ, 1994. 228 с.

112. *Федоров-Давыдов Г.А., Булатов Н.М.* Керамическая мастерская Селитренного городища // Сокровища сарматских вождей и древние города Поволжья. М.: Наука, 1989. С. 133–248.
113. *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Гусева Т.В.* Исследования трех усадеб в восточном пригороде Нового Сарая (Царевского городища) // Города Поволжья в средние века. М.: Наука, 1974. С. 89–131.
114. *Федоров-Давыдов Г.А., Вайнер И.С., Мухамадиев А.Г.* Археологические исследования Царевского городища (Новый Сарай) в 1959–1966 гг. // Поволжье в средние века. М.: Наука, 1970. С. 68–171.
115. *Фехнер М.В.* Раскопки в Костроме (К вопросу о времени возникновения Костромы и ее первоначальном местоположении) // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. 1952. Вып. XLVII. С. 101–108.
116. *Флерова В.Е.* Резная кость юго-востока Европы IX–XII веков: Искусство и ремесло. По материалам Саркела – Белой Вежи из коллекции Государственного Эрмитажа. СПб.: Алетейя, 2001. 352 с.
117. *Халиков А.Х.* Кирпичное здание на XVII раскопе // Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища). Казань: Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба, 1979. С. 11–20.
118. *Харлашов Б.Н.* Некоторые итоги раскопок на Завеличье // Археологическое изучение Пскова. Псков: Миклош, 1994. Вып. 2. С. 44–76.
119. *Хузин Ф.Ш.* Рядовые жилища, хозяйственные постройки и ямы цитадели // Новое в археологии Поволжья (Археологическое изучение центра Билярского городища). Казань: Полиграфический комбинат им. Камиля Якуба, 1979. С. 62–99.
120. *Хынку И.Г.* Поселения XI–XIV веков в Оргеевских кодрах Молдавии. Кишинев: Редакционно-издательский отдел АН Молдавской ССР, 1969. 115 с.
121. *Чхаидзе В.Н.* Раннесредневековые курганы из могильника Кузнецовский I // Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 2010 г. Азов: Изд-во Азовского музея-заповедника, 2012. Вып. 26. С. 374–402.
122. *Шилов В.П.* Калиновский курганный могильник // Материалы и исследования по археологии СССР. 1959. № 60. С. 323–523.
123. *Шовкопляс А.М.* Некоторые данные о косторезном ремесле в древнем Киеве // Краткие сообщения Института археологии. Киев: Изд-во АН Украинской ССР, 1954. Вып. 3. С. 27–32.
124. *Штыхов Г.В.* Древний Полоцк IX–XIII вв. Минск: Наука и техника, 1975. 136 с.
125. *Штыхов Г.В.* Города Полоцкой земли (IX–XIII вв.). Минск: Наука и техника, 1978. 160 с.
126. *Яворская Л.В.* Экзотическое сырье костяных артефактов из раскопок золотоордынских городов // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 3. С. 206–217.
127. *Яворская Л.В., Бадеев Д.Ю.* Косторезные мастерские в торгово-ремесленном районе средневекового Болгара: критерии выявления // Поволжская археология. 2019. № 4(30). С. 210–225.
128. *Fedorov-Davydov G.A.* The Culture of the Golden Horde Cities / Bartlett Wells H. (tr.). Oxford, 1984. 278 p.
129. *Hall R.A.* The Viking Dig: The Excavations at York. London: Bodley Head, 1984. 158 p.
130. *Kramarovsky M.G.* Mongol horse trappings in the thirteenth and fourteenth centuries // Furusiyya. Riyadh: King Abdulaziz Public Library, 1996. Vol. I. The Horse in the Art of the Near East. P. 48–53.

131. Murray H.K., Murray J.C. Excavations at Rattray, Aberdeenshire. A Scottish deserted burgh // *Medieval Archaeology*. London: The Society for Medieval Archaeology, 1993. Vol. 37. P. 109–218.
132. Nedashkovskii L.F. Economy of the Golden Horde population // *Anthropology & Archaeology of Eurasia*. 2009. V. 48. No. 2. P. 35–50.
133. Nedashkovsky L.F. Ukek: The Golden Horde city and its periphery. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.
134. Nedashkovsky L.F. Golden Horde antiquities: The development of research ideas // *Acta Archaeologica*. 2012. Vol. 83. No. 1. P. 225–255.
135. Nedashkovsky L.F. Agriculture, cattle breeding and trade in the Golden Horde based on data from written sources // *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*. 2014. Special Issue. Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day. P. 291–303.
136. Nedashkovsky L.F. Trade in the Golden Horde Volga Region // *Journal of Sustainable Development*. 2015. Vol. 8. No. 7. P. 199–206.
137. Tallgren A.-M. Collection Zaoussailov au Musee National de Finlande a Helsingfors. II. Monographie de la section de l'age du fer et l'epoque dite de Bolgary. Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. 59 p.

Сведения об авторах: Леонард Федорович Недашковский – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории Татарстана, археологии и этнологии Института международных отношений, Казанский (Приволжский) федеральный университет (420008, ул. Кремлевская, 18, Казань, Российская Федерация). E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Константин Юрьевич Моржерин – заведующий сектором археологии, Саратовский областной музей краеведения (410031, ул. Лермонтова, 34, Саратов, Российская Федерация). E-mail: Morjerin@comk.ru

Поступила 21.01.2020 Принята к публикации 24.06.2020
Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Alikhova A.E. Muranskiy mogil'nik i selishche [The Muranskiy burial ground and settlement]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]. 1954, no. 42, pp. 259–301. (In Russian)
2. Arslanova F.Kh. Pamyatniki Pavlodarskogo Priirtysh'ya (VII–XII vv.) [Monuments of the Pavlodar Irtysh region (from the seventh to the twelfth centuries)]. *Novoe v arkheologii Kazakhstana* [New in Archaeology of Kazakhstan]. Alma-Ata: "Science" of the Kazakh SSR, 1968, pp. 98–111. (In Russian)
3. *Arkheologicheskoe nasledie Volgogradskoy oblasti. K 100-letiyu Volgogradskogo kraevedcheskogo muzeya* [Archaeological Heritage of the Volgograd Region. To the 100th Anniversary of the Volgograd Museum of Local Lore]. Volgograd: "Publisher", 2013. 288 p. (In Russian)
4. Artsikhovskiy A.V. Raskopki vostochnoy chasti Dvorishcha v Novgorode [Excavations of the eastern part of Dvorishche in Novgorod]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]. 1949, no. 11, pp. 152–176. (In Russian)
5. Astashova N.I. Kostyanye izdeliya srednevekovogo Smolenska [Bone articles from medieval Smolensk]. *Srednevekovye drevnosti Vostochnoy Evropy* [Medieval Antiquities of Eastern Europe]. Moscow: State Historical Museum, 1993, pp. 69–78. (In Russian)

6. Atavin A.G., Kamenetskiy I.S. Kharinka: srednevekovyy sloj [Kharinka: medieval layer]. *Nizhnevolzhskiy arkheologicheskiy vestnik* [The Lower Volga Archaeological Bulletin]. Volgograd: Volgograd State University Publ., 2002, iss. 5, pp. 266–307. (In Russian)
7. Badeev D.Yu. Figurki nastol'nykh igr iz Rostislavlya Ryazanskogo [Figurines of table games from Rostislavl' Ryazansky]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Research Seminar]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2007, iss. 3, pp. 229–233. (In Russian)
8. Badeev D.Yu. Izdeliya iz kosti i roga s selishcha Myakinino I [Wares from bone and horn from Myakinino I settlement]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Moscow region: Materials of research seminar]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2008, Iss. 4, pp. 20–26. (In Russian)
9. Badeev D.Yu. Shakhmaty i shashechnye igry (po dannym arkheologicheskikh issledovaniy Moskovskogo Kremlya) [Chess and checkers games (on the data of archaeological researches of Moscow Kremlin)]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Research Seminar]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2010, iss. 6, pp. 271–277. (In Russian)
10. Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G. *Muзей Bolgarskoy tsivilizatsii*, T. 1. *Drevniy Bolgar: zhizn' goroda* [Museum of the Volga Bulgarian Civilization, Vol. 1: Ancient Bolghar: City Life]. Kazan: Glavdizayn, 2016. 267 p. (In Russian)
11. Baranov V.S., Bugrov D.G., Sitdikov A.G. *Muзей Bolgarskoy tsivilizatsii*, T. 2: *Istoriya tyurko-bolgarskoy tsivilizatsii* [Museum of the Volga Bulgarian Civilization, Vol. 2: History of the Turkic Bulgarian Civilization]. Kazan: "Glavdizayn", 2016. 254 p. (In Russian)
12. Beylekchi V.V., Rodin V.V. Issledovaniya na ulitsakh Teremki i Pushkarskaya v gorode Suzdale [Researches on the streets Teremki and Pushkarskaya in Suzdal' city]. *Arkheologiya Podmoskov'ya: Materialy nauchnogo seminara* [Archaeology of the Moscow Region: Proceedings of Research Seminar]. Moscow: Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences, 2007, iss. 3, pp. 205–228. (In Russian)
13. Belenitskiy A.M., Bentovich I.B., Bol'shakov O.G. *Srednevekovyy gorod Sredney Azii* [Medieval City of Central Asia]. Leningrad: "Science", 1973. 389 p. (In Russian)
14. Belen'kaya D.A., Dubynin A.F. Raboty na territorii Kitay-goroda (Moskva) v 1964–1965 gg. [Works on the territory of Kitay-gorod (Moscow) in 1964–1965]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh Instituta arkheologii* [Short Abstracts of Reports and Field Researches of the Institute of Archaeology]. 1967, iss. 110, pp. 110–113. (In Russian)
15. Borodovskiy A.P. Pleti i steki v ekipirovke rannesrednevekovogo vsadnika yuga Zapadnoy Sibiri [Lashes and stacks in equipment of early medieval horsemen of the south of Western Siberia]. *Voennoe delo naseleniya yuga Sibiri i Dal'nego Vostoka* [Warfare of the Population of Southern Siberia and Far East]. Novosibirsk: "Science", Siberian publishing firm, 1993, pp. 179–189. (In Russian)
16. Braychevskiy M.Yu., Trokhimets P.A. Novye arkheologicheskie materialy po istorii Beloy Tserkvi [New archaeological materials on the history of Belaya Tserkov']. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1961, no. 4, pp. 218–226. (In Russian)
17. Valiulina S.I. Balynguzskoe (Toretskoe) III selishche i problema preemstvennosti gorodskoy kul'tury v okruge Bilyarskogo gorodishcha v zolotoordynskiy period [Balynguzskoe (Toretskoe) III settlement and problem of continuity of urban culture in the region of Bilyarskoe site during the Golden Horde period]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology]. Kazan: "Printing technologies", 2004, no. 1–2(12–13), pp. 157–191. (In Russian)

18. Vlaskin M.V., Garmashov A.I., Dode Z.V., Naumenko S.A. *Pogrebeniya znati zolotoordynskogo vremeni v mezhdurech'ye Dona i Sala* [Burials of Nobility of the Golden Horde's Time in the Interflaves of the Don and Sal]. Moscow: "Monuments of historical thought", 2006. 232 p. (In Russian)
19. Volkov I.V. Neopredelennye predmety v zolotoordynskikh gorodakh [Undetermined objects in the Golden Horde cities]. *Drevnosti Povolzh'ya: epokha srednevekov'ya (issledovaniya kul'turnogo naslediya Volzhskoy Bulgarii i Zolotoy Ordy). Materialy II Vserossiyskoy konferentsii 'Povolzh'ye v srednie veka', 25–28 sentyabrya 2003 goda, Kazan'-Yal'chik* [Antiquities of the Volga Region: The Middle Ages (researches of cultural heritage of the Volga Bulgaria and Golden Horde). Proceedings of the Second All-Russian Conference "The Volga Region in the Middle Ages", September 25–28, 2003, Kazan-Yal'chik]. Kazan: "School", 2005, pp. 175–194. (In Russian)
20. Voronin N.N. Oboronitel'nye sooruzheniya Vladimira XII v. [Fortifications of Vladimir of the twelfth century]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]. 1949, no. 11, pp. 203–239. (In Russian)
21. Vysotskiy N.F. *Neskol'ko slov o drevnostyakh Volzhskoy Bolgarii* [Some Words about Antiquities of the Volga Bulgaria]. Kazan: Typolithography of IU, 1908. 14 p. (In Russian)
22. Gaydukov P.G. *Slavenskiy konets srednevekovogo Novgoroda. Nutnyy raskop* [Slavensky Konets of Medieval Novgorod. Nutny Trench]. Moscow: "Eutectica", 1992. 197 p. (In Russian)
23. Gaydukov P.G., Makarov N.A. Novye arkheologicheskie materialy o pushnom promysle v Drevney Rusi [New archaeological materials about fur trade in Old Rus']. *Novgorod i Novgorodskaya zemlya. Istoriya i arkheologiya* [Novgorod and Novgorod's Lands. History and Archaeology]. Novgorod, 1993, iss. 7, pp. 179–188. (In Russian)
24. Garustovich G.N., Rakushin A.I., Yaminov A.F. *Srednevekovye kochevniki Povolzh'ya (kontsa IX – nachala XV veka)* [Medieval Nomads of the Volga Region (end of the ninth to the beginning of fifteenth centuries)]. Ufa: "Gilem", 1998. 335 p. (In Russian)
25. Golubev L.E., Sazonov A.A. Pogrebenie voina-kochevnika iz Prikuban'ya [Burial of warrior-nomad from the Kuban region]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2008, no. 4, pp. 130–133. (In Russian)
26. Goncharov V.K. *Raykovetskoe gorodishche* [Raykovetskoe Site]. Kyiv: Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1950. 149 p. (In Russian)
27. Gonyanny M.I., Kokorina N.A., Svirina A.B. Goncharnyy kompleks pervoy poloviny XIII v. na poselenii Monastyrshchina 5 [Potters complex of the first half of the thirteenth century at the Monastyrshchina 5 settlement]. *Srednevekovye drevnosti Vostochnoy Evropy* [Medieval Antiquities of Eastern Europe]. Moscow: State Historical Museum, 1993, pp. 143–160. (In Russian)
28. Gusach I.R. Arkheologicheskie issledovaniya na territorii turetskoy kreposti Azak [Archaeological researches on the territory of Turkish fortress Azak]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and on the Lower Don in 2004]. Azov: Azov Museum-Reserve, 2006, iss. 21, pp. 127–141. (In Russian)
29. Guseva T.V. Remeslennye masterskie v vostochnom prigorode Novogo Saraya [Craft workshops in the eastern suburbs of New Saray]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1974, no. 3, pp. 125–141. (In Russian)
30. Davidan O.I. Staroladozhskie izdeliya iz kosti i roga (po raskopkam Staroladozhskoy ekspeditsii IIMK AN SSSR) [Staraya Ladoga wares from bone and horn (on the excavations of Staraya Ladoga expedition of the Institute of History of material culture of Academy of Sciences of USSR)]. *Arkheologicheskii sbornik* [Archaeological Collection]. Leningrad; Moscow: "Soviet artist", 1966, iss. 8, pp. 103–115. (In Russian)
31. Danilov O.V., Zelenev Yu.A., Rumyantsev G.G. Raskop 2002 g. na ulitse Deputatskoy v gorode Kostroma [Trench of 2002 on the Deputatskaya street in Kostroma]

city]. *Vestnik Kostromskoy arkheologicheskoy ekspeditsii* [Bulletin of Kostroma Archaeological Expedition]. Kostroma, 2006, iss. 2, pp. 45–69. (In Russian)

32. Darkevich V.P. Raskopki na Yuzhnom gorodishche Staroy Ryazani (1966–1969 gg.) [Excavations at the Southern hillfort of Staraya Ryazan (1966–1969)]. *Arkheologiya Ryazanskoy zemli* [Archaeology of Ryazan Land]. Moscow: “Science”, 1974, pp. 19–71. (In Russian)

33. Darkevich V.P., Borisevich G.V. *Drevnyaya stolitsa Ryazanskoy zemli* [Ancient Capital of Ryazan Land]. Moscow: “Circle”, 1995. 448 p. (In Russian)

34. Dmitrienko M.V. Itogi spasatel’nykh raskopok v g. Azove v 2006 godu [Results of rescue excavations in Azov city in 2006]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2006 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 2006]. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2008, iss. 23, pp. 193–200. (In Russian)

35. Dmitrienko M.V. Itogi spasatel’nykh arkheologicheskikh raskopok na territorii goroda Azova v 2007 godu [Results of rescue archaeological excavations on the territory of Azov city in 2007]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 gg.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 2007–2008]. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2010, iss. 24, pp. 305–311. (In Russian)

36. *Drevniy Novgorod: Prikladnoe iskusstvo i arkheologiya* [Ancient Novgorod: Applied Art and Archaeology]. Moscow: “Art”, 1985. 167 p. (In Russian)

37. Egorov V.L., Fedorov-Davydov G.A. Issledovanie mecheti na Vodyanskom gorodishche [Investigation of the mosque at the Vodyanskoe site]. *Srednevekovye pamyatniki Povolzh’ya* [Medieval Monuments of the Volga Region]. Moscow: “Science”, 1976, pp. 108–167. (In Russian)

38. El’nikov M.V. Pogrebenie s gemmoy-intaliey sasanidskogo perioda iz nizoviy Dnepra [Burial with gem-intaglio of the Sasanid period from the Lower Dnepr]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology]. Kazan: “Foliant”, 2006, no. 1–2(16–17), pp. 60–63. (In Russian)

39. Efimova A.M. Gorodetskoe selishche i bolgarskoe gorodishche u s. Balymery Tatarskoy ASSR [Gorodetskaya culture settlement and the Volga Bulgarian hillfort near the village Balymery of the Tatar ASSR]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]. 1962, no. 111, pp. 25–48. (In Russian)

40. Zakirova I.A. Kostoreznoe delo Bolgara [Bone carving craft of Bulgar]. *Gorod Bolgar: Ocherki remeslennoy deyatel’nosti* [The City of Bulgar: Sketches of Craftsmen Activity]. Moscow: “Science”, 1988, pp. 220–243. (In Russian)

41. Zakharov S.D. *Drevnerusskiy gorod Beloozero* [The Old Russian City of Beloozero]. Moscow: “Indrik”, 2004. 592 p. (In Russian)

42. Zverugo Ya.G. *Drevniy Volkovysk X–XIV vv.* [Ancient Volkovysk from the tenth to the fourteenth centuries]. Minsk: “Science and technology”, 1975. 143 p. (In Russian)

43. Kazakov E.P. *Bulgarskoe selo X–XIII vekov nizoviy Kamy* [Bulgar village of the tenth to thirteenth centuries in the Low Kama Region]. Kazan: Tatar book publishing house, 1991. 176 p. (In Russian)

44. Kazakov E.P. *Kul’tura ranney Volzhskoy Bolgarii (Etapy etnokul’turnoy istorii)* [Culture of the Early Volga Bulgaria (Stages of the ethno-cultural history)]. Moscow: “Science” 1992. 335 p. (In Russian)

45. Kirpichnikov A.N. *Snaryazhenie vsadnika i verkhovogo konya na Rusi IX–XIII vv.* [Equipment of a Horseman and Horse in Rus’ from the ninth to thirteenth centuries]. Leningrad: “Science”, 1973. 140 p. (In Russian)

46. Kolchin B.A., Rybina E.A. Raskop na ulitse Kirova [Trench on the Kirov street]. *Novgorodskiy sbornik. 50 let raskopok Novgoroda* [The Novgorod Collection. 50 Years of the Excavations of Novgorod]. Moscow: "Science", 1982, pp. 178–238. (In Russian)
47. Kolchin B.A., Khoroshev A.S. Mikhaylovskiy raskop [Mikhaylovskiy trench]. *Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda* [Archaeological Research of Novgorod]. Moscow: "Science", 1978, pp. 135–173. (In Russian)
48. Koroleva E.V., Kharlashov B.N. K voprosu o dvorakh v srednevekovom Pskove (po materialam Vasil'evskogo raskopa) [To the question about manors in medieval Pskov (on the materials of Vasil'evsky trench)]. *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova* [Archaeological Research of Pskov]. Pskov: "Miklosh", 1994, iss. 2, pp. 77–96. (In Russian)
49. Kostygina (Novikova) L.A. K izucheniyu kostoreznogo remesla drevney Tveri [To the study of bone carving craft in ancient Tver']. *Tver, Tverskaya zemlya i sopredel'nye territorii v epokhu srednevekov'ya* [Tver', Tver's Land, and Neighbouring Territories in the Middle Ages]. Tver, 1996, iss. 1, pp. 181–188. (In Russian)
50. Kochkina A.F. Maloryazanskoe II selishche – russkiy poselok zolotoordynskogo vremeni na Samarskoy Luke (predvaritel'nye rezul'taty) [Maloryazanskoe II settlement – Russian settlement of the Golden Horde's time in the Samarskaya Luka]. *Srednee Povolzh'e v kontekste srednevekovoy rossiyskoy istorii: na perekrestke kul'tur (konets XIII–XVI v.)*. *Materialy nauchno-prakticheskoy konferentsii* [The Middle Volga Region in the Context of Medieval Russian History: On the Crossroad of Cultures (from the end of thirteenth to sixteenth centuries). Proceedings of Research Conference]. Samara: "Ofort", 2012, pp. 107–128. (In Russian)
51. Kravchenko A.A. *Srednevekovyy Belgorod na Dnestre (konets XIII–XIV v.)* [Medieval Belgorod on the Dniester (the end of thirteenth and fourteenth centuries)]. Kyiv: "Scientific thought", 1986. 127 p. (In Russian)
52. Kravchenko S.A., Shirochenko E.B., Goncharova S.M. Raskopki v g. Azove v 2010 godu [Excavations in Azov city in 2010]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 2010]. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2012, iss. 26, pp. 178–214. (In Russian)
53. Kramarovskiy M.G. Pechat' kontsa XIII–XIV v. s islamskim variantom khristianskoy legendy ob otrokakh iz Efesa [A seal of the end of thirteenth or fourteenth century with the Islamic variant of a Christian legend about children from Ephesus]. *Tatarskaya arkheologiya* [Tatar Archaeology]. Kazan: Printing house of the Administrative Department of the President of the Republic of Tatarstan, 1999, no. 1–2 (4–5), pp. 39–48. (In Russian)
54. Krasil'nikov K.I. Izdeliya iz kosti saltovskoy kul'tury [Wares from bone of the Saltovo culture]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1979, no. 2, pp. 77–91. (In Russian)
55. Kubankin D.A. Pogrebal'nye pamyatniki Uvekskogo gorodishcha [Burial monuments of the Uvek site]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archaeology of East European steppe]. Saratov: "Scientific book", 2006, iss. 4, pp. 190–213. (In Russian)
56. *Kul'tura Bilyara. Bulgarskie orudiya truda i oruzhie X–XIII vv.* [The Culture of Bilyar: The Volga Bulgarian Tools and Arms from the tenth to thirteenth centuries]. Moscow: "Science", 1985. 216 p. (In Russian)
57. Kusheva-Grozevskaya A. *Zolotoordynskie drevnosti Gosudarstvennogo Istoricheskogo Muzeya iz raskopok 1925–26 gg. v Nizhnem Povolzh'e* [The Golden Horde's Antiquities of the State Historical Museum from the Excavations of 1925–26 in the Lower Volga Region]. Saratov: Printing house of the Industrial plant, 1928. 36 p. (In Russian)
58. Lapshin A.S., Mys'kov E.P. *Issledovaniya na Vodyanskom gorodishche v 2009–2010 gg.* [Researches on the Vodyanskoe Site in 2009–2010]. Volgograd: "Tsaritsyno printing company", 2011. 174 p. (In Russian)

59. Lebedev V.I. *Zagadochnyy gorod Mokhshi* [Mysterious City of Mokhshi]. Penza: Book publishing house, 1958. 48 p. (In Russian)
60. Levasheva V.P. Obrabotka kozhi, mekha i drugikh vidov zhiivotnogo syr'ya [Processing of leather, fur, and other kinds of animal raw materials]. *Ocherki po istorii russkoy derevni X–XIII vv.* [Sketches on the History of Russian Village from the tenth to thirteenth centuries]. Moscow: "Soviet Russia", 1959, pp. 38–60. (In Russian)
61. Lysenko P.F. *Goroda Turovskoy zemli* [Cities of the Turov Land]. Minsk: "Science and technology", 1974. 200 p. (In Russian)
62. Lysenko P.F. *Berest'e* [Berest'e]. Minsk: "Science and technology", 1985. 399 p. (In Russian)
63. Lyakhov S.V. Novye zolotoordynskie pogrebeniya Saratovskogo Zavolzh'ya [New Golden Horde's burials of the Saratov Trans-Volga region]. *Arkheologiya Vostochno-Evropeyskoy stepi* [Archaeology of East European steppe]. Saratov: Saratov State University publ., 1992, iss. 3, pp. 158–184. (In Russian)
64. Makarov L.D. Tipologiya i khronologiya drevnostey Khlynova [Typology and chronology of the antiquities of Khlynov]. *Tipologiya i datirovka arkheologicheskikh materialov Vostochnoy Evropy* [Typology and Dating of Archaeological Materials of the Eastern Europe]. Izhevsk: Udmurt University publ., 1995, pp. 166–189. (In Russian)
65. Makarov L.D. Drevnerusskiy gorod Vyatka (Khlynov) po arkheologicheskim dannym [The Old Russian city of Vyatka (Khlynov) according to archaeological data]. *Nauchnoe nasledie A.P. Smirnova i sovremennye problemy arkheologii Volgo-Kam'ya. Materialy nauchnoy konferentsii* [A.P. Smirnov's Research Heritage and Contemporary Problems of Archaeology of the Volga-Kama Region. Proceedings of Research Conference]. Moscow: State Historical Museum, 2000, pp. 170–176. (In Russian)
66. Malinovskaya N.V. Kolchany XIII–XIV vv. s kostyanyymi ornamentirovannymi obkladkami na territorii evraziyskikh stepey [Quivers of the thirteenth and fourteenth centuries with bone ornamented facings in the territory of the Eurasian steppes]. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka* [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. Moscow: "Science", 1974, pp. 132–175. (In Russian)
67. Mal'm V.A., Fekhnner M.V. Arkheologicheskie issledovaniya drevnego Pronskaya gorodishcha na gore Gnevne [Archaeological researches of ancient Pronsk and hillfort on Gnevna hill]. *Arkheologiya Ryazanskoy zemli* [Archaeology of the Ryazan Land]. Moscow: "Science", 1974, pp. 193–209. (In Russian)
68. Maslovskiy A.N. Raboty I Azovskogo otryada v 1997 godu [Works of the First Azov unit in 1997]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1995–1997 gg.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 1995–1997]. Azov: Azov Museum of Local Lore, 1998, iss. 15, pp. 133–137. (In Russian)
69. Maslovskiy A.N. Arkheologicheskie issledovaniya v Azove i Azovskom rayone v 2005 godu [Archaeological researches in Azov and Azov area in 2005]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2005 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 2005]. Azov: Azov Museum-Reserve, 2006, iss. 22, pp. 102–126. (In Russian)
70. Maslovskiy A.N. Arkheologicheskie raboty v Azove i Azovskom rayone v 2004 godu [Archaeological works in Azov and Azov area in 2004]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2004 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 2004]. Azov: Azov Museum-Reserve, 2006, iss. 21, pp. 92–117. (In Russian)
71. Maslovskiy A.N. Podval kupecheskogo doma kontsa pervoy poloviny XIV veka iz Azaka [Basement of merchant house of the end of the first half of fourteenth century from Azak]. *Stepi Evropy v epokhu srednevekov'ya*, T. 6: *Zolotoordynskoe vremya* [Steppes of

Europe in the Middle Ages, Vol. 6: The Golden Horde's Time]. Donetsk: Donetsk National University, 2008, pp. 93–124. (In Russian)

72. Maslovskiy A.N. Arkheologicheskie issledovaniya v gorode Azove i Azovskom rayone v 2007–2008 godakh [Archaeological researches in Azov city and Azov area in 2007–2008]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2007–2008 gg.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 2007–2008]. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2010, iss. 24, pp. 182–242. (In Russian)

73. Matveeva G.I., Kochkina A.F. *Muromskiy gorodok* [Muromskiy gorodok]. Samara: "Ofort", 2005. 44 p. (In Russian)

74. Medvedev A.F. *Ruchnoe metatel'noe oruzhie (Luk i strely, samostrel). VIII–XIV vv.* [Handheld Throwing Arms (Bow and arrows, crossbow). From the eighth to fourteenth century]. Moscow: "Science", 1966. 184 p. (In Russian)

75. Mongayt A.L. *Staraya Ryazan'* [The Old Ryazan]. Moscow; Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1955. 228 p. (In Russian)

76. Morzherin K.Yu., Nedashkovsky L.F. Detali pojasnykh naborov iz Ukeka [Details of belt sets from Ukek]. *Trudy Saratovskogo oblastnogo muzeya kraevedeniya* [Transactions of the Saratov Regional Museum of Local Lore]. Saratov, 1996, iss. 4, pp. 124–148. (In Russian)

77. Mys'kov E.P. Russkiy poselok i russkiy kvartal Vodyanskogo gorodishcha [Russian settlement and Russian district of the Vodyanskoe site]. *Materialy po arkheologii Volgo-Donskikh stepey* [Materials on Archaeology of the Volga-Don Steppes]. Volgograd: Volgograd State University publishing house, 2001, iss. 1, pp. 250–267. (In Russian)

78. Mys'kov E.P. Severo-zapadnyy prigorod Tsarevskogo gorodishcha [Northwest suburb of the Tsarevskoe site]. *Povolzh'e i sopredel'nye territorii v srednie veka / Trudy Gosudarstvennogo istoricheskogo muzeya*, iss. 135 [The Volga Region and Adjacent Territories in the Middle Ages / Transactions of the State Historical Museum, iss. 135]. Moscow: "Tisso-Poligraf", 2002, pp. 115–122. (In Russian)

79. Nabiullin N.G. *Dzhuketau – gorod bulgar na Kame* [Juketau – A City of the Volga Bulgarians on the Kama]. Kazan: Tatar book publishing house, 2011. 143 p. (In Russian)

80. Narozhnyy E.I. *Srednevekove kochevniki Severnogo Kavkaza (nekotorye diskussionnye problemy etnokul'turnogo vzaimodeystviya epokhi Zolotoy Ordyy)* [Medieval Nomads of the North Caucasus (some controversial problems of ethno-cultural interaction of the Golden Horde's epoch)]. Armavir: Center for Archaeological Research, Armavir State Pedagogical University, 2005. 210 p. (In Russian)

81. Nedashkovsky L.F. *Zolotoordynskiy gorod Ukek i ego okrug* [The Golden Horde's City of Ukek and Its Districts]. Moscow: "Oriental literature", 2000. 224 p. (In Russian)

82. Nedashkovsky L.F. Intensivnost' ekonomicheskogo razvitiya Nizhnego Povolzh'ya zolotoordynskoy epokhi (po materialam okrugov krupneyshikh gorodov) [Intensity of the economic development of the Lower Volga region during the Golden Horde Epoch (by the materials of the cities' environs)]. *Stratum Plus*, No. 6: *Pax Mongolica i evraziyskie potryaseniya XIII–XIV vekov* [Stratum Plus, No. 6: Pax Mongolica and Eurasian Upheavals in the thirteenth and fourteenth centuries]. 2016, pp. 151–162. (In Russian)

83. Nedashkovsky L.F. Khimicheskiy sostav izdeliy iz tsvetnykh metallov s zolotoordynskikh poseleniy severnykh rayonov Nizhnego Povolzh'ya [Chemical composition of non-ferrous artifacts from the Golden Horde settlements of the northern areas of the Lower Volga region]. *Stratum Plus*, No. 6: *Balansy istorii: tsennosti i sredstva* [Stratum plus, No. 6: Balances of History: Values and Means]. 2018, pp. 243–254. (In Russian)

84. Nedashkovsky L.F., Shigapov M.B. Vooruzhenie i konskoe snarjajzhenie s Bagaevskogo selishha [Arms and horse harness from the Bagaevka settlement]. *Stratum Plus*, No. 5: *"Ognem i mechom"* [Stratum plus, No. 5: "With Fire and Sword"]. 2019, pp. 167–177. (In Russian)

85. Nikol'skaya T.N. *Gorodishche Slobodka XII–XIII vv. K istorii drevnerusskogo gradostroitel'stva v Zemle vyatichey* [Slobodka Hillfort of the twelfth and thirteenth centuries. To the History of Old Russian Town Building in the Land of the Vyatichi Tribe]. Moscow: "Science", 1987. 185 p. (In Russian)

86. Pal'tseva D.U., Shakirov Z.G., Khudyakov A.V. Kostyanye predmety byta srednevekovogo naseleniya Bilyara [Bone objects of daily life of the medieval population of Bilyar]. *Filologiya i kul'tura* [Philology and Culture]. 2012, no. 1(27), pp. 208–215. (In Russian)

87. Perevozchikov V.I. Itogi raskopok I Azovskoy arkheologicheskoy ekspeditsii v 1989 g. [Results of the excavations of the First Azov archaeological expedition in 1989]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1989 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 1989]. Azov, 1990, iss. 9, pp. 22–29. (In Russian)

88. Poluboyarinova M.D. Kostyanye detali snaryazheniya srednevekovogo vsadnika i luchnika iz Bolgara [Bone details of equipment of medieval horsemen and archer from Bulgar]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1986, no. 2, pp. 254–260. (In Russian)

89. Poluboyarinova M.D. *Rus' i Volzhskaya Bulgariya v X–XV vv.* [Rus' and the Volga Bulgaria from the tenth to fifteenth centuries]. Moscow: "Science", 1993. 123 p. (In Russian)

90. Rabinovich M.G. Krepost' i gorod Tushkov [Fortress and town of Tushkov]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1959, XXIX–XXX, pp. 263–286. (In Russian)

91. Rabinovich M.G. *O drevney Moskve: Ocherki material'noy kul'tury i byta gorozhan v XI–XVI vv.* [About Ancient Moscow: Sketches of Material Culture and Way of Life of the City Dwellers from the eleventh to sixteenth centuries]. Moscow: "Science", 1964. 353 p. (In Russian)

92. Ravdina T.V. Raskopki v Pinske [Excavations in Pinsk]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1966, no. 1, pp. 285–290. (In Russian)

93. Romanchuk A.I. Izdeliya iz kosti v srednevekovom Khersone [Wares from bone in the medieval Kherson]. *Antichnaya drevnost' i srednie veka* [Antiquity and Middle Ages]. Sverdlovsk, 1981, iss. 18, pp. 84–105. (In Russian)

94. Rudenko K.A. *VI Alekseevskoe selishche* [The Sixth Alekseevskoe Settlement]. Kazan: "Reper", 2000. 107 p. (In Russian)

95. Rudenko K.A. *Ostrov "Murzikha" i ego okrestnosti. Khronologicheskiy atlas arkheologicheskikh kollektsey NM RT (1991–1999 gg.). Opyt mikroregional'nogo issledovaniya* ["Murzikha" Island and Its Environs. Chronological Atlas of Archaeological Collections of the National Museum of the Republic of Tatarstan (1991–1999). Attempt of Micro-regional Research]. Kazan: "School", 2002. 208 p. (In Russian)

96. Rudenko K.A. Bulgarskie izdeliya iz kosti i roga [Volga Bulgarian wares from bone and horn]. *Drevnosti Povolzh'ya: epokha srednevekov'ya (issledovaniya kul'turnogo naslediya Volzhskoy Bulgarii i Zolotoy Ordyy). Materialy II Vserossiyskoy konferentsii "Povolzh'e v srednie veka", 25–28 sentyabrya 2003 goda, Kazan'-Yal'chik* [Antiquities of the Volga Region: The Medieval Epoch (researches of cultural heritage of the Volga Bulgaria and Golden Horde). Proceedings of the Second All-Russian Conference "The Volga Region in the Middle Ages", September 25–28, 2003, Kazan-Yal'chik]. Kazan: "School", 2005, pp. 67–97. (In Russian)

97. Rudenko K.A. *Volzhskaya Bulgariya v XI – nachale XIII v.: poseleniya i material'naya kul'tura* [The Volga Bulgaria from the eleventh to the beginning of thirteenth century: Settlements and Material Culture]. Kazan: "School", 2007. 244 p. (In Russian)

98. Rybina E.A. Gotskiy raskop [Gotskiy trench]. *Arkheologicheskoe izuchenie Novgoroda* [Archaeological Research of Novgorod]. Moscow: "Science", 1978, pp. 197–226. (In Russian)
99. Rybina E.A. Shashki, 'mel'nitsa', shakhmaty [Checkers, 'mill', chess]. *Arkheologiya / Drevnyaya Rus'. Byt i kul'tura* [Archaeology. Old Rus'. Way of Life and Culture]. Moscow: "Science", 1997, pp. 110–114. (In Russian)
100. Samoylovich N.G. *Konyushennyy raskop v Rostove Velikom* [Konyushennyy Trench in Rostov Veliky]. Moscow: "TAUS", 2007. 88 p. (In Russian)
101. Sinitsyn I.V. Arkheologicheskie issledovaniya Zavolzhskogo otryada [Archaeological researches of the Left-bank Volga group]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]. 1959, no. 60, pp. 39–205. (In Russian)
102. Sitdikov A.G. *Kazanskiy kreml': istoriko-arkheologicheskoe issledovanie* [Kazan Kremlin: Historical-archaeological Research]. Kazan: "Foliant", 2006. 288 p. (In Russian)
103. Sitdikov A.G., Khuzin F.Sh. Nekotorye itogi arkheologicheskogo izucheniya kremlya khanskoy Kazani (po materialam raskopok 1994–2005 gg.) [Some results of archaeological study of the Kremlin of khan's Kazan (on the materials of excavations of 1994–2005)]. *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian Archaeology]. 2009, no. 1, pp. 99–111. (In Russian)
104. Sudakov V.V. Izdeliya iz kosti iz Pereyaslavlya Ryazanskogo [Wares from bone from Pereyaslavl' Ryazansky]. *Arkheologicheskie pamyatniki Okskogo basseyna* [Archaeological Monuments of the Oka Basin]. Ryazan, 1996, pp. 159–186. (In Russian)
105. Tarakanova S.A. Raskopki drevnego Pskova (1945–1947 gg.) [Excavations of ancient Pskov (1945–1947)]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury AN SSSR* [Short Abstracts of Reports and Field Researches of the Institute of History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences]. 1949, iss. XXVII, pp. 104–112. (In Russian)
106. Tasmagambetov I.N., Samashev Z.S. *Saraychik* [Saraychik]. Almaty: Berel, 2001. 319 p. (In Russian)
107. Tropin N.A. Orudiya truda, predmety byta i ukrasheniya iz raskopok sel'skikh poseleniy XII–XIV vv. yuzhnykh rayonov Ryazanskoy zemli [Tools, objects of daily life and ornaments from excavations of rural settlements from the twelfth to fourteenth centuries of the southern regions of Ryazan land]. *Verkhnedonskoy arkheologicheskiiy sbornik* [The Upper Don Archaeological Collection of Articles]. Lipetsk: Success-Info, 2001, iss. 2, pp. 185–204. (In Russian)
108. Fedorov-Davydov G.A. *Kochevniki Vostochnoy Evropy pod vlast'yu zolotoordynskikh khanov*. *Arkheologicheskie pamyatniki* [The Nomads of Eastern Europe under the Sway of the Golden Horde's Khans. Archaeological Monuments]. Moscow: Moscow University publishing house, 1966. 274 p. (In Russian)
109. Fedorov-Davydov G.A. Novyy Saray po raskopkam v 1963–1964 gg. [New Saray in the light of excavations in 1963–1964]. *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet Archaeology]. 1966, no. 2, pp. 233–248. (In Russian)
110. Fedorov-Davydov G.A. Issledovanie bol'shoy aristokraticeskoy usad'by na Tsarevskom gorodishche [Investigation of big aristocratic manor on the Tsarevskoe site]. *Vestnik MGU, Seriya 8: Istoriya* [Bulletin of the Moscow State University, Series 8: History]. 1981, no. 1, pp. 64–84. (In Russian)
111. Fedorov-Davydov G.A. *Zolotoordynskie goroda Povolzh'ya* [Golden Horde Cities of the Volga Region]. Moscow: Moscow State University Publ., 1994. 228 p. (In Russian)
112. Fedorov-Davydov G.A., Bulatov N.M. Keramicheskaya masterskaya Selitrennogo gorodishcha [Ceramic workshop of the Selitrennoe site]. *Sokrovishcha sarmatskikh vozhdey i drevnie goroda Povolzh'ya* [Treasures of Sarmatian Chiefs and Ancient Cities of the Volga Region]. Moscow: "Science", 1989, pp. 133–248. (In Russian)

113. Fedorov-Davydov G.A., Vayner I.S., Guseva T.V. Issledovaniya trekh usadeb v vostochnom prigorode Novogo Saraya (Tsarevskogo gorodishcha) [Investigations of three manors in eastern suburb of New Saray (Tsarevskoe site)]. *Goroda Povolzh'ya v srednie veka* [Cities of the Volga Region in the Middle Ages]. Moscow: "Science", 1974, pp. 89–131. (In Russian)

114. Fedorov-Davydov G.A., Vayner I.S., Mukhamadiev A.G. Arkheologicheskie issledovaniya Tsarevskogo gorodishcha (Novyy Saray) v 1959–1966 gg. [Archaeological researches of Tsarevskoe site (New Saray) in 1959–1966]. *Povolzh'e v srednie veka* [The Volga Region in the Middle Ages]. Moscow: "Science", 1970, pp. 68–171. (In Russian)

115. Fekhnner M.V. Raskopki v Kostrome (K voprosu o vremeni vozniknoveniya Kostromy i ee pervonachal'nom mestopolozenii) [Excavations in Kostroma (To the question about the time of foundation of Kostroma and its initial location)]. *Kratkie soobshcheniya o dokladakh i polevykh issledovaniyakh instituta istorii material'noy kul'tury AN SSSR* [Short Abstracts of Reports and Field Researches of the Institute of History of Material Culture of the USSR Academy of Sciences]. 1952, iss. XLVII, pp. 101–108. (In Russian)

116. Flerova V.E. *Reznaya kost' yugo-vostoka Evropy IX–XII vekov: Iskusstvo i remeslo. Po materialam Sarkela – Beloy Vezhi iz kolleksii Gosudarstvennogo Ermitazha* [Carved Bone of the Southeastern Europe from the ninth to twelfth centuries: Art and Craft. On the Materials of Sarkel – Belaya Vezha from the Collection of State Hermitage]. St. Petersburg: "Aleteia", 2001. 352 p. (In Russian)

117. Khalikov A.Kh. Kirpichnoe zdanie na XVII raskope [Brick building on the Seventeenth trench]. *Novoe v arkheologii Povolzh'ya (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Bilyarskogo gorodishcha)* [New in Archaeology of the Volga Region (Archaeological research of the center of Bilyarskoe site)]. Kazan: Kamil Yakub polygraphic plant, 1979, pp. 11–20. (In Russian)

118. Kharlashov B.N. Nekotorye itogi raskopok na Zavelich'e [Some results of excavations on Zavelich'e]. *Arkheologicheskoe izuchenie Pskova* [Archaeological Research of Pskov]. Pskov: "Miklosh", 1994, iss. 2, pp. 44–76. (In Russian)

119. Khuzin F.Sh. Ryadovye zhilishcha, khozyaystvennye postroyki i yamy tsitadeli [Ordinary dwellings, household constructions, and pits of the citadel]. *Novoe v arkheologii Povolzh'ya (Arkheologicheskoe izuchenie tsentra Bilyarskogo gorodishcha)* [New in Archaeology of the Volga Region (Archaeological research of the center of Bilyarskoe site)]. Kazan: Kamil Yakub polygraphic plant, 1979, pp. 62–99. (In Russian)

120. Khyunku I.G. *Poseleniya XI–XIV vekov v Orgeevskikh kodrakh Moldavii* [Settlements of the eleventh to fourteenth centuries in Orhei Kodry of Moldavia]. Kishinev: Editorial and publishing department of the Academy of Sciences of the Moldavian SSR, 1969. 115 p. (In Russian)

121. Chkhaidze V.N. Rannesrednevekovye kurgany iz mogil'nika Kuznetsovskiy I [Early medieval burial mounds from the Kuznetsovskiy I group]. *Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 2010 g.* [Historical-Archaeological Researches in Azov City and the Lower Don in 2010]. Azov: Publishing house of the Azov Museum-Reserve, 2012, iss. 26, pp. 374–402. (In Russian)

122. Shilov V.P. Kalinovskiy kurgannyi mogil'nik [The Kalinovka burial mounds group]. *Materialy i issledovaniya po arkheologii SSSR* [Materials and Researches on Archaeology of the USSR]. 1959, no. 60, pp. 323–523. (In Russian)

123. Shovkoplyas A.M. Nekotorye dannye o kostoreznom remesle v drevnem Kieve [Some data about bone carving craft in ancient Kyiv]. *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Short Abstracts of the Institute of Archaeology]. Kyiv: Publishing house of the Academy of Sciences of the Ukrainian SSR, 1954, iss. 3, pp. 27–32. (In Russian)

124. Shtykhov G.V. *Drevniy Polotsk IX–XIII vv.* [Ancient Polotsk from the ninth to thirteenth centuries]. Minsk: "Science and technology", 1975. 136 p. (In Russian)

125. Shtykhov G.V. *Goroda Polotskoy zemli (IX–XIII vv.)* [Cities of the Polotsk Land (from the ninth to thirteenth centuries)]. Minsk: “Science and technology”, 1978. 160 p. (In Russian)

126. Yavorskaya L.V. Ekzoticheskoe syr'e kostyanykh artefaktov iz raskopok zolotoordynskikh gorodov [Exotic raw materials of bone artefacts from excavations of the Golden Horde's cities]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, Seriya 4: *Istoriya. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnosheniya* [Bulletin of the Volgograd State University, Series 4: History. Regional Studies. International Relations]. 2018, vol. 23, no. 3, pp. 206–217. (In Russian)

127. Yavorskaya L.V., Badeev D.Yu. Kostoreznye masterskie v torгово-remeslennom rayone srednevekovogo Bolgara: kriterii vyyavleniya [Bone carving workshops in the trade and craft district of medieval Bolgar: criteria for identification]. *Povolzhskaya arkheologiya* [Volga Region Archaeology]. 2019, no. 4(30), pp. 210–225. DOI: <https://doi.org/10.24852/pa2019.4.30.210.225> (In Russian)

128. Fyodorov-Davydov G.A. *The Culture of the Golden Horde Cities*. Bartlett Wells (tr.). Oxford, 1984. 278 p.

129. Hall R.A. *The Viking Dig: The Excavations at York*. London: Bodley Head, 1984. 158 p.

130. Kramarovskiy M.G. Mongol horse trappings in the thirteenth and fourteenth centuries. *Furusiyya*, Vol. I: *The Horse in the Art of the Near East*. Riyadh: King Abdulaziz Public Library, 1996, pp. 48–53.

131. Murray H.K., Murray J.C. Excavations at Rattray, Aberdeenshire. A Scottish deserted burgh. *Medieval Archaeology*. London: The Society for Medieval Archaeology, 1993, vol. 37, pp. 109–218.

132. Nedashkovskii L.F. Economy of the Golden Horde population. *Anthropology & Archaeology of Eurasia*. 2009, vol. 48, no. 2, pp. 35–50.

133. Nedashkovskiy L.F. *Ukek: The Golden Horde City and Its Periphery*. Oxford: Archaeopress, 2004. 253 p.

134. Nedashkovskiy L.F. Golden Horde antiquities: The development of research ideas. *Acta Archaeologica*. 2012, vol. 83, no. 1, pp. 225–255.

135. Nedashkovskiy L.F. Agriculture, cattle breeding and trade in the Golden Horde based on data from written sources. *Terra Sebus: Acta Musei Sabesiensis*, Special Issue: *Russian Studies. From the Early Middle Ages to the Present Day*. 2014, pp. 291–303.

136. Nedashkovskiy L.F. Trade in the Golden Horde Volga region. *Journal of Sustainable Development*. 2015, vol. 8, no. 7, pp. 199–206.

137. Tallgren A.-M. *Collection Zaoussailov au Musée National de Finlande a Helsingfors, II : Monographie de la section de l'âge du fer et l'époque dite de Bolgary*. Helsingfors: Commission des collections antell, 1918. 59 p.

About the authors: Leonard F. Nedashkovsky – Dr. Sci. (History), docent, professor of the Department of History of Tatarstan, Archaeology and Ethnology of the Institute of International Relations, Kazan Federal University (18, Kremlevskaya Str., Kazan 420008, Russian Federation). E-mail: Leonard.Nedashkovsky@kpfu.ru

Konstantin Y. Morzherin – Head of sector of Archaeology, Saratov Regional Museum of Local Lore (34, Lermontov Str., Saratov 410031, Russian Federation). E-mail: Morjerin@comk.ru

Received January 21, 2020 Accepted for publication June 24, 2020

Published September 29, 2020

УДК 93(339.5)"13"

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.504-514

КАК ФЕНИКС ИЗ ПЕПЛА: ВОЗРОЖДЕНИЕ ТОРГОВЛИ В ТАНЕ ПОСЛЕ КАТАСТРОФЫ 1395 Г.

С.П. Карпов

*Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова
Москва, Российская Федерация
spkarp1204@yandex.ru*

Цель исследования: изучение истории итальянской фактории Тана (Азак) после ее разгрома войсками чагатайского эмира Тимур Аксак в 1395 г. и восстановления товарообмена между Западом и Востоком через Тану на рубеже XIV и XV вв. Оценка товарооборота золотоордынских территорий с Венецией на основании малоизвестных и неопубликованных архивных источников.

Материалы исследования: документальные и юридические источники на латинском языке и венецианском диалекте из государственного архива Венеции и архива купеческой компании Датини в Прато, а также нарративных и иных источников и научной литературы.

Научная новизна: исследование данного вопроса на этом материале проводится впервые. Предпринимается первая научная публикация уникального источника – описи товаров, привозимых венецианскими судами из Таны в Венецию в 1402 г., и дается полный научный комментарий текста с выявлением всех категорий товаров этой морской торговли.

Результаты исследования: реконструирована история восстановления товарообмена Золотой Орды с Западом через венецианскую факторию в Тане, прослежены основные стадии этого процесса, объемы грузооборотов, введены в научный оборот новые материалы, освещающие данную проблему. Определены методы и принципы политики Венецианской Республики по отношению к Золотой Орде после поражения Токтамыша в борьбе с Тимуром.

Ключевые слова: Золотая Орда, Азак, Тана, Венеция, Токтамыш, Тимур Аксак, навигация, галей, торговля в Причерноморье XIV в.

Для цитирования: Карпов С.П. Как Феникс из пепла: возрождение торговли в Тане после катастрофы 1395 г. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 504–514. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.504-514

LIKE A PHOENIX FROM THE ASHES: THE REBIRTH OF TANA'S TRADE AFTER THE 1395 DISASTER

S.P. Karpov

*Lomonosov Moscow State University
Moscow, Russian Federation
spkarp1204@yandex.ru*

Abstract. *Research objectives:* Primarily an investigation of the history of Italian trading stations in Tana (Azak) after their destruction by the troops of the Chaghatayid amir, Timur Aksak, in 1395 and the further renewal of trade between the West and the East

© Карпов С.П., 2020

through Tana at the turn of the fourteenth and fifteenth centuries. An evaluation of the commodity circulation of the Golden Horde territories with Venice is based on little-known and unpublished archival sources.

Research materials: Documentary and legal sources in Latin and in the Venetian dialecto from the State Archives of Venice and the archives of the Datini merchant company in Prato, as well as narrative sources, other edited sources, and research publications.

Novelty of the research: The study of this problem, based on the above-mentioned sources, is carried out for the first time. The author provides the first academic publication of a unique source – an inventory of goods brought by Venetian ships from Tana to Venice in 1402. The publication is accompanied by a scholarly commentary and identification of all categories of the listed goods.

Research results: A reconstruction of the history of the renewal of trade between the Golden Horde and the West through the Venetian trading stations in Tana, along with an outline of the main stages of this process. As well, an approximate estimate of the commodity turnover is offered on the basis of new archival evidence. The author analyzes methods and principles used by the Venetian Republic in its relations with the Golden Horde after the defeat of Toqtamış in his confrontation with Timur.

Keywords: Golden Horde, Azak, Tana, Venice, Toqtamış, Timur Aksak, navigation, galleys, Black Sea trade in the fifteenth century

For citation: Karpov S.P. Like a Phoenix from the Ashes: The Rebirth of Tana's Trade after the 1395 Disaster. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 504–514. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.504-514

В 1395 г. войсками чагатайского эмира Тимура Аксака Азак был взят и полностью разрушен, чем был нанесен огромный ущерб как Тана, итальянским факториям в устье Дона, так и всей торговле Венеции и Генуи с Золотой Ордой [8, с. 425–430; 7, с. 125–156; 6; 4]. Несмотря на трагедию, венецианские власти настойчиво старались восстановить коммерцию, отправляя в Орду через Крым и к самой Тана галеи, которые должны были разведать ситуацию, а также эвакуировать успевших бежать в Крым, Хаджитархан (Астрахань) и Константинополь венецианских купцов с товарами¹.

В начале 1396 г. было принято решение об отправке к хану послов с дарами ему и его эмирам («баронам») на сумму 300 дукатов². Сенат еще не знал, с кем из татарских ханов послу придется вести переговоры, называя и Токтамыша, и его возможных преемников. Более того, не было даже ясно, сможет ли посол, он же и избранный консул, выйти на берег и водвориться в Тана: это должен был решать специальный совет, собранный на борту посланных галей большинством в 2/3 голосов³.

Послу к хану и консулу Бьянко да Рива была дана инструкция, в которой четко формулировались все намерения венецианцев, и для их обоснования консулу были даны копии всех предшествующих договоров Венецианской Республики с ордынскими правителями. Всю вину за произошедшее Сенат возлагал на Тимура, названного вором и грабителем, нарушителем соглаше-

¹ Archivio di Stato di Venezia, Senato, Misti, XLIII (далее – ASV, SM), f. 96^r – 23/XII 1395.

² ASV, SM, XLIII, f. 105^v – 8/II 1396.

³ ASV, SM, XLIII, f. 96^r – 23/XII 1395.

ния с жителями фактории. С ним и не планировалось вести переговоров. От хана же требовали подтвердить все прежние льготы и привилегии венецианцев, обеспечивать их безопасность в его владениях, дать разрешение на устройство и укрепление венецианского караван-сарая на новом месте⁴.

Зимой 1396 г. две галеи с купцами, товарами и с консулом на борту отправились к Тане⁵. Однако прибывшие корабли увидели лишь опустошенную территорию, которую покинуло население, и высадка на берег посла и купцов с товарами была сочтена не имеющей смысла⁶. Тем не менее, прекращать отношения с Ордой венецианцы не желали. В мае–июле Сенат принял решение об отправке двух галей в Тану и Трапезунд⁷. Кроме обычных торговых целей, капитан должен был собрать точную информацию о месте пребывания Токтамыша и отправить ему письмо, где выражалось сочувствие в связи с поражением от Тимура и говорилось о намерениях, как и раньше, вести торговлю с «его империей» через Тану, для чего было необходимо обеспечить безопасность купцов и восстановить факторию. Хана предполагалось искать не только у Таны, но и в Крыму, потому галеи должны были бросить якорь у мыса св. Иоанна близ Каффы (на побережье современной Тихой бухты) [1].

Для действий в ставке хана у венецианцев была своя опора среди местной знати, «баронов», как их называли итальянцы, – сперва некий Караходжа, благоволивший им, что отмечено в документе, затем – главный казначей хана Мирза, которому предназначались дары, достойные государя, 200 дукатов. К примеру, трапезундский император получал в виде даров от 100 до 200 дукатов [2, с. 336]. О Мирзе было сказано, что он могущественен и почти все от него зависит («quidam baronus qui vocatur Mirza qui est potens et quasi in eo omnia consistent, quia est thesaurarius domini imperatoris») ⁸. Кроме того, в Орде находился венецианец Томмазо Череза, от которого ждали получения точной информации⁹.

В 1396 г. переговоры не состоялись, и в 1397 г. новым послом был избран патриций Андреаццо Джустиниан. Послу на дары хану позволялось израсходовать до 1000 дукатов. Главными задачами было возвращение населения в районы Таны (прежде всего, конечно – торгового), выбор места, обустройство и укрепление фактории для обеспечения безопасности купцов (при этом Сенат сообщал хану, что эта охрана венецианской фактории распространится при необходимости и на его подданных). Посол должен был также получить новый ханский ярлык и пайдзу¹⁰.

Джустиниан добился получения от хана указанных привилегий. Он занял пост консула в Тане в 1397–98 гг. и добивался затем в Сенате ассигнования

⁴ ASV, SM, XLIII, f. 110^v–111^v – 22/II 1396.

⁵ ASV, SM, XLIII, f. 140^v–141^r – 13/VII 1396.

⁶ ASV, SM, XLIII, f. 180^{r-v} – 19/III 1397.

⁷ ASV, SM, XLIII, f. 129^r – 25/V 1396, 131^r–133^r – 29/V–3/VI 1396, 140^v–141^r – 13/VII 1396.

⁸ ASV, SM, XLIII, f. 181^r – 19/III 1397.

⁹ ASV, SM, XLIII, f. 140^v–141^r – 13/VII 1396.

¹⁰ ASV, SM, XLIII, f. 171^v – 20/II 1397; f. 180^r–181^r – 19/III 1397.

расходов на восстановление фактории, которая была полностью разрушена Тамерланом и сгорела. Именно по его настоянию в 1400 г. на это было выделено 300 соммов серебра (1500 дукатов по курсу тех лет)¹¹. Предстояло заново отстроить церковь, лоджию, оборонительные рвы и частокол с подъемным мостом, дома консула и купцов¹².

Постепенно Сенату Венеции стало известно, что ордынские купцы с караванами по-прежнему посещали Азак и торговая навигация могла возобновиться.

В 1399 г. в Тану из Венеции были отправлены большегрузные парусники – кокки¹³. К тому времени там уже действовало консульство, официальным нотарием фактории велась документация¹⁴. Среди товаров, направляемых на кокках в Тану, упомянуты сукна, хлопчатобумажные ткани, саржа, железо, свинец, мыло, вино. Привезти оттуда рассчитывали, как всегда, рабов (по 120 «голов» на одном судне), шелк, кожи, специи, золото и драгоценные камни, красители¹⁵.

Несмотря на блокаду проливов и осаду Константинополя османами, регулярная навигация возобновилась, и оценки малой прибыльности торговли не вполне оправдывались. Вот пример: кораблекрушение только одной большой венецианской навы, перевозившей тогда товары из Таны, причинил ущерб 240 000 дукатов [11, р. 122] – совсем немалая стоимость груза.

В архиве купеческой компании Франческо да Марко Датини в Прато удалось обнаружить уникальный документ, точно фиксирующий товары, привезенные из Таны в Венецию в 1402 году на кокках регулярного конвоя в декабре 1402 г. Список поистине впечатляет и разнообразием, и количеством товаров¹⁶. Все грузы в описи перечислены по весу, не по их цене, которая, естественно, могла колебаться.

Приводим фотографию документа и транскрипцию его содержания с таблицей и графиком категорий товаров.

¹¹ ASV, SM, XLIV, f. 107^v – 19/VI 1399.

¹² ASV, SM, XLV, f. 7^r – 18/III 1400; f. 68^r – 24/III 1400.

¹³ ASV, SM, XLIV, f. 93^r – 21/III 1399; ASV, Antico Comune, 3645, Raspe, 5, cart. 1, f. 103^v – 16/I 1400.

¹⁴ ASV, Antico Comune, 3645, Raspe, 5, cart. 1, f. 104^r – 20/I 1400.

¹⁵ ASV, SM, XLIV, f. 79^v–80^v – 7, 11/I 1399; 81^v – 9/I 1399, 90^v–91^r – 6, 7/III 1399, 111^r – 21/VI 1399.

¹⁶ Опись сохранилась во вкладыше к торговым письмам компании Датини в Прато: Archivio di Stato di Prato, busta 714, inserto 26, codice 308574 – 2/XII 1402.

Режим доступа на сайте архива:

[http://datini.archiviodistato.prato.it/la-ricerca/imageView/ASPO00074424/piaciti-bindogherardo-datini-francesco-marco-130?index=0&pageName=carteggio&startPage=0&query=&jsonVal=%7B\"jsonVal\"%3A%7B\"startDate\"%3A\"\"%2C\"endDate\"%3A\"\"%2C\"fieldDate\"%3A\"dataNormal\"%2C\"busta\"%3A714%2C\"inserto\"%3A26%2C\"codice\"%3A308574%7D%7D&orderBy=&orderType=asc](http://datini.archiviodistato.prato.it/la-ricerca/imageView/ASPO00074424/piaciti-bindogherardo-datini-francesco-marco-130?index=0&pageName=carteggio&startPage=0&query=&jsonVal=%7B\) (дата обращения 25.08.2020).

Charicho di tre choche
viniziane venute de
latana.

seta	—	—	—	109
gengiovo	—	co	—	43
cera	—	pani	—	311
Indaigo	—	co	—	8
Gennoimo	—	co	—	4
Gengiovo	—	co	—	157
tuzio	—	co	—	2
o rymeto	—	co	—	1
o zuro	—	co	—	2
ghorally	—	co	—	4
ghembo	—	co	—	2
ghana	—	co	—	2
non	—	co	—	9
gherofam	—	co	—	2
ghengio	—	co	—	4
ghengio	—	co	—	1
luago	—	co	—	2
non	—	co	—	2
ghengio	—	co	—	2
ghengio	—	co	—	111
ghengio	—	co	—	46
ghengio	—	co	—	206
ghengio	—	co	—	126
ghengio	—	co	—	40
ghengio	—	co	—	16
ghengio	—	co	—	60
ghengio	—	co	—	4
ghengio	—	co	—	9
ghengio	—	co	—	126
ghengio	—	co	—	412

Источник: http://datini.archiviodistato.prato.it/la-ricerca/photo?url=dm_0/000714/000026/CC030857403.jpg

Charicho di tre choche Viniziane venute de latana (Cargo of three Venetian coccas arriving from Tana).

seta – fard. 109

gengiovo – co. 43

cera – pani 311

indacho – cu[ciurli] 8
cennamONIO – co. 4
semezina – co. 157
tuzia – co. 2
orpimento – co. 1
azuro – co. 2
choralli – co. 2
chermusi – co. 4
channa – co. 3
noci – co. 2
cherofani – co. 9
incenso – co. 3
verzino – co. 4
lacha – co. 1
vari – co. 2
panni cesaree – balle 23
foscholi chaviaron – 1115
chaviaron – botti 46
teste – 306
pocchili – fo. 1226
schienali – m. 40
merce – co. 16
morone – botti 60
bercio – co. 4
salume – botti 9
qvoie de bo – 1260
qvoie de chavallo – 412

Единицами измерения являются: фарделл (*fard.*), тюк-колло (*co.*), *pani*, *iurli* (*zurli*), тюк-*balla*, бочка – *botte*, фуска (*foscholi*), милиарий. Кожы как товар измерялись поштучно.

Вес грузов большинства товаров можно оценить следующим образом: тюки (*collo*) – 90 кг, *balla* – ок. 80 кг, упаковки (*pani*) – ок. 26 кг, фарделлы шелка-сырца – 80 кг, *iurli* специй – 47,3 кг. Вес икры измерялся в фусках, *foscholi* (в розничной торговле так назывался осетровый хвост, в который, как в мешочек, упаковывали икру, а при оптовой продаже использовался уже больший контейнер с тем же названием, весом 47,6 кг). Икру перевозили также в бочонках или амфорах – *botte*. Вес бочонка (*botte*) при транспортировке икры колебался от 166 до 261 кг [13, р. 361]. Принимаем для ориентировочного подсчета средний вес 213 кг. Венецианский милиарий при покупке рыбы считали за 1000 штук филе засоленных или копченых осетров, но при погрузке на корабль милиарий оценивался по весу и равнялся 477 кг [15, р. 285; 10, р. 210–211; 17]. Средний вес выделанной бычьей шкуры принимаем за 20 кг, конской – за 17 кг. О мерах см. [14. р. 43; 3, с. 334; 16, *passim*; 9, р. 484; 13, р. 349–364].

Наименование	Перевод	Единица изм.		в ки- логр.	Примеч.
seta	шелк	fard.	109	8720	
gengiovo	имбирь	co.	43	3870	
cera	воск	pani	311	8086	
indacho	индиго	cu[ciurli]	8	379,44	
cennamONIO	корица	co.	4	360	
semezina	цитварное семя	co.	157	14130	
tuzia	туция	co.	2	180	
orpimento	аурипигмент	co.	1	90	
azuro	ультрамарин	co.	2	180	
choralli	кораллы	co.	2	180	
chermusi	кermес	co.	4	360	
channa	тростник	co.	3	270	
noci	орехи	co.	2	180	
cherofani	гвоздика	co.	9	810	
incenso	ладан	co.	3	270	
verzino	вердзина	co.	4	360	
lacha	камедь	co.	1	90	
vari	белки	co.	2	180	
panni cesaree	ткани	balle	23	1840	
foscholi chaviari	икра	fosc. (фуска)	1115	53074	
chaviaron	икра	botti	46	9798	При весе 213 кг
teste	рабы	шт.	306	15300	если по 50 кг
pocchili	икра? рыба?	fo. (фуска?)	1226	58357,6	Если под сок- ращением fo. имеется в виду фуска, равная 47,6 кг
schienali	осетры, филе засоленной рыбы	m. (миллиа- рий)	40	19080	
merce	железн. изделия	co.	16	1440	
morone	белуга	botti	60	12780	При весе 213 кг
bercio	кожи	co.	4	360	
salume	солонина	botti	9	1917	
qvoie de bo	бычьи шкуры	шт.	1260	25200	если по 20 кг.
qvoie de chavallo	конские шкуры	шт.	412	7004	если по 17 кг
ОБЩИЙ ВЕС				244646,5	

Итак, среди грузов с явным преобладанием идет икра (62,872 т), рыба (осетры и белуга, 31,86 т) и кожи (не менее 32,56 т), затем идут специи (21,87 т), шелк-сырец (8,72 т), воск (8,1 т), солонина (0,72 т), восточные ткани (1,84 т), беличий мех (0,18 т), орехи (0,18 т), кораллы (0,18 т). Набор специй очень разнообразен (семенщина, имбирь, индиго, корица, гвоздика, ладан, туция, кермес, канна-сахарный тростник, камедь, классические красители – аурипигмент, ультрамарин, вердзина), но, удивительным образом, в нем отсутствует такой важный товар, как перец. Среди товаров немалое место занимают рабы – их 306 человек. Мне не удалось идентифицировать только один товар, названный *roschili*. Меры его измерения и место в записи показывают, что это может быть категория рыбы, возможно, более мелкой, или иной сорт икры. Но может быть, как в позднейшей испаноязычной литературе, *roschili* означает стручковый перец? Тогда этот пропуск товара легче объясним. За указание благодарен М.В. Грацианскому. Общий вес грузов составлял не менее 245 т. Возможно, информатор учел не все, но, несомненно, основные и наиболее значимые товары. Подавляющее большинство товаров (икра, рыба, рабы, кожи, солонина, воск, орехи, даже некоторые специи, как семенщина [семена полыни], используемая в медицине) – 92,7% грузов по весу (конечно, не по стоимости!), явно местного происхождения. Доля привезенных восточных товаров, в основном – специй и шелка, значительно уступает.

Вес товаров кокк Таны 1402 г.

Казалось бы, что и количество грузов, и ассортимент значительны. Но мы должны иметь в виду, что минимальный средний тоннаж каждой из большегрузных кокк того времени составлял 300 т [5, с. 21], и даже учитывая вес рабов и членов экипажа, балласта и пр., корабли имели недогрузку, хотя и перевозили в значительной мере весьма дорогие товары.

И в 1403 г., несмотря на большие опасности из-за конфликта с генуэзцами, венецианские суда доставляли из Таны большое количество товаров: специй, шелка, кож, драгоценностей и жемчуга, а также рабов. Их стоимость оценивалась от 80 до 100 тысяч дукатов. [12, р. 218, 226; 15, р. 790; 792].

Итак, разрушение Таны Тамерланом не привело к гибели факторий. Их жизнь продолжалась, итальянские морские республики предпринимали лихорадочные усилия для того, чтобы удержать свои позиции и стабилизировать торговлю. Ее регулярность временами нарушалась, она становилась более рискованной, но в ней возрастала роль местных товаров: рыбы, икры, кож и, особенно, рабов. Однако и товарообмен с Поволжьем, Средней Азией, другими ордынскими территориями на Востоке не прекратился, и в нем основную часть составляли специи.

Тана отстраивалась и, несмотря на многие потрясения, ей было суждено и в XV в. сохранять свою роль в системе связей Запада и Востока.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бочаров С.Г.* Венецианская якорная стоянка у мыса св. Иоанна в Восточном Крыму (конец XIV – первая половина XV вв.) // Исторический журнал: научные исследования. 2015. № 6 (30). С. 703–708.
2. *Карпов С.П.* История Трапезундской империи. Второе издание, исправленное и дополненное. СПб.: Алетейя, 2017. 744 с.
3. *Карпов С.П.* Итальянские морские республики и Южное Причерноморье в XIII–XV вв.: проблемы торговли. М.: МГУ, 1990. 336 с.
4. *Карпов С.П.* О разгроме Таны Тамерланом в 1395 г.: событие и его последствия // Поволжская Археология. 2020. № 2 (32). С. 38–47.
5. *Карпов С.П.* Пути средневековых мореходов: Черноморская навигация Венецианской республики в XIII–XV вв. М.: Восточная литература, 1994. 158 с.
6. *Миргалеев И.М.* Войны Токтамыш-хана с Аксак Тимуром. Казань: Институт истории АН РТ, 2003. 88 с.
7. *Миргалеев И.М.* Политическая история Золотой Орды периода правления Токтамыш-хана. Казань: Алма-Лит, 2003. 164 с.
8. *Сафаргалеев М.Г.* Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций (Из опыта образования и распада империй X–XVI вв.). М.: Инсан, 1996. С. 280–526.
9. *Ashtor E.* East-West Trade in the Medieval Mediterranean / Kedar B.Z. (ed.). London: Variorum Reprints, 1986. 344 p.
10. *Balletto L.* Il “milliarium” nel commercio del pesce nel Mar Nero // Byzantinobulgarica. 1981. T. VII. P. 205–213.
11. *Dolfin Giorgio.* Cronicha dela nobil cità de Venetia et dela sua provintia et destretto. Origini – 1458 / Caracciolo Aricò A., Frison Ch. (eds). Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali “E.A. Cicogna”, 2009. T. 2. 220 p.
12. *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433) / Nanetti A. (ed.).* Spoleto: Fondazione CISAM, 2010. 2274 p.

13. *Jacoby D.* Caviar trading in Byzantium // Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников / Шукуров Р.М. (ред.). М.: «Индрик», 2009. С. 349–364.
14. *Pegolotti Francesco Balducci.* La Pratica della mercatura / Evans A. (ed.). Cambridge, Mass.: The Mediaeval Academy of America, 1936. 443 p.
15. *Sanuto Marino.* Vitae ducum Venetorum // Rerum Italicarum Scriptores, 1733. Т. XXII. Р. 399–1252.
16. *Schilbach E.* Byzantinische Metrologie. München: Verlag C.-H. Beck, 1970. xxix + 291 s.
17. *Tzavara A.* À propos du commerce vénitien des «schienali» (schinalia) (première moitié du XVe siècle) // Chemins d'outre-mer. Études sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard. Paris: Publications de la Sorbonne, 2004. Т. 2. Р. 813–826.

Сведения об авторе: Сергей Павлович Карпов – доктор исторических наук, профессор, академик Российской академии наук, президент Исторического факультета МГУ, заведующий кафедрой истории Средних веков, научный руководитель Лаборатории по изучению стран Причерноморья и Византии в средние века Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова (119192, Ломоносовский проспект, 27, корп. 4, Москва, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-1564-2079. Email: spkarp1204@yandex.ru

Поступила 10.05.2020 Принята к публикации 27.08.2020

Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Bocharov S.G. Venetsianskaya yakornaya stoyanka u mysy sv. Ioanna v Vostochnom Krymu (konets XIV – pervaya polovina XV vv.) [Venetian anchorage at the Cape of St. John in the Eastern Crimea (from the late fourteenth to the first half of the fifteenth centuries)]. *Istoricheskiy zhurnal: nauchnye issledovaniya* [Historical Journal: Scholarly Research]. 2015, no. 6 (30), pp. 703–708. (In Russian)
2. Karpov S.P. *Istoriya Trapezundskoy imperii* [History of the Empire of Trebizond]. Second edition, revised and expanded. Saint Petersburg: Aletea, 2017. 744 p. (In Russian)
3. Karpov S.P. *Ital'yanskie morskije respubliki i Yuzhnoye Prichernomor'e v XIII–XV vv.: problemy trgovli* [Italian Maritime Republics and the Southern Black Sea Region from the thirteenth to the fifteenth centuries: Problems of Trade]. Moscow: Moscow State University, 1990. 336 p. (In Russian)
4. Karpov S.P. O razgrome Tany Tamerlanom v 1395 g.: sobytie i ego posledstviya [On the defeat of Tana by Tamerlane in 1395: An event and its consequences]. *Povolzhskaya Arkheologiya* [Archaeology of the Volga Region]. 2020, no. 2 (32), pp. 38–47. DOI: 10.24852/pa2020.2.32.38.47 (In Russian)
5. Karpov S.P. *Putyami srednevekovykh morekhodov: Chernomorskaya navigatsiya Venetsianskoy respubliki v XIII–XV vv.* [On the Ways of Medieval Sailors: The Black Sea Navigation of the Venetian Republic from the thirteenth to the fifteenth centuries]. Moscow: Oriental literature, 1994. 158 p. (In Russian)
6. Mirgaleev I.M. *Voiny Toktamish-khana s Aksak Timurom* [Wars of Toqtamish Khan with Aksak Timur]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2003. 88 p. (In Russian)
7. Mirgaleev I.M. *Politicheskaya istoriya Zolotoy Ordyy perioda pravleniya Toktamish-khana* [Political History of the Golden Horde during the Reign of Toqtamish Khan]. Kazan: Alma-Lit, 2003. 164 p. (In Russian)

8. Safargaliev M.G. Raspad Zolotoy Ordy [The dissolution of the Golden Horde]. *Na styke kontinentov i tsivilizatsiy (Iz opyta obrazovaniya i raspada imperiy X–XVI vv.)* [At the Junction of Continents and Civilizations (from the experience of the formation and collapse of empires from the tenth to the sixteenth centuries)]. Moscow: Insan, 1996, pp. 280–526. (In Russian)
9. Ashtor E. *East-West Trade in the Medieval Mediterranean*. Kedar B.Z. (ed.). London: Variorum Reprints, 1986. 344 p.
10. Balletto L. Il “milliarium” nel commercio del pesce nel Mar Nero. *Byzantino-bulgarica*. 1981, vol. VII, pp. 205–213. (In Italian)
11. Dolfin Giorgio. *Cronicha dela nobil cità de Venetia et dela sua provintia et destretto. Origini – 1458*. Caracciolo Aricò A., Frison Ch. (eds). Venezia: Centro di studi medievali e rinascimentali “E.A. Cicogna”, 2009. T. 2. 220 p. (In Italian)
12. *Il Codice Morosini. Il mondo visto da Venezia (1094–1433)*. Nanetti A. (ed.). Spoleto: Fondazione CISAM, 2010. 2274 p. (In Italian)
13. Jacoby D. Caviar trading in Byzantium. *Море и берега. К 60-летию С.П. Карпова от коллег и учеников* [Sea and Coast. To the 60th Anniversary of S.P. Karpov from Colleagues and Students]. Shukurov R.M. (ed.). Moscow: “Indrik”, 2009, pp. 349–364.
14. Pegolotti Francesco Balducci. *La Pratica della mercatura*. Evans A. (ed.). Cambridge, Mass.: The Mediaeval Academy of America, 1936. 443 p. (In Italian)
15. Sanuto Marino. *Vitae ducum Venetorum. Rerum Italicarum Scriptores*. 1733, vol. XXII, pp. 399–1252. (In Latin)
16. Schilbach E. *Byzantinische Metrologie*. München: Verlag C.-H. Beck, 1970. xxix + 291 p. (In German)
17. Tzavara A. À propos du commerce vénitien des “schienali” (schinalia) (première moitié du XVe siècle). *Chemins d’outre-mer. Études sur la Méditerranée médiévale offertes à Michel Balard*. Paris: Publications de la Sorbonne, 2004, vol. 2, pp. 813–826. (In French)

About the author: Sergey P. Karpov – Dr. Sci. (History), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, President of the Faculty of History of the Lomonosov Moscow State University, Head of the Department of History of the Middle Ages, Head of the Laboratory for the Study of the countries of the Black Sea and Byzantium in the Middle Ages, Lomonosov Moscow State University (27, building 4, Lomonosovsky Ave., Moscow 119192, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-1564-2079. Email: spkarp1204@yandex.ru

*Received May 10, 2020 Accepted for publication August 27, 2020
Published September 29, 2020*

**“92 UZBEK TRIBES” IN OFFICIAL DISCOURSES
AND THE ORAL TRADITIONS FROM THE SIXTEENTH
TO NINETEENTH CENTURIES**

A. Malikov

*Palacky University Olomouc
Olomouc, Czech Republic
azimmal2018@gmail.com*

Abstract: *Research objective:* To identify the main variations in the use of the term “92 Uzbek tribes” in various contexts in the official discourses and the oral traditions from the sixteenth to nineteenth centuries.

Research materials: The sources mainly used in this study are historical works of Central Asian Persian-language authors from the fifteenth to nineteenth centuries: Muhammad Salikh, Fadhlallah ibn Ruzbikhan Isfahani, Mirza Muhammad Haydar, Hafiz Tanysh Bukhari, Muhammad Yusuf munshi, Abdalazim Sami, Mirzo Salimbek, Sadr-i Ziya, and archival materials of the ethnographer B. Karmysheva. As well, an unpublished version of the epic poem “Alpamish” and archival documents from the Central State Archive of the Republic of Uzbekistan were used.

The publications of Russian, Soviet, and post-Soviet specialists on the history of the 92 tribes – N. Khanykov, C. Valikhanov, A. Khoroshkhin, L. Sobolev, G. Potanin, V.V. Bartold, Akhmed Zeki Velidi Togan, P. Ivanov, B. Akhmedov, T. Sultanov, Peter Golden, Devin DeWeese, V. Trepavlov, W. Holzwarth, A. Alekseev, and B. Babadzanov – are also analyzed in detail.

The results and the novelty of the research: The term “92 Uzbek tribes”, which appeared in the fifteenth-century Dasht-i Qipchaq, began to be used with a variety of meanings in the following centuries depending on the political and cultural context. The significant role of the members of the tribes from the former Golden Horde in the political life of the Central Asian Khanates from the sixteenth century, through the migration of nomadic tribes from Dasht-i Qipchaq to Mawarannahr during the sixteenth century, and still with the foundation in the Central Asian Khanates of dynasties from the surroundings of these tribes in the eighteenth century, ensured the relevance and the relatively widespread use of the term “92 Uzbek tribes”. For the semi-nomadic tribes of these khanates, belonging to the “92 tribes” meant in certain cases a privileged position and a higher socio-economic status. In certain cases, the expression “92 Uzbek tribes” was used with a political meaning to legitimize the ruling Uzbek dynasties of the Manghits and Mings. Moreover, following a long tradition possibly in relation to pursued political goals, it emphasized long-standing ties between Qazaqs, Noghays, Uzbeks, and Qaraqalpaqs. Along with the number 92, such numbers as the “32” and “96” tribes coexisted. However, distinct meanings were attached to them.

Keywords: Golden Horde, Uzbeks, Kazakhs, Central Asia, 92 tribes, Dasht-i Qipchaq, Shibanids, Bukhara, Qoqand khanate, discourses, legitimation

For citation: Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532

Acknowledgments: This work was supported by the European Regional Development Fund Project “Sinophone Borderlands: Interaction at the Edges” (CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791). My special thanks are extended to the editor and anonymous reviewers for their comments and remarks.

Without understanding the heritage of the Golden Horde, it is impossible to understand the peculiarities of the political development and the existing discourse on the use of certain political terms in post-Chingisid States. This topic is complex and includes many different issues, the solution of which is difficult due to the fact that there is a limited number of internal sources on the history of the Golden Horde. The term “92 tribes of Uzbek” used in the post-Horde states of Central Asia is one of the interesting aspects of their history.

Initially, the term “Uzbek” was a Politonym. The term “politonym” is also used to refer to the people living within a given political entity. A feature of the politonym was that if it was retained in a particular resettlement group for several generations, it meant that the self-name was an ethnonym [9, p. 46], i.e. it was argued that, in temporal terms, the polytonym was less stable than the ethnonym. An analysis of data from various sources indicates that the lifespan of a polytonym depends on a variety of factors, one of which is political. It should be understood, however, that the polytonym may be transformed into an ethnonym, or may be used with a different meaning depending on the context.

Historians, orientalists and ethnographers attached different meanings to the terms “Uzbek” and “92 tribes”. The orientalist N. Khanykov was the first to provide a list of the 97 Uzbek tribes of the Bukharan Emirate on the basis of Uzbek traditions, which he interpreted from the ethnic point of view [22]. The same tradition was followed by the military orientalists A. Grebenkin (1840–1888) and A.P. Khoroshkhin, who studied the Uzbeks of the Samarqand region [59; 25, p. 252, 495–505]. A genealogical legend accompanying the list of “92 Uzbek tribes” was recorded by the ethnographer A. Divaev, Akhund Kurbanali, Ahmed Zeki Velidi Togan, etc.

The renowned ethnographer G.N. Potanin (1835–1920), who was a friend of the Qazaq scholar Ch. Valikhanov (1835–1865), found evidence of the spread of the legend about 92 tribes among the Qazaq tribes of Central Asia [44, p. 10].

The Tatar historian Kurban Ali-Khalidi (1864–1913) was the author of several published works on the history of Central Asia, including “Tavarikh-i hamsa-i sharqi”. This source includes genealogies of different Turkic and Asian peoples, as well as Qazaq genealogies based on oral sources [30, p. 57–58].

V. Bartold, based on an analysis of written sources, explored the history of Uzbek tribes in ethnic and political contexts. He was the first to raise the question of the role of the representatives of Uzbek tribes in the state apparatus of the Bukhara Khanate [6, p. 388–399].

Zeki Velidi Togan (1890–1970) noted that in the Uzbek genealogies of 92 tribes available in the copies of manuscripts of the sixteenth-seventeenth centuries, there are some differences. Validi claimed that this genealogy lists the names of tribes of the Golden Horde era, i.e. before the separation of Manghit-Noghays and Qazaqs. Of the 92 tribes named, approximately 45 are part of modern Uzbek [43, p. 94–95]. He proposed that “Özbek Eli” meant Golden Horde. Turning to the trib-

al organization, "Özbek" are referred to everywhere as "*doksan iki boy Özbek*" (Ninety-two tribes of Uzbeks) [43, p. 94]. According to Peter Golden, the mass of Jochid soldiery, an important element in the formation of the Noghays, Siberian Tatars, Qazaqs and Uzbeks, was associated with the name Uzbek/Uzbek by the second half of the fourteenth century [15, p. 330].

P. Ivanov (1893–1942) claimed that the term "Uzbek" in Bukhara and in Khiva Khanate was used with an ethnic meaning and in order to denote Uzbek, while historians of the nineteenth century used the term "92 tribes (of Uzbek)" or sometimes collective "Uzbekiye" [19, p. 23]. The Uzbek ethnographer K. Shaniyazov sought to understand the meaning of the term "92 tribes" in terms of ethnic history [52, p. 403].

Sultanov tried to identify the principles on which lists of Uzbek tribes were drawn up. He highlighted some principles that affected the location of tribal names in the lists, namely: 1) the clans and tribes that had been part of political associations or had been genetically related and were placed close to each other on the lists 2) the higher the tribe's ordinal number, the stronger the importance of this tribe in the political life of the area of the list [54, p. 51]. Undoubtedly, the difficult question, which is now impossible to solve, seems to be the problem of separation of the traditional and the new on each individual list.

Six lists of "92 Uzbek tribes" were found in the Zarafshan Valley and Dzizakh region by K. Daniyarov (1927–1991), containing various legends of the origin relating to the eighteenth – nineteenth centuries [13, p. 6–7]. As DeWeese noted, in the research conducted before 1990, the list of 92 tribes was studied, but the traditions and legends remained uncharted. He studied the process of Islamization of the Turko-Mongolian tribes of the Golden Horde and in this light analyzed certain tribal traditions. In his fundamental monograph, DeWeese analyzed myths about the origin and Islamization of the 92 tribes [12, p. 458–459]. According to one of the existing traditions, the adoption of Islam by the Khan of the Golden Horde, Özbek Khan, with the help of saint Sayyid ata, brought about the emergence of the identities of Uzbeks and Qalmaqs [12, p. 364].

Trepavlov contributed greatly to the study of the socio-political and ethnic history of Dasht-i Qipchaq in the fourteenth – seventeenth centuries. Studying the history of the Noghai Horde, he analyzed the data of various sources, archival materials and concluded about the relationship of the Noghais with the Uzbeks of the Khanate of Abu'l-Khayr Khan (1428–1468), including the Qazaqs [56, p. 475]. He argues that the first version of the list of ninety-two "Uzbek" tribes was drawn up in the fifteenth century [56, p. 478].

Holzwarth analyzed sources of the eighteenth – nineteenth centuries relating to the use of the terms "Uzbek" and "92 Uzbek tribes" in the official discourse of the Bukhara Khanate. He noted that in some sources the Uzbeks were depicted as a military estate. Elaborating Bartold's ideas, he studied the role of Uzbek tribal participation in the state apparatus and their tribal organization. He concluded that the long list of tribal names mentions of twenty groups on the right wing, and thirty-two on the left wing [23, p. 330].

Babadzanov analyzed Qoqand sources, which reflect mythologized stories about 92 Uzbek tribes [5, p. 245]. He identified various ways of legitimizing the Uzbek Ming dynasty in the Qoqand Khanate and the use of the term 92 tribes by various Qoqand authors in the nineteenth – early twentieth centuries.

Thus, the previous ones identify two major trends in the interpretation of the term 92 tribes and its semantics. Certain researchers associate it with the Golden Horde and its tribal structure, while others suggest the ethnic content of the term. This study will use other approaches in studying the issue. I argue that the term 92 tribes originated in the Jochid ulus as a polytonym, but in subsequent centuries it was used in different meanings in the post-Chinggisid states of Central Asia.

The sources of this research were lists of Uzbek tribes, archival materials of the ethnographic research of B. Karmysheva, stored in the scientific archive of N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences, unpublished Uzbek versions of the poem “Alpamysh”, stored in the scientific archive of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of Uzbekistan. The version of the epic poem “Alpamysh”, recorded in the Qushrabat district of the Samarqand province of Uzbekistan from the narrator Rakhmatullo Yusuf ugli, contains valuable information about Uzbek tribes.

To date, more than 18 lists of 92 Uzbek tribes drawn up in the sixteenth – nineteenth centuries are known. In this paper, I analyzed the least-studied lists drawn up by the Bukharan intellectual Sadr-i Ziya (early twentieth century) [46, pp. 229a, 231a], a representative of the Sufi brotherhood Abd Al-Qadir ibn Muhammad Amin (early nineteenth century), the regional historian of Urghut Mulla Kurmat (early twentieth century) [45], as well as from an unpublished list of tribes in Arabic, apparently at the beginning of the twentieth century and recorded by B. Karmysheva during field research in the Dzhizakh province [26]. In order to identify the peculiarities of the use of the term 92 tribes in different contexts, the works of Russian, Tatar, and Kazakh ethnographers who studied the region in the nineteenth – early twentieth century were analyzed.

The issue of the appearance of the term 92 Uzbek tribes

The nomadic and semi-nomadic Turkic and Mongol tribes were united into various political alliances in the past, consisting of varying numbers of clans and tribes. Apparently, the study of this problem is related to the issue of the socio-political organization of Dasht-i Qipchaq nomads, as well as the symbolic meaning that the term 92 tribes was equated with in subsequent epochs. Unfortunately, the volume of existing material to date does not allow an in-depth study of the relationship of the term 92 tribes to the socio-political organization of the Turko-Mongolian tribes of the Golden Horde. Sultanov counted the names of 62 tribes of the Jochid ulus of the thirteenth – fifteenth centuries, listed in the sources [53, p. 77].

The issue of the origin and the dissemination of the term “Uzbek” as the name of the people is considered to be complex and debatable. The earliest mention of the anthroponym “Uzbek” dates back to the twelfth century [61, p. 135]. Since the fifteenth century, in the written tradition of Mawarannahr, the idea of Islamization of the Turkic-Mongolian tribes of the Golden Horde under the reign of Uzbek Khan (1312–1341) has become popular and the widespread distribution of the name of the nation of Uzbek is linked to his name [7, p. 142]. V.V. Barthold argued that “the word Uzbek, as a folk name, subsequently, in the fifteenth century ceased to be used in Southern Russia and remained behind only one of the Central Asian regions, with the center in the Syrdarya” [7, p. 212]. A.A. Semenov believed

that it was a myth created in a later period, as in the official documents of Uzbek Khan and Russian chronicles there is no news and references to the term Uzbek as self-described [47, p. 11–17]. Researchers suggest that as of the mid-1370s, the ideology of the unification of the Jochid ulus – the elevation of the Golden Horde – began to be renewed as in the time of Özbek Khan. The population of the Left Wing was subsequently known under the name of Uzbek [38, p. 697]. Canadian researcher Joo-Yup Lee pointed out that “the designation *Uzbek* began to be used as a term denoting the nomadic people of the Jochid Ulus during the reign of Uzbek Khan” and further he emphasized that “it is not clear exactly when the designation *Uzbek* became fixed as the designation of the nomads of the eastern Qipchaq Steppe, nor when it stopped being used for those of the western Qipchaq Steppe” [32, p. 122, 124].

Closely related to this problem is the issue of the self-name or ethnonyms of the population of the Golden Horde in the fourteenth and fifteenth centuries. I argue that there probably was no single self-name of the inhabitants of this multi-ethnic state. Sources mention both local exoethnonyms and endoethnonyms (Tatars, Kipchaks, Bulgarian, etc.). Authors of different sources recorded different names for the population. Joo-Yup Lee supposed that “*Tatar* and *Uzbek* denoted the same Turko-Mongolian nomads of the Jochid Ulus or the Qipchaq Steppe during the post-Mongol period” [32, p. 74]. I assume that the term Tatars arose much earlier than the self-name Uzbek and was applied to not only the nomadic but also the settled population of the Golden Horde. I support the opinion that in the fifteenth century the name Uzbek was used as one of the politonyms – to refer to the nomadic inhabitants of the Golden Horde, who inhabited Dasht-i Qipchaq. After the seizure of power in Mawarannahr by the Shibanids in the early sixteenth century, the term Uzbek became one of the ethnonyms of the Turkic-speaking population of the Bukharan Khanate [35, p. 618] and Khorezm.

The term “92 Uzbek tribes” was recorded for the first time in the sources in the sixteenth century. It originated in all probability back in the era of Abu'l-Khayr Khan rule (1429–1468), when a powerful state was established in the territory of eastern Dasht-i Qipchaq and the nomadic tribes were united [4, p. 27], although the earlier period cannot be excluded. In the sixteenth – nineteenth centuries, lists of “92 Uzbek tribes” were drawn up, which defined both the internal status as well as the external status of these tribes in relation to the other population of the region.

In the sources relating to the era of the conquests of Muhammad Shibani Khan in Mawarannahr (works of Bannai, Muhammad Salikh, Fadhlallah ibn Ruzbikhan Isfahani, Zahiraddin Muhammad Babur, Safavid sources), the term 92 tribes is not found. It is likely that the use of this term in the official discourse did not correspond to the ideology of Muhammad Shibani Khan, who fought repeated wars with Qazaq Chinggisids and the tribes who supported them [14]. The goals of Muhammad Shibani Khan in the early sixteenth century were to conquer Mawarannahr and Khorasan, and it can be assumed that in their realization he neither had nor sought allies in Dasht-i Qipchaq. The Shibanid historian Muhammad Salikh did not use the term 92 tribes, but he applied the term Uzbek to distinguish the Uzbek from the Chaghatay [51, p. 111], which is, in this case, apparently talked about as a political factor – belonging to the Ulus of Chaghatay or Jochi [33, p. 63]. The sixteenth century historian Mirza Muhammad Haydar, describing the events of the 1490s, mentions the Uluses of Mughal, Uzbek, and Chaghatay [41, p. 189–190]. A similar

tradition of classification was followed by the historian of Shibani Khan, Ibn Ruzbikhan [14, p. 102–103].

Muhammad Salikh mentions the members of the 19 tribes that participated in the Muhammad Shibani Khan military actions [54, p. 10]. The Bukhara author of Hafiz Tanysh Bukhari in the second half of the sixteenth century mentions the 34 tribes, [21] and lists the names which did not exist in Mawarannahr during the epoch of Muhammad Shibani Khan. The analysis of sources shows that there were migrations of nomadic tribes from the sub-Syrdarya steppes to the oases of Mawarannahr at a later time [54, p. 18]. The worsening of climatic conditions in the north of Central Asia in the fifteenth – sixteenth centuries led to the increase of migration flows of the nomadic population to the south to the Aral Sea region and the sub-Syrdarya regions [36, p. 235–236], and possibly also to the internal oases of the region. Certain nomadic groups remained to serve the Shibanids and then the Ashtarkhanids. There was also a process of migration to the steppe. Thus, throughout the sixteenth century, the number of Dasht-i Qipchaq tribes in Mawarannahr increased and this factor reinforced the ideological side of the wider use of the term “92 tribes of Uzbek”.

The earliest lists of mythological genealogical traditions of the 92 Uzbek tribes were compiled in the first half of the sixteenth century, which were included in the work of the Farghana author Sayf ad-Din Akhsikandi “Majmu’ at-tavarikh”. There are several lists of this work, which date from the end of the eighteenth to the first half of the nineteenth century [37, p. 8, 202]. Muhammad Shibani Khan is not mentioned at all, however, in this manuscript, the author is hostile to his grandfather Abu'l-Khayr Khan [50, p. 30]. There is therefore another version of the mythologization of the history of the Uzbek tribes.

The Bukharan historian Muhammad Yusuf munshi provides valuable information in his essay about the settlement of Uzbek tribes and their role in the military-administrative apparatus of the Bukhara Khanate in the seventeenth century [42].

Significant tribal migrations from Dasht-i Qipchaq in the sixteenth – seventeenth centuries updated the topic of 92 tribes as a certain type of legitimation of incoming tribes, followed by their absorption into the Bukhara Khanate, including complex processes of determining their economic status, public service of their ordinary elite, military service, etc.

Official discourses on 92 Uzbek tribes

The official discourses on the use of the term 92 tribes of Uzbek are the official documents, letters, official ceremonies where the term was heard.

Simultaneously, the term “92 tribes” was used in at least four meanings in the official discourse of the sixteenth – first half of the nineteenth centuries.

The first was used as the designation of Uzbek tribes of the region. In the sources of the second half of the seventeenth century, the expression “92 Uzbek tribes” is used in relation to the part of the population of Bukhara Khanate territory [42, p. 163]. As of the seventeenth century, there was an increase in the role of semi-nomadic Uzbek people in political life, as well as an increase in tribalism and separatism. Under such conditions, the seventeenth century poet Turdi called for the unity of the “92 tribes of Uzbeks” in his poem [60, p. 166]. When describing the hostilities between the Qtay Qipchaqs and Bukhara troops in the nineteenth

century, it is noted that "(all) 92 tribes of Uzbek bit a finger of amazement" [19, p. 72]. Speaking about Nasrullah's reign (1827–1860), Bukharan historian Muhammad Ya'qub notes that all "92 tribes of Uzbek" expressed their readiness to serve the new Amir [19, p. 79]. Amir Haydar, in the letters to the governor of Karshi of the early nineteenth century, used the term 92 tribes – the *firqa* [23, p. 345]. For the semi-nomadic tribes of the Bukhara Khanate, the term "92 tribes" served as a symbol of group or tribal solidarity, and meant a connection with the state's ruling military-political elite.

The second was one of the factors of legitimation. There is a letter addressed to King Akbar and sent by Abdullah Khan (1583–1598). He informed him that all the 92 Uzbek tribes and the Qazaq, Qirghiz, and Qalmuqs had been subjugated [16, p. 322]. It can be assumed that in the mid-eighteenth century, when the non-Chinggisid dynasties of the Manghits and Mings came to power, they faced the problem of political legitimation [29]. This is in all probability why the use of the expression to control the 92 tribes meant an attempt to establish a connection with the Chinggisid legacy. The ruler of Bukharan Khanate, Daniyal ataliq, used the term 92 Uzbek tribes in diplomatic correspondence in 1781 [7, p. 465]. In the second half of the nineteenth century, the term 92 tribes continued to be used in the diplomatic correspondence of the Bukharan Emirate. In a letter written in spring 1868 on behalf of the Bukhara beks and addressed to the General-Governor of the Turkistan Governor-Generalship, K. Kaufman, it was stated that "92 tribes constitute the population of Bukhara" [58, f. I–1, op. 34, d.8, l.138]. The term "92 tribe" was used during the sacral ritual at the coronation (the rite of ascension to the throne) of Bukhara amirs from the Manghit dynasty. According to the Bukhara official and historian Mirza Salimbek, "On 14 November 1885 Sayyid Amir Abdulahad-Khan arrived from Karmina and entered the Ark of noble Bukhara. Common and noble people, ulema and military commanders gathered on Monday [in the Ark] and according to the law of Chinggis, according to the rules of Timur and according to the yasa of Mongols of the heir to the throne, the prince was placed on the white felt of his ancestors, and petty officers of ninety-two Uzbek tribes raised him from four sides, put him on the royal throne and declared him ruler (*padishakh*)" [40, p. 82–83]. Thus, the use of the term "92 Uzbek tribes" in political rhetoric meant a commitment to a certain political tradition, the origins of which go back to the Abu'l-Khayr Khan epoch, and possibly also to an earlier period.

The third was a symbol of the former unity of certain nomadic and semi-nomadic tribes of the eastern part of Jochid ulus. The mainstreaming of the unity of 92 tribes as of the second half of the sixteenth century may be due to the growth of political influence and separatism of the semi-nomadic tribes of the Central Asian Khanates, and the political weakness of the Khanates, forced by the strengthening of the neighbouring states to seek diplomatic and ideological ways to find allies among the nomadic tribes of Central Asia.

It is known that the representatives of the ruling Uzbek Ming dynasty in Qoqand Khanate in order to legitimize their rule mythologized their history and associated their origin with Timurid Babur (1483–1530). However, after the defeat of the Qoqand Khanate by the Bukharan Amir Nasralla in 1842, there was a breakdown of the balance of political forces [5, p. 183], which led to the strengthening of nomadic elements – Qipchaqs and Kazakh tribes in the military-political history of the extensive possessions of the Qoqand Khanate. The new situation required a common idea that would bind the different nomadic groups of the state in order to

ensure stability and reduce separatism and tribalism. Unlike the Bukharan Emirate, more detailed mythologized stories about the 92 Uzbek tribes are found in the official stories of the Qoqand Khanate, which was apparently due to a political factor. In this context, the term “92 tribes” was used among the ruling political elites of the Qoqand Khanate, and was also distributed among Qazaqs and Qaraqalpaqs. In Qoqand political terminology, the appeals to the Qirghiz by khan and the ruler of the Qoqand Khanate, Alimqul in 1864 mention the name “92 tribes” that live in harmony. In another document, Alimqul addressing the Qirghiz tribe Sarybagysh states that “by the will of the Almighty and Unlimited God, 92 nomadic tribes were humiliated (entered into strife) between themselves” [48, p. 89]. Alimqul, who intended to unite the steppe tribes of the region, propagandized the idea of the “unification of 92 nomadic tribes in his letters to the aristocracy of the Qazaq and Qirghiz tribes” [5, p. 245]. The Qoqand Khanate included significant territories inhabited by nomadic tribes of Qazaqs, Qirghiz for whose unification, along with Islam, the idea of the 92 tribes was used.

The fourth was in the designation of those tribes and clans that may have been entitled to some privileges by the reigning elites of the Central Asian Khanates. The problem of the role of the nomadic population in the political system of the Bukhara Khanate remains insufficiently studied. It can be noted that in the age of Ashtarkhanids, so-called *yurts* (within which there were nomadic tribes) were located within the administrative units (*tumans*) of the Bukharan khanate. *Tumans* were divided into *khazara* and *buluks* [2, p. 136]. Management and any kind of deployment of handouts and taxes, as well as recruitment into troops were only carried out among the Uzbeks on the basis of a generic characteristic [19, p. 23]. Military service in the Bukharan Emirate, which was dominated by the Uzbeks, also influenced the association of the term “92 tribes” with the military organization. The Bukhara historian Abdalazim Sami mentions Yuldash ishiq-aqa-bashi and Tughaymurad ishiq-aqa-bashi, authoritative Manghit military commanders, ... known “in the army of ninety-two [tribes] by boldness and courage” [39, p. 91–92]. Permanently settled (urban and rural) residents were designated by the term “*fuqara*” as opposed to “*ilat*” (nomads or semi-nomads who have preserved ancestral divisions) [19, p. 23].

The Ming tribe is mentioned in all the traditional lists of Uzbek tribes and occupies the highest places, which speaks not only of multiplicity and power, but also of a long tradition. Most of the compilers of “lists of 92 tribes” followed it. In the “Majmu’ at-tavarikh” list of the sixteenth century and in the “Tuhfat at-tavarikh” list of the nineteenth century, the Mings are in the first place [54, p. 48]. In the list of Uzbek tribes found in the Tashkent region and published by A. Divaev, the Mings occupy the first place, [11] as well as in the Urghut list, compiled most likely in the second half of the nineteenth or early twentieth centuries [45, p. 10]. In the list of Ch. Valikhanov, the Mings are also in the first place [62, p. 553]. Only the Bukhara lists of “92 tribes” differ, where the ruling Manghits are placed first and the Mings are placed second. In the list of N.V. Khanykov (1843), for example, compiled on the basis of the data from the Bukharan Emirate, the Mings are in the second place after Manghits [22]. According to a list compiled by the Bukhara intellectual Sadr-i Ziya in Bukhara in the early twentieth century, the Mings are in the second place after the Manghits [46, p. 229a, 231a]. The Qoqand historian Avaz-Muhammad Attar Qoqandi mythologizes the history of the 92 tribes, linking them to the Prophet Mu-

hammad, the Turks, the caliph Abu Bakr, and the Tulash-baba. Due to the enmity of the Qoqand Mings with the Bukhara Manghits, the author probably does not include them in the list of tribes of "Uzbek" [5, p. 494–496].

Not all Bukhara authors placed the Manghits at the top of the list of tribes. In the essay "Majma al-ansab wa-l-ashdar" compiled by the Bukharan author Abd Al-Qadir ibn Muhammad Amin in the late nineteenth century, the genealogy of 92 Turkic tribes is placed, which includes a variety of clans from the Mings onwards, Yuz, Qirq, Olchin, Qalmaq, Oyrat, Tangut, Arlat, Arab, Barlas, Tatar, and Uyghur [1, p. 240]. Thus, the list contains Arabs who never lived in Dasht-i Qipchaq. It is known from the sources, however, that the Arabs formed a separate military unit in the Bukhara troops [2, p. 143], which were mainly composed of members of Uzbek tribes, so it is likely that the Arabs were also included in the list of 92 tribes.

In my view, the ethnic approach in studying the issue of 92 tribes is not fruitful and on the contrary it misleads researchers. According to the sources, the number 92 was combined with the other numbers 32 and 96, which were given importance depending on the era, cultural and socio-political context. In the discourse of the nineteenth century, the term "92 tribes" symbolized not only the tribes that came with Muhammad Shibani Khan in the sixteenth century, but also the close ties of the Central Asian tribes, which were part of the Qazaqs, Noghay, Qaraqalpaqs. It was a former political alliance of these tribes, but when united in case of danger they could represent a formidable force. It can be assumed that the lists of "92 tribes", if necessary, could be important in organizing the mobilization of the representatives of these tribes to the troops of the Bukharan and Kokand Khanates. Accordingly, they received certain privileges.

"92 tribes" in the oral traditions of the population of Central Asia

The term "92 tribes" in the oral traditions of the nineteenth century was used in at least four meanings.

The first was in a list which local Sufi sheikhs, Ishans, used to identify their *murid* groups to receive certain economic offerings from them. According to one of the legendary genealogies of 92 Uzbek tribes, each Uzbek tribe had its own saint – Ishan. A long list of *pirs* – patrons of each tribe was given [11]. Certain holy sheikhs were recognized as ancestors of Uzbek tribal groups and parallels can be found among Turkmen. In one manuscript dating from 1903–1904, 92 Uzbek tribes are presented as descendants of an ancestor of caliph Abu Bakr's father [12]. The analysis of sources revealed that there was a tradition by which the history of nomadic Uzbek people had been connected with Baba Tükles (Tulash baba), who appears in the foreword to the lists of 92 Uzbek tribes found in Tashkent manuscripts. Baba Tükles acts as the leader of the community in the tradition of the Noghais, Qazaqs, and Uzbeks [12, p. 457]. In the late versions on the origin of Uzbeks, an image of Baba Tükles as a communal protector and patron spirit of Uzbeks appears. He is introduced as "Tulash Baba" in the preface to a listing of the "ninety-two Uzbek tribes" found in two manuscripts in Tashkent lists of the ninety-two tribes [12, p. 457–458]. The list of 92 tribes, recorded by Karmysheva in the Dzhizakh province of Uzbekistan, also contains a similar legend including the name Tulash baba, but has some differences [26].

The second meaning of the term "92 tribes" was preserved in the oral tradition of some Qazaq tribes in the territory of modern Kazakhstan. Junghar aggression

against Kazakh, Qirghiz, and Uzbek tribes in the seventeenth and eighteenth centuries resulted in the need to unite the population of Central Asia against the enemy. It can be assumed that these circumstances to some extent intensified the resuscitation of the idea of the unity of 92 tribes. A major role in maintaining the ties between the Bukhara Khanate and the Qazaqs was played by the Khwajas, especially from Sayyid-ata's lineage [24, p. 185–186]. It should be emphasized that the political situation, especially in the first half of the eighteenth century, was complex and contradictory. Under Junghar strikes, some Qazaq tribes invaded the territory of Bukhara Khanate and the leaders of the local Uzbek Keneges tribe tried to use them in the fight against Ashtarkhanids [24, p. 194–195]. In the second half of the nineteenth century, the oral tradition about 92 tribes was recorded by N. Grodekov: "The legend regarding the formation of the Kazak people, i.e. Qirghiz, from parts of different Uzbek tribes, still lives in the mouth of the people ... A list of 92 Uzbek tribes in different variants, called 'nasab namei uzbekiya', was distributed among the Qirghiz. The list of 92 tribes of Uzbek states that when 92 brothers became rich, their cattle began to mix. To mark the membership of the cattle, the brothers, when meeting between themselves, invented 92 signs, tamghas. The antiquity of tamghas is confirmed by the fact that many of the names of tribes, and even more frequently the names of knees, come from the names of tamgha patterns [10, p. 2–3]. In this case, an attempt is made to create a myth about the origin and related ties of the Qazaqs, Turkmen, Qaraqalpaqs, and semi-nomadic Uzbek. The Tatar historian Kurban Ali-Khalidi (1864–1913) provides a legend about a man named Uzbek, who had 92 sons: "*tuksan ikki bauli uzbek*". He also lists tribes: Ming, Yuz, Qirik, Jalayir, Qunghirat, Alshin, Nayman, etc. [30, p. 57–58]. The Kazakh educator Mashhur Zhusip Kopeev, based on Kazakh oral traditions, presented one of the genealogical versions about the origin of Central Asian peoples, according to which Kazakhs are the descendants of three men: Seilkhan, Zhailkhan and Elkhan. From Zhailkhan comes Maika and from him Uzbek and Syban. The three sons Ming, Yuz, and Qirghiz come from Uzbek. In Qazaq traditions it is noted that Qipchaqs consisted of ninety-two tribes (*toksan eki bauli*) [27, p. 111–112]. Thus, according to one Kazakh genealogical version, 92 tribes were associated with Qipchaqs, who dominated the territory of Dasht-i Qipchaq prior to the Mongolian conquest.

The third meaning of the term stressed the Noghay roots of real or mythological ancestors of some tribes. In the Turkic and Persian works of the sixteenth century, the inhabitants of the Nogai Horde were called Manghit Uzbek (*uzbakan-i manghitu*). In the sixteenth century, the lands of the Noghay horde were referred to as "Uzbekistan" in the hagiographical work, where the designation "Manghit Uzbeks" occurs often [12, p. 347]. In addition, subjects of the Qazaq Khanate appear in some sources as Uzbek-Qazaqs and (as early as the seventeenth century) Uzbeks [57, p. 254]. In later versions of the genealogical legend of the Uzbeks (Galliaral version), it was claimed that the ancestor of the 92 tribes of the Uzbeks was Noghay-mirzo [13, p. 77], which in our opinion suggests the spread of the version of Noghay roots among certain tribes of the Uzbeks [33]. Burns mentions families of Noghays in Bukhara who came from Russia [8, p. 371]. The term Noghay was also applied to the Volga Tatars. The commonality of the oral heritage of the Noghais, Qazaqs, Qaraqalpaqs, and nomadic Uzbek is confirmed by general epic poems. Qazaqs, Qaraqalpaqs and Uzbek, for example, had the epic "Alpamysh

(Alpamys)“ with a general story, and different variations of the epic “Idige“ were found with the Bashkirs, Qazaqs, Qaraqalpaqs, Noghays, Turkmen, and Uzbeks [18, p. 143].

The fourth meaning of "92 tribes" began to be used by Russian-Orientalists purely in the ethnic terms after Central Asia became part of the Russian Empire, with Russian-Orientalists using the term “92 tribes” purely in the ethnic meaning. According to L. Sobolev, for example, the majority of people of the Zarafshan province were Uzbeks, and then Tajiks. The Uzbeks were divided into 92 tribes [49, p. 132]. A. Khoroshkhin argued that Uzbeks had 92 tribes or 92 *baus*. There were Uzbeks, and among them were settled, semi-nomadic, and nomadic people [25, p. 491–498].

Thus, by the nineteenth century, the term “92 Uzbek tribes” had been preserved as a symbolic term with a certain meaning, more as a traditional tribute. If one compares the designation of the term tribe in the sources, one can notice the difference between different traditions. Traditionally, the tribe or kin is often denoted in medieval Bukhara sources by the terms *urugh*, *el*. In the folk discourses about 92 tribes, the generally accepted term for referring to a tribe was the term *bau*, which was only applied when it was talked about 92 tribes [55, p. 42]. In the sources, the Arabic terms *firqa* (“part; sect”) and *qism* were used most frequently when there was the formulation “ninety-two Uzbek tribes” [23, p. 345].

After the establishment of the power of the Russian Empire, socio-political and economic changes, the term “92 tribes” only acquired a purely symbolic, historical meaning. Under the influence of modernization processes in Muslim societies of the Russian and Ottoman empires, other types of identities arose and increased: Turk, Turkistan, which expanded the imaginary boundaries of Central Asian societies.

The issue of 32, 92, 95, and 96 tribes

In the sources of the sixteenth – nineteenth centuries there are various numbers of Uzbek tribes: 32, 92, 95, and 96. Researchers explain their use in different ways. In the sixteenth century source “Majmu’ at-tavarikh”, there is a legend about 92 tribes. However, in the same source the names of 95 tribes are indicated in the list of tribes [37; 50].

The eighteenth century sources record both terms: 32 and 92 tribes. 32 tribes are mentioned by the nineteenth century authors A. Vamberi and A. Burns, which reveals the preservation of the tradition [8, p. 367].

V.V. Bartold (1869–1930) wrote that it was previously seen that there were 32 Uzbek tribes, then 92, and he argued that there was apparently a breakdown of tribes and an increase in their number [7, p. 465]. According to Togan, 92 tribes represented the tribal composition of the Golden Horde. Sultanov revealed that the term “32 tribes” existed during the era of the rule of Golden Horde’s Toqtamish Khan (1378–1395) [54, p. 27].

The ethnographer G.N. Potanin (1835–1920) conducted ethnographic research within the territory of modern northern and north-eastern Kazakhstan. He revealed ideas of origin among a certain part of the Qazaqs, who claimed that the root of the Qazaqs originated from the Turks of Mongol descent, the Muslim faith, the Uzz tribe, and the felt-yurt of the three uok tribes. The Qazaqs claimed that during the time of Prophet Muhammad their ancestors Akashe, son of Nazir and Anes, son of

Malik, also Akhtam-sufi and Imam-bair were adherents of the Prophet. The descendants who originated from them, having reproduced during the time of Abubakr Kababa, were called “Uzbek with thirty-two ropes” (*otuz eeki bauli uzbek*). The eldest was a thousand – Ming, the second – a hundred – Yuz, from the three sons of Yuz there originated our Kazakhs [44, p. 310]. In another publication, apparently based on another source, Potanin wrote “when talking about Qipchaqs, it is said: *kipchak tuksan ikki bauli* (Qipchaqs with 92 ties), they are as 92 tribes” [20, p. 74]. In the Qaraqalpaq genealogy-*shejire*, it was stated that the ancestor of the 32 tribal groups of Uzbek (*32 bauli Uzbek*) was a descendant of Zhailgan – Nagadai, and Qaraqalpaqs originated from the 32 tribes [17, p. 485].

Sultanov wrote that there are obviously two separate lists of tribes [54, p. 28]. He argued that there were 32 officials in the social and political life of the Uzbeks of Central Asia, who were the representatives of individual tribes that had the greatest weight in the life of the country. The position of officials in the court environment was significantly dependent on their belonging to a particular clan or tribe [54, p. 51]. According to Holzwarth, 32 tribes belonged to the Shibaniid tribal groups in the sixteenth century, and the 92 included all the Turko-Mongolian tribes of the region [23, p. 345].

Sultanov drew attention to the fact that in three lists of the same work “Majmu’ at-tavarikh” there are 95 names of tribes instead of 92. This makes it possible to argue that the general selection of names was arbitrary [54, p. 39]. The replacement of some names with others seemed to reflect the position and weight occupied by certain tribes during the period [54, p. 51], as well as the place of correspondence and personal views of the enumerator. Sultanov and other researchers believed that the number 95 was a mistake. It is possible that the historical roots of the oral tradition of 95 tribes are connected with the era of the Mongol Empire. The *Secret History of the Mongols* states that in 1206 the Mongolian ulus was administratively organized by Chinggis Khan into 95 *minkats* (thousands) with certain territories (*nuntuk*) which formed a number of territorial regions within the Chinggisid state [28, p. 158; 31, p. 217]. It is important to note two facts here. It is likely that the indicated number of 95 was later established in the oral tradition of nomadic tribes. The term thousand-*minkat* or Ming could have been used as the name of the tribe from which the early lists of 92 tribes traditionally began. The names of the Ming, Yuz (one hundred), Qyrq (forty) tribes, with which most of the lists of 92 tribes begin, were probably associated with the military organization of the Turkic-Mongol tribes. In later genealogical traditions, these tribes were considered to be related [34, p. 159–160].

In later popular tradition, there were particular interpretations of the number of Uzbek tribes, where the number 96 tribes appeared. This figure was recorded by Ch. Valikhanov and in some Uzbek epic poems – *dastans*. According to Uzbek traditions, the name of the first union, i.e. 96 tribes is here. There are three generations of Ming, Yuz, and Qyrq, under the common name Turk (these are the descendants of ancient Turks), Unaga, Unkaji, Jalayir, Saray, and others [62, p. 553].

As the archival material of B. Karmysheva and the information from one of the Uzbek versions of the poem “Alpamysh” indicate, the number 96 tribes was used, but with a different meaning. According to B. Karmysheva, in the past, 92 tribes of Uzbek were divided into fifteen *bulaks* with six in each [26]. Apparently, there was a tradition to divide it into 16 bulaks and as a result it turned out to be 96. The epic

"Alpamysh" presents the representations of Uzbek storytellers about the origin of Qunghrats. One version recorded in the Zarafshan Valley claims, for example, that the Qunghrats were one of 96 tribes (*bov*) of Uzbek men who were linked to the Turks who arrived in Jijdeli Baysun from the country of Shom (Syria). Each *bov* was divided into bek-led *bulaks* [3, l. 1, 10, 256]. It is therefore not surprising that N. Khanykov cited 97 names of Uzbek tribes by the local source ("Nasab-Namai-Uzbek") [22]. As noted above, the territories of the nomadic Uzbek tribes were located within the territorial-administrative units of the Bukhara Khanate (*tumans*, *buluks*, *khazara*), so it can be assumed that the number 96 appeared as a result of the combination of the state model of territorial administration with the nomadic one. It can be assumed that the number 96 tribes began to be used at a later time, probably as of the seventeenth century. It is possible that the origins of the use of a certain number of Uzbek tribes come from several cultural traditions.

Conclusions

Thus, the term "92 Uzbek tribes", which presumably appeared in the fifteenth century, began to be used over the following centuries with a variety of meanings depending on the political and cultural context. The significant role of the members of tribes from the Golden Horde in the political life of the Central Asian Khanates as of the sixteenth century, and then the foundation in the eighteenth century in the Central Asian khanates of dynasties from among these tribes ensured the relevance and relatively widespread use of the term "92 Uzbek tribes". For the semi-nomadic tribes of these khanates, belonging to "92 tribes" meant in certain cases a privileged position and a higher social, economic status, but with the obligation of military service. It should be noted that there were tribes that were permanently placed high on the 92 tribal list. It is also possible, however, to state the inclusion of new tribes in later lists. This indicates that there had been a manipulation to include or exclude a tribe from the 92 tribal list.

The term "Uzbek", originally a polytonym, gradually began to turn into an ethnonym. Nevertheless, in certain cases, it was used with a political meaning to legitimize the ruling Uzbek Manghit, Ming dynasties, and following a long tradition, perhaps the pursuit of political goals, which emphasized long-standing ties between Qazaqs, Noghays, Uzbeks, and Qaraqalpaqs. Along with the number 92, numbers such as 32, 95, and 96 tribes coexisted, the semantics and symbolic significance of which require more research. The interaction of the nomadic tribal organization with the state administrative-territorial system of administration led to the emergence of the number 96 in all probability in the seventeenth century. There is the possibility that the numbers 92 and 96 had symbolic significance, but certain periods of history were also used for practical purposes in the distribution of resources, pastures and military service in the Bukhara Khanate.

REFERENCES

1. Abd al-Kadir ibn Mukhammad-Amin. Mazhma' al-ansab va-l-ashdzhar. *Istoriya Kazakhstana v persidskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in Persian Sources]. Vol. 2. Vokhidov Sh.Kh., Muminov A.K. and Aminov B.B. (eds). Almaty: "Dayk-Press", 2005. 693 p. (In Russian)

2. Alekseev A.K. *Politicheskaya istoriya Tukay-Timuridov. Po materialam persidskogo istoricheskogo sochineniya Bakhr al-asrar* [Political History of the Tuqai-Timurids: Based on the Materials of the Persian Historical Work Bakhr al-asrar]. St. Petersburg: St. Petersburg University Publ., 2006. 229 p. (In Russian)
3. *Alpomish*. The poem was recorded by the narrator Rakhmatullo Yusuf-ogli himself in 1968 in the Scientific Archive of the Institute of Language and Literature of the Academy of Sciences of the Republic of Uzbekistan. Inv. No. 1660. (In Uzbek)
4. Akhmedov B.A. *Znachenie pis'mennykh pamyatnikov v izuchenii etnicheskoy istorii uzbekov* [The significance of written sources in studying the ethnic history of Uzbeks]. *Materialy k etnicheskoy istorii naseleniya Sredney Azii* [Materials for the Ethnic History of the Population of Central Asia]. Tashkent: Fan Publ., 1986, pp. 14–30. (In Russian)
5. Babadzanov B.M. *Kokandskoe khanstvo: vlast', politika, religiya* [The Kokand Khanate: Power, Policy, and Religion]. Tokyo-Tashkent, NIHU Program Islamic Area Studies Center, University of Tokyo Publ., 2010. 744 p. (In Russian)
6. Bartol'd V.V. *Tseremonial pri dvore uzbekskikh khanov v XVII v.* [The ceremonial at the court of the Uzbek khans in the seventeenth century]. *Sochineniya* [Writings]. Vol. II, Part 2. Moscow: "Science", 1964, pp. 388–399 (In Russian)
7. Bartol'd V.V. *Raboty po istorii i filologii tyurkskikh i mongol'skikh narodov* [Works on History and Philology of Turkic and Mongolian People]. Vol. V. Moscow: "Science", 1968. 760 p. (In Russian)
8. Burns A. *Puteshestvie v Bukharu: rasskaz o plavanii po Indu ot morya do Lagora s podarkami velikobritanskogo korolya i otchet o puteshestvii iz Indii v Kabul, Tatariyu i Persiyu, predprinyatom po predpisaniyu vysshego pravitel'stva Indii v 1831, 1832, 1833 gg. leytenantom A. Bornsom.* [Travels into Bokhara. Being an Account of a Journey from India to Kabul, Tartary, and Persia. The Narrative of a Voyage on the Indus from the Sea to Lahore, Undertaken by Order of the Highest Government of India in 1831, 1832, and 1833. Lieutenant A. Burns]. Ch. 3. Kn. 1–2. Moscow, 1849. (In Russian)
9. Bromley Yu.V. *Ocherki teorii etnosa* [Essays on Ethnos Theory]. Moscow: "Science", 1983. 418 p. (In Russian)
10. Grodekov N.I. *Kirgizy i kara-kirgizy Syr-dar'inskoy oblasti* [Kyrgyzes and Kara Kyrgyzes of the Syrdarya Province]. Tashkent, 1889. 205 p. (In Russian)
11. Divaev A.A. *O proiskhozhdenii uzbekov* [About the origin of Uzbeks]. *Turkestanские ведомости* [Turkestan Journal]. 1900, no. 97. (In Russian)
12. DeWeese D. *Islamization and Native Religion in the Golden Horde: Baba Tükles and Conversion to Islam in Historical and Epic Tradition*. University Park (Penn.): Pennsylvania State University Press, 1994. 656 p.
13. Doniyorov Kh. *Uzbek khalqining shazhara va shevalari* [The Genealogies and Dialects of the Uzbek People]. Tashkent: Fan Publ., 1968. (In Uzbek)
14. Fadhlallah ibn Ruzbikhan Isfahani. *Mikhman-name-yi Bukhara (Zapiski bukharskogo gostya)* [Bukhara Guest's Notes]. Dzhililova R.P. (tr.) and Arends A.K. (ed.). Moscow: "Science", 1976. 536 p. (In Russian and Persian)
15. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples. Ethnogenesis and State Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 497 p.
16. Haider, Mansura. Relations of Abdullah Khan Uzbek with Akbar. *Cahiers du Monde russe et soviétique*. 1982, vol. 23, no. 3/4, pp. 313–331.
17. Zhdanko T.A. *Karakalpaki Khorezmskogo oazisa* [Karakalpaks of Khwarazmian oases]. *Trudi Khorezmskoy archeologo-etnograficheskoy ekspeditsii* [Works of the Khwarazmian Archaeological and Ethnographical Expedition]. Vol. 1. Tolstov S.P. and Zhdanko T.A. (eds). Moscow: USSR Academy of Sciences, 1952. (In Russian)
18. Zhirmunskiy V.M. P.M. Melioranskiy i izuchenie eposa "Edigey" [P.M. Melioranskiy and studying the epos "Edigey"]. *Turkologicheskii sbornik 1972* [Turkological Collection 1972]. Moscow: "Science", 1973, pp. 141–185. (In Russian)

19. Ivanov P.P. Vosstanie kitay-kipchakov v Bukharskom khanstve in 1821–1825 gg. Istochniki i opyt ikh issledovaniya [The uprising of the Kitay-Kipchaks in the Bukhara Khanate of 1821–1825. Sources and experience of their research]. *Trudy Instituta Vostokovedeniya*. [Proceedings of the Institute of Oriental Studies]. Vol. XXVIII. Moscow; Leningrad: Academy of Sciences of USSR, 1937. 131 p. (In Russian)
20. *Kazahskiy fol'klor v sobranii G.N. Potanina (arhivnye materialy i publikacii)* [Kazakh Folklore in the Collection of G.N. Potanin (archival materials and publications)]. Alma-ata: "Science", 1972. 379 p. (In Russian)
21. Hafiz-i Tanysh Bukhari. *Sharaf-name-yi shakhi (Kniga shakhskoy slavy)* [Sharaf-name-yi shahi (Book of Shah's Glory)]. Ch. 1. Salahedinova M.A. (tr.). Moscow: "Science", 1983. 534 p. (In Russian)
22. Khanykov N.V. *Opisanie Bukharskogo khanstva* [Description of the Bukharan Khanate]. St. Petersburg, 1843. 284 p. (In Russian)
23. Holzwarth W. The Uzbek State as reflected in eighteenth-century Bukharan sources. *Asian Studies*. 2006, no. 60/2, pp. 342–346.
24. Holzwarth W. Relations between Uzbek Central Asia, the Great Steppe and Iran, 1700–1750. *Shifts and Drifts in Nomad-Sedentary Relations*. Leder S. and Streck B. (eds). Wiesbaden: Dr. Ludwig Reichert Verlag, 2005, pp. 179–216.
25. Khoroshkhin A.P. *Sbornik statey, kasayushikhsya do Turkestanskogo kraya* [Collection of Articles Related to Turkestan Krai.]. St. Petersburg, 1876. 532 p. (In Russian)
26. Karmysheva B.Kh. *Polevoy dnevnik № 4, 1960 god* [Field diary, no. 4, 1960]. Nauchnyy arkhiv Instituta etnologii i antropologii imeni N.N. Miklukho-Maklaya RAN [N.N. Miklukho-Maklay Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences]. Fund 23, inventory 7, file 4753. (In Russian)
27. Kopeev, Dzhusip Meshkhur. *Shigarmalary* [Works]. Vol. 11. Pavlodar: Eko, 2007. 418 p. (In Kazakh)
28. Kozin S.A. *Sokrovennoe skazanie. Mongol'skaya khronika 1240 goda* [The Secret History. Mongolian Chronicle of 1240]. Vol. 1. Moscow; Leningrad, 1941. 619 p. (In Russian)
29. Kügelgen A. von. *Legitimacija sredneaziatskoj dinastii mangitov v proizvedenijah ih istorikov (XVIII–XIX vv.)* [The Legitimization of the Central Asian Dynasty of the Manghyts in the Works of Historians (eighteenth and nineteenth centuries)]. Almaty: "Dayk-Press", 2004. 516 p. (In Russian)
30. Kurbangali Khalid. *Tauarikh khamsa (bes tarikh). Taurih-i hamsa-i sharki* [Five Histories. History of Five Orient]. Totenaeve B. and Joldasov A. (tr.). Almaty: "Kazakhstan", 1992. (In Kazakh)
31. Lhamsuren Munkh-Erdenep. Where did the Mongol Empire come from? Medieval Mongol ideas of people, state and Empire. *Inner Asia*. 2011, vol. 13, no. 2.
32. Lee, Joo-Yup. *Qazaqliq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in post-Mongol Central Eurasia*. Brill, 2015.
33. Malikov A.M. *Tyurkskie etnonimiy i etnotoponimiy doliny Zeravshana (XVIII – nachalo XX v.)*. [Turkic Ethnonyms and Ethnonyms of the Zerafshan Valley (from the eighteenth to early twentieth centuries)]. Tashkent: Muharrir nashriyoti, 2018. 216 p. (In Russian)
34. Malikov A.M. Iz istorii qirkov Sredneaziatskogo mezhdurechia [From the history of Qyrqs of Central Asian interfluvium]. *Materialy mezhdunarodnoy konferentsii, posviashchennoy 175-letiyu Ch.Ch. Valikhanova*. [Proceedings of the International Conference Devoted to the 175th Anniversary of Chokan Valikhanov]. Almaty: Tarikh taghylymy, 2010, pp. 158–165. (In Russian)
35. Malikov A. Semerkant Bölgesindeki Özbeklerin Etnik Tarihi [The ethnic history of Uzbeks of the Samarkand region]. *Türkler* [Turks]. Volume VIII. Ankara: Yeni Türkiye Yay., 2002, pp. 617–623. (In Turkish)
36. Maslyuzhenko D.N., Ryabinina E.A. Klimaticheskiy i epidemicheskiy faktory v istorii Sibirskoy gosudarstvennosti Shibanidov v XV–XVI vv. [Climatic and epidemic factors in the history of the Siberian statehood of the Shibanids in the fifteenth and six-

teenth centuries]. *Epidemii i prirodnye kataklizmy v Zolotoy Orde i na sopredel'nykh territoriyakh (XIII–XVI vv.)*. *Sbornik nauchnykh statey* [Epidemics and Natural Disasters in the Golden Horde and Adjacent Territories (from the thirteenth to sixteenth centuries). Collected Studies]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018, pp. 229–240. (In Russian)

37. *Materialy po istorii kyrgyzov i Kyrgyzstana* [Materials on the History of the Kyrgyz and Kyrgyzstan]. Vol. 1. Romodin V. (ed.). Moscow: “Science”, 1973. 279 p. (In Russian)

38. Mirgaleev I. Smuta 60–70-kh godov XIV veka [The Trouble Time of the 1360s–70s]. *Zolotaya Orda v mirovoy istorii. Kollektivnaya monografiya* [The Golden Horde in World History. Collective Monograph]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016. 968 p. (In Russian)

39. Mirza Abdalazim Sami. “*Tarikh-i salatin-i manghitiya*” dar as-saltana-i Bukhara-i sharif (Istoriya mangytskikh gosudarey) [History of the Manghit Sovereigns]. Epifanova L.M. (tr.). Moscow, 1962. 329 p. (In Russian)

40. Mirza Salimbek. *Tarikh-i Salimi (Istochnik po istorii Bukharskogo emirata)* [Source on the History of the Bukharan Emirate]. Norkulov N. (tr.) Tashkent: “Academy”, 2009. 330 p. (In Russian)

41. Mukammad Haydar Dughlat. *Tarikh-i Rashidi*. Urumbaeva A., Dzhililova R.P., and Epifanova L.M. (tr.). Tashkent: Fan, 1996. (In Russian)

42. Munshi Muhammad Yusuf. *Mukim-khanskaya istoriya* [Mukim-Khan’s History]. Semenov A.A. (tr.). Tashkent, 1956. 300 p. (In Russian)

43. Paksoy H.B. Z.V. Togan: The origins of the Kazakhs and the Özbeks. *Central Asian Survey*. 1992, no. 11/3, pp. 83–100.

44. Potanin G.N. Prichina vozniknoveniya kazak-kirgizov [The reason of origin of Kazakh-Kyrgyzes]. Potanin G.N. *Izbrannye sochineniya v trekh tomakh*, Tom 3: *Trudy po istorii, etnografii i fol'kloru* [Selected Works in Three Volumes, Vol. 3: Works on History, Ethnography, and Folklore]. Pavlodar: “Eko”, 2005. (In Russian)

45. Razhabov M. *Azhdodgingizni bilasizmi?* [Do You Know Your Ancestors?]. Samarkand, 1997. (In Uzbek)

46. Sadr-i Ziya. Bayon-i qabail va urugh va taksin v Mazhmua-i tazakar. *Sobranie pamyatnykh zapisey* [Collection of Memorial Notes]. Institut Vostokovedeniya AN Uzbekistana. Inventarnyy nomer № 2193/11 [Institute of Oriental Studies of the Academy of Science of Uzbekistan. No. 2193/11]. (In Persian)

47. Semenov A.A. K voprosu o proiskhozhdenii i sostave uzbekov Sheibani-khana [On the origin and composition of Sheibani Khan’s Uzbeks]. *Trudy Akademii Nauk Tazhikskoy SSR* [Works of Academy of Sciences of the Tajik SSR]. Vol. 12. Stalinabad, 1953, pp. 3–37. (In Russian)

48. Serebrennikov A.G. *Turkestanskiy krai. Sbornik materialov dlya istorii ego zavoevaniya*, T. 17: 1864 g. [The Turkestan Region. Materials for the History of Its Conquest, Vol. 17: 1864]. Part 1. Tashkent, 1914. 266 p. (In Russian)

49. Sobolev L.N. Geograficheskie i statisticheskie svedeniya o Zerafshanskom okruge s prilozheniem spiska naselennykh mest okruga [Geographical and statistical information about Zerafshan district with an appendix of the list of settlements of the district]. *Zapiski imperatorskogo russkogo geograficheskogo obshchestva po otdeleniyu statistiki* [Notes of the Imperial Russian Geographical Society for the Department of Statistics]. Vol. 4. St. Petersburg, 1874. (In Russian)

50. “*Sobranie istoriy*”. *Majmu’ at-tavarikh* [Compendium of Chronicles]. Tagir-zhanov A.T. (ed.). Leningrad: Leningrad State University, 1960. 188 p. (In Russian)

51. Solikh, Muhammad. *Shayboniynoma* [Sheibaniname]. Shodiev E. (ed.). Tashkent, 1989. (In Uzbek)

52. Shaniyazov K.S. *O’zbek xalqining shakllanish zharayoni* [The Process of Formation of Uzbek People]. Tashkent: Sharq Publ., 2001. 464 p. (In Uzbek)

53. Sultanov T.I. K istoriografii etnopoliticheskoy istorii ulusov Dzhuchi i Chagataya [Historiography of the ethnic and political history of the Jochid and Chaghataid Uluses]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2017, vol. 5, no. 1, pp. 74–92. DOI: 10.22378/2313-6197.2017-5-1.74-92 (In Russian)
54. Sultanov T.I. *Kochevye plemena Priaral'ya v XV–XVII vv. (voprosy etnicheskoy i sotsial'noy istorii)* [The Nomadic Tribes of the Aral Sea Region in the fifteenth and sixteenth centuries. (Questions of Ethnic and Social History)]. Moscow: "Science", 1982. 134 p. (In Russian)
55. Togan A.Z.V. *Bugünkü Türkili (Türkistan) ve yakın tarihi*. Cilt 1. *Batı ve Kuzey Türkistan*. Istanbul: Enderun kitabevi, 1981. (In Turkish)
56. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordy* [History of the Noghai Horde]. Kazan: "Kazan real estate", 2016. 764 p. (In Russian)
57. Trepavlov V.V. *Stepnye imperii Evrazii: mongoly i tatary* [Nomadic Empires of Eurasia: The Mongols and Tatars]. Moscow: "Quadriga", 2015. 368 p. (In Russian)
58. *Tsentralniy gosudarstvennyy arkhiv Respubliki Uzbekistan*, Fond I–1, Opis' 34, Delo 8: *Snosheniya s Bukharoi general-ad'jutanta K. Kaufmana* [State Archive of the Republic of Uzbekistan, Fund I–1, Inventory 34, File 8: Adjutant General Kaufman's Relations with Bukhara]. (In Russian)
59. *Turkestanskije vedomosti* [Turkestan Gazette]. 1871, no. 39. (In Russian)
60. *O'zbek poeziyasining antologiyasi* [Anthology of Uzbek Poetry]. Tashkent, 1948. (In Uzbek)
61. Usama ibn Munkyz. *Kniga nazidaniya*. [Book of Edification]. Krachkovskiy Yu.I. (tr.). Moscow: "Oriental literature", 1958. 330 p. (In Russian)
62. Valihanov Ch.Ch. *Sobranie sochineniy v pyati tomakh* [Collected Works in Five Volumes]. Vol. 1. Alma-Ata: Academy of Sciences of KazSSR, 1961. (In Russian)

About the author: Azim Malikov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Department of Asian Studies, Faculty of Arts, Palacky University Olomouc (511/8, Křižkovského Str., Olomouc 77147, Czech Republic); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimmal2018@gmail.com

*Received March 20, 2020 Accepted for publication August 28, 2020
Published September 29, 2020*

«92 УЗБЕКСКИХ ПЛЕМЕНИ» В ОФИЦИАЛЬНЫХ ДИСКУРСАХ И УСТНОЙ ТРАДИЦИИ В XVI–XIX ВВ.

А. Маликов

Университет Палацкого
Оломоуц, Чешская Республика
azimmal2018@gmail.com

Цель: выявить основные вариации использования термина «92 узбекских племен» в различных контекстах в официальных дискурсах и устной традиции в XVI–XIX вв.

Материалы исследования: использованы сочинения среднеазиатских, персидских авторов XV–XIX вв.: Мухаммад Салиха, Фазлаллаха ибн Рузбихана Исфахани, Мирза

Мухаммад Хайдара, Хафиз Таныша Бухари, Мухаммад Юсуфа мунши, Абдалазим Сами, Мирзо Салимбек, Садри Зиё, архивные материалы этнографа Б. Кармышевой, неопубликованная версия эпоса «Алпамыш» и архивные документы из Центрального Государственного архива Республики Узбекистан. Также подробно анализируются публикации российских, советских, постсоветских и зарубежных специалистов по истории Центральной Азии – Н. Ханькова, Ч. Валиханова, А. Хорошхина, Л. Соболева, Г. Потанина, В.В. Бартольда, Ахмеда Валиди Тогана, П. Иванова, Б. Ахмедова, Т. Султанова, П. Голдена, Д. Девиза, В. Трепавлова, В. Хольцварса, А. Алексеева, Б. Бабаджанова.

Результаты и научная новизна: термин «92 узбекских племени», появившийся в XV в. в Дешт-и Кипчаке, в последующие столетия стал использоваться с самым различным смыслом в зависимости от политического и культурного контекста.

Значительная роль представителей племен, выходцев из бывшей Золотой Орды, в политической жизни среднеазиатских ханств с XVI века, миграции кочевых племен из Дашт-и Кипчака в Мавераннахр на протяжении XVI века, а затем основание в XVIII веке в среднеазиатских ханствах династий из среды этих племен обеспечили актуальность и относительно широкое использования термина «92 узбекских племени».

Для полукочевых племен этих ханств принадлежность к «92 узбекским племенам» означала в определенных случаях привилегированное положение и более высокий социальный, экономический статус. В определенных случаях выражение «92 узбекских племени» использовался с политическим смыслом для легитимации правящих узбекских династий мангытов, мингов, а также, следуя давней традиции, возможно, преследуя политические цели, подчеркивались давние связи между казахами, ногайцами, узбеками и каракалпаками. Наряду с числом 92 сосуществовали такие числа, как 32 и 96 племен, которым придавались другие значения.

Ключевые слова: Золотая Орда, Узбеки, Казахи, Центральная Азия, 92 узбекских племени, Дашт-и Кипчак, Шибаниды, Бухара, Кокандское ханство, дискурсы, легитимация

Для цитирования: Malikov A. “92 Uzbek Tribes” in Official Discourses and the Oral Traditions from the sixteenth to nineteenth centuries // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 515–532. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.515-532

Благодарности: Работа выполнена в рамках проекта Европейского фонда регионального развития «Синоязычные границы: взаимодействие на рубежах» (CZ.02.1.01/0.0/0.0/16_019/0000791). Выражаю особую благодарность редактору и анонимным рецензентам за их комментарии и замечания.

Сведения об авторе: Азим Маннонович Маликов – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник отдела Азиатских исследований Университета Палацкого, Оломоуц (77147, ул. Крижковская, 511/8, Оломоуц, Чешская Республика); ORCID: 0000-0002-0173-2014. E-mail: azimmal2018@gmail.com

Поступила 20.03.2020 Принята к публикации 28.08.2020

Опубликована 29.09.2020

УДК 94(57)

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551

**СЫГНАК КАК «ПОРТ ДАШТ-И КЫПЧАКА»
И «ГОРОД-МАВЗОЛЕЙ»: ПЕРИОД ОТ ПРАВЛЕНИЯ ЛЕВОГО
КРЫЛА ДЖУЧИДОВ ДО ОСНОВАНИЯ «КАЗАХСКОГО ХАНСТВА»**

Х. Нагаминэ

*Национальный институт технологии, Ояма колледж
Ояма, Япония*

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Цель: проанализировать важность Сыгнака в качестве «порта Дашт-и Кыпчака» и как «города-мавзолея» (в котором на протяжении нескольких поколений находились могилы правителей кочевого государства и было построено много благотворительных сооружений и мавзолеев для святых) для левого крыла Джучидов, кочевого государства Дашт-и Кыпчака. Рассмотреть значение владения Сыгнаком для «казаков / Казахского ханства» (Урусидов из левого крыла Джучидов) при их конфликте с Шейбанидами / Абу-л-Хайридами («узбеками») за Туркестанский регион в последней трети XV в. Исходя из вышесказанного, мы хотели бы переосмыслить значение городов для кочевого государства.

Материалы исследования: были проанализированы следующие материалы: во-первых, «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини» Му'ин ад-Дина Натанзи, в частности, «*джадвал* (таблица [династии])» в Парижской рукописи данного сочинения, которому до сих пор не уделялось достаточного внимания; «Матла'-и Са'дайн ва Маджма'-и Бахрайн» 'Абд ар-Раззака Самарканди, «Михман-нама-йи Бухара» Фазлаллах ибн Рузбихана Хунджи, «Шайбани-нама» Камал ад-Дина 'Али Бина'и, «Тарих-и Рашиди» Мирза Мухаммад Хайдар доглата, «Шараф-нама-йи Шахи» Хафиз-и Таныша ибн Мир Мухаммад Бухари, сочинение Кадыр 'Али Бека (Джами' ат-Таварих) и четыре грамоты из Сыгнака.

Результаты и научная новизна: из описания «Мунтахаб ат-таварих-и Му'ини», в частности, *джадвала* в Парижской рукописи данного сочинения, мы можем увидеть, что под властью левого крыла Джучидов города нижнего и среднего течения Сырдарьи, в особенности, город Сыгнак, начали приобретать характер не только политического, военного и экономического центра, как и зимнего пастбища, но также характер «города-мавзолея». Исторические источники подтверждают, что уже начиная с XIV в. Сыгнак играл роль «города-мавзолея», что продолжалось вплоть до XVII в. В конфликте между *казаками* (Урусидами из левого крыла Джучидов) и Шейбанидами за Туркестанский регион, первым наконец-то удалось завладеть Сузаком и Сыгнаком, расположенными в северной части этого региона. Причиной, по которой *казаки* пытались завладеть Сыгнаком, было то, что Сыгнак был стольным городом и «городом-мавзолеем» для левого крыла Джучидов, особенно Урусидов, среди городов Туркестанского региона. Также он приобрел для *казаков* значение как «порт Дашт-и Кыпчака», расположенный в северной части Туркестанского региона.

Ключевые слова: Сыгнак, «порт Дашт-и Кыпчака», «город-мавзолей», Туркестанский регион, *джадвал*, «Мунтахаб ат-Таварих-и Му'ини», левое крыло Джучидов, Урусиды, *казаки* / Казахское ханство

Для цитирования: Нагаминэ Х. Сыгнак как «порт Дашт-и Кыпчака» и «город-мавзолей»: период от правления левого крыла Джучидов до основания «Казахского ханства» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 533–551. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551

© Нагаминэ Х., 2020

Благодарности: Я выражаю глубокую благодарность доктору Т. Кавагучи, который любезно сообщил мне о *джадвале* «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини» при написании этой статьи и дал много ценных советов. Эта статья была поддержана JSPS KAKENHI, номер гранта JP19K01029.

SĪGHNAQ AS THE “PORT OF *DASHT-I QĪPCHAQ*” AND A “MAUSOLEAN CITY”: THE PERIOD FROM THE JOCHID LEFT HAND TO THE FOUNDATION OF THE *QAZAQ* KHANATE

H. Nagamine

*National Institute of Technology, Oyama College
Oyama, Japan*

h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Abstract: *Research objective:* To analyze the importance of Sighnaq both as the “port of *Dasht-i Qipchaq*” and as a “mausolean city (where the tombs of rulers of nomadic regimes were placed for generations and many charitable facilities and shrines for saints were built)” for the Left Hand of the ulus of Jochi – a nomadic state of the *Dasht-i Qipchaq*. Another aim is to reexamine the significance of the possession of Sighnaq for the so-called “*Qazaq/Kazakh Khanate*” (the Urusids from the Jochid Left Hand) in their conflict for the Turkestan region with the Shaybānīds/Abū’l-Khayrīds (the so-called “Uzbeks”) in the last third of the fifteenth century. Through these objectives, I would like to rethink the significance of cities for the nomadic regime.

Research materials: The following materials were analyzed: Mu‘īn al-Dīn Naṭanzī’s *Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī*, and especially its *jadwar* (“table [of the dynasty]”) in the Paris manuscript of this work, which has not received sufficient attention; Kamāl al-Dīn ‘Abd al-Razzāq Samarqandī’s *Maṭla‘-i Sa‘dayn wa Majma‘-i Baḥrayn*; Faḍl Allāh b. Rūzbihān Khunjī’s *Mihmān-nāma-yi Bukhārā*; Kamāl al-Dīn ‘Alī Binā‘ī’s *Shaybānī-nāma*; Mīrzā Muḥammad Ḥaydar Dughlāt’s *Tārīkh-i Rashīdī*; Ḥāfiẓ-i Tanīsh b. Mīr Muḥammad Bukhārī’s *Sharaf-nāma-yi Shāhī*; Qādir ‘Alī Beg’s historiography (*Jāmi‘ al-Tawārīkh*); and four additional documents from Sighnaq.

Results and novelty of the research: From the description of Mu‘īn al-Dīn Naṭanzī’s *Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī*, and especially from the *jadwar* in the Paris manuscript of this work, we can understand that cities under the rule of the Jochid Left Hand in the middle and lower Syr-Darya, especially Sighnaq, began to take on the character not only of political, military, and economic centers and winter quarters, but also of “mausolean cities”, as early as the fourteenth century. Based on historical sources, Sighnaq continued to possess the character of a “mausolean city” until the seventeenth century. In the conflict for the Turkestan region between the *Qazaqs* (the Urusids from Jochid Left Hand) and the Shaybānīds, the *Qazaqs* finally succeeded in their attempt to possess Suzaq and Sighnaq, located in the northern part of the region. The *Qazaqs* attempted to possess Sighnaq because among all the cities of the Turkestan region, it was the capital and a “mausolean city” for the Jochid Left Hand, especially the Urusids. In addition, it had acquired importance for the *Qazaq* nomadic state as “the port of *Dasht-i Qipchaq*” located in the northern part of the Turkestan region.

Keywords: Sighnaq, “port of *Dasht-i Qipchaq*”, “mausolean city”, Turkestan region, *jadwar* of *Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī*, Jochid Left Hand, Urusids, *Qazaq/Kazakh Khanate*

For citation: Nagamine H. Sighnaq as the “Port of *Dasht-i Qipchaq*” and a “Mausolean City”: The Period from the Jochid Left Hand to the Foundation of the *Qazaq* Khanate. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 533–551. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.533-551

Acknowledgments: I wish to thank Dr. T. Kawaguchi sincerely for kindly informing me about the *jadwar* of *Muntakhab al-Tawārikh-i Mu‘īnī* and for providing thorough advice. This paper was supported by JSPS KAKENHI, Grant Number JP19K01029.

Рис. 1. Города нижнего и среднего течения Сырдарьи [5, с. 192].

1 – точно локализованные города; 2 – приблизительно локализованные города; 3 – средневековые почтовые и караванные пути; 4 – городища; 5 – сухие русла

Fig. 1. Cities of the lower and middle reaches of the Syr Darya [5, p. 192].

1 – precisely localized cities; 2 – approximately localized cities; 3 – medieval postal and caravan routes; 4 – fortified settlements; 5 – dry riverbeds

Как известно, Сыгнак располагался в нижнем и среднем течении Сырдарьи¹ и процветал как центр торговли между Дашт-и Кыпчаком и оседлым миром (Маверанахром). Ибн Рузбихан называет Сыгнак «портом Дашт-и Кыпчака (*бандар-и Дашт-и Кыпчак*)», сравнивая Дашт-и Кыпчак с морем [40, р. 199; 33, с. 116], Хафиз-и Таныш сообщает, что Сыгнак «издревле был стольным городом государей Дашт-и Кыпчака (*тахтгах-и падишахан-и Дашт-и Кыпчак*)» [34, с. 225].

Туркестанский регион (нижнее и среднее течение Сырдарьи), включая Сыгнак², был важным политическим, военным и экономическим районом,

¹ Существуют различные способы написания и чтения Сыгнака: Сугнак, Саганак, Сунак, Сыганак и др. Нынешние развалины Сыгнака называются «Сунак-Курган / Сунак-Ата» [4; 37].

² В источниках с XIV до XVI вв. нижнее и среднее течение Сырдарьи, в том числе такие города, как Сыгнак, назывались регионом «Туркестан» [21, с. 11–13]. Однако использование наименования «Туркестан» менялось в зависимости от времени и места использования. Об этом см. [49].

также важным зимним пастбищем для кочевого государства. Кроме того, владение Туркестанским регионом повлияло на баланс сил между кочевым государством Дашт-и Кыпчака и государством Мавераннахра [3, с. 109–148; 21; 42, р. 58–64].

Сыгнак стал главным городом левого крыла Джучидов (*Улус-и Джучи*, Золотой Орды, Golden Horde)³ в XIV в. [9, с. 229; 31, с. 151–170; 37; 45, р. 282–283]. После этого «казаки / Казахское ханство», которые/ое последовали/ло за левым крылом (Урусидами), в последней трети XV в. вступили в конфликт с Шейбанидами («узбеками»), сосредоточась на территории Туркестанского региона, включая Сыгнак [3, с. 109–148; 22; 29; 42]. Затем, как отметил А.Ю. Якубовский, Сыгнак «постепенно сделался местом погребения степных ханов, сначала узбекских, а потом казахских» [37, с. 138].

А.Ю. Якубовский, используя исследование П.И. Лерха и В.В. Бартольда, провел исследования по истории Сыгнака и левого крыла Джучидов одновременно с отчетом о раскопках развалин Сыгнака (Сунак-Кургана / Сунак-Ата)⁴ [9, с. 222–248; 37]. Т. Кавагучи [45, р. 276–292], И. Вашари [60], К. Ускенбай [31, с. 147–226] и др. исследовали политическую историю левого крыла Джучидов, обратив внимание на Сыгнак⁵. Также конфликт между *казаками* и Шейбанидами в последней трети XV в. изучали В.В. Вельяминов-Зернов, А.А. Семенов [29], Б.А. Ахмедов [3, с. 109–148] и Т. Хоригава [42] со стороны Шейбанидов, а К.А. Пишулина [21; 22] – со стороны *казаков*.

В этой статье, используя результаты предыдущих исследований, мы обсуждаем важность Сыгнака как «порта Дашт-и Кыпчака» и как «города-мавзолея» для кочевого государства Дашт-и Кыпчака. «Город-мавзолей» – город, в котором на протяжении нескольких поколений были помещены могилы правителей кочевого государства, и было построено много благотворительных сооружений и мавзолеев для святых по системе *вакфа* [41, р. 21–23]⁶. Также мы проанализируем значение владения Сыгнаком для *казаков* в конфликте с Шейбанидами. В свете вышесказанного мы хотели бы переосмыслить значение городов для кочевого государства.

Сыгнак в период правления левого крыла Джучидов

Сыгнак впервые появился в «Худуд ал-‘Алам» в конце X в., затем был под властью огузов и вскоре стал стольным городом кыпчаков. В XII в. нижнее и среднее течение Сырдарьи, включая Сыгнак, постепенно оказались под властью государства Хорезмшахов [37, с. 123–127; 54, р. 3–4]. А.Ю. Якубов-

³ О наименовании этого государства см. [48, р. 167–170].

⁴ О последних раскопках развалин Сыгнака (Сунак-Кургана / Сунак-Ата) см. [4].

⁵ Об истории левого крыла Джучидов (Орда Уруса), также см. [10; 23; 31, с. 114–146; 38, р. 136–175; 39]. Однако левое крыло в этих исследованиях называется «Кок Орда» или «Ак Орда». Об этой проблеме, см. прим. 7.

⁶ М. Ханеда также отметил, что система *вакфов* играла важную роль в строительстве и поддержании города, и рассматривал городское строительство кочевого государства, с одной стороны, как «пастбищный город» (который имеет военное и экономическое значение в качестве связующего пункта между городом и пастбищем), с другой стороны, как «город-мавзолей» [41]. С этой точки зрения можно считать, что Сыгнак сочетал обе эти стороны.

ский писал, что нижнее и среднее течение Сырдарьи соединяли «кочевую степь с разными частями Средней Азии», и среди них «Сыгнак и был типичным рынком на границе степи и культурной полосы» [37, с. 124–127]. Хотя А.Ю. Якубовский подчеркивает важность города для государства Хорезмшахов, конечно же, для огузов и кыпчаков, которые были кочевыми государствами в степи, владение нижним и средним течением Сырдарьи, включая Сыгнак, также имело большое значение, потому что контроль над этими территориями позволял управлять торговлей между степным и оседлым мирами.

Монгольские завоевания в Средней Азии и Восточной Европе, начавшиеся в начале XIII в., разрушили государство Хорезмшахов и разгромили города нижнего и среднего течения Сырдарьи, включая Сыгнак. После этого он на некоторое время исчезает из источников, за исключением только записи о том, что Киликийский армянский государь прошел через Сыгнак [37, с. 127–128; 54, р. 3–4].

Туркестанский регион (нижнее и среднее течение Сырдарьи) был восстановлен в начале XIV в., что было тесно связано с политикой левого крыла Джучидов. Правление левого крыла Джучидов, которое началось с Орда-Еджена, старшего сына Джучи, первоначально установило свою ставку в бассейне реки Иртыш. Постепенно, во время беспорядков в конце XIII – начале XIV вв., они переместили свою ставку в нижнее и среднее течение Сырдарьи [39, р. 5–26]. Согласно «Мунтахаб ат-таварих-и Му‘ини», который включает в себя подробную информацию о левом крыле, но одновременно содержит некоторые проблемные утверждения⁷, и монетам Мубарак-Ходжи, правителя левого крыла, отчеканенных в Сыгнаке в 768 (1366–67) и 769 (1367–68) гг.⁸, города в нижнем и среднем течении Сырдарьи были восстановлены под властью левого

⁷ «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини» – пересмотренный источник «Анонима Искандара» [47, р. 121–125]. Что касается «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини», было отмечено, что в генеалогии и времени правления Джучидов есть много ошибок [см. 7, с. 10–15; 13, с. 195–204; 24; 48, р. 176, п. 18], и, в частности, в этом источнике содержится большая путаница касательно Джучидов, поскольку правое крыло (Улус Бату) там называется «Кок Ордой», а левое крыло (Улус Орды) – «Ак Ордой», что противоречит действительности [последние исследования по этой проблеме, см. 16; 19; 26; 31, с. 81–113]. На наш взгляд, по крайней мере во второй половине XIV в., было признано, что под «Ак Ордой» имелось в виду правое крыло или все Джучиды, в то время как под «Кок Ордой» – левое крыло; хотя трудно судить о том, были ли «Ак Орда» и «Кок Орда» наименованиями, существовавшими с начала основания владений Джучидов [48, р. 177].

⁸ Нумизматические изыскания Е.Ю. Гончарова и исследования А.Г. Гаева и И. Вашири показали, что чеканка Мубарака Ходжи, которая прежде датировалась 728 (1327–28) и 729 (1328–29) гг., в действительности следует датировать 768 (1366–67) и 769 (1367–68) гг. Кроме того, исследователи идентифицировали Сасы-Бугу б. Ногай в «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини», который прежде считался Ордаидом, с Сасы и/или Ногаем б. Сасы из Тука-Тимуридов (Тока-Темюридов) (Ногай б. Сасы также зовется Сасы-Нокаем или Кара-Ногаем, который восстановил левое крыло в «Чингиз-наме / Кара Таварих» [32, ф. 376–40а, 416, с. 49–51, 53; 58, f. 51b–53a, 54a–b, р. 38–41, 44]), а также – Мубарак-Ходжи с выходцем из Тука-Тимуридов (двоюродный брат Ногай б. Сасы) [7, с. 10–15; 8; 60; см. 31, с. 165–170]. Это подтверждает возвышение Тука-Тимуридов после прекращения правления Ордаидов в левом крыле в это время [14; 36; 45, р. 282–284, 287–292]. О монетах Сыгнака, также см. [6, с. 112–116; 20; 35, с. 13–14].

крыла, а его столицей был Сыгнак [9, с. 229; 37, с. 129–130]⁹. В «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини» есть следующие записи о правителях левого крыла: «могила его (т.е. Сасы-Буги) находится в богохранимом [городе] Сауране»; «большую часть *медресе*, *ханака*, мечетей и прочих благотворительных учреждений, которые находятся в Отраре, Сауране, Дженде и Барчкенде, устроил он (т.е. Эрзен) ... могила его находится в городе Сыгнаке» [53, р. 88–89; 27, с. 129–130].

Кроме того *джадвал* (таблица [династии]) в парижской рукописи «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини», не вошедший в издание Дж. Аубина и не получивший достаточного внимания, довольно интересен. По словам Т. Кавагучи, парижская рукопись включает в себя 28 *джадвала*, и там написаны имена правителей и их отцов, продолжительность правления, места захоронения, причины смерти и так далее; к тому же *джадвал* «представляет собой не просто повторяющееся сокращение текста, но содержит важную информацию, которой нет в тексте или других исторических материалах» [47, р. 124–125, 140–141]¹⁰. В *джадвале* «Кок Орды» и «Ак Орды» [52, f. 303b. см. рис. 2] Сыгнак отмечен в графе места захоронения (*мадфан-ха*) 10 правителей «Ак Орды» (т.е. левого крыла) (Саси-Буги, Эрзена, Черкеса, Мухаммад-Ходжы [т.е. Мубарак-Ходжы], Чимбая, Уруса, Токтакии, Тимура, Токтамышы и неизвестного) и Менгу-Тимура (Монкке-Темюра) из «Кок Орды» (т.е. правого крыла). К тому же в графе места захоронения следующих 5 правителей «Ак Орды» (неизвестного, Тимур-Кутлуга, Шадибека, Тимур-Султана и Джалал ад-Дина) Сыгнак вначале отмечен, потом исправлен на Самарканд, Сарай, Сарай, Ширван и Сарай. Конечно, в отношении описания Джучидов в «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини» отмечается, что оно содержит некоторые проблемы [см. прим. 7, 8], поэтому мы не можем рассматривать все записи *джадвала* как достоверные факты. Тем не менее, вполне вероятно, что в *джадвале* присутствует отражение некоторых исторических событий или восприятие автора о Сыгнаке в качестве места захоронения правителей¹¹.

⁹ Существует теория, что Тенибек (Танибек), сын Узбека, в то время находился на троне Сыгнака (около в 740 (1339–40) – 741 (1340–41) гг.) [9, с. 234; 31, с. 151–156]. Однако в «Хосрау и Ширин» Кутба, который является источником этой теории, упоминается название только Ак Орды, а не Сыгнака [18, с. 32–34], поэтому необходимо тщательно рассмотреть эту теорию.

¹⁰ Т. Кавагучи также представляет и анализирует *джадвал* Тимуридов [47, р. 141–143].

¹¹ Интересно также, что в графе *амира ал-умара*, помимо имен Нангудая, Тоглу-Бая, Могул-Буги, Ильяса, Кара-Кисека (вероятно, из Чингизидов), Балтычака, Идегея (Едигю), и др., которые появляются в тексте «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини», есть еще не упомянутые там имена ‘Али-Бека как *амира ал-умара* Токтамышы и Булат-Тимура (Булад-Темюра) как *амира ал-умара* Бердибека. ‘Али-Бек из кунгратов перешел со стороны Урусидов на сторону Токтамышы и стал влиятельной фигурой в правление последнего [28, с. 34–35; 46, р. 83–84]. Булат-Тимур после смерти ханов Хызра и Тимур-Ходжи взял Булгар и там чеканил монеты в 768 (1366–67) с именем «покойного Джанибека» и своим именем. В 1367 г. Булат-Тимур был убит ханом Азизом [28, с. 61]. Также Бек-Кутлу, *амира ал-умара* Тимур-Ходжы, Азиза и Хаджи, может быть Кутлу-Бугой (Кутлуг-Бугой), который был беком Джанибек-хана и, согласно «Чингиз-наме / Кара Таварих», Хызр-хана [28, с. 115; 32, ф. 40а–б, с. 51–52; 58, f. 53а–b, р. 41–42] Таким образом, очень интересным представляется то, что *джадвал* содержит информацию, включая места захоронения, которых нет в тексте. Анализ данного *джадвала* было проведено мною в другой статье [56].

Рис. 2. Джадвал «Кок Орды» и «Ак Орды»
в Парижской рукописи «Мунтахаб ат-Таварих-и Му‘ини» [52, f. 303b]

Fig. 2. Jadwar of the “Kok Orda” and “Ak Orda”
in the Parisian manuscript of “Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī” [52, f. 303b]

В «Чингиз-наме / Кара таварих» содержатся следующие интересные рассказы о *вилаятах* Сырдарьи и Сыгнака: Чингиз-хан отдал Еджену (Иджану, т.е. Орде) левое крыло (*сол колы*) с *вилаятами* на Сырдарье; левое крыло увел на берега Сырдарьи Тенгиз-Буга, который не был Чингизидом в правление Бердибек-хана¹²; Кара-Ногай из Тука-Тимуридов, убив Тенгиз-Бугу, стал ханом на берегу Сырдарьи внутри левого крыла и правил *вилаятами* Туркестана; Урус-хан правил всем *вилаятом* Туркестана, и его орда спустилась на берега Сырдарьи [32, ф. 176–186, 366–40а, 416–42а, с. 29–30, 47–51, 53; 58, f. 39а–b, 50а–53а, 54а–55а, р. 12–13, 36–41, 44–46]¹³. Также сообщается, что Берке-хан (по «Чингиз-наме / Кара Таварих» он был мусульманином с рождения), не будучи в состоянии находиться среди неверных, пришел в Сыгнак, присоединился к Шайху Сайф ад-Дин Бахарзи, который был мюридом Шайха Наджм ад-Дин Кубра, и начал служить [32, ф. 22а–б, с. 33–34; 58, f. 41а–42а, р. 17–18]¹⁴. Хотя эти рассказы включают в себя элементы легенды, они передают, что *вилаяты* Сырдарьи были политическим центром левого крыла. Кроме того, в этом тексте Сыгнаку придается определенное религиозное значение.

Из вышесказанного мы можем увидеть, что под властью левого крыла города в нижнем и среднем течении Сырдарьи, особенно Сыгнак, стали приобретать характер не только политического, военного и экономического центра, но и зимнего пастбища, и как «города-мавзолея», уже в XIV в., т.е. намного раньше, чем указал А.Ю. Якубовский.

После смерти Бердибека в 1359 г., Джучиды вступили в период «смуты» и реорганизации, а Тука-Тимуриды и Шейбаниды стали возвышаться. Среди них Урус из Тука-Тимуридов¹⁵ совершил походы на правое крыло из Сыгнака, а Токтамыш из Тука-Тимуридов вступил на престол в Сыгнаке при поддержке Тимура, и в 1380 г. Джучиды воссоединились [14; 45, р. 282–292]. Можно сказать, что Сыгнак сыграл роль политической и военной базы сначала во времена Уруса, а затем и Токтамыша.

Далее обратим внимание на Барака¹⁶, внука Уруса. Когда отношения между Бараком и Улуг-Бекком из Тимуридов прервались на почве трений за владение Сыгнаком (830 / 1426–27 г.), Барак сказал: «Пастбище Сыгнака по закону и обычному праву принадлежит мне, так как дед мой Урус-хан в Сыгнаке воздвиг (постройку)» [43, р. 377; 27, с. 197]. «Пастбище Сыгнака» означа-

¹² «Чингиз-наме / Кара Таварих» сообщает, что Тенгиз-Буга заставил *огланов* Джучидов построить мавзолей для его отца Джил-Кутлы [32, ф. 176, 376, с. 29, 48; 58, f. 38b, 50b–51a, р. 10–11, 37]. В.П. Юдин указывает на возможность идентификации этого мавзолея с остатками Кок-Кесене («синий мавзолей»), расположенными в окрестности Сыгнака, о которых упоминает А.Ю. Якубовский [36, с. 62]. Однако А.Ю. Якубовский связывает Кок-Кесене с могилами узбекских ханов (см. далее).

¹³ Несмотря на различия в деталях, подобные рассказы можно найти в «Умдет ал-ахбар» Абдулгаффара Кырыми [1, кн. 1, ф. 258а–б, 2646–2656, 266а–б; кн. 2, с. 42–43, 56–59, 60]. О взаимосвязи между двумя источниками см. [11, с. 47, 50; 58, р. xvii].

¹⁴ Подобный рассказ можно найти в «Умдет ал-ахбар» [1, кн. 1, 2596; кн. 2, с. 45–46].

¹⁵ В отношении происхождения Уруса высказывались предположения, что он был либо Ордаидом, либо Тука-Тимуридом. Сейчас версия происхождения из Тука-Тимуридов широко поддерживается [7, с. 14; 13, с. 195–204; 25; 36, с. 67; 38, р. 83–84; 45, р. 289; 55, р. 23, п. 15; 60], но существует также версия происхождения из Ордаидов [30, с. 139–144; 31, с. 172–184]. Деятельность Уруса более подробно рассматривает К. Ускенбай [31, с. 185–226].

¹⁶ О деятельности Барака см. [12, с. 204–212; 55, р. 5–9].

ет зимнее пастбище. Неизвестно, какую постройку воздвиг Урус-хан, но, вероятно, она включала в себя религиозные объекты. Таким образом здесь проявляется характер Сыгнака как «города-мавзолея» для Урусидов.

Сыгнак в конфликте между *казаками* и Шейбанидами в последней трети XV в.

В 1440–60-х гг. Абу-л-Хайр из Шейбанидов занял Туркестанский регион, а также господствовал на большей части Дашт-и Кыпчака. Джанибек (сын Барака) и Гирей (Герай, внук Токтакии, сын Уруса) были не в состоянии противостоять Абу-л-Хайру и вынуждены были бежать в западную часть Могулистана. Однако в 1470–90-х гг., после смерти Абу-л-Хайра, они возобновили активную деятельность по установлению влияния в Дашт-и Кыпчаке. В тоже время в борьбу за Туркестанский регион включились и *казаки* (Урусиды), Шейбани (внук Абу-л-Хайра), могулы, Тимуриды и мангуты (ногаи). Далее рассмотрим причину, по которой *казаки* пытались завладеть Сыгнаком в этом конфликте, и значимость владения Сыгнаком при завершении этого конфликта.

Приблизительно в период развития конфликта Урусиды начали называться «казаки», потому что Джанибек и Гирей совершили действия «казака / *казақылыка*» в борьбе с Шейбанидами, и этот режим в исследованиях называется «Казахское ханство». Однако из описаний источников того времени видно, что признание «Урусидов», унаследовавших левое крыло, было более важным внутри Джучидов, чем признание «*казак*ов / казахов» [17, с. 122–123; 55, р. 9–15]¹⁷. В данной статье этот режим называется «казаки».

В 1470-х гг. *казаки* (Бурундук, сын Гирея) победили в битве у перевала Согунлук, куда они продвинулись из Сузака, а Шейбани – из Сыгнака, и *казаки* установили свою власть над силами Шейбани в восточном Дашт-и Кыпчаке [22, с. 113–114; 54, р. 10–11]. Позже, примерно в начале 1490-х гг., Шейбани снова занял Сыгнак, но после трехмесячной осады *казаками* жители Сыгнака сдали город Бурундуку. В то время жители говорили: «Прежде этот вилайат принадлежал Бурундук-хану. Целесообразно передать нам этот вилайат Бурундук-хану, чтобы тем самым устранить неприятности (*фитна*)» [44, р. 35; 15, с. 112]. К.А. Пищулина анализирует отношение жителей Сыгнака: «Городская верхушка поддерживала, видимо, потомков бывших владетелей Сыгнака и других городов Присырдарьи – ханов Ак-Орды (т.е. левого крыла)» [22, с. 115]. Также отметим, что Бурундук принадлежал к Урусидам, которые имели тесную связь с Сыгнаком среди левого крыла Джучидов.

Рассмотрим причину, по которой *казаки* попытались вернуть Сыгнак. Как упоминалось выше, Туркестанский регион, расположенный между степным миром (Дашт-и Кыпчаком) и оседлым миром (Мавераннахром), был важным местом во всех отношениях: политических, военных, экономических и зимних пастбищных. Среди них Сыгнак был столичным городом и «городом-мавзолеем» левого крыла Джучидов с XIV в., и был очень тесно связан с Урусидами. Следует также отметить, что Сыгнак стал самым северным городом в Туркестанском регионе, так как города ниже по течению от Сыгнака прекратили свое существование после середины XV в. [37, с. 134]. По этой

¹⁷ Образованию Казахского ханства посвящено много исследований. О недавних исследованиях см. [2, с. 104–198; 50, р. 97–139; 55].

причине вышеупомянутый Ибн Рузбихан называл Сыгнак «портом Дашт-и Кыпчака». Ибн Рузбихан сообщает о торговле между Дашт-и Кыпчаком и Мавераннахром, которая велась через «порт Дашт-и Кыпчака» Сыгнак: «Владение (*мамлакат*) Сыгнак – конец благоустроенных земель северной стороны области Дашта. ... Этот город в действительности является портом Дашт-и Кыпчака. ... Так как [Сыгнак] является началом благоустроенности центра того владения по отношению к обитателям Дашта, то купцы владений и местностей Дашт-и Кыпчак до пределов реки 'Адил (т.е. Волга), которые являются северным краем благоустроенных [земель] и примыкают к побережью Бахр ал-Мухит (т.е. Каспийское море), сделали город Сыгнак портом своих [и] приводят сюда торговые товары. Купцы областей Туркестана, Мавераннахра и с Востока до пределов Кашгара, Хотана привозят в Сыгнак товары этих стран и совершают с людьми Дашта торговые следки и обмен» [40, р. 199–200; 33, с. 116–117]. Таким образом «из всех городов Туркестана Сыгнак был наиболее тесно связан с Дашт-и Кыпчаком» [21, с. 16] и являлся чрезвычайно важным городом для *казаков*, которые были кочевым государством в Дашт-и Кыпчаке. Такая значимость Сыгнака заставила *казаков* попытаться вернуть этот город, что в конце концов им удалось сделать.

Ситуация сильно изменилась после передачи могулами (Султан-Махмудом) Отрара Шейбани. «Тарих-и Рашиди» сообщает, что это вызвало вражду между *казаками* и могулами: «По этой причине между сыновьями *казаков* Гирей-хана и Джанибег-хана [и] Султан-Махмуд-ханом издавна существовавшая искренняя взаимная дружба сменилась теперь враждой. [Сыновья Джанибег-хана и Гирей-хана говорили:] “Шахибег-хан (т.е. Шейбани) является нашим врагом. Как же ты ставишь его в Туркестане в противодействие нам?”. Словом, в связи с этим конфликтом между Султан-Махмуд-ханом и *казак-узбеками* (*узбек-и казак*)¹⁸ дважды происходили сражения. В обоих случаях поражение потерпел [Султан-Махмуд-]хан» [51, р. 152; 15, с. 206–207]. *Казаки* начали агрессивно атаковать Отрар, и, наконец, был установлен мир между Бурундуком, Шейбанидами и могулами через брачные отношения, хотя и временно (около в 1495–96 г.). *Казаки* завладели Сузаком и Сыгнаком, расположенными в северной части Туркестанского региона [22, с. 118; 42, р. 54].

Что касается конечных результатов этого конфликта, интерпретация со стороны Шейбанидов гласит: так как Шейбани взял под контроль почти весь Туркестанский регион, за исключением северной части, ему удалось победить Мавераннахр [42, р. 54–55]. С другой стороны, интерпретация со стороны *казаков* гласит: «Казахские ханы в длительной борьбе с Шейбанидами воспрепятствовали восстановлению их власти в рамках бывшего ханства Абулхайра, и Мухаммад Шейбани в 1500 г. с частью подвластных ему кочевых узбеков ушел в Мавераннахр, где, опираясь на завоеванные им города южной части Туркестана, направил свои захватнические устремления на тимуридское государство, о слабости которого он хорошо знал» [22, с. 119]. Я согласен с последним мнением в отношении Сыгнака. Как упоминалось выше, причиной, по которой *казаки* попытались завладеть Сыгнаком, является то, что он приобрел различные значения для кочевого государства *казаков*, как «порт Дашт-и Кыпчака», расположенный в северной части Туркестанского региона.

¹⁸ О термине «казак-узбеками (*узбек-и казак*)» см. [50, р. 124–126; 55, р. 12–13].

Обращает на себя внимание тот факт, что в начале конфликта *казаки* не демонстрировали никакой экспансии на южную часть Туркестанского региона, но после передачи могулами Отрара Шейбани начали агрессивно атаковать южную часть. Вероятно, это связано с тем, что владение Отраром Шейбани было большой угрозой для *казаков*, так как именно он пытался достичь гегемонии в Дашт-и Кыпчаке, а не Тимуриды или могулы. Можно считать, что целью нападения *казаков* на южную часть Туркестанского региона было торможение продвижения Шейбани на север, а не расширение территории. В результате конфликта последней трети XV в. *казаки* сдержали продвижение Шейбанидов на Дашт-и Кыпчак и защитили северную часть Туркестанского региона вокруг Сыгнака, и установили гегемонию в Дашт-и Кыпчаке.

Сыгнак после XVI в.

Наконец, посмотрим на Сыгнак после XVI в. В начале XVI в. Ибн Рузбихан сообщает: «Могилы и гробницы всех ханов узбеков из шибановцев, юрты которых в старину были близки к Туркестану, находятся в самом Сыгнаке и в его округе, потому что он является окраиной благоустроенной области, в которой имеются городские власти, основание мечети и рынок, а по ту сторону его – обширная степь, где нет ни признака благоустройства. Признаков городов в ней совсем не существует. Поневоле, из именитых ханов Дашта гроб каждого, кому наступал час предопределенной смерти, обязательно доставляли в Сыгнак, над могилой его воздвигали здание, похожее на купол» [40, р. 201; 33, с. 117–118]. О могиле Абу-л-Хайра в Сыгнаке говорится в сочинении Кадыр ‘Али Бека (сост. в 1602 г.): «Булгайр-хан (т.е. Абу-л-Хайр) был падишахом *вилаята* Ташкента [и] Туркестана. Его могила находится в городе Сыгнаке [59, рук. СПб, ф. 144a–b; рук. Казань, ф. 64b]¹⁹. Таким образом, здесь ярко прорисован характер Сыгнака как «города-мавзолея».

А.Ю. Якубовский связывает остатки Кок-Кесене («синий мавзолей»), расположенные в окрестности Сыгнака, с могилами узбекских ханов, о которых сообщает Ибн Рузбихан [9, с. 231; 37, с. 157–158]. Также есть мнение, что Кок-Кесене является усыпальницей Абу-л-Хайра. Интересно, что археологические исследования показывают, что к югу от Сыгнака есть огромное кладбище с Кок-Кесене, и один из мавзолеев, расположенный вблизи Кок-Кесене, видимо, относится ко второй половине XV в. [4].

Кроме того, четыре документа XVI – первой половины XVII вв. из Сыгнака указывают на существование здесь мавзолеев святых [15, с. 313–319; 37, с. 136–137; 54, р. 15–16]. Вышеизложенное показывает, что Сыгнак продолжал функционировать как «город-мавзолей» в XVI в., был широко признан и известен в этом статусе²⁰.

На вопрос о том, какое значение имели города для кочевого государства, есть много ответов: важный политический, военный и экономический центр, важное зимнее пастбище. Во многих отношениях Сыгнак был «портом Дашт-и Кыпчака» для левого крыла Джучидов, Урусидов и *казаков*, но и характер «города-мавзолея» также оставался весьма важным для кочевого государства.

¹⁹ Об этом сочинении см. [17].

²⁰ Однако такие роли Сыгнака постепенно переместились в Ясы (Туркестан) см. [57].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абдулгаффар Кырыми*. Умдет ал-ахбар. Книга 1. Транскрипция, факсимиле / Транскрипция Пашаоглу Д.Д.; отв. редактор Миргалеев И.М. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2014. 420 с.; Книга 2. Перевод / Пер. с османского Каримовой Ю.Н., Миргалеева И.М.; общая и научная редакция, предисловие и комментарии Миргалеева И.М. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 200 с.
2. *Атыгаев Н.* Қазақ ханлығы тарих толқынында. Очерктер. Алматы: «Елтаным баспасы», 2015. 384 + 16 б.
3. *Ахмедов Б.А.* Государство кочевых узбеков. М.: Наука, Глав. ред. восточной лит-ры, 1965. 196 с.
4. *Байпаков К.М., Акылбек. С.Ш., Воянин Д.А., Жолдабаев С.Ж.* Городище Сыгнака: Мавзолеи // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2014. № 5. С. 45–51.
5. *Беленицкий А.М., Бентович И.Б., Большаков О.Г.* Средневековый город Средней Азии. Ленинград: Наука, 1973. 390 с.
6. *Бурнашева Р.З.* Денежное обращение в городах Южного Казахстана в XV–XVIII вв. (историко-нумизматическое исследование). Туркестан: Типография Международного казахско-турецкого университета им. А. Ясави, 2006. 255 с.
7. *Гаев А.Г.* Генеалогия и хронология Джучидов. К выяснению родословия нумизматически зафиксированных правителей Улуса Джучи // Древности Поволжья и других регионов. Вып. IV. Нумизмат. сборник. Т. 3. Нижний Новгород: Нумизмат. лит., 2002. С. 9–55.
8. *Гончаров Е.Ю.* Мұбарак қожа хан және оның теңгелері // Известия НАН РК. Серия общественных и гуманитарных наук. 2012. № 3. С. 163–167.
9. *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и её падение. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 505 с.; М.: Богородский Печатник, 1998. 368 с.
10. *Кадырбаев А.* Кок-Орда // История Татар с древнейших времен. В семи томах. Т. III. Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ. 2009. С. 236–240.
11. *Кавагучи Т., Нагаминэ Х.* Некоторые новые данные о «Чингиз-нама» Утемиша-хаджи: в системе историографии в Дашт-и Кипчаке // Золотоордынская цивилизация. Сб. статей. 2010. Вып. 3. С. 44–52.
12. *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Казахстан. Летопись трех тысячелетий. Алма-Ата: «Рауан», 1992. 374 с.
13. *Костюков В.П.* Улус Джучи и синдром федерализма // Вопросы истории и археологии западного Казахстана. 2007. № 1. С. 169–207.
14. *Костюков В.П.* Шибаниды и Тукатимуриды во второй половине XIV века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №28. С. 39–43.
15. Материалы по истории казахских ханств XV–XVIII веков (извлечения из персидских и тюркских сочинений) / Сост. Ибрагимов С.К., Мингулов Н.Н., Пищулина К.А., Юдин В.П. Алма-Ата: Изд-во «Наука» Каз. ССР, 1969. 652 с.
16. *Мустакимов И.А.* Еще раз к вопросу о цветообозначениях орд в улусе Джучи (термин Боз-Орда в источниках XVI–XIX вв.) // Золотоордынское обозрение. 2015. № 2. С. 129–149.
17. *Нагаминэ Х.* Еще раз о сочинении Кадыр-Али-бека («Джами ат-таварих / Сборник летописей») // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, № 1. С. 115–130.
18. *Наджип Э.Н.* Историко-сравнительный словарь тюркских языков XIV века: На материале «Хосрау и Ширин» Кутба. Книга I. М.: Грав. ред. восточной лит-ры изд-ва Наука, 1979. 480 с.

19. Парунин А.В. Сведения об Ак-Орде и Кок-Орде в свете устной исторической традиции // Золотая Орда: История и культурное наследие. Сборник научных материалов. Астана: ИП «BG-PRINT», 2015. С. 51–61.
20. Пачкалов А.В. Нумизматика Сыгнака // Десятая Всероссийская нумизматическая конференция. Тезисы докладов и сообщений. М.: Государственный исторический музей, 2002. С. 87–89.
21. Пищулина К.А. Присырдарьинские города и значение в истории Казахских ханств в XV–XVII веков // Казахстан в X–XVIII веках (Вопросы социально-политической истории). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1969. С. 5–49.
22. Пищулина К.А. Казахское ханство во взаимоотношениях с Могулистаном и Шайбанидами в последней трети XV века // Казахстан в эпоху феодализма (Проблемы этнополитической истории). Алма-Ата: Изд-во «Наука» Казахской ССР, 1981. С. 96–123.
23. Пищулина К.А. Ак-Орда в XIV веке // История Казахстана (с древнейших времен до наших дней). В пяти томах. Т. 2. Алматы: «Атамұра», 1997. С. 103–116.
24. Сабитов Ж.М. Аноним Искендера как генеалогический источник // Золотоордынская цивилизация. 2008. Вып. 1. С. 117–121.
25. Сабитов Ж.М. О Происхождении Урус-хана // Ұлы Даланың Акселеуі. Астана, 2015. С. 577–592.
26. Сабитов Ж.М., Кушкумбаев А.К. Термины Ак-Орда и Кок-Орда в письменных и устных источниках (к вопросу о локализации и семантике терминов) // Материалы международной научно-практической конференции «МӘҢГІЛІК ЕЛ» посвященной 550-летию Казахского ханства (11 сентября 2015 года). Астана: Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 557–572.
27. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II. Извлеч. из перс. соч., собранные В.Г. Тизенгаузеном и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. М., Л.: Изд-во академии наук СССР, 1941. 308 с.
28. Селезнев Ю.В. Элита Золотой Орды. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2009. 232 с.
29. Семенов А.А. Шейбани-хан и завоевание империи тимуридов // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии. Сталинград, 1954. Вып. 1. (Труды Института истории, археологии и этнографии АН Тадж ССР. Т. XII). С. 39–85.
30. Султанов Т.И. Поднятые на белой кошме. Потомки Чингис-хана. Алматы: «Дайк-Пресс», 2001. 276 с.
31. Ускенбай К. Восточный Дашт-и Кыпчак в XIII – начале XV века. Проблемы этнополитической истории Улуса Джучи. Казань: Изд-во «Фэн» АН РТ, 2013. 288 с.
32. Утемиш-хаджи. Кара таварих / Транскр. Миргалеева И.М., Сайфетдиновой Э.Г., Хафизова З.Т. Пер. Миргалеева И.М., Сайфетдиновой Э.Г. Общая и научная ред. Миргалеева И.М. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2017. 312 с.
33. Фазлаллах ибн Рӯзбихан Исфahanӣ. Михмāн-наме-йи Бухārā (Записки бухарского гостя) / Пер., предисловие и примеч. Джалиловой Р.П. Под ред. Арендса А.К. М.: Наука, 1976. 197 + 334 с.
34. Хафиз-и Танъиш ибн Мир Мухаммад Бухари. Шараф-нама-йи-Шахи (Книга шахской славы) / Факсимиле рук. Д 88, пер. с персидского, введение, примеч. и указ. Салахетдиновой М.А. Ч. 2. М.: Наука, 1989. 560 с.
35. Хромов К.К. Восточная нумизматика в Украине. Сборник публикаций, Ч. I: Монеты Джучидов XIII–XV веков. Киев, 2004. 68 с.
36. Юдин В.П. Переход власти к племенным биям и неизвестной династии Тока-тимуридов в казахских степях в XIV в. (К проблеме восточных письменных источников, степной устной историографии и предыстории Казахского ханства) // Утемиш-хаджи. Чингиз-наме. Алма-Ата: Гылым, 1992. С. 57–75.
37. Якубовский А.Ю. Развалины Сыгнака (Сугнака) // Сообщения Гос. Академии истории материальной культуры. Т. 2. Ленинград, 1929. С. 123–159.

38. *Akasaka Ts.* Juchi-ei sho-seiken-shi no kenkyū. Tokyo: Kazama-shobō, 2005. ii + 548 + 191 p.
39. *Allsen T.T.* The Princes of the Left Hand: An introduction to the history of the Ulus of Orda in the thirteenth and early fourteenth centuries // Archivum Eurasiae Medii Aevi. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1985 [1987]. Vol. 5. P. 5–40.
40. *Faql Allāh b. Rūzbihān Khunjī.* Mīhmān-nāma-yi Bukhārā / Ed. by Sutūda M. Tehran: Bungāh-i tarjuma wa nashr-i kitāb, 1341/1962. 34 + 399 + vi p.
41. *Haneda M.* «Bokuchi toshi» to «Bobyō toshi»: Tōhō isurāmu sekai ni okeru yūboku seiken to toshi kensetsu // Tōyōshi kenkyū. 1990. Vol. 49. № 2. P. 1–29.
42. *Horikawa T.* Shaibānī han to arukūku jō // Shirin. 1979. Vol. 62. № 2. P. 39–71.
43. *Kamāl al-Dīn ‘Abd al-Razzāq Samarqandī.* Maṭla‘-i Sa‘dayn wa Majma‘-i Baḥrayn / Ed. by ‘Abd al-Ḥusayn Nawā‘ī. Jild 2. Daftar 1. Tehran: Pazhūheshgāh-e ‘olūm-e ensānī o moṭāle‘āt-e farhangī, 1383/2004. 14 + 602 p.
44. *Kamāl al-Dīn ‘Alī Binā’ī.* Shaybānī-nāma / Ed. by Kubo K. // A Synthetical Study on Central Asian Culture in the Turco-Islamic Period / Grant-in Aid for Scientific Research (A): 1994–1996. Chief Researcher Mano E. Kyoto, 1997. 67 + 93 p.
45. *Kawaguchi T.* Kipuchaku sōgen to roshia // Iwanami kōza sekai rekishi, 11, chūō yūrashia no tōgō: 9–16 seiki / Eds. Kabayama K. et al. Tokyo: Iwanami-shoten, 1997. P. 275–302.
46. *Kawaguchi T.* Jochi urusu ni okeru konkurato buzoku // Posuto mongoruki ni okeru ajia shotēkoku ni kansuru sōgōteki kenkyū / Grant-in Aid for Scientific Research (B): 1999–2001. Chief Researcher Shimo H. Tokyo, 2002. P. 75–92.
47. *Kawaguchi T.* Thimūru teikoku shihai sō no kenkyū. Sapporo: Hokkaido University Press, 2007. v + 399 p.
48. *Kawaguchi T. and Nagamine H.* Rethinking the political system of the Jöchid // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung. 2016. Vol. 69. № 2. P. 165–181.
49. *Kimura S.* Chūō ajia to iran: shiryō ni miru chiiki ninshiki // Kōza surabu-yūrashia gaku. 2. Chiiki ninshiki ron: taminzoku kūkan no kōzō to hyōshō. Ed. by Uyama T. Tokyo: Kōdansha, 2008. P. 39–72.
50. *Lee J-Y.* Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia. Leiden, Boston: Brill, 2016. xiv + 238 p.
51. *Mīrā Muḥammad Ḥaydar Dughlāt.* Tārīkh-i Rashīdī / Ed. by ‘Abbāsqulī Ghaffārī Fard. Tehran: Mīrāth-e Maktūb, 1383/2004. 211 + 859 p.
52. *Mu‘īn al-Dīn Naṭanzī.* Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī. MS. Bibliothèque Nationale, Supplément Persan 1651.
53. *Mu‘īn al-Dīn Naṭanzī.* Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu‘ini (Anonyme d’Iskandar) / Ed. by Aubin J. Tehran: Ketāb-forūshī-ye Khayyām, 1336/1957. 492 p.
54. *Nagamine H.* «Kipuchaku sōgen no minato» sugunaku: 1470–90 nendai no torukisutan chihō wo meguru kōsō to kazaku no sugunaku ryōyū wo chūshin ni // Shihō. 2003. № 36. P. 1–23.
55. *Nagamine H.* «Kazaku han koku» keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara «kazaku han koku» he // Tōyō gakuhō. 2009. Vol. 90. № 4. P. 1–26.
56. *Nagamine H.* On the Jadwar of Kōk Orda and Aq Orda in the Paris Manuscript of Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī // «САРЫАРҚА ЖӘНЕ АЛТЫН ОРДА: УАҚЫТ ПЕН КЕҢІСТІК» Алтын орданың 750 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция, МАТЕРИАЛДАРЫ, Қарағанды, 23-25 қазан 2019 ж. Б. 40–48.
57. *Noda J.* Kazafu hankoku to torukisutan: yūbokumin no kunshu maisō to bobyōsuhai karano kōsatsu // Isuramu sekai. 2007. Vol. 68. P. 1–24.
58. *Ötāmiš Ḥājī.* Čingīz-nāma / Introduction, Annotated Translation, Transcription and Critical Text by Kawaguchi T. and Nagamine H.; Supervision by Sugahara M. Tokyo: Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, 2008. xl + 100 + 46 p.

59. *Qādir ‘Alī Beg. Jāmi‘ al-Tavārikh*. Рукопись. Восточный отдел Научной библиотеки им. М. Горького Санкт-Петербургского государственного университета. Ms. O. 59; Рукопись. Отдел рукописей и редких книг Научной библиотеки им. Н.И. Лобачевского Казанского федерального университета. Т. 40.

60. *Vásáry I.* The beginnings of coinage in the Blue Horde // *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2009. Vol. 62. № 4. P. 371–385.

Сведения об авторе: Хироюки Нагаминэ – магистр литературы, лектор, отдел общего образования, Национальный институт технологии, Ояма колледж (771, Накакуки, Ояма, Точиги 3230806, Япония). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Поступила 17.05.2020 Принята к публикации 31.08.2020

Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Abdulgaffar Kyrymi. *Umdet al-Akhbar*, Kniga 1: *Transkriptsiya, faksimile* [Umdet al-Akhbar, Book 1: Transcription, Facsimile]. Pashaoglu D.D. (transcription) and Mirgaleev I.M. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2014. 420 p.; Kniga 2: *Perevod* [Book 2: Translation]. Karimova Yu.N. and Mirgaleev I.M. (tr. and ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 200 p. (In Ottoman, Russian)
2. Atygaev N. *Qazaq khanlygy tarikh tolqynynda. Ocherkter* [The Kazakh Khanate in the Stream of History. Essays]. Almaty: “Eltanym”, 2015. 384 + 16 p. (In Kazakh, Russian)
3. Akhmedov B.A. *Gosudarstvo kočevykh uzbekov* [State of the Nomadic Uzbeks]. Moscow: “Science”, Main Editorial Department of Oriental Literature, 1965. 196 p. (In Russian)
4. Baipakov K.M., Akylbek S.Sh., Voyanin D.A., and Zholdabaev S.Zh. Gorodishche Sygnaka: Mavzolei [The Sighnaq site: Mausoleums]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social and Human Sciences Series]. 2014, no. 5, pp. 45–51. (In Russian)
5. Belenitskii A.M., Bentovich I.B., and Bol’shakov O.G. *Srednevekovyi gorod Srednei Azii* [Medieval City of Central Asia]. Leningrad: “Science”, 1973. 390 p. (In Russian)
6. Burnasheva R.Z. *Denezhnoe obrashchenie v gorodakh Yuzhnogo Kazakhstana v XV–XVIII vv. (istoriko-numizmaticheskoe issledovanie)* [Money Circulation in the Cities of South Kazakhstan from the fifteenth to eighteenth centuries (Historical and Numismatic Research)]. Turkestan: Printing House of the A. Yasavi International Kazakh-Turkish University, 2006. 255 p. (In Russian)
7. Gaev A.G. Genealogiya i khronologiya Dzhuchidov. K vyyasneniyu rodosloviya numizmaticheski zafiksirovannykh pravitelei Ulusa Dzhuchi [Genealogy and chronology of the Jochids. For clarifying the pedigree of numismatically recorded rulers of the ulus of Jochi]. *Drevnosti Povorzh’ya i drugikh regionov*, Vyp. 4: *Numizmaticheskiy sbornik* [Antiquities of the Volga Region and Other Regions, Iss. 4: Numismatic Collection]. Vol. 3. Nizhny Novgorod: Numismatic Literature, 2002, pp. 9–55. (In Russian)
8. Goncharov E.Yu. Mübarak qoja khan jāne onıng tenggeleri [Mubarak Khoja Khan and his coins]. *Izvestiya NAN RK. Seriya obshchestvennykh i gumanitarnykh nauk* [Bulletin of the National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Social and Human Sciences Series]. 2012, no. 3, pp. 163–167. (In Kazakh)

9. Grekov B.D. and Yakubovskii A.Yu. *Zolotaya Orda i ee padenie* [Golden Horde and Its Fall]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1950. 505 p.; Moscow: Bogorodskii Pechatnik, 1998. 368 p. (In Russian)

10. Kadyrbaev A. Kok-Orda [The Blue Orda]. *Istoriya Tatar s drevneishikh vremen. V semi tomakh T. III. Ulus Dzhuchi (Zolotaya Orda). Улус Джучи (Золотая Орда). XIII – середина XV в.* [History of Tatars from the Most Ancient Times in Seven Volumes, Vol. 3: The Ulus of Jochi (Golden Horde). From the thirteenth to mid-fifteenth centuries]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2009, pp. 236–240. (In Russian)

11. Kavaguchi T. and Nagamine H. Nekotorye novye dannye o "Chingiz-nama" Utemisha-khadzhi v sisteme istoriografii v Dasht-i Kipchake [Some new knowledge about Ötämish Hājī's "Chingīz-nāma" in the system of historiography of the Kipchak Steppe]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2010, iss. 3, pp. 44–52. (In Russian)

12. Klyashtorny S.G. and Sultanov T.I. *Kazakhstan. Letopis' trekh tysyacheletii* [Kazakhstan. The Chronicle of Three Thousand Years]. Alma-Ata: "Rauan", 1992. 374 p. (In Russian)

13. Kostyukov V.P. Ulus Dzhuchi i sindrom feodalizma [The ulus of Jochi and the syndrome of federalism]. *Voprosy istorii i arkheologii zapadnogo Kazakhstana* [Issues of History and Archaeology of Western Kazakhstan]. 2007, no. 1, pp. 169–207. (In Russian)

14. Kostyukov V.P. Shibanidy i Tukaturimuridy vo vtoroy polovine XIV veka [The Shibanids and Tukaturimurids in the second half of fourteenth century]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. 2009, no. 28, pp. 39–43. (In Russian)

15. *Materialy po istorii kazakhskikh khanstv XV–XVIII vekov (izvlecheniya iz persidskikh i tyurkskikh sochinenii)* [Materials on the History of Kazakh Khanates from the fifteenth to eighteenth centuries (Extracts from Persian and Turkic Writings)]. Ibragimov S.K., Mingulov N.N., Pishchulina K.A., and Yudin V.P. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1969. 652 p. (In Russian)

16. Mustakimov I.A. Eshche raz k voprosu o tsvetoboznacheniyakh ord v uluse Dzhuchi (termin Boz-Orda v istochnikakh VI–XIX vv.) [Once again to the question of the Hordes' color terms in the ulus of Jochi (the Boz Horde's term in the sources from the sixteenth to nineteenth centuries)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2015, no. 2, pp. 129–149. (In Russian)

17. Nagamine H. Eshche raz o sochinenii Kadyr-Ali-beka ("Dzhami at-tavarikh / Sbornik letopisei") [Rethinking Qādir 'Alī Beg's historiography (*Jāmi' al-Tavārikh* / Compendium of Chronicles)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 1, pp. 115–130. (In Russian)

18. Nadzhip E.N. *Istoriko-sravnitel'nykh slovar' tyurkskikh yazykov XIV veka: Na materiale "Khosray i Shirin" Kutba* [The fourteenth-century Historical and Comparative Dictionary of Turkic Languages: On the Material of "Khosrau and Shirin" by Qutb]. Book 1. Moscow: "Science", Main Editorial Department of Oriental Literature, 1979. 480 p. (In Russian)

19. Parunin A.V. Svedeniya ob Ak-Orde i Kok-Orde v svete ustnoi istoricheskoi traditsii [Information about the Ak-Orda and Kok-Orda in the light of oral historical tradition]. *Zolotaya Orda: Istoriya i kul'turnoe nasledie. Sbornik nauchnykh materialov* [The Golden Horde: History and Cultural Heritage. Collected Papers]. Astana: "BG-Print", 2015, pp. 51–61. (In Russian)

20. Pachkalov A.V. Numizmatika Sygnaka [Numismatics of Sighnaq]. *Desyataya Vserossiiskaya numizmaticheskaya konferentsiya. Tezisy dokladov i soobshchenii* [The Tenth All-Russian Numismatic Conference. Abstracts and Reports]. Moscow: State Historical Museum, 2002, pp. 87–89. (In Russian)

21. Pishchulina K.A. Prisyrdar'inskie goroda i znachenie v istorii Kazakhskikh khanstv v XV–XVII vekakh [Cities of the Syr-Darya region and their significance in the history of the Kazakh khanates from the fifteenth to seventeenth centuries]. *Kazakhstan v XV–XVIII vekakh (Voprosy sotsial'no-politicheskoi istorii)* [Kazakhstan from the tenth to eighteenth centuries (Problems of Socio-political History)]. Alma-Ata: "Science" printing house of the Kazakh SSR, 1969, pp. 5–49. (In Russian)

22. Pishchulina K.A. Kazakhskoe khanstvo vo vzaimootnosheniyakh s Mogulistanom i Shaibanidami v poslednei treti XV veka [The Kazakh Khanate in mutual relations with Mogulistan and the Shaybanids in the last third of the fifteenth century]. *Kazakhstan v epokhu feodalizma (Problemy etnopoliticheskoi istorii)* [Kazakhstan in the Era of Feudalism (Problems of Ethnopolitical History)]. Alma-Ata: "Science" printing house of the Kazakh SSR, 1981, pp. 96–123. (In Russian)

23. Pishchulina K.A. Ak-Orda v XIV veke [The White Orda in the fourteenth century]. *Istoriya Kazakhstana (s drevneishikh vremen do nashikh dnei). V pyati tomakh* [History of Kazakhstan (from Ancient Times to the Present Day). In Five Volumes]. Vol. 2. Almaty: "Atamūra", 1997, pp. 103–116. (In Russian)

24. Sabitov Zh.M. Anonim Iskendera kak genealogicheskii istochnik [Anonymous Iskender as a genealogical source]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2008, iss. 1, pp. 117–121. (In Russian)

25. Sabitov Zh.M. O Proiskhozhdenii Urus-khana [About the origin of Urus Khan]. *Ūli Dalaning Akselewi* [Akselew of the Great Steppe]. Astana, 2015, pp. 577–592. (In Russian)

26. Sabitov Zh.M. and Kushkumbaev A.K. Terminy Ak-Orda i Kok-Orda v pis'mennykh i ustnykh istochnikakh (k voprosy o lokalizatsii i semantike terminov) [The terms Ak-Orda and Kok-Orda in written and oral sources (on the issue of localization and semantics of terms)]. *Materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii «Mänggilik El» posvyashchennoi 550-letiyu Kazakhskogo khanstva (11 sentyabrya 2015 goda)* [Proceedings of the International Conference "Mänggilik El" Dedicated to the 550th Anniversary of the Kazakh Khanate (September 11, 2015)]. Astana: State Institute of History, 2016, pp. 557–572. (In Russian)

27. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoi Ordy*, T. II: *Iz vlech. iz pers. soch., sobrannye V.G. Tizengauzenom i obrabotannye A.A. Romaskevichem i S.L. Volinym* [Collection of Materials Relating to the Golden Horde History, Vol. 2: Extracts from Persian Works Collected by V.G. Tizengauzen and Edited by A.A. Romaskevich and S.L. Volin]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1941. 308 p. (In Russian, Persian)

28. Seleznev Yu.V. *Elita Zolotoi Ordy* [Elite of the Golden Horde]. Kazan: Fen, 2009. 232 p. (In Russian)

29. Semenov A.A. Sheibani-khan i zavoevanie im imperii timuridov [Sheibani Khan and his conquest of the Timurid Empire]. *Materialy po istorii tadzhikov i uzbekov Srednei Azii* [Materials on the history of Tajiks and Uzbeks of Central Asia]. Iss. 1. Stalingrad, 1954, pp. 39–85. (In Russian)

30. Sultanov T.I. *Podnyatye na beloi koshme. Potomki Chingiz-khana* [Lifted up on the White Khoshma. Chinggis Khan's Descendants]. Almaty: "Daik-Press", 2001. 276 p. (In Russian)

31. Uskenbai K. *Vostochnyi Dasht-i Kypchak v XIII – nachale XV veka. Problemy etnopoliticheskoi istorii Ulusa Dzhuchi* [The Eastern Dasht-i Qipchaq in the thirteenth and early fourteenth centuries. Problems of the Ethnopolitical History of the Ulus of Jochi]. Kazan: Fen, 2013. 288 p. (In Russian)

32. Ötemish Hajji. *Kara Tavarikh*. Mirgaleev I.M., Saifetdinova E.G., and Khafizov Z.T. (transcription, eds and tr.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2017. 312 p. (In Russian, Turkic)

33. Fazlallākh ibn Rūzbikhān Isfakhānī. *Mikhmān-nāme-ii Bukhārā* (*Zapiski bukharskogo gostya*) [Memoirs of a Bukharan Guest]. Dzhailova R.P. (tr.) and Arends A.K. (ed.). Moscow: "Science", 1976. 197 + 334 p. (In Russian, Persian)

34. Khafiz-i Tanysh ibn Mir Mukhammad Bukhari. *Sharaf-nama-ii-Shakhi* (*Kniga shakhskoi slavy*) [The Book of King's Glory]. Salakhedinov M.A. (ed. and tr.). Part 2. Moscow: "Science", 1989. 560 p. (In Russian, Persian)

35. Khromov K.K. *Vostochnaya numizmatika v Ukraine. Sbornik publikatsii*, Ch. I: *Monety Dzhuchidov XIII–XV vekov* [The Oriental Numismatics in Ukraine. Collection of Publications, Part 1: Coins of the Jochids from the thirteenth to fifteenth centuries]. Kyiv, 2004. 68 p. (In Russian)

36. Yudin V.P. *Perekhod vlasti k plemennym biyam i neizvestnoi dinastii Tokatimuridov v kazakhskikh stepyakh v XIV v. (K probleme vostochnykh pis'mennykh istochnikov, stepnoi ustnoi istoriografii i predystorii Kazakhskogo khanstva)* [The transfer of power to the tribal biys and the unknown Tokatimurid dynasty in the Kazakh steppes in the fourteenth century (to the problem of Oriental written sources, steppe oral historiography, and the pre-history of the Kazakh Khanate)]. Ötemish Hajji. *Chingiz-name* ["Chingiz-name"], 1992, pp. 57–75. (In Russian)

37. Yakubovskiy A.Yu. Razvaliny Sygnaka (Sugnaka) [The ruins of Sighnaq (Sugnaq)]. *Soobshcheniya Gos. Akademii istorii mater. kul'tury* [Reports of the State Academy of Material Culture History]. Vol. 2. Leningrad, 1929, pp. 123–159. (In Russian)

38. Akasaka Ts. *Juchi-ei sho-seiken-shi no kenkyū* [A Study of the Jochid Dynasty]. Tokyo: Kazama-shobō, 2005. ii + 548 + 191 p. (In Japanese)

39. Allsen T.T. The Princes of the Left Hand: An introduction to the history of the ulus of Orda in the thirteenth and early fourteenth centuries. *Archivum Eurasiae Medii Aevi*. Wiesbaden: Harrassowitz Verlag, 1985 [1987], vol. 5, pp. 5–40.

40. Faḍl Allāh b. Rūzbihān Khunjī. *Mihmān-nāma-yi Bukhārā*. Sutūda M. (ed.). Tehran: Bahman Printing House, 1341/1962. 34 + 399 + vi p. (In Persian)

41. Haneda M. "Bokuchi toshi" to "Bobyō toshi": Tōhō isurāmu sekai ni okeru yūboku seiken to toshi kensetsu [The pastoral city and mausolean city: Nomadic regime and city building in the Iran-Islamic World]. *Tōyōshi kenkyū* [Journal of Oriental Researches]. 1990, vol. 49, no. 2, pp. 1–29. (In Japanese)

42. Horikawa T. Shaibānī han to arukūku jō [Shaibani Khan and the town of Arquq]. *Shirin* [Journal of History]. 1979, vol. 62, no. 2, pp. 39–71. (In Japanese)

43. Kamāl al-Dīn 'Abd al-Razzāq Samarqandī. *Maṭla'-i Sa'dayn wa Majma'-i Bahrayn*. 'Abd al-Ḥusayn Nawā'ī (ed.). Vol. 2. Part 1. Tehran: Institute for Humanities and Cultural Studies, 1383/2004. 14 + 602 p.

44. Kamāl al-Dīn 'Alī Binā'ī. *Shaybānī-nāma*. Kubo K. (ed.). *A Synthetical Study on Central Asian Culture in the Turco-Islamic Period*. Grant-in Aid for Scientific Research (A): 1994–1996. Chief Researcher Mano E. Kyoto, 1997. 67 + 93 p. (In Japanese, Persian)

45. Kawaguchi T. Kipchaku sōgen to roshia [The Kipchak steppe and Russia]. *Iwanami kōza sekai rekishi, 11, chūō yūrashia no tōgō: 9–16 seiki* [Iwanami Lectures on World History, 11, Unification of Central Eurasia: From the ninth to sixteenth centuries]. Kabayama K. et al. (eds). Tokyo: Iwanami-shoten, 1997, pp. 275–302. (In Japanese)

46. Kawaguchi T. Jochi urusu ni okeru konkurato buzoku [The Qongirat tribe in the ulus of Jochi]. *Posuto mongoruki ni okeru ajia shotēkoku ni kansuru sōgōteki kenkyū* [Study on Asian Empires in the Post-Mongol Period]. Grant-in Aid for Scientific Research (B): 1999–2001. Chief Researcher Shimo H. Tokyo, 2002, pp. 75–92. (In Japanese)

47. Kawaguchi T. *Thimūru teikoku shihai sō no kenkyū* [The Study of the Timurid Empire's Ruling Stratum]. Sapporo: Hokkaido University Press, 2007. v + 399 p. (In Japanese)

48. Kawaguchi T. and Nagamine H. Rethinking the political system of the Jöchid. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2016, vol. 69, no. 2, pp. 165–181.

49. Kimura S. Chūō ajia to iran: shiryō ni miru chiiki ninshiki [Central Asia and Iran: Regional recognition from historical sources]. *Kōza surabu-yūrashia gaku*. 2. *Chiiki ninshiki ron: taminzoku kūkan no kōzō to hyōshō* [Slavic Eurasian Studies, 2: Regional Epistemology: Structure and Representation of Multi-Ethnic Space]. Uyama T. (ed.). Tokyo: Kōdansha, 2008, pp. 39–72. (In Japanese)
50. Lee J-Y. *Qazaqlıq, or Ambitious Brigandage, and the Formation of the Qazaqs: State and Identity in Post-Mongol Central Eurasia*. Leiden, Boston: Brill, 2016. xiv + 238 p.
51. Mīrzā Muḥammad Haydar Dughlāt. *Tārīkh-i Rashīdī*. ‘Abbāsqulī Ghaffārī Fard (ed.). Tehran: Written Heritage Publ., 1383/2004. 211 + 859 p. (In Persian)
52. Mu‘īn al-Dīn Naṭanzī. *Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī*. MS. Bibliothèque Nationale, Supplément Persan 1651. (In Persian)
53. Mu‘īn al-Dīn Naṭanzī. *Extraits du Muntakhab al-Tavarikh-i Mu‘ini (Anonyme d’Iskandar)*. Aubin J. (ed.). Tehran: Librairie Khayyam, 1336/1957. 492 p. (In Persian)
54. Nagamine H. “Kipchaku sōgen no minato” sugunaku: 1470–90 nendai no torukisutan chihō wo meguru kōsō to kazaku no sugunaku ryōyū wo chūshin ni [Sughnāq, the port of Dasht-i Qipchāq with a special reference to the rivalry for Turkistan region in the 1470s–90s and the possession of Sughnāq by Qazāq]. *Shihō* [Journal of the Tōyōshidanwa-kai, Hokkaido University]. 2003, no. 36, pp. 1–23. (In Japanese)
55. Nagamine H. “Kazaku han koku” keisei shi no saikō: jochi urusu sayoku kara “kazaku han koku” he [Rethinking the foundation of the “Qazaq Khanate”: From the Left Hand of the “Ulūs-i Jūchī” to the “Qazaq Khanate”]. *Tōyō gakuhō* [Journal of the Research Department of the Toyo Bunko]. 2009, vol. 90, no. 4, pp. 1–26. (In Japanese)
56. Nagamine H. On the Jadwar of Kōk Orda and Aq Orda in the Paris Manuscript of Muntakhab al-Tawārīkh-i Mu‘īnī. «САРЫАРҚА ЖӘНЕ АЛТЫН ОРДА: УАҚЫТ ПЕН КЕҢІСТІК» Алтын орданың 750 жылдығына арналған халықаралық ғылыми конференция, МАТЕРИАЛДАРЫ, Қарағанды, 23-25 қазан 2019 ж. [SARYARKA AND THE GOLDEN HORDE: TIME AND SPACE. International scientific conference to the 750th anniversary of the founding of the Golden Horde, Karaganda, 10 23-25, 2019 y.] P. 40–48.
57. Noda J. Kazafu hankoku to torukisutan: yūbokumin no kunshu maisō to bobyōsuhai karano kōsatsu [The Qazaq Khanate and Turkistan (Yasi): An analysis based upon the burials of the Khans and nomadic Qazaq worship of the shrine]. *Isuramu sekai* [The World of Islam]. 2007, vol. 68, pp. 1–24. (In Japanese)
58. Ötāmiš Hājī. *Čingīz-nāma*. Introduction, Annotated Translation, Transcription and Critical Text by T. Kawaguchi, H. Nagamine; Supervision by M. Sugahara. Tokyo: Research Institute for Language and Cultures of Asia and Africa, 2008. xl + 100 + 46 p. (In Japanese, English, Turkic)
59. Qādir ‘Alī Beg. *Jāmi‘ al-Tawārīkh*. Rukopis’. Vostochnyi otdel Nauchnoi biblioteki im. M. Gor’kogo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta, Ms. O. 59; Rukopis’. Otdel rukopisei i redkikh knig Nauchnoi biblioteki im. N.I. Lobachevskogo Kazanskogo gosudarstvennogo universiteta. T. 40 [Manuscript O. 59, Eastern Department of the M. Gorky Scientific Library of the St. Petersburg State University; Manuscript T. 40, Department of Manuscripts and Rare Books of the N.I. Lobachevsky Scientific Library of the Kazan State University]. (In Turkic)
60. Vásáry I. The beginnings of coinage in the Blue Horde. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hung.* 2009, vol. 62, no. 4, pp. 371–385.

About the author: Hiroyuki Nagamine – Master of Arts, Lecturer, Department of General Education, National Institute of Technology, Oyama College (771, Nakakuki, Oyama, Tochigi 3230806, Japan). E-mail: h_nagamine@oyama-ct.ac.jp; gamaja.yokaton.13@gmail.com

Received May 17, 2020 Accepted for publication August 31, 2020
Published September 29, 2020

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ СВЕДЕНИЙ «ЗУБДАТ АЛ-ФИКРА» В НАУЧНОМ ТРУДЕ А.А. ПОРСИНА

Ж.М. Сабитов

*Евразийский Национальный Университет им. Л.Н. Гумилева
Астана, Казахстан
babasan@yandex.ru*

Цель: данная рецензия на книгу А.А. Порсина о сведениях из «Зубдат ал-фикра» об истории Улуса Джучи в конце XIII – начале XIV вв. нацелена на анализ целого ряда гипотез, выдвинутых автором в рамках данной книги. В рецензии отмечены как достоинства, так и недостатки, выявленные в данной монографии.

Среди наиболее обоснованных гипотез А.А. Порсина можно выделить следующие тезисы:

1. Племя баят (бай) играло большую роль в истории Улуса Джучи еще со времен Берке вплоть до воцарения Токты. Позже при воцарении Узбек-хана, баяты также играли большую роль.

2. На основе целого ряда косвенных свидетельств автор делает предельно ясный вывод о том, что источником сведений Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури была некая рукопись, оставившая свои следы и в других арабографических мамлюкских источниках. А источником сведений об Улусе Джучи в данной рукописи был выходец из Улуса Джучи, который участвовал во всех крупных политических событиях 1285–1313 годов и оказался в Египте после 1313 года. Данный информатор, сообщивший сведения об истории Улуса Джучи, относился к сторонникам эмира Таза, сына Мунджука.

3. Можно четко фиксировать кардинально различные взгляды информатора «Зубдат ал-фикра» и Рашид ад-дина на историю Улуса Джучи.

Стоит отметить, что работа А.А. Порсина является значительным вкладом в изучение этнополитической истории Улуса Джучи.

Ключевые слова: Золотая Орда, Ногай, Токта-хан, Узбек-хан, Зубдат ал-фикра, мамлюки, баяты, кыпчаки, Джиджек-хатун, Тула-Буга-хан

Для цитирования: Сабитов Ж.М. Интерпретация сведений «Зубдат ал-фикра» в научном труде А.А. Порсина // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 552–562. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.552-562

INTERPRETATION OF ZUBDAT AL-FIKRA'S INFORMATION IN THE WORK OF A.A. PORSIN

Zh.M. Sabitov

*L.N. Gumilyov Eurasian National University,
Astana, Kazakhstan
babasan@yandex.ru*

Abstract: The purpose of this review is to evaluate the academic qualities of a book by A.A. Porsin about information from “Zubdat al-fikra” on the history of the ulus of Jochi in the late thirteenth and early fourteenth centuries.

The book is divided into two parts. In the first part, the author tries to establish the degree of reliability of information from “Zubdat al-fikra”. A.A. Porsin suggested numerous hypotheses in his book. In his opinion, the Bayat (a Kypchak tribe) played an important role in the Golden Horde from the time of Berke’s rule to the beginning of Tokhta’s rule. Representatives of the Bayat tribe contributed to the election of Uzbek Khan. According to the author, Chimpai, the son of Jochi, bore the informal title of “aqa” as the eldest in the family. After his death in 1291, Noghai became the new “aqa”. In 1293, Tokhta executed not only representatives of the Bayat tribe, but also Yaku, the heir of Chimpai.

In the second part, the author offers his own version of the origin of the information source for “Zubdat al-fikra”. According to A.A. Porsin, the informant took part in political events in the Golden Horde in 1285–1313. He belonged to a political party whose head was Taz, the son of Munjuk. After 1313, he moved to Egypt and there became an informant for a now lost manuscript. This missing manuscript became the source for “Zubdat al-fikra” and for several other Arabic texts. The informer of “Zubdat al-fikra” had his own “non-Mongol” view of the history of the Golden Horde. From this viewpoint, the descendants of Chinggis Khan were equal in status to the tribal aristocracy. The work of A.A. Porsin made a great contribution to the study of the ethno-political history of the ulus of Jochi.

Keywords: Golden Horde, Nogai, Toqta Khan, Uzbek Khan, Zubdat al-Fikra, Mamluks, Bayat, Kipchak, Jidzhek-Khatun, Tulabuka Khan

For citation: Sabitov Zh.M. Interpretation of Zubdat al-fikra’s Information in the Work of A.A. Porsin. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 552–562. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.552-562

Введение

«Зубдат ал-фикра» является ценным историческим источником по истории мамлюкского Египта, но и близлежащих стран, в том числе Хулагуидского Ирана и Улуса Джучи. В 2018 году в Казани вышла монография А.А. Порсина, посвященная изучению этого произведения как источника по истории Золотой Орды. Первые извлечения из данного источника по истории Улуса Джучи были опубликованы В.В. Тизенгаузенем в 1884 году [7, с. 76–123]. В 2005 году в Казахстане переиздали извлечения по истории Золотой Орды из данного труда [1, с. 86–116]. Как отмечает сам автор монографии: «можно с уверенностью заявить, что для золотоордынской истории этого периода “Зубдат ал-фикра” является вторым по информативности источником, после “Джами’ ат-таварих” Рашид ад-дина» [4, с. 5].

Несмотря на то, что данный источник известен историкам, изучающим Улус Джучи уже более 130 лет, глубокого полного источниковедческого анализа сведений «Зубдат ал-фикра» по истории Золотой Орды так и не было проведено. Вызвано это было разными факторами. С одной стороны, вплоть до появления «Казанского центра» изучения истории Золотой Орды, хронологическая плотность научных дискуссий о тех или иных аспектах истории Улуса Джучи была очень мала. С другой стороны, стоит отметить, что из всех трех видов специализации классических историков (внешняя критика источников, внутренняя критика источников и исторический синтез) внутренняя критика источников – это самая редкая специализация для историков, которые изучают историю Улуса Джучи. Проводить на должном уровне «отрицательную историческую критику», а конкретно «критику достоверности» и «критику точности» [3, с. 7–10] в области изучения Улуса Джучи могут

немногие специалисты. Более распространенным является девиантный с точки зрения методологии истории паттерн, популяризированный в свое время Л.Н. Гумилевым, который заключался в пренебрежении внутренней критикой источника (Л.Н. Гумилев «снисходительно» называл это «мелочеведением») при проведении исторического синтеза. Данный паттерн характеризовался тем, что в нем талантливо, «в стиле Шахерезады», по выражению Л.С. Клейна [2], пересказывались сведения из первоисточников. Причем сведениям первоисточника оказывалось «методологическое доверие», что по идее, противоречит взглядам классиков методологии истории, которые считали, что к сведениям из первоисточников необходимо проявлять принцип «методологического недоверия» и только после проведения внутренней критики источника можно использовать четко установленные факты в историческом синтезе.

Методы и материалы

Работа А.А. Порсина относится к категории монографий, которые нацелены на внутреннюю критику источника. Столь редкий жанр в области изучения истории Улуса Джучи может привести к тому, что коллеги, изучающие данный период и регион, могут не обратить должного академического внимания на данную монографию, ценность которой, по нашему мнению, довольно высока.

Монография структурно делится на две части. В первой главе анализируются сообщения «Зубдат ал-фикра» об истории Улуса Джучи на предмет их достоверности. То есть первая глава посвящена «отрицательной внутренней критике» источника, то есть установлению исторических фактов на основе как анализа самого источника, так и на основе сравнений сведений данного источника с другими источниками. Вторая глава отчасти посвящена критике происхождения. Как известно, существуют два вида внешней критики: восстановительная критика и критика происхождения. Если первая часть обычно является полем деятельности филологов (в данном случае востоковедов-арабистов), которые сверяют разные списки сочинения и издают критический текст, то вторая часть внешней критики становится полем исследования для людей, которые в основном занимаются внутренней критикой источников. Также во второй главе А.А. Порсин использует исторический синтез, когда фактически реконструируются биографии «золотоордынских баятов», Курмыши и его детей, Таза, Тунгуза, Кутлук-Тимура и его братьев.

Результаты

Ниже мы отметим те моменты, которые, по нашему субъективному мнению, являются научно обоснованными и являются «новым научным знанием». Также мы отметим те интерпретации автора, с которыми мы не согласны.

Во введении автор коротко в тезисной форме дает нам сведения об авторе источника, а также описывает в лапидарной форме свои тезисы [4, с. 4–11].

В первой части первой главы [4, с. 12–54] автор анализирует события 1285–1293 годов. Вслед за Р. Хаутала [9, с. 488] автор считает, что датировка похода из «Зубдат ал-фикра» ошибочна и поход начался не в 1287, а в 1285 году [4, с. 13]. Интересны гипотезы А.А. Порсина в отношении вопросов о том, кто был инициатором похода [4, с. 14], о маршруте похода [4, с. 15], а

также причины вражды между Ногаем и Тула Бугой, где автор продвигает свой тезис о том, что по мнению информатора, причиной появления вражды стала «погодная магия» со стороны Ногая, которая привела к гибели большей части войска Тула Буги [4, с. 19–21]. Данный тезис звучит логично и убедительно. Ниже А.А. Порсин рассматривает сведения «Зубдат ал-фикра» о смерти Тула Буги [4, с. 22–25], отмечая очень детальную информированность о том, как были пленены Тула Буга и его соправители. Далее А.А. Порсин анализирует сведения источника о приходе к власти Токты и казни эмиров Тула Буги по «просьбе» Ногая [4, с. 25–36]. Одной из главных находок здесь является тезис о том, что одним из казненных эмиров был Яку, внук и преемник Чимпая, сына Джучи [4, с. 26]. С данным тезисом можно абсолютно согласиться. Таким образом получается, что Чимпай, сын Джучи дожил до конца 1290–1291 годов. После него стал править его внук Яку, который в период между декабрем 1292 – декабрем 1293 года был казнен по «просьбе» Ногая. Также А.А. Порсин приводит свою интерпретацию племенной принадлежности части казненных эмиров. С тезисом, что имя казненного эмира Баринтохты стоит читать как Тохта из рода Барин [4, с. 28], мы абсолютно согласны. Также очень оригинальной и логичной является версия о том, что четыре эмира (Байтара, Баймеликтемир, Байтуктемир, Байгур) являются представителями одного рода Бай (Баят). Необходимо отметить, что помимо этих четырех, был еще один казненный эмир с приставкой бай (Байанджи) [1, с. 98], который мог принадлежать также к группе Бай (Баят). К этой теме А.А. Порсин еще вернется во второй главе.

Мы же отметим, что данный тезис можно подкрепить следующим фактом. Как известно, после восшествия на престол Туда Менгу в Улус Джучи египетский султан послал дары. Среди получателей отмечены Джиджекхатун, Олджай-хатун, Туилун-хатун, Тудаюн-хатун, Султан-хатун, Хутлухатун, а также эмир Маву, «начальник левого крыла», и эмир Тайра, «начальник правого крыла». По нашему мнению, упомянутый здесь Тайра идентичен Байтаре (Тара [Тайра] из рода Бай [Баят]). Упоминание его вместе с Джиджекхатун говорит о том, что он мог быть ее креатурой и, возможно, родственником (такие «родственные тандемы» мы могли наблюдать у Боракчинхатун и эмиров из рода Алчи-татар, а также у Тайдулы и эмира Могул Буги из рода Кыпчак). Должность «начальника правого крыла» говорит, что Тайра курировал западную часть Улуса Джучи, что могло вызывать во времена правления Менгу Тимура конфликты с Ногаем, чей улус относился к «правому крылу». Скорее всего, влияние Тайры было высоким при Менгу Тимуре. При Туда Менгу мы видим, что фактически руководителем правого крыла стал Ногай, а руководителем левого крыла – Коничи. Подарки для Тайры и Маву после смерти Менгу Тимура говорят, что в его правление они были довольно высокого положения.

В «Зубдат ал-фикра» отмечено, что по приказу Ногая были казнены эмиры в 692 году хиджры, а также в 693 году хиджры были отмечены казни многих людей из улуса Джучи. Согласно данному источнику: *«В 693 году Ногай, сын Татара, сына Могола, сына Душихана, сына Чингизхана, правитель в Северных областях, казнил множество Татар. Мы уже говорили о том, как он выдвинулся и усилился в этих странах, благодаря жене царя их Менгутемира, по имени Джиджекхатуни. Она правила (государством) во времена*

мужа своего и в царствование Туданменгу, севшего на престол после него. Стал им в тягость гнет ее, и они пожаловались на нее Ногаю, который приказал задушить ее. Она и была задушена; вместе с нею был убит эмир, который находился под ее защитой и выполнял приказания ее. Имя его Байтара» [1, с. 99]. Это позволило утверждать А.А. Порсину, что фактически мы видим тут два разных сообщения об одном и том же событии. Но здесь мы имеем свою точку зрения. Дата 693 года хиджры не связана со смертью Джиджек-хатун. Рассказ о ее смерти был ошибочно помещен под 693 годом хиджры, так как автор «Зубдат ал-фикра» пытался соединить свои сведения со сведениями своего информатора (автор сведений о списке казненных эмиров). Скорее всего, ближе к оригиналу находится отрывок о смерти Джиджек-хатун из сведений Ибн Халдуна: «Ногай же прошел ближайшей дорогой и пробрался в свои владения, уцелев от такой невзгоды. Султан Тулабуга заподозрил его в измене по этому делу и стал мстить ему за его самоуправство, дошедшее до того, что он убил жену отца его, Джиджек, бывшую в силе при отце и брате его; пожаловались на нее Ногаю и он приказал умертвить ее посредством задушения. Он убил (также) эмира, который находился в услужении ее, по имени Байтара» [1, с. 282]. В данном источнике нет никакой привязки смерти Джиджек-хатун к 693 году хиджры. Также, мы видим, что в этом рассказе Джиджек-хатун погибла еще до смерти Тула Буги, который пытается мстить Ногаю за смерть мачехи («жена отца его», правда отцом назван Менгу Тимур).

По нашему мнению, сведения Ибн Халдуна тут более верны, и Джиджек-хатун погибла еще во времена Тула Менгу (более вероятно, учитывая ослабление центральной власти в его правление) или в ранние годы правления Тула Буги (менее вероятно), а ее протеже и потенциальный родственник Байтара погиб уже в 1293 году с целой группой эмиров, настроенных против Ногай. В этом случае ясны четкие причины начала вражды Тула Буги и его соправителей с Ногаем. Одним из соправителей Тула Буги был Алгуй, сын Менгу Тимура и Джиджек-хатун. Его настроение и стремление отомстить убийце родной матери в контексте провала похода на Запад, могло передаться Тула Буге. Стоит также отметить, что, вполне возможно, Джиджек-хатун также была из рода кыпчаков-баятов и была из родственников Теркен-хатун. Этим объясняется ее близость с первым мужем Берке, который также имел родственников среди кыпчаков-баятов. В этом контексте понятно, почему четыре эмира из рода Баят во главе с бывшим «начальником правого крыла» Тайрой (Байтара) были в оппозиции к Ногаю.

Также мы не согласны с тезисом о том, что безымянная мать Тула Буги идентична Джиджек-хатун, который выдвигает А.А. Порсин [4, с. 38], а ранее выдвигал Р.Ю. Почекаев [5, с. 281]: судя по источникам, Джиджек-хатун была поочередно женой Берке, Менгу Тимура, Тула Менгу и являлась мачехой Тула Буги.

А.А. Порсин очень детально и скрупулезно рассматривает вопросы, связанные с противостоянием Ногай и Тула Буги [4, с. 40–48]. Логически обоснованной является версия А.А. Порсина о причинах, почему русские князья поехали в Орду не в 1291, а в 1293 году, спустя только два года после прихода к власти Токты [4, с. 48–49]. Интересен также тезис о том, что переворот Ногай и

Токты в 1291 году был вызван смертью Чимпая, который был ака (старшим в роду). После его смерти данный неформальный титул получил Ногай, его влияние возросло, и Тула Буга вынужден был идти на переговоры с Ногаем [4, с. 50]. Спорным является тезис А.А. Порсина о том, что в 1285–1291 годах Тула Буга и его соратники удерживали престол без проведения общеджучидского курултая [4, с. 52]. Очень привлекательным является тезис о том, что Ногай попросил казнить эмиров в 1293 году, потому что такие полномочия у Токты появились после курултая 1293 года, который утвердил его ханом [4, с. 52].

Во второй части первой главы [4, с. 54–151] А.А. Порсин рассматривает события 1297–1301 гг. из данного источника. Эта часть монографии также написана на высоком научном уровне. Хорошо аргументированным является тезис о том, что информатор Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури слишком сильно выделял Таза, сына Мунджука, фактически выставляя этого второстепенного персонажа на первый план [4, с. 58]. Очень оригинальна мысль автора о том, что ханский домен находился в степях Дона, а восточной границей его было Поволжье [4, с. 66–69].

А.А. Порсин проводит качественный сравнительный анализ сведений о дате первой битвы между Ногаем и Токтой [4, с. 69–70] и событий, последовавших за ней [4, с. 70–82]. Аргументированным является тезис о том, что Ногай передал в управление Крым своему внуку Ак-таджи [4, с. 82–83]. Далее А.А. Порсин анализирует события, связанные с детьми Курмыши [4, с. 84–92]. Он приходит к резонному выводу, что из-за большого количества мелких деталей, информатор Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури, скорее всего, сам был участником боя между детьми Ногаем и детьми Курмыши [4, с. 86]. Обоснованными являются точки зрения о трактовке слов «развели огонь» как военном обманном приеме [4, с. 87–89] и трактовки слов «выступили против» как «высказали несогласие» [4, с. 89–90]. Эти трактовки только усиливают тезис этой части о том, что дети Курмыши не были столь беспечны и пассивны, как это описано в «Зубдат ал-фикра». Можно полностью согласиться с тезисом, что дети Курмыши вели себя более агрессивно в противостоянии с детьми Ногаем.

Довольно глубоко автор разбирает события второй битвы Ногаем и Токтой [4, с. 93–108]. Можно полностью согласиться с мнением автора, что уход пяти эмиров во главе с Маджи от Ногаем к Токте связан с убийством двух детей Курмыши и что хронология событий у Рашид ад-дина немного нарушена [4, с. 94–95]. Анализируя список сторонников Токты [4, с. 95–98], А.А. Порсин в целом соглашается с нашей реконструкцией [6, с. 251–252]. Единственный момент расхождений связан с Акбугой, коих, судя по мнению А.А. Порсина, было два. Теоретически конечно же такой вариант не исключен, но, по нашему мнению, все-таки аргументация данного тезиса у А.А. Порсина не столь убедительна. По нашему мнению, данный Акбуга может быть отождествлен с Акбугой киятом, который в 1315 году выступал послом Узбек-хана в ильханат.

Далее А.А. Порсин разбирает эпизод, связанный с враждой между детьми Ногаем [4, с. 108–110], события 700 года хиджры [4, с. 111–132], а также события 701 года хиджры [4, с. 133–151].

Анализируя события 700 года хиджры, А.А. Порсин довольно подробно и глубоко анализирует смерть Теки, сына Ногаем [4, с. 111–121], альянс Таза и Тунгуза [4, с. 121–127]. Логически обоснованным является авторский тезис, о

том, что информатор участвовал в военных действиях против Джеки на стороне Тугулджи, дочери Ногая [4, с. 127–128]. Это и другие мелкие подробности дают основания А.А. Порсину выдвигать тезис, что подробный рассказ о смерти Теки и другие сведения призваны «легитимизировать предательство Таза и Тунгуза» [4, с. 129]. Ниже автор продолжает свою аргументацию тезиса о том, что информатор Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури был из числа сторонников Таза и Тунгуза [4, с. 129–132].

При анализе событий 701 года хиджры, автор анализирует события в улусе Орда-ичена [4, с. 133–140] и приходит к выводу, что известия в «Зубдат ал-фикра» о потомках Орда-ичена не являются рассказом информатора, который был источником по истории жизни Ногая и его детей [4, с. 140].

Невозможно согласиться с тезисом о том, что место Йанджи было в Крыму [4, с. 140]. Здесь автор не приводит никаких аргументов в пользу данной точки зрения. В «заочной дискуссии» между В.П. Костюковым и А. Узелацем по поводу датировки посольства Турая в Иран автор поддерживает точку зрения А. Узелаца [4, с. 141], с чем можно согласиться. Авторский разбор эпизода с казнью Турая и Сарай-Буги [4, с. 142] приводит автора к мысли, что Сарай-Буга был обделен Токтой при разделе владений Ногая [4, с. 143]. Тезис автора о том, что во время казни Турая и Сарай-Буги Токта с Бурлюком находились в западной части Улуса Джучи [4, с. 144–145], вполне логичен и не противоречит данным первоисточников.

Интересна мысль автора о том, что отправка Токтой войск во главе с Бурлюком на восток для поддержки Баяна была скоординирована с действиями каана Тэмура (император династии Юань) [4, с. 146–147]. Далее автор рассуждает о судьбе Каракесека, внука Ногая [4, с. 147–149], отмечая идею С. Закирова, высказанную автору монографии об отождествлении Ильбасмыша Михайловича (упоминается в русских летописях 1302 года) с Ильбасмышем, сыном Мингкадара (кузен Ногая) [4, с. 149–151].

На следующих страницах автор разбирает события 1309–1313 годов [4, с. 151–164]. Сравнивая соотношение текстов ан-Нувайри и ал-Айни, автор справедливо отмечает: *«источники монгольских сообщений мамлюкских историков практически не изучены, а четкая картина взаимозависимости отдельных сочинений до сих пор отсутствует»* [4, с. 152–153]. Ниже автор начинает разбирать историю воцарения Узбека [4, с. 153–155], относя рассказы о воцарении Узбека к сведениям того же информатора [4, с. 156], и рассуждает о принадлежности Байалун (мачеха Узбека) и ее брата Бай-Тимура к «группе бай» [4, с. 156–158]. Логически обоснованной является точка зрения автора о том, что принятие ислама Узбек-ханом имело личный характер и отнюдь не означало тотальной исламизации всего Улуса Джучи [4, с. 158–160], но при этом данный шаг имел определенное символическое значение [4, с. 161].

Отдельно автор анализирует столкновение «Хорезмской» (Баялун, Кутлук-Тимур и т.д.) и «центральной» (Таз, Тунгуз) партий за власть [4, с. 160–164].

Во второй главе [4, с. 165–256] автор приводит свое видение определенных исторических фактов, которые могут быть вычленены в результате историковедческого анализа «Зубдат ал-фикра».

В первой части второй главы А.А. Порсин рассматривает структуру источника. Объясняя странность «ордынских известий Бейбарса» [4, с. 165], автор выдвигает идею, что источником сведений об Улусе Джучи был некий самостоятельный текст (а не известия информатора), который частично также отображен в известиях Ибн Халдуна, Ибн Дукмака и у ал-Айни [4, с. 165–170], причем данный текст, по мнению автора, представлял из себя три отдельных рассказа без четкого разделения по годам [4, с. 170–172]. Отвечая на вопрос: «что интересовало самого автора в описываемых событиях», А.А. Порсин пишет о том, что автор сведений имел «специфический взгляд» на историю Улуса Джучи, который заключался в описании отношений и борьбы за власть различных клановых группировок в Улусе Джучи [4, с. 173–176].

Во второй части второй главы рассматривается вопрос о группе «бай»/«Баят» [4, с. 177–200], которую А.А. Порсин отождествляет с кыпчакским родом баявут, из которого происходила Теркен-хатун [4, с. 177–178], которое, по его мнению, не имело связи с монгольским племенем баяут [4, с. 179]. На следующих страницах автор рассматривает дискуссионные вопросы о родоплеменном происхождении Теркен-хатун [4, с. 180–185] и роли баятов в истории Улуса Джучи [4, с. 185–200]. Перспективными являются идеи о связи Байлак, жены Ногая с группой баят [4, с. 196–197] и о том, что Джиджек-хатун происходит из баятов [4, с. 198–200], за тем лишь исключением, что, как мы писали выше, Джиджек-хатун вряд ли погибла после смерти Тула Буги.

В третьей части второй главы рассматривается вопрос о Курмыши и его детях [4, с. 200–212]. А.А. Порсин приводит целый ряд аргументов в пользу того, что Курмыши не являлся Чингизидом (не был сыном Орда-ичена) и относился к родоплеменной знати [4, с. 200–206], а точнее является сыном кыпчакского вождя Кунджека, современника Чингиз-хана [4, с. 206–211]. Если с первым тезисом можно согласиться безоговорочно, то отождествление Курмыши и Кумурбиша, сына Кунджека является спорной, но, безусловно, оригинальной гипотезой. По сведениям анонимного рецензента журнала Золотоордынское обозрение: «В оригинале «Зубдат ал-фикра» упоминается о том, что в 675 году хиджры (1276 г.) в Египет прибывают в составе большой делегации Курмыши и его брат Сактай сыновья Карачина сына Чиган (Джиган) нойона служившего у Чингиз-хана. Более того, есть информация о том, что дочь Сактая была выдана замуж за султана» (См. «Зубдат ал-фикра», Бейрут, 1998, с. 152, на араб. яз.)¹. Данное сообщение подтверждает родоплеменное происхождение Курмыши и в то же время опровергает мнение А.А. Порсина о его кыпчакском происхождении. Скорее всего, данный Чиган может быть отождествлен с Чаганом, эмиром главной сотни Чингиз-хана из племени тангут. Другим менее привлекательным вариантом является Джэдай из рода мангут.

Также можно вполне согласиться с тезисом о том, что известный со второй половины 1240-ых годах Мауци вполне может быть тождественен эмиру Маджи, который перешел от Ногая к Токте [4, с. 211–212].

¹ Хотелось бы выразить огромную признательность данному рецензенту за ценные замечания и данные сведения.

В четвертой части второй главы рассматривается вопрос о венгерских кыпчаках [4, с. 213–216]. Весьма аргументированной является мысль о том, что проигравший в Венгрии Олдамир в 1282 году бежал к Тула Буге и смог его уговорить пойти в поход на Венгрию, после чего он был среди тех эмиров, которые были казнены в 1293 году [4, с. 214–216].

В пятой части второй главы рассматривается вопрос о Тазе и Тунгузе [4, с. 216–223]. Можно согласиться с тезисом автора о невозможности отождествления Маджи и Мунджука [4, с. 217], а также с тезисами о том, что Кутук-Куртука, породнившийся с русскими князьями в 1302 году, тождественен Урунг-Куртуке, кузену Ногая [4, с. 218]. Упоминаемый хорезмский «царь» Малик-Тимур [4, с. 219] вряд ли относился к баятам. В первоисточнике он указан еще как Тилак-Демир [1, с. 144], что позволяет отождествить его с Тулук-Тимуром, сыном Куч-Тимура, который, согласно Фасихову своду, правил Хорезмом до 707 года хиджры (1307–1308) [8, с. 46]. Интересной, но очень спорной является мысль автора о том, что «эмир Кадак», помогавший сыну Токты, это искаженное отчество Тунгуза «ибн Каджана» [4, с. 220–223].

В шестой части второй главы рассматривается вопрос о происхождении Кутлук-Тимура и его братьях, и автор приходит к мысли о том, что они относились к племени баят [4, с. 223–233]. С данным тезисом очень трудно согласиться из-за целого ряда причин. Логически обоснованным также является тезис А.А. Порсина о том, что правивший до 707 г.х. Тулук-Тимур был сыном Куч-Тимура и внуком Чин-Тимура [4, с. 231].

В седьмой части второй главы рассматривается вопрос о взгляде информатора на политическую элиту Улуса Джучи [4, с. 233–246]. Анализируя различия между сведениями Бейбарса и Рашид ад-дина, автор приходит к логичному выводу о диаметрально противоположных взглядах информаторов обоих источников на историю политической борьбы в Улусе Джучи. По его мнению, информатор Бейбарса имел явно «не монгольский» взгляд на статусы соратников и врагов Ногая, где некоторые эмиры из «карачу» приравнивались к царевичам (детям и братьям ханов).

В восьмой части второй главы рассматривается вопрос о судьбе самого информатора [4, с. 246–256]. Проведя анализ сведений из первоисточника, автор приходит к мнению, что информатор относился к окружению Таза, сына Мунджука, и до середины 1290-ых годов он находился в центральных регионах Улуса Джучи [4, с. 248], позже он с Тазом и Тунгузом перешел на сторону Токты [4, с. 252], а после воцарения Узбека в 1313 году оказался в Египте как представитель проигравшей партии Тунгуза и Таза. Оригинальной является мысль о том, что русский воин, убивший Ногая, был «высокого» происхождения [4, с. 252].

Обсуждение и заключение

На основе целого ряда косвенных свидетельств А.А. Порсин предполагает, что источником сведений Рукн ад-Дин Бейбарса ал-Мансури была некая рукопись, чьи следы остались и в других арабографических мамлюкских источниках. При этом главным информатором для этой рукописи был выходец из Улу-

са Джучи, который участвовал во всех крупных политических событиях 1285–1313 годов и оказался в Египте после 1313 года. Если со вторым тезисом можно абсолютно согласиться, то идея о существовании «промежуточного звена в виде некой рукописи» нуждается в дополнительной аргументации.

Подводя итоги рецензии, стоит отметить, что труд А.А. Порсина заслуживает большого внимания со стороны историков, которые специализируются на изучении политической истории Улуса Джучи в XIII – начале XIV вв. Большинство гипотез, выдвинутых автором в данной книге, логичны и аргументированы. Несомненно, данная монография углубляет и расширяет наши научные знания как об эпохе, так и о самом сочинении «Зубдат ал-фикра». Можно вполне согласиться с мнением А.А. Порсина, что «золотоордынская часть» «Зубдат ал-фикра» наряду с другими арабоязычными сочинениями восходит к сочинению, написанному в Египте после 1313 года, непосредственное участие в подготовке которого принимал выходец из Улуса Джучи, очевидец и активный участник политических событий в Улусе Джучи в 1285–1313 годах.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. История Казахстана в арабских источниках. Т. I. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 713 с.
2. Клейн Л.С. Загадка Льва Гумилева. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://trv-science.ru/2011/05/10/zagadka-lva-gumilyova/> (дата посещения – 22.11.2019)
3. Ланглуа Ш.-В., Сеньобос Ш. Введение в изучение истории. Перевод с французского языка Серебряковой А. М., 2004. 305 с.
4. Порсин А.А. История Золотой Орды конца XIII – начала XIV веков в труде Рукн ад-Дина Бейбарса ал-Мансури «Зубдат ал-фикра». Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2018. 276 с.
5. Почekaев Р.Ю. Цари ордынские. Биографии ханов и правителей Золотой Орды. СПб.: Евразия, 2010. 408 с.
6. Сабитов Ж.М. Военное противостояние Ногай и Тохта-хана // Военное дело Улуса Джучи и его наследников. Астана, 2012. С. 246–253.
7. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I. СПб., 1884. 563 с.
8. Тулибаева Ж.М. «Муджмал-и Фасихи» как источник по изучению истории Золотой Орды // Золотоордынская цивилизация. 2012. № 5. С. 45–52.
9. Хаутала Р. От Бату до Джанибека. Военные конфликты Улуса Джучи с Польшей и Венгрией (2) // Золотоордынское обозрение. 2016. Т. 4, № 3. С. 485–528.

Сведения об авторе: Жаксылык Муратович Сабитов – Ph.D (политические науки), доцент кафедры регионоведения Евразийского Национального Университета им. Л.Н. Гумилева (010008, ул. Сатпаева, 2, Астана, Казахстан); ORCID: 0000-0001-7186-156X; ResearcherID: P-7576-2014. E-mail: babasan@yandex.ru

Поступила 20.03.2020 Принята к публикации 30.07.2020
Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. *Istoriya Kazakhstana v arabskikh istochnikakh* [History of Kazakhstan in the Arabic Sources]. Vol. 1. Almaty: Dayk-Press Publ., 2005. 711 p. (In Russian)
2. Kleyn L.S. *Zagadka L'va Gumileva* [Mystery of Lev Gumilyov]. Available at: <http://trv-science.ru/2011/05/10/zagadka-lva-gumilyova/> (last accessed 22.11.2019) (In Russian)
3. Langlois Ch.-V. and Seignobos Ch.. *Vvedenie v izuchenie istorii* [Introduction to the Study of History]. Serebryakova A. (tr.). Moscow, 2004. 305 p. (In Russian).
4. Porsin A.A. *Istoriya Zolotoy Ordy kontsa XIII – nachala XIV vekov v trude Rukn ad-Dina Beybarsa al-Mansuri "Zubdat al-fikra"* [History of the Golden Horde of the end of thirteenth and beginning of fourteenth centuries in the Work of Rukn ad-Din Beibars al-Mansuri "Zubdat al-fikra"]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2018. 276 p. (In Russian)
5. Pochekaev R.Yu. *Tsari ordynskie. Biografii khanov i praviteley Zolotoy Ordy* [The Tsars of the Horde. Biographies of the Khans and Rulers of the Golden Horde]. St. Petersburg: Eurasia Publ., 2010. 408 p. (In Russian)
6. Sabitov Zh.M. *Voennoe protivostoyanie Nogaya i Tokhta-khana* [Military confrontation between Nogai and Toqta Khan]. *Voennoe delo Ulusa Dzhuchi i ego naslednikov* [Warfare of the Ulus of Jochi and Its Successor States]. Astana, 2012, pp. 246–253. (In Russian)
7. *Sbornik materialov, otnosyashchikhsya k istorii Zolotoy Ordy* [Collection of Materials Relating to the History of the Golden Horde]. Vol. I. St. Petersburg, 1884. 563 p. (In Russian, Arabic)
8. Tulibayeva Zh.M. "Mudzhmal-i Fasikhi" kak istochnik po izucheniyu istorii Zolotoy Ordy ["Mujmal-i Fasikhi" as a source for studying the history of the Golden Horde]. *Zolotoordynskaya tsivilizatsiya=Golden Horde Civilization*. 2012, no. 5, pp. 45–52. (In Russian)
9. Hautala R. *Ot Batu do Dzhani-beka. Voennye konflikty Ulusa Dzhuchi s Pol'shey i Vengriey* (2) [From Batu to Janybek: Military conflicts of the Ulus of Jochi with Poland and Hungary (2)]. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2016, vol. 4, no. 3, pp. 485–528. (In Russian)

About the author: Zhaxylyk M. Sabitov – Ph.D. (Political sciences), Associate Professor of the Department of Regional Studies, L.N. Gumilyov Eurasian National University (2, Satpaev Str., Astana 010008, Kazakhstan); ORCID: 0000-0001-7186-156X; ResearcherID: P-7576-2014. E-mail: babasan@yandex.ru

Received March 20, 2020 Accepted for publication July 30, 2020

Published September 29, 2020

УДК 655.552:94

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.563-577

**ОСТЯК ОСТЯКА ВИДИТ ИЗДАЛЕКА: ПО МОТИВАМ КНИГИ
«ИШТЯКИ: ПРИУРАЛЬСКО-СИБИРСКОЕ ПОГРАНИЧЬЕ»*****А.В. Головнёв***

*Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН,
Белгородский государственный национальный исследовательский университет
Санкт-Петербург, Белгород, Российская Федерация
andrei_golovnev@bk.ru*

Цель: в статье-рецензии автор обобщает мнения авторов сборника статей и высказывает свою точку зрения на заданную тему. Видя нацеленность авторов на урало-сибирское пограничье, рецензент считает необходимым расширить диапазон обзора, включив в него остяцкую тайгу. Количество приведенных в сборнике башкирских примеров создает впечатление, будто именно в башкирской этнонимике кроется ключ к разгадке феномена иштяков. На самом деле сибирские материалы о «классических остяках» – таежных народах Западной и Средней Сибири (хантах, селькупках и кетах), содержат не менее важную информацию о значении этого этнонима и скрытого за ним феномена пограничья между степью и лесом. Если собрать воедино этнонимические свидетельства об иштяках/остяках от ногаев до хакасов, то «иштякский пояс» растянется «от Волги до Енисея». За свою предположительно долгую (пра)историю слово *иштяк* могло пережить и сочетать разные значения и оттенки: «лесные люди», «дикари», «северные варвары», «инородцы», «иноверцы», «данники». Возможно, звание *иштяк* в значении «лесной житель» и «дикарь» во все времена содержало в себе оттенок «идолопоклонства». Но особенно рельефно этот смысл обозначился в XIV в., когда Северную Евразию накрыла очередная волна геополитической конкуренции христианства и ислама. Когда геополитика стала стержнем идеологии государств и народов, конфессиональное наполнение слова *иштяк* стало доминирующим.

Ключевые слова: рецензия, этническая история, Урал, Сибирь, этноним, иштяк, остяк

Для цитирования: Головнёв А.В. Остяк остяка видит издалека: по мотивам книги «Иштяки: приуральско-сибирское пограничье» // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 563–577. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.563-577

**OSTYAK SEES OSTYAK FROM AFAR: FEW REMARKS ON THE “ISHTYAKS:
THE BORDERLAND BETWEEN THE CIS-URALS AND SIBERIA”*****A.V. Golovnev***

*Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera), RAS
Belgorod State National Research University
Saint Petersburg, Belgorod, Russian Federation
andrei_golovnev@bk.ru*

Abstract: In this review article, the author summarizes the views expressed in the collected papers of several authors and articulates his own vision on a specific topic. Seeing the authors' focus on the borderland between the Cis-Urals and Siberia, the reviewer con-

siders it necessary to expand the range of the overview by including into consideration the Ostyak taiga. The number of Bashkir examples cited in the book gives the impression that primarily the Bashkir ethnonym holds the key to making sense of the Ishtyak phenomenon. In fact, Siberian materials about the “classical Ostyaks” – the taiga peoples of Western and Central Siberia (Khanty, Selkups, and Kets) – are no less important information for the meaning of this ethnonym and the phenomenon of the borderland between the steppe and the forest hidden behind it. If we put together the ethnonymic evidence of the Ishtyaks / Ostyaks from the Nogays to the Khakasses, then the “Ishtyak belt” will stretch “from the Volga to the Yenisei.” Over its supposedly long (pre)history, the word Ishtyak could survive and combine different meanings and shades: “forest people”, “savages”, “northern barbarians”, “foreigners”, “gentiles”, and “tax-payers”. Perhaps the term Ishtyak in the sense of “forest dweller” and “savage” contained implications of “idolatry” at all times. However, this meaning was especially strengthened in the fourteenth century when Northern Eurasia was swept by another wave of geopolitical competition between Christianity and Islam. At a time when theopolitics became the core of the ideology of states and peoples, the confessional aspect of the word Ishtyak became dominant.

Keywords: review, ethnic history, Ural, Siberia, ethnonym, Ishtyak, Ostyak

For citation: Golovnev A.V. Ostyak Sees Ostyak from Afar: Few Remarks on the “Ishtyaks: The Borderland between the Cis-Urals and Siberia”. *Zolotoordynskoe obozrenie* = *Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 563–577. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.563-577

При знакомстве с рецензируемым научным сборником первым встает вопрос о его соответствии распространенным формам представления научных данных в виде материалов симпозиума, тематической подборки статей или коллективной монографии. Читатель по-разному воспринимает текст, если он является (1) итогом многолетних коллективных изысканий, (2) дискуссионной трибуной или (3) авторскими вариациями на заданную тему. Обсуждаемый сборник сочетает в себе все три подхода, в чем состоит одновременно его сила и его слабость.

Авторы не заявляют свой труд как коллективную монографию, осознавая, что их совместные усилия не привели пока к систематическому своду данных или однозначному «решению проблемы». Кроме того, в сборнике неравномерно представлены дисциплины, обычно привлекаемые к комплексным этно-историческим исследованиям. Большинство статей принадлежит историкам и этнографам, тогда как археологии посвящен лишь один очерк, как и лингвистике (точнее топонимии, хотя сборнику не помешал бы специальный обзор этимологии и языковой истории титульного названия «иштяки»), а физической антропологии и вовсе не досталось места, если не считать ряда частных ссылок на палеогенетические данные. Различаются включенные в сборник статьи и ракурсами освещения темы: одна часть представляет собой профилирующие обзоры (И.М. Миргалеев, А.В. Аксанов), другая – своды данных по конкретным сюжетам (Д.М. Исхаков, З.А. Тычинских, В.В. Трепавлов), третья – изложение авторских концепций (Г.Х. Самигулов, Д.Н. Маслюженко, В.А. Иванов), четвертая – выкладку новых эмпирических материалов (Ж.М. Сабитов, Р.Н. Шигабдинов), пятая – предварительные сообщения о проводимых изысканиях (В.А. Курбатов, Т.А. Акерев, О.Н. Науменко, Ю.А. Бортникова).

Следующий вопрос, возникающий по ходу чтения, относится к поиску главного героя (или предмета) повествования: это история о народе или о названии? или о временах и нравах, когда это название было в ходу? или о страницах науки, когда эта тема стала предметом научных изысканий и гипотез? Если «или» заменить на «и», то откроется общий мотив создания сборника: коллективная попытка идентификации загадочного феномена на пересечении всех этих измерений, включая историческое урало-сибирское пограничье и стык разных подходов и дисциплин.

Давая объемное приложение из фрагментов исторических, археографических и этнографических источников, составители сборника будто приглашают читателя включиться в обсуждение темы и предлагают необходимый для этого «джентльменский набор» знаний. Что ж, остается принять приглашение и отнестись к рецензированию не оценочно, а исследовательски: мою рецензию можно считать добавочной, 13-й (интеркаляционной, если пользоваться терминологией лунной хронологии) статьей рассматриваемого сборника. Видя нацеленность авторов на урало-сибирское пограничье, я все же позволю себе расширить диапазон обзора, включив в него остяцкую тайгу. Разделю обзор на разделы в последовательности, удобной для тех, кто впервые слышит слово «иштяк». Но прежде сделаю пару вводных замечаний: (1) от предпринимаемого исследования следует ожидать не «единственно верной» трактовки, а погружения в атмосферу этноистории, которая допускает альтернативы мнений и действий; иначе говоря, мыслить в этноистории следует сценариями, а не догмами; (2) в прошлом случайностей и причуд ничуть не меньше, чем в настоящем; иногда в восприятии этноистории психологические приемы (например, юмор) оказываются трезвее логики.

Много- или одноименность?

Большинство авторов сборника принимает круг этнонимов *иштяк–остяк–иштит–эштек–естек* за единый пул. Исключение составляет В.А. Курбатов, который в статье «Иштякская топонимика», с одной стороны, настаивает на «неправомерности синонимизации этнонимов иштяк и остяк», поскольку морфемы *иш* и *ос* не тождественны, а их сближение за счет созвучия фрагментов *тяк* – «продукт фонетического соблазна»; с другой, он допускает идентификацию обширного круга топонимов с морфемой *ишт*, включая Иштан, Иштупаново, Иштеряково, Иштомар, Иштель, Иштирхон и др., обозначающих пути расселения носителей *ишт*-топонимов от междуречья Оби и Енисея (Минусинской котловины, Кузнецкого Алатау) на запад до Средней Волги и на юг до Афганистана и Дагестана. Автор осознает, что «не все названия имеют отношение к собственно иштякам», но общая картина представляется ему настолько реалистично, что он высчитывает скорость движения носителей *ишт*-топонимов – 4,2 км/год. Для пушшего правдоподобия он дополняет картину размышлениями о том, что миграция была вызвана «существованием значительной пассионарной прослойки в исходном обществе», а скорость переселения была невысока ввиду наличия в стадах мелкого рогатого скота [12, с. 92–98].

Отдавая должное полихромии воссоздаваемой картины, я не готов столь вольно обращаться с морфемами и предпочту, подобно большинству авторов сборника, топонимии этнонимии. В установочной статье И.М. Миргалеев

открывает этнонимическую панораму словом *иштяк*: так сибирские (тоболо-иртышские) татары называли хантов, курганские татары – зауральских башкир, приуральские татары – башкир; так в прошлом самоопределялись северные башкиры и пермские татары. Калмыки именовали сибирских татар *иш-тиг*, башкир – *иштиг-мангыт*, казахи башкир – *естек*. Хакасы словом *эштек* обозначали вообще все северные племена [14, с. 5].

Ж.М. Сабитов дополняет эту картину/карту обзором распространения этнонима *естек* у казахов. В отдаленном прошлом (условно, средневековье) казахи так называли башкир и родовые группы в собственной среде, связанные с башкирами или Башкирией. Благодаря шеджере удастся разглядеть сценарии появления таких групп, а в противоречивых, на первый взгляд, вариациях следует видеть не разноту, а допускаемый казахской традицией диапазон родообразования. Иначе говоря, многообразие версий отражает набор конкретных и/или типичных путей распространения этнонима.

Согласно шеджере, род Естек-Кете (часть большого рода Алимұлы-Алшин) появился у казахов после усыновления Ажибай-бием трех естеков (башкир), которых звали Балта, Сары и Жаман. В ряде версий речь идет о пяти башкирах, из которых трое остались у казахов и стали родоначальниками, а двое не оставили потомства или жили отдельно от Естек-Кете (кроме того, Естек-Кереи состояли в ханской гвардии *толенгут*). Приход естеков связывается с восстаниями башкир 1730-х и/или 1770-х годов, подавление которых вызвало отток мятежников в степь. При этом речь идет не о бытовых мигрантах, а о воинах, связанных с казахами союзничеством и баталиями. Например, казахский хан Нуралы в 1771 г. пожаловал земельные владения роду Естек-Кете после того как Кармыс, сын Балта-батыра, одолел в поединке калмыцкого богатыря, обеспечив казахам победу над калмыками. В одной из версий Балта-батыр фигурирует как соратник и родственник Салавата Юлаева, впоследствии укrywшийся в казахских степях со своими братьями и друзьями. Казахи и сами участвовали в башкирских восстаниях: согласно одному из преданий, Балта-батыр был вовсе не башкиром, а казахом из рода Каракесек-Аргын Среднего жуза и прибыл в Башкирию в 1730-е годы вместе с казахским ханом Самеке на помощь мятежному башкирскому «хану» Карасакалу; в этой версии Балта оказался естеком не по роду-племени, а по прозвищу, которое заслужил походом в Башкирию по возвращении в Младший жуз к Ажибай-бию. Еще одно предание представляет родоначальников Естек-Кете не башкирами, а казахами, побывавшими в Башкирии во время «пыльного похода» 1771 года и вернувшимися в степь с прозвищем Естек. Наконец, есть предание, прямо указывающее на происхождение пятерых пришедших на службу к Ажибай-бию воинов: из них один башкир, а остальные – ногай, туркмен и два казаха [17, с. 114–117].

Эти предания проливают свет на политические обстоятельства и социальные механизмы, посредством которых этноним распространялся в кочевой среде. У казахов, как и у других кочевников, совместные передвижения и сражения могли преобразоваться в «родство» посредством побратимства или усыновления, и «новое братство» нередко оказывалось прочнее генетического.

Кроме того, побратимство обычно скреплялось перекрестными браками, и иноэтничное свойство служило каналом передачи этнонима по женской линии.

Количество приведенных выше (и в сборнике) башкирских примеров создает впечатление, будто именно в башкирской этнонимике кроется ключ к разгадке феномена иштяков. На это же настраивают помещенные в сборнике карты, а также избранные фрагменты источников в приложении. На самом деле «башкироцентризм» – дань научным интересам большинства привлеченных авторов и очерченной ими области исследования (урало-сибирское пограничье). Если бы подобная тема была предложена сибироведам, они взяли бы толковать о «классических остяках» – таежных народах Западной и Средней Сибири, припоминая напоследок об иштяках среди зауральских башкир и сибирских татар.

Едва ли есть основания сужать пространство иштяков до узкой локации, как это делают авторы карт, помещенных в сборнике. В.А. Иванов, увлекшись археологической интерпретацией соблазнительного своей персонализацией и датировкой свидетельства Абу-л-Гази о бегстве кыпчаков к иштякам после поражения от Джучи-хана, проецирует этот сюжет на археологический ландшафт Приуралья XIII в. и приходит к однозначному заключению: «иштяки» у Абу-л-Гази – это носители чияликской культуры Предуралья [6, с. 85]. На карте Казанского ханства 1445–1552 гг., составленной А.В. Аксановым и А.В. Астайкиным, иштяки помещены между татарами, башкирами и удмуртами (вотяками и арами) на Южном Урале в верховьях Уфа-реки, в пограничье Казанского и Сибирского ханств. Локации на двух картах лишь частично совпадают друг с другом и, на мой взгляд, неоправданно сужают ареал иштяков.

В свое время Р.Г. Кузеев отмечал, что в XVI–XIX вв. ногаи и казахи называли иштяками не только башкир (преимущественно восточных), но и барабинских татар [22, с. 123]. В сборнике эта линия поддержана в статье З.А. Тычинских, напомнившей, что иштяками называли и обитателей нижнего Иртыша, которые «имели тюрко-угорское происхождение и, возможно, легли в основу формирования иштякско-токузских татар» [20, с. 66; 16, с. 149].

Если собрать вместе этнонимические свидетельства об иштяках/остяках от ногаев (Волга) до хакасов (Енисей), то «иштякский пояс» растянется, как в песне, «от Волги до Енисея». На карте это явно не точка, а линия, обозначающая пограничье больших миров. В реконструкции *иштяк*-пространства нет нужды искать точечный локальный очаг, поскольку речь идет о явлении, соотносимом с тюркским кочевым миром со свойственным ему географическим размахом.

Имя во времени

Хронографический след названия «иштяк» может быть не менее пространственным, чем географический, хотя фактов в этом отношении гораздо меньше, чем гипотез. Т.А. Акеров со ссылкой на ряд научных авторитетов отмечает, что «большая часть исследований проблемы происхождения этнонима “иштяк” связывали с двумя историческими периодами – дахо-массагетской эпохой кон-

ца I тыс. до н.э., а также началом тюрко-угорских взаимосвязей в середине I тыс. н.э. на Сыр-Дарье, в Приаралье и прилегающих к нему степных просторов» [1, с. 133]. В.А. Курбатов со ссылкой на Рузбехана Исфаганского относит происхождение этнонима иштяк к XV в. и связывает его с группой башкирских племен эйле, тангаур, юрматы [12, с. 92]. Разница в два тысячелетия указывает, с одной стороны, на условность ономастических реконструкций, с другой, на возможную глубину ретроспективы слова, от истоков кыргызского эпоса «Манас», где упоминается Эштяк (дядя Манаса по материнской линии и предводитель сары-ногаев), до енисейских остяков-кетов, которым это имя могло достаться от минусинских хакасов (кыргызов). За свою предположительно долгую (пра)историю на протяженном пограничье слово *иштяк* могло пережить и сочетать разные значения и оттенки.

Р.Г. Кузеев, исследовавший историю племени иштяк (эштек), относит приход иштяков из Приаралья с Сырдарьи на Южный Урал к XIII–XIV вв. [11, с. 205]. Тем самым предполагается, что изначально иштяки были самостоятельным – этнонимически определенным – племенем (народом). С объявления этой позиции начинается и аннотация рецензируемого труда: «в научном сборнике представлены новейшие исследования, посвященные формированию и развитию тюрко-угорской народности, известной по источникам XV–XIX вв. как “иштяки”». Среди авторов ее отстаивают А.В. Аксанов, который видит в иштяках народность, некогда населявшую иштяко-башкирские улусы в верховьях Камы и на Среднем Урале, а затем мигрировавшую к югу и растворившуюся в других народах [2, с. 26], и И.М. Миргалеев, считающий, что иштяки «родились» в контактной зоне тюрко-угорского пограничья и стали заметной этнической группой уже в ханский период [14, с. 11].

Д.М. Исхаков представляет остяков Среднего Приуралья этническим субстратом, имевшим угорские этнические истоки и ассимилированным золотоордынскими татарами. Он различает три варианта формирования остяко/татарского «двусоставного населения» Пермского Приуралья XVI – середины XVII вв., согласно которым иштяки: а) ассимилируемые татарами угры; б) ассимилируемые башкирами угры; в) башкиры, имевшие угорские этнические истоки, а затем ассимилированные татарами. Как видно, внимание автора сосредоточено не столько на осяках, сколько на соотношении башкир и татар в этноистории Среднего Приуралья – Тулвы, Сылвы и Ирени [7, с. 32–42]. В других работах Д.М. Исхаков дает более масштабную панораму распространения иштяков и предполагает, что в дорусский период общность, именовавшаяся на тюркских языках *иштэк/истэк/уштэк*, «была расселена не только в Южном Приуралье, но и в Зауралье», что соотносится «с традицией именования в прошлом казахами, хивинскими узбеками и ногайцами башкир, а также сибирских татар иштяками» [9, с. 278].

В.В. Трепавлов, обводя остяков «ногайским взглядом» (через историю Ногайской Орды), замечает, что ногаи в XVI в. считали своим правом владеть иштяками Башкирии и брать с них ясак. Он допускает, что «существовало какое-то (пока не определяемое по текстам) территориальное и этнографическое различие двух групп средневековых башкир: западная группа – иштяки,

восточная – собственно башкиры. Возможно, племена, кочевавшие вперемежку с ногаями (в будущей Ногайской даруге), обозначались как башкиры; те же, что селились на северо-западной и, может быть, северо-восточной периферии ногайских владений (в будущих Казанской и Сибирской даругах), – как иштяки». При этом он подчеркивает: «Вариант написания “остяки” не должен вводить в заблуждение; конечно, имелись в виду не обские угры. В ряде документов ясно отображено, что эти “остяки” проживали на территории современной Башкирии» [19, с. 107, 108].

Замысловатые интерпретации – отражение сложных реалий, а не путаницы в головах исследователей. Однако концентрация на растущем числе свидетельств о сылвенских и иренских остяках общую картину не проясняет. Зато при расширении обзора на запад и восток выявляется базовое значение слова «иштяк». Если учесть возможность называния остяками черемисов, как это следует из опубликованного в приложении к сборнику фрагмента «Казанской истории» – «Бысть же Черемиса, зовомая остяки» [10, с. 141], то становится очевидной надэтничность этого обозначения. В Сибири ситуация еще прозрачнее: «остяками» зовется целый ряд таежных народов – ханты, селькупы, кеты. Вообще говоря, именно Сибирь, а не Приуралье, дает устойчивую, с позволения сказать, классическую картину словоупотребления *иштяк/остяк*. Здесь, в своей «естественной» среде, это определение используется тюрками для обозначения своих северных лесных соседей. Это внешнее имя (экзотоним) жителей лесов со стороны обитателей степей, с юга – на север, от кочевников – промысловиков. Различительные качества (северянин, промысловик, житель тайги) сходятся в значении иштяков/остяков как «лесных людей».

На эту базовую «геополитическую» основу наслаиваются дополнительные смыслы-оттенки, в разное время ситуативно доминировавшие: «дикари», «северные варвары», «инородцы», «иноверцы», «данники». Понятно, что средневековые кочевники обходились без сложных категорий геополитики (хотя виртуозно реализовали ее на практике) и использовали привычные обозначения, придавая им новый смысл. Так, в периоды военного-политического господства степи над тайгой у слова *иштяк/остяк* рельефно проявлялось значение «данник», плательщик *ясака*.

Этот ракурс соотносится с версией Г.Х. Самигулова и Д.Н. Маслюженко о сословном характере названия *иштек*, означавшем на Урале (в Ногайской Орде и Сибирском ханстве) «податное, ясачное население», причем во второй половине XVI в. под остяками подразумевались «представители самых разных народностей и родоплеменных групп». Фразы из документов, приводимых авторами, убедительно подтверждают это наблюдение: «ясаки с остяков» – нечто вроде «подати с налогоплательщиков», а «ясачные остяки» – «податное население». Если какой-то улус или юрт переходил из рук в руки в качестве ясачного владения, он мог быть назван «иштекским» («остяцким») в силу его социального статуса. Примерно так, по мысли авторов, произошло с захваченным Кучумом «Тау Буга йурты Ишдеге» (в описании Утемиш-хаджи) – «остяцким юртом Тайбуги» в низовьях Иртыша. Таким образом, соционим *иштэк/остяк* в XVI–XVII вв. «обозначал не этническую, родоплеменную или языковую группу, а податное (ясачное) население» постордын-

ских государств – Ногайской орды и Сибирского ханства, а затем в том же качестве перешел в словарный обиход Москвы. Позднее он сохранил свое исходное значение лишь в отдельных уездах (Пелымском, Тобольском, Березовском, Томском), тогда как в иных на его место пришли другие обозначения: в Уфимском уезде – «башкиры», в Верхотурском – «вогулы», в Туринском и Тюменском – «татары»; лишь в Кунгурском уезде сохранялась пестрота обозначений: пермичи, татары, остяки, черемиса [18, с. 46–57].

Логично допущение, что ввиду своего податного статуса та или иная территория вместе со своим населением могла приобрести устойчивое звание «остяцкой». Портит картину только то, что в этом случае выражение «ясачные остяки» становится тавтологией, и если бы «остяки» действительно были устойчивым соционимом, документы пестрили бы словосочетаниями «башкирские остяки», «татарские остяки», «вогульские остяки», чего в действительности нет. Напротив, «остяки», «татары», «башкиры», «вогулы» сочетаются в списках как понятия одного ряда, а для обозначения податного статуса используются выражения «ясачные татары» и «ясачные вогулы». Впрочем, И.М. Миргалеев реконструирует словосочетания «болгар иштэге» и «башкurt иштэге», но лишь применительно к Южному Уралу [14, с. 6].

В межгосударственном пограничье наблюдается своего рода мерцание этнонимов. Народам, живущим на пограничье и, особенно, разделенным государственными границами, случается носить сразу несколько названий, данных разными соседями и метрополиями. Зачастую смена названия не имеет ничего общего с внутренней этничностью, а отражает подвижку в большой геополитике, переделе владений между империями. В этом выражается «право на имянаречение» политически доминирующих держав, и нередко реализация этого права обретает вид манифестации нового режима. Так случилось в СССР 1930-х годов, когда «малые народы Севера» были скопом переименованы, будто им всем в одночасье пришла мысль избавиться от «унизительных» царских названий вроде «самоеды», «гиляки» и «остяки». Подобные действия в отношении зависимых народов производились через переписи, картографию, разного рода сводки и описания, которые отражали не только, а иногда не столько, этническую реальность, сколько колониальную политику. Однако, за отсутствием иных источников, именно эти свидетельства считаются «историческими фактами». В случае с кочевниками ситуация осложняется скудостью их бумажного делопроизводства в сравнении с обилием такового у оседлых правителей. «Бумажная правда» далеко не всегда адекватно передает реальность, особенно в описании кочевых народов и государств.

Религиозный шлейф

Возможно, звание *иштяк* в значении «лесной житель» и «дикарь» во все времена содержало в себе оттенки кондового язычества и «идолопоклонства». Но особенно этот смысл обозначился в период, когда Северную Евразию накрыла очередная волна геополитической конкуренции христианства и ислама. С XIV в., по мере исламизации Золотой Орды при Узбек-хане

и с началом миссионерства Москвы при Дмитрии Донском, религиозная манифестация стала знаменем государственных идеологий. В лице Стефана Пермского Москва в 1380-е годы впервые заявила и исполнила православную миссию, крестив Пермь Вычегодскую и разделив ее население на крещеных пермян и некрещеных вогулов. Принявшие христианство и московское подданство жители Перми (в большинстве коми) выступили проводниками миссии Стефана, а мятежники и беглецы стали зваться «дикими», «косматыми», «язычниками» — вогулами [5, с. 429–435].

Почти синхронно, в 1390-е годы, по сходному сценарию действовали миссионеры в Прииртышье, только здесь они выступали под знаменами ислама. Со времен религиозных войн учеников шейха Багаутдина в Сибири сохранилось предание о приходе в 1394 г. проповедников ислама на Иртыш, где жили народы хотан, ногай, кара-кыпчак и иштяк; последнее название происходит оттого, что народ иштяк бежал в леса и «остался без веры» [8, с. 16]. В сибирских шеджере, связанных с суфийской традицией, упоминается «юрт Ичтак» на Иртыше или в его низовьях, а также народ Ичтак, который бежал от шейхов и остался вне ислама [18, с. 48].

Из авторов сборника эту тему основательно развивает З.А. Тычинских, находя опору в одной из своих ранних работ, написанных в Тобольске. Именно из Тобольска, старой столицы Сибири, что по соседству с Искером, столицей Сибирского ханства, хорошо различимы оттенки значений слова *иштяк*. Именно здесь учредил свою ставку Кучум-хан, захватив «остяцкий юрт Тайбуги». К северу от Искера (устья Тобола) начинаются земли таежных остяков (хантов), а вокруг среди заболотных татар на западе, барабинских татар на востоке, тоболо-иртышских татар вокруг Искера обильно присутствуют следы иштяков, в том числе род Иштяк-тугум [20, с. 65].

Это обстоятельство задолго до нас в настойчивых интонациях доносили до читателя многие исследователи Сибири – в XVIII веке такая характеристика иштяков/остяков была общим местом. Академик Иоганн Фишер в «Сибирской истории» 1774 г. писал: «Юштяк есть Татарское слово и значит то же самое, что у греков парпар, то есть чужеземца, пришельца, так же дикаго непросвещенного человека» [21, с. 85]. Ему вторил в 1783 г. путешественник Пьер-Шарль Левек: «Татары, покоря Сибирь под свое иго, называли природных тамошних жителей ругательным словом уштяки... “дикари”. Название сие превратили русские в слово “отяк”» [13, с. 10].

Более того, это же толкование в конце XVII в. передает Николаас Витсен, собиратель и компилятор прямых свидетельств ранних контактов русских с туземцами Урала и Сибири. В его «Северной и Восточной Тартарии» опубликовано немало сведений об остяках, в том числе предание об их крещении в Перми и переселении в Сибирь:

Говорят, остяки вышли из Перми и Зыряни. Они до сих пор все были язычниками. Но были крещены набожным священником по имени Прокопий... Но часть из них остались язычниками и ушли, покинув свое отечество, и поселились на Оби, Иртыше, вблизи Сургута и Кети, оставаясь в своем неверии, почему и получили название остяки, что на народном языке значит как бы «сбежавшие варвары» [3, с. 794].

Итак, устоявшиеся в российской лексике названия родственных народов вогулов и остяков означают одно и то же – «дикарь/язычник», с той лишь оговоркой, что исходят они с разных сторон: *вогулы* – от пермян-христиан, а *остяки* (*иштяки*) — от татар-мусульман [4; 5, с. 434–437]. Со временем под давлением «бумажной правды» прозвище со стороны стало самоназванием – настолько, что его носители, а вслед за ними исследователи, сконструировали народные этимологии, пытаясь, например, с помощью хантыйской лексики разложить слово «остяк» на *ас* (обской) и *ях* (народ). Когда толкователи этимологии *остяк* от финно-угроведения и *иштяк* от тюркологии умудряются не читать и не слышать друг друга, складывается впечатление, что они следуют старой имперской традиции наречения подвластных народов на свой лад.

В эпоху религиозных войн, когда теополитика стала стержнем идеологии государств и народов, конфессиональное наполнение слова *иштяк* стало доминирующим. Это видно и по заметкам академиков-путешественников, которые словники для словарей начинали со слова «бог», а описания народов открывали характеристикой их верований. Ранняя этнография XVIII в. зафиксировала и по-своему сгустила религиозный оттенок названия «остяк», поспособствовав его закреплению в сибирском администрировании.

Своего рода вариацией на конфессиональную тему в сборнике выглядит предложенная О.Н. Науменко и Ю.А. Бортниковой интерпретация «религиозного синкретизма» на примерах орнамента на грамоте хранителя Юрумской астаны и изображения одежды обдорских остяков на литографии Винкельмана. Эти свидетельства религиозного синкретизма, по мысли авторов, подтверждает их рабочую гипотезу: оформление одежды остяцких женщин на литографии и орнамента на грамоте позволяет утверждать, что «оно было уже не обско-угорское, но еще не классическое исламское, отражая синкретичный комплекс традиций». Авторы полагают, что «набор компонентов синкретичной культуры мог быть одним из идентифицирующих факторов иштякской общности в Западной Сибири», отражая промежуточную стадию ее перехода от архаичных представлений к классическому исламу [15, с. 78, 81]. Помимо неопределенности в части источников и сравнительного фона (орнамент характеризуется по описанию, а не изображению, круги и кресты относятся к специфике угорского наследия, вольные цветовые аллюзии принимаются за аргументы), эти суждения содержат что-то от околонушной фантастики, например, предначертанный авторами для обдорских остяков путь в ислам (с чем не следует путать ордынские – монгольские и тюркские – ассоциации в званиях и атрибутике северной элиты, в частности обдорских князей Тайшиных и Мурзиных).

* * *

Может ли обсуждаемый сборник быть, как значится в аннотации, полезен «исследователям, преподавателям вузов, представителям органов власти и управления и всем тем, кто интересуется историей и культурой народов России»? Не берусь судить об интересах органов власти и выборе исследова-

тельских тем вузовской молодежью Урало-Поволжья и Сибири, но в мои студенческие годы я дорого бы дал, чтобы заполучить в свою библиотеку такую книгу и, как в ту пору водилось, прочесть ее от корки до корки.

Есть ли у «иштякской темы», помимо прошлого, будущее? Однажды в Томском Приобье я разговорился со старой селькупкой об оттенках значений названия «селькуп»; в конце беседы она выдержала паузу и с достоинством молвила: «Я – остяк». В моей полевой практике не часто случалось, чтобы коренные жители проявляли тяготение к отмененным советской властью старым названиям. Но с наступлением эры киберреальности легко оживают призраки прошлого в смеси с персонажами фэнтези (готы, эльфы и др.). Нашлись инициаторы обновления и иштякского сюжета: каракалпаки Естек-кыпшак создали неформальное объединение «Естек бирлесиу», общающееся на различных форумах в интернет-пространстве [22, с. 130]. В качестве противоядия приведенным выше коннотациям слова «иштяк» уже выдвинута версия этимологии соотносимого с ним названия *хеишдек* (так звал тюрок-мусульман Поволжья османский путешественник XVII в. Эвлия Челеби) в значении «великая родня», «родня великих ханов», от иран. *хеиш* – «родня» и *дах* – «великий» [23]. Эти неожиданные новые поиски этничности настроены как на ретроспективу, так и на перспективу: выстраиваемый ряд синонимов/паронимов иштек–киштек–каштек–хеишдек [1, с. 135] на уровне игры слов продолжается невесть откуда (из Твиттера) вторгшимся во все языки знаком-термином *хэштег* (*hashtag*). Понятно, что «метка-решетка» не имеет ничего общего с «великой родней», но в мире постмодерна возможны самые странные сочетания. Во всяком случае, *хеишдек* – удобный *хэштег* (в порядке неакадемической подсказки каракалпакской группе «Естек бирлесиу»), а упоминание киберреальности в рецензируемом сборнике лишний раз свидетельствует о его обращенности к современному интеллектуальному читателю, которому не чужды ни этноисторические штудии, ни размышления о собственном этно-я.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Акеров Т.А. К вопросу о связях кыргызов с иштяками // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 133–136.
2. Аксанов А.В. Иштяки Казанского ханства // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 14–31.
3. Витсен Н. Северная и восточная Тартария. Т. II. Амстердам: Pegasus, 2010. 608 с.
4. Головнёв А.В. Югра и Самоядь // Сибирь в панораме тысячелетий. Т. 2. Новосибирск: ИАЭ РАН, 1998. С. 133–144.
5. Головнёв А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. 592 с.
6. Иванов В.А. Иштяки по данным археологии // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 84–92.
7. Исхаков Д.М. «Остяки» Среднего Приуралья во второй половине XVI–XVII в. Проблема этнической принадлежности // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 32–44.

8. *Исхаков Д.М.* Введение в этнополитическую историю сибирских татар // Искер – столица Сибирского ханства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2010. С. 12–32.
9. *Исхаков Д.М.* Иштякская общность Приуралья в Средневековье // История татар Западного Приуралья. Т. 1. Кочевники Великой степи в Приуралье. Татарские средневековые государства. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2016. С. 278–295.
10. Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 216 с.
11. *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. Этнический состав, история расселения. М.: Наука, 1974. 576 с.
12. *Курбатов В.А.* Иштякская топонимика // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 92–98.
13. *Левек П.-Ш.* История народов, подвластных России. СПб.: Дмитрий Буланин, 2016. 480 с.
14. *Миргалеев И.М.* Тюрко-угорская контактная зона в Западном Приуралье: проблема иштяков // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 5–13.
15. *Науменко О.Н., Бортникова Ю.А.* «Остяк» – «иштяк» – «татарин»: к вопросу о культурно-религиозном синкретизме в художественной культуре Западной Сибири // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 76–83.
16. *Пилипчук Я.В.* Иштякская проблема. Башкиры в эпоху средневековья // Тюркология. № 5 (91). 2018. С. 135–152.
17. *Сабитов Ж.М.* Казахские естеки/иштяки // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 114–120.
18. *Самигулов Г.Х., Маслюженко Д.Н.* Понятие «Иштэк» / «Остяк» как соционим (Урал и зауральские уезды конца XVI–XVII вв.) // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 45–60.
19. *Трепавлов В.В.* Иштякско-ногайские взаимоотношения // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 99–113.
20. *Тычинских З.А.* Иштяк-тугум сибирских татар (к вопросу о тюрко-угорских взаимодействиях в Западной Сибири) // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 61–75.
21. *Фишер И.Э.* Сибирская история с самого открытия Сибири до завоевания сей земли Российским оружием. СПб.: Имп. Академия наук, 1774. 631 с.
22. *Шигабдинов Р.Н.* Естеки/иштяки Каракалпакстана // Иштяки: приуральско-сибирское пограничье. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. С. 121–132.
23. *Юсупов Р.М.* К семантике родовой символики башкир и этимологии этнонимов башкорт, иштяк // Городские башкиры. Материалы VI Межрегиональной научно-практической конференции, посвященной III Всемирному курултаю башкир. Уфа, 2010. С. 28–32.

Сведения об авторе: Андрей Владимирович Головнёв – доктор исторических наук, чл.-корреспондент РАН, профессор, Музей антропологии и этнографии (Кунсткамера) РАН (199034, Университетская наб., 3, Санкт-Петербург, Российская Федерация), Белгородский государственный национальный исследовательский университет (308015, ул. Победы, 85, Белгород, Российская Федерация). E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

Поступила 20.04.2020 Принята к публикации 25.08.2020

Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Akerov T.A. K voprosu o svyazyakh kyrgyzov s ishtyakami [On the question of the relations of the Kyrgyz with the Ishtyaks]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 133–136. (In Russian)
2. Aksanov A.V. Ishtyaki Kazanskogo khanstva [The Ishtyaks of the Kazan Khanate]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 14–31. (In Russian)
3. Witsen N. *Severnaya i vostochnaya Tartariya* [The Northern and Eastern Tartary]. Vol. II. Amsterdam: Pegasus, 2010. 608 p. (In Russian)
4. Golovnev A.V. Yugra i Samoyad' [Yugra and the Samoyads]. *Sibir' v panorame tysyacheletiy* [Siberia in the Panorama of Millennia]. Vol. 2. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, 1998, pp. 133–144. (In Russian)
5. Golovnev A.V. *Fenomen kolonizatsii* [Colonization Phenomenon]. Ekaterinburg: Ural Branch of the Russian Academy of Sciences, 2015. 592 p. (In Russian)
6. Ivanov V.A. Ishtyaki po dannym arkheologii [The Ishtyaks according to archaeology]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 84–92. (In Russian)
7. Iskhakov D.M. “Ostyaki” Srednego Priural'ya vo vtoroy polovine XVI–XVII v. Problema etnicheskoy prinadlezhnosti [“Ostyaks” of the Middle Cis-Urals in the second half of sixteenth and seventeenth centuries. Ethnicity issue]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranch'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 32–44. (In Russian)
8. Iskhakov D.M. Vvedenie v etnopoliticheskuyu istoriyu sibirskikh tatar [Introduction to the ethno-political history of the Siberian Tatars]. *Isker — stolitsa Sibirskogo khanstva* [Isker: The Capital of the Siberian Khanate]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2010, pp. 12–32. (In Russian)
9. Iskhakov D.M. Ishtyaksкая общность Приуралья в Средневековье [The Ishtyak community of the Cis-Urals in the Middle Ages]. *Istoriya tatar Zapadnogo Priural'ya*, Vol. 1: *Kochevniki Velikoy stepi v Priural'e. Tatarskie srednevekovye gosudarstva* [History of the Tatars of the Western Cis-Urals, Vol. 1: Nomads of the Great Steppe in the Cis-Urals. Tatar Medieval States]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2016, pp. 278–295. (In Russian)

10. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 216 p. (In Russian)
11. Kuzeev R.G. *Proiskhozhdenie bashkirskogo naroda. Etnicheskiy sostav, istoriya rasseleniya* [The Origin of the Bashkir People. Ethnic Composition and History of Settlement]. Moscow: "Science", 1974. 576 p. (In Russian)
12. Kurbatov V.A. Ishtyaskaya toponimika [The Ishtyak toponymy]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 92–98. (In Russian)
13. Levesque P.Ch. *Istoriya narodov, podvlastnykh Rossii* [History of the Different Peoples Subjected to the Domination of the Russians = Histoire des différents peuples soumis à la domination des Russes]. St Petersburg: "Dmitriy Bulanin", 2016. 480 p. (In Russian)
14. Mirgaleev I.M. Tyurko-ugorskaya kontaktnaya zona v Zapadnom Priural'e: problema ishtyakov [Turkic-Ugric contact zone in the Western Cis-Urals: Ishtyak issue]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 5–13. (In Russian)
15. Naumenko O.N. and Bortnikova Yu.A. "Ostyak" – "ishtyak" – "tatarin": k voprosu o kul'turno-religioznom sinkretizme v khudozhestvennoy kul'ture Zapadnoy Sibiri ["Ostyak" – "Ishtyak" – "Tatar": On the issue of cultural and religious syncretism in the artistic culture of Western Siberia]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 76–83. (In Russian)
16. Pilipchuk Ya.V. Ishtyaskaya problema. Bashkiry v epokhu srednevekov'ya [Ishtyak issue. Bashkirs in the Middle Ages]. *Tyurkologiya* [Turkological Studies]. 2018, no. 5 (91), pp. 135–152. (In Russian)
17. Sabitov Zh.M. Kazakhskie esteki/ishtyaki [The Kazakh Esteks/Ishtyaks]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 114–120. (In Russian)
18. Samigulov G.Kh. and Maslyuzhenko D.N. Ponyatie "Ishtek"/"Ostyak" kak sotsionim (Ural i zaural'skie uezdy kontsa XVI–XVII vv.) [The concept of "Ishtek" / "Ostyak" as socionim (Ural and Trans-Ural districts at the end of sixteenth and seventeenth centuries)]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 45–60. (In Russian)
19. Trepavlov V.V. Ishtyasko-nogayskie vzaimootnosheniya [Relations between the Ishtyaks and Nogais]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 99–113. (In Russian)
20. Tychinskikh Z.A. Ishtyak-tugum sibirskikh tatar (k voprosu o tyurko-ugorskikh vzaimodeystviyakh v Zapadnoy Sibiri) [Ishtyak-tugum of Siberian Tatars (on the issue of Turkic-Ugric interactions in Western Siberia)]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranič'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 61–75. (In Russian)
21. Fischer I.E. *Sibirskaya istoriya s samogo otkrytiya Sibiri do zavoevaniya sey zemli Rossiyskim oruzhiem* [Siberian History from the Very Discovery of Siberia to the Conquest

of this Land by Russian Weapons]. St Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1774. 631 p. (In Russian)

22. Shigabdinov R.N. Esteki/ishtyaki Karakalpakstana [The Esteks / Ishtyaks of Karakalpakstan]. *Ishtyaki: priural'sko-sibirskoe pogranich'e* [The Ishtyaks: Borderland between the Cis-Urals and Siberia]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019, pp. 121–132. (In Russian)

23. Yusupov R.M. K semantike rodovoy simboliki bashkir i etimologii etnonimov bashkort, ishtyak [On the semantics of the generic symbolism of the Bashkirs and the etymology of the ethnonyms Bashkort and Ishtyak]. *Gorodskie bashkiry. Materialy VI Mezhhregional'noy nauchno-prakticheskoy konferentsii, posvyashchennoy III Vsemirnomu kurultayu bashkir* [The City Bashkirs. Proceedings of the Sixth Interregional Conference Dedicated to the Third World Kurultai of Bashkir]. Ufa, 2010, pp. 28–32. (In Russian)

About the author: Andrey V. Golovnev – Dr. Sci. (History), Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Professor, Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the Russian Academy of Sciences (3, Universitetskaya Embankment, St. Petersburg 199034, Russian Federation); Belgorod State National Research University (85, Pobeda Str., Belgorod 308015, Russian Federation). E-mail: andrei_golovnev@bk.ru

Received April 20, 2020 Accepted for publication August 25, 2020

Published September 29, 2020

КНЯЗЬЯ И МИРЗЫ ШЕЙДЯКОВЫ В РОССИИ XVI–XIX ВВ.**А.В. Беляков**

*Институт российской истории Российской академии наук
Москва, Российская Федерация
E-mail: belafeb@gmail.com*

Цель: обобщить все известные на настоящий момент сведения о мирзах / князьях Шейдяковых в России.

Материалы исследования: анализ архивных материалов, отложившихся в фондах Посольского, Разрядного, Поместного приказов, Канцелярии Московского Разрядно-сенатского архива, сведений родословных и вкладных монастырских книг, русских некрополей.

Результаты и научная новизна: подтверждено ранее сделанное предположение о том, что в России существовало два рода князей Шейдяковых. Один из них происходит от бия Саид-Ахмеда бин Мусы, другой – от мирзы Саид-Ахмеда бин Мухаммеда бин Исмаила бин Мусы. Доказано, что представители первого рода длительное время пользовались особым почетом в России. На это указывает, в том числе, выбор брачных партнеров для мирз / князей Шейдяковых. Опровергнуто устоявшееся представление о том, что в начале XVIII в. представители обоих родов вымерли. Обнаружено, что потомки Саид-Ахмеда бин Мусы проживали в России до конца XIX в. Единой родословной схемы для всех представителей рассматриваемых родов создать не удалось. При этом составлены четыре генеалогические таблицы, систематизирующие и значительно уточняющие имеющиеся сведения.

Ключевые слова: Русское государство XVI–XVII вв., Российская империя, Ногайская Орда, мирзы / князья Шейдяковы, служилые татары

Для цитирования: Беляков А.В. Князья и мирзы Шейдяковы в России XVI–XIX вв. // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 578–612. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612

**THE SHEYDYAKOV PRINCES AND MIRZAS IN RUSSIA
FROM THE SIXTEENTH TO THE NINETEENTH CENTURY****A.V. Belyakov**

*Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Moscow, Russian Federation
belafeb@gmail.com*

Abstract: Research objectives: To summarize all currently known information about the Sheydyakov mirzas / princes in Russia.

Research materials: Archival materials from the funds of the Posolsky, Razryadny, Pomestny offices, the Chancellery of the Moscow Razryadny and Senate archives; information on genealogies and supplementary monastic books as well as Russian necropolises.

Results and novelty of the research: The author confirmed the previous assumption about the existence of two Sheydyak princely families in Russia. One of them descended from Biy Said-Ahmed bin Musa. The other descended from Mirza Said-Ahmed bin Muhammad bin Ismail bin Musa. It is proven that the representatives of the first family enjoyed special honor in Russia for a long time. This is indicated, inter alia, by the choice of marriage partners for the Sheydyakov mirzas / princes. The author refutes the established opinion about the extinction of both families at the beginning of the eighteenth century. It was discovered that the descendants of Said-Ahmed bin Musa lived in Russia until the end of the nineteenth century. The creation of a single pedigree scheme for all representatives of these families turned out to be impossible. Nevertheless, the author managed to create four genealogical tables that systematize and significantly clarify the available information.

Keywords: Russian state of the sixteenth and seventeenth centuries, Russian Empire, Nogai Horde, Sheydyakov mirzas / princes, serving Tatars

For citation: Belyakov A.V. The Sheydyakov Princes and Mirzas in Russia from the sixteenth to the nineteenth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 578–612. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.578-612

Князья и мирзы Шейдяковы, пожалуй, наиболее крупный ногайский (мангытский) род в России второй половины XVI–XVII в. На самом деле здесь скрываются представители двух родов. Первые Шейдяковы, известные в России с середины XVI в. являлись потомками ногайского бия Саид-Ахмеда (Сей-тяк, Шейдяк, Шидак) бин Мусы. Вторые происходят из Малой Ногайской Орды (Казыева улуса), и являются потомками Саид-Ахмеда бин Мухаммеда бин Исмаила бин Мусы. К сожалению, мы далеко не всегда имеем возможность установить точное положение отдельных его представителей в генеалогии потомков Эдиге (Идегей). К тому же, зачастую, мы даже не можем определить, к какой из двух ветвей рода относится тот или иной Шейдяков. Но все же предпримем попытку по возможности собрать воедино всех представителей этих двух родов. Тем более что подобного опыта еще не предпринималось. До настоящего времени мы имеем единственный опыт построения генеалогии Шейдяковых в России, принадлежащий В.В. Трепавлову. Однако автор не ставил своей целью отметить в своей работе всех князей и мирз Шейдяковых. Он ограничился тем, что доказал наличие двух родов, имеющих общего предка, и реконструировал отдельные их ветви [89, с. 328–331]. Также генеалогией Шейдяковых, отчасти, занималась В.В. Черновская [94].

Генеалогия Шейдяковых имеет для нас большое значение еще и потому, что данный род (потомки Саид-Ахмеда бин Мусы), в определенной степени, можно назвать эталонным для России. Его представители занимали здесь наиболее высокое положение по сравнению с иными ногайскими выходцами. Даже история с князьями Урусовыми и Юсуповыми несколько не противоречит данному утверждению. Это связано с местническими представлениями о старшинстве, существовавшими в России. Из многочисленных сыновей Мусы бин Ваккаса в разное время шестеро становились биями в Ногайской Орде. Однако, похоже, в Москве именно Саид-Ахмеда считали старшим в роде. Поэтому его потомки пользовались наибольшим уважением среди всех мангытских мирз, оказавшихся в России. В XVII в. память об этом постепенно стала стираться. Но за представителями рода по-прежнему продолжал сохраняться высокий статус, поддерживаемый не только московскими вла-

стями, но и иными знатными служилыми татарами в России, в том числе и Чингизидами. Мы посчитали возможным рассмотреть одновременно всех выявленных представителей Шейдяковых в России. Получившаяся выборка наиболее репрезентативна, по сравнению с иными мангытами в России, чтобы делать выводы об эволюции их статуса. При этом мы не затрагиваем имущественное положение знатных ногайских выходцев. Это тема отдельной работы. В данном случае нас интересует история их появления в России, генеалогические связи, браки и статус в служилой среде Московского государства. Исследования по генеалогии рода позволяют установить брачные стратегии и социальные практики, используемые эмигрантами в новой для себя обстановке. Немаловажным представляется и выявление конфессионального выбора каждым из Шейдяковых и влияние его на последующую судьбу. Все эти проявления социальной активности позволяют на примере этих кланов прояснить историю процесса инкорпорации мусульманской знати в православное общество эпохи конфессионализации.

Первыми в Москву попали потомки Саид-Ахмеда бин Мусы. В.В. Трепавлов отмечает следующих детей Саид-Ахмеда: «Тор-Ахмед», Тутай, Мухаммед, Синдик, Чалыш и Атай [89, с. 328]. Однако в другом сочинении автор приводит иной список его сыновей: Сююндюк, Джавгосты, Мамай, Ислам-Газы, Атай, Кель-Мухаммед [88, с. 631]. Здесь следует учитывать тот факт, что один и тот же человек мог упоминаться под разными именами (прозвищами). На настоящий момент можно говорить о том, что в России фиксируются потомки от четырех сыновей Саид-Ахмеда – Тутая, Кель-Мухаммеда, Дурс-Мухаммеда и Атая (Отая).

С января 1568 г. по декабрь 1570 г. в России отмечены Аман-Газы (Амантаза) и Дос-Магмет мирзы «Шиидяковы дети княжие» [61, с. 150, 215, 316]. По-видимому, это и есть те самые князья Петр Тутаевич (сын Тутая бин Саид-Ахмеда) и Афанасий Шейдяковы, столь часто встречающиеся на страницах разрядных книг последней трети XVI в. Перт Тутаевич упоминается в разрядах с 16 мая 1571 г. по 4 августа 1580 г. [65, л. 522, с. 360; 68, л. 718, с. 153]. Князь Афанасий известен с зимы 1573/74 г. и по 13 июня 1598 г. [65, л. 473, с. 278; 70, л. 1057 об., с. 36]. В.В. Трепавлов ранее предположил, что Афанасий – старший сын Саид-Ахмеда Дурс (Турсун?)-Мухаммед, приехавший в Москву в 1564 г. и просившийся на государеву службу [89, с. 329]. Однако его имя все же следует еще уточнить. Косвенным подтверждением того, что Дурс (Дос, Дост)-Мухаммед в крещении стал Афанасием является тот факт, что в 80–90-е гг. XVI в. его имя не часто встречается на страницах источников, что может указывать как на преклонный возраст, так и на болезнь. В таком случае имя Петра Тутаевича до принятия православия – Аман-Газы (Амантаза). Имеются упоминания Афанасия как Тутаевича. Принимая во внимание источник (вкладная и кормовая книга московского Симонова монастыря), сохранившийся в списке 1808 г., отчество вполне могло быть «позаимствовано» у Петра Тутаевича по аналогии [4, л. 34 об. с. 42]. Отметим только одно, Афанасий последний раз упоминается в 1602 г. В таком случае ему на тот момент, как старшему сыну Саид-Ахмеда должно было быть как минимум далеко за 80 лет. Логично предположить, что Афанасий все же сын Дурс-Мухаммеда.

Укажем службы князя Афанасия Шейдякова. За ливонскую компанию 1573/74 г. он награжден золотым [65, л. 522, с. 360]. Тогда же князь стал наместником и воеводой г. Юрьева Ливонского (с Рождества Христова 1574 г.) [65, л. 529 об.–530, 546, с. 371–372, 396]. На следующий год Афанасий вновь отмечен в Юрьеве. В этот период он регулярно назначается воеводой большого полка. Юрьевским воеводой он числится до 1580 г. В 1580–1581 г. осадный воевода в Новгороде [71, л. 168 об. с. 319]. В 1586 г. воевода сторожевого полка в шведском походе [64, с. 379]. В 1588 г. попадает в опалу. В боярском списке рядом с его именем находится помета: «у пристава» [84, с. 212]. Следующий раз мы видим его в шведском походе 1590 г. Здесь ему велено у «государева стану у огня ночевать» [68, л. 873 об., с. 158]. «У огней» он был же и в серпуховском походе 1598 г. [69, л. 948 об.]. Это его последнее участие в военных кампаниях. Мы видим изменение его статуса. Если ранее он числился как служилый князь, то теперь его имя значится первым в списке дворян [84, с. 252]. Хотя произошло это несколько ранее. 14 июня 1592 г. князь упоминается среди гостей на крестинах царевны Феодосии Федоровны. Здесь он уже значится дворянином [70, л. 1057 об.]. По-видимому, данное изменение произошло для всей крещеной тюркской знати, за исключением Чингизидов. Таким образом, перевод служилых князей в московские дворяне произошел в промежутке между составлением боярского списка 1588–89 г. и июнем 1592 г.

18 июня 1585 г. Афанасий сделал вклад в московский Симонов монастырь по своей жене Анастасии [4, л. 34 об., 85 об., 87 об. с. 42, 85, 86]. Возможно, данный брак был заключен еще в ногайской степи. В октябре 1579 г. ногайский мирза Тинбай (Динбай) бин Исмаил просил отдать ему «Дюрсин-Магмет мирзину жену Салтанаю, а она мне сестра»¹. Хотя нельзя исключать и возможность развода с ней перед принятием православия Афанасием. Но эти построения верны только при тождестве Дурс-Мухаммеда и Афанасия. Если же Афанасий приходится сыном Дурс-Мухаммеду, то Салтаная автоматически превращается в мать или же мачеху князя. Позднее Афанасий женился вторично. 22 января 1602 г. его вторая супруга, княгиня Елена Никитична, дала вклад все в тот же Симонов монастырь. «Середний» корм по князю был положен на две даты – 2 мая и 22 января [4, л. 36–36 об. с. 43]. На 2 мая приходится день памяти св. святителя Афанасия, архиепископа Александрийского, небесного покровителя князя. Таким образом, представился (или же был похоронен) князь 22 января. В Симоновом монастыре, похоже, следует искать и его могилу.

Известно имя жены Петра Тутаяевича, княгини Ирины. Она приняла участие в свадьбе ливонского короля Арцмагнуса (Магнус) и дочери удельного князя Владимира Андреевича Марьи [65, л. 502 об., с. 329]. Ее происхождение установить на данный момент не представляется возможным. Имеется упоминание о второй супруге князя, Ксении Борисовне. Во втором браке она была за князем Иваном Никитичем Меньшим (?) Одоевским [96, № 62. с. 127–128; 55, с. 328–329]. У М.С. Черкасовой ошибочно названа Ксенией Петровной [93, с. 94].

¹ Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 127 (Сношения России с ногайскими татарами). Оп. 1. Кн. 9. Л. 94 об.

В 1612 г. в Троице-Сергиевом монастыре была похоронена княгиня инокиня Ольга Шейдякова [83, № 343. с. 34]. Могила находилась рядом с захоронениями князей Одоевских. Рядом покоятся боярин князь Иван Никитич Большой Одоевский, его сестра Елена – супруга князя Ивана Михайловича Елецкого, княгиня Феодора, супруга князя Одоевского. Возможно, это супруга Ивана Никитича Большого. В таком случае это дочь окольного Игнатия Петровича Татищева [30, с. 106]. Можно предположить, что по рождению Ольга была княжной Одоевской. Тогда она, вероятно, дочь Ивана Никитича. Вполне возможно, что это брошенная в России жена стольника князя Михаила Шейдякова (о нем см. ниже). По крайней мере иных претендентов на звание ее мужа на настоящий момент неизвестно. Однако следует учитывать еще один факт. Вторая супруга князя Петра Тутаевича Шейдякова, Ксения Борисовна, во втором браке была за князем Иваном Никитичем Меньшим Одоевским, также похороненным на кладбище Троице-Сергиева монастыря. Поэтому уместно предположить, что Ольга Шейдякова – это дочь Петра Тутаевича Шейдякова и падчерица Ивана Никитича Меньшова Одоевского. Но в таком случае не объясняется почему она названа княгиней. Мы условно будем считать ее дочерью Петра Тутаевича.

Приведем упоминания служб князя Петра. Он известен на страницах разрядных книг с мая 1571 г., как воевода сторожевого полка [65, л. 473, с. 278]. В октябре того же года участвовал в свадьбе Ивана IV и Марфы Сабакиной [65, л. 478 об. – 479, с. 286]. В зимнем и весеннем ливонском походе 1571/72 г. и воевода передового полка [65, л. 482, 488. с. 292, 305]. Участвовал во взятии города Пайды зимой 1572/73 г. [65, л. 496 об., с. 319] Упоминается на свадьбе ливонского короля Магнуса с Марьей – дочерью удельного князя Владимира Андреевича [65, л. 503, с. 330]. В августе того же года псковский наместник [65, л. 5012 об., с. 346]. Там же он значится и в 1576/77 г. [66, л. 572 об., с. 444]. Летом 1579 г. возглавлял полк правой руки [67, л. 666 об., с. 58]. В 1579/80 г. он вновь во Пскове [67, л. 703–705, с. 129–131]. В августе 1580 г. упоминается в последний раз [67, л. 718, с. 153]. 5 ноября 1585 г. царь Федор Иванович сделал вклад по князю Петру и его дочери Анастасии Петровне в московский Симонов монастырь [4, 15. с. 27]. Поминальный корм по князю в Кирилло-Белозерском монастыре давался 31 января [80, с. 69].

Интересный факт – не фиксируется ни одной совместной службы князей Петра и Афанасия. Однако интерпретировать его в настоящее время мы не беремся.

Существует еще одно упоминание имени князя в источниках. В 1581 г. вдову мирзы Аман-Газы требовал к себе ногойский бий Урус бин Исмаил: «Да после того Амангазыю мирзы осталась жена его, и ты б ее ко мне прислал». Просьбу решили выполнить². Понятно, что Москва не могла отправить в ногойские степи православную женщину, тем более явно представительницу знатного рода. Сложившаяся ситуация могла возникнуть в нескольких случаях. 1) Наши построения с отождествлением Петра Тутаевича и Аман-Газы изначально не верны. Но нам неизвестен иной Аман-Газы в России рассматриваемого времени. К тому же наблюдается явное совпадение времени

² РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 87–87 об.

смерти мирзы и последнего упоминания крещеного ногайского князя. 2) Урус действительно просил к себе вдову Петра Тутаяевича. Но это была не Ксения Борисовна. В таком случае опять же имеется две версии. По первой, у мирзы до крещения могло быть несколько жен. Но в таком случае после принятия православия законной супругой признавалась только одна из них. Остальные могли оставаться в исламе. По второй версии, первая супруга Петра Тутаяевича отказалась принять православие и осталась верна исламу. Это подразумевало автоматический развод. Нельзя не отметить тот факт, что Урус настойчиво именует Петра Тутаяевича ногайским именем. Также следует подчеркнуть степень осведомленности в степи положением представителей ногайской диаспоры в России.

* * *

В 1571 г. русскому посланнику в Турцию А.И. Кузьминскому велено было отвечать на вопрос, почему крестили «нагайского мурзу Мустафу Шейдякова», что его крестили по его желанию и царь «пожаловал его ныне своим великим жалованьем, дал ему многие волости и села». В разрядных книгах отмечен некий мирза Мустафа с товарищами (9 человек). Но он назван крымским и отмечен уже в 1577 г. [66, л. 585 об., 589, с. 472, 478]. В.Б. Кобрин отождествляет крещеного мирзу с Петром Тутаяевичем Шейдяковым [38, с. 95]. Помимо того, что нами приведено иное отождествление князя Петра, напомним, что Петр Шейдяков мог быть крещен между декабрем 1570 и маем 1571 г. Известие об этом не могло достигнуть Стамбула так быстро. По-видимому, это иной представитель из многочисленных потомков Саид-Ахмеда бин Мусы. Другие сведения о нем отсутствуют. По нашему мнению, его следует отождествить с Мустафой мирзою, упоминаемым как прежний помещик в писцовой книге Романовского уезда 1593–1594 г. [6, с. 585].

Однако возможно еще одно отождествление. В июле 1560 г. в Москву из Астрахани приехал мирза Мустафа Татаев (Тотаев, Атаев, Отаев) сын Шейдяков. Ровно через год бий Исмаил в своей грамоте к Ивану IV писал, что он «понял Тотай мирзину жены, Мустафину мать» и просил отпустить его в степи. 12 июля 1561 г. мирзу отпустили из Москвы [46, с. 319–320]. Возможно, через некоторое время мирза вновь выехал в Россию. Но тут мы сталкиваемся с более чем ограниченной источниковой базой по рассматриваемой нами проблеме. Отметим, что непосредственно перед описываемыми событиями ногайская сторона в своих грамотах просила отпустить Атай (Отай) мирзину жену с двумя детьми, плененными на Дону, когда они шли из Крыма. Русская сторона писала, что ей ничего неизвестно об этом инциденте [46, с. 314, 316, 318]. Возможно, пленные мангыты попали в Астрахань, после чего одного из мирз могли послать в Москву. При этом в столице об инциденте на момент отправления грамот к Исмаилу (июнь – июль 1560 г.) действительно ничего не знали. Царь принял Мустафу у себя на дворе уже 6 июля. Узнав об этом инциденте, в Астрахань, по-видимому, послали грамоту об освобождении жены и второго сына Атай мирзы. Мустафа же на год задержался в Москве. Через некоторое время этот мирза мог вторично попасть в Россию. Но обстоятельства его второго, предполагаемого, выезда нам неизвестны. В приведенной генеалогической таблице Мустафа отмечен как сын Атая.

Еще раз имя Мустафы мирзы Шейдякова встречается на страницах ногайских посольских книг летом 1581 г. Тогда мангытский мирза Ур-Мухаммед бин Тинахмат бин Исмаил просил отдать ему вдову и троих детей, а также имущество (3000 алтын денег и полон 20 человек) убитого князем Петром Мустафы Шейдякова³. Но в данном случае нельзя исключать тот факт, что перед нами однофамилец. К тому же вызывает вопрос размер требуемого имущества (90 рублей и 20 пленных). Это, скорее, оплата наемника, нежели имущество проживавшего в России мангытского мирзы.

Где-то в это время крестили князя Ивана Келмамаевича Келмамаева [38, с. 44–45]. Весной 1571 г. он отмечен как рында («с большим саадаком») у царевича Ивана Ивановича [64, с. 240, 244]. Но о нем ни разу не говорится, что он потомок Саид-Ахмеда. Высокий статус этого человека не вызывает сомнений. Достаточно того, что он женат на одной из дочерей Малюты Скуратова (Бельский Григорий Лукьянович), Елене. 15 июля 1573 г. князь В.Г. Бельский дал вклад в Иосифо-Волоцкий монастырь по душе сестры и зятя [38, с. 44–45]. Данный брак сделал князя свойственником целого ряда виднейших семей России. Одна его свояченица стала женой князя Ивана Михайловича Глинского. Другая, Мария, вышла замуж за Бориса Фёдоровича Годунова. Третью, Екатерину, выдали за князя Дмитрия Ивановича Шуйского [10, с. 184].

Мы не знаем, указывает ли прозвище Келмамаев на имя деда или же отца. Известно два Кель-Мухаммеда: Кель-Мухаммед бин Алчигир бин Муса и Кель-Мухаммед бин Саид-Ахмед (Шейдяк) бин Муса. Таким образом, князь Иван также вполне мог принадлежать к роду мирз Шейдяковых. Примем как рабочую версию, что речь идет о правнуке Саид-Ахмеда. В таком случае его родословная должна выглядеть следующим образом: Иван – Кель-Мухаммед – Кель-Мухаммед – Саид-Ахмед.

Н.В. Башнин и А.Л. Корзинин утверждают, что князь Иван Келмамаев относится к роду ногайских (мангытских) князей Канбаровых [10, с. 174, 177]. Однако в роду князей и мирз Канбаровых человек по имени Келмамай неизвестен [15]. Среди Канбаровых упоминается два Ивана. Князь Иван Мавкошевич, «выбыл» в 1576/77 г. [35, с. 85–86]. Князь Иван (Ураз-Али) Маметевич (Ак-Мухаммед) умер послом по дороге в Речь-Посполитую в 1570 г. [47, с. 94; 26, с. 266–267]. Мы видим, что по причинам хронологического несовпадения оба Ивана не могут претендовать на право называться зятем Малюты Скуратова. К тому же в источниках, на которые ссылаются исследователи [59, с. 96, 125; 7, с. 41–42], князь Иван Келмамаев отмечен без родового прозвища или же не упоминается вовсе. Единственный раз князь Иван Келмамаев назван Канбаровым только во вкладной книге Московского Новодевичьего монастыря 1674–1675 г. На 25 мая приходилась «память» по князю Ивану Келмамаевичу Канбарову и «по князь Иванове сестре по княжне Елене». В синодике в роду князя Иоанна Келмамаева записаны «благочестивый князь Иоанн и княжна Елена» [10, с. 184; 36, с. 198, 230]. Однако, это довольно поздний источник. Уже отмечалось, что при переписывании старых книг, вольно или невольно, монахи допускали значительные искажения текста [18, с. 74]. Подобные ошибки мы отметили выше и во вкладной книге Симо-

³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 1. Кн. 10. Л. 116 об.

нова монастыря. Поэтому «княжна Елена» вполне может быть «княгиней». Хотя нельзя отказываться и от версии, что мать и дочь носили одно имя.

Таблица №1.

Потомки Саид-Ахмеда бин Мусы в России. Римскими цифрами показаны поколения от Мусы. Здесь и далее жирным шрифтом выделены лица, проживавшие в России. Курсивом отмечено предположительное родство

* * *

В Смуту в боярском списке 1606/07 г. отмечен некто новокрещен стольник князь Михаил Шейдяков [45, с. 134]. О нем известно, что 21 июля 1608 г. он во главе 14 татар изменил, «отъехал» [11, с. 176, 253]. По мнению И.О. Тюменцева, отъезд произошел в Тушине [90, с. 551]. Хотя прямых свидетельств его присутствия там нет. Мы не знаем, к какой линии Шейдяковых (из Большой или же Малой Ногайских Орд) следует отнести этого человека. Помета «новокрещен» указывает на то, что он не мог быть сыном Петра или же Афанасия Шейдяковых, рожденным уже в России.

* * *

Имеется еще одно упоминание женщин из рода Шейдяковых. В синодике Московского Чудова монастыря есть запись: «Род Василия Матвеевича Бутурлина: Василия, княгиню Анну Шейдякова, Фирса»⁴. В таком случае Анна, скорее всего, должна быть дочерью Петра Тутая или же Афанасия Шей-

⁴ Российская национальная библиотека (РНБ). F.IV. 194. Л. 56. (Информацию предоставил А.И. Алексеев.)

дяковых. Хотя гипотетически претендентом на отцовство еще остается и Иван Келмамаевич Келмамаев. Непонятно, почему супруга Бутурлина названа княгиней. Возможно, на жен и дочерей мангытских мирз в XVI в. распространялись правила титулования Чингизидов. Дочь царя или царевича при выходе замуж за представителя не царского рода называлась царицей. Хотя последнее фиксируется далеко не всегда. В отдельных случаях их продолжают называть царевнами. В нашем же случае, по отношению к женщинам мангытских мирз, по-видимому, всегда использовалось обращение княгиня или же княжна. Следует отметить еще один момент. До настоящего времени исследователи приводили имя только одной супруги В.М. Бутурлина – Екатерина Ивановна (урожденная Воейкова), верховная боярыня царицы Евдокии Лукьяновны [56, с. 298]. Фирс также, похоже, ребенок от первого брака.

* * *

В документах встречается еще одно упоминание, которое, по-видимому, можно связать с семейством Шейдяковых. В 1569 г. под Астраханью кн. Петр Семенович Серебряный и Замятня Сабуров пленили жену и детей некоего Тулу мирзы. Далее Тулу мирза безуспешно попытается обменять их на пленного русского посла в Ногайскую Орду Семена Мальцева [61, с. 258, 261]. Однако отождествлять Тулу с Тутаем бин Саид-Ахмедом или же с «Тор-Ахмедом» следует очень осторожно. Более об этих лицах нам ничего неизвестно. Если они остались в России и среди них были сыновья Тулу, то их, безусловно, следует искать среди лиц, отмеченных в романовской писцовой книге 1593/94 г. как прежних помещиков.

* * *

Следующая семья, также похоже, происходила из Большой Ногайской Орды. Косвенным подтверждением этого служит тот факт, что, как мы увидим ниже, только с этой ветвью Шейдяковых столь активно в XVII в. роднились служилые Чингизиды.

Где-то в конце XVI в. в России оказались Еналей (Джан-Али) мирза, Каплан мирза и Алей мирза Тугановы дети Шейдяковы, их мать Девлет-тотай и их дядя, Теникей мирза. О Теникее единожды отмечено, что он Оксаров (Аксаров) сын⁵. Его, скорее всего, следует искать среди детей или же внуков Саид-Ахмеда бин Мусы. Однако являлись ли Туган и Теникей родными братьями, не вполне понятно. Встроить же их в известную нам схему потомков Саид-Ахмеда бин Мусы в настоящее время не представляется возможным. Обыгрывание сходств имен Тутай и Туган также следует признать не перспективным. Главным доводом здесь является слишком большой хронологический разброс между упоминаниями Тутая бин Саид-Ахмеда и Тугановых детей.

В Русском архиве Я. Сапеги содержалось письмо касимовского царя Ураз-Мухаммеда бин Ондана, в котором в марте 1609 г. он называет некоего Каплан мирзу своим племянником [79, № 92. с. 123]. По контексту документа, этот

⁵ РГАДА. Ф. 131 (Татарские дела). Оп. 1. 1622 г. Д. 1. Л. 4.

человек должен быть мангытским мирзой. Из известных нам персонажей Каплан Туганов более всего подходит на эту роль. Ураз-Мухаммед происходил из казахских Чингизидов [24]. Но при этом приходился пасынком сибирскому хану Кучуму [17]⁶. Поэтому мать (или же мачеха) мирзы могла иметь как казахское, так и сибирско-татарское происхождение. Браки мангытских мирз с казахскими царевнами известны. Так Шейх-Мамай бин Муса был женат на Булдур-ханым, сестре казахского хана Хак-Назара бин Касима [9].

Алей и Каплан впервые встречаются в документах за 1609/10 г. [86, с. 309]. Показательно, что в источнике отсутствует Еналей. Сделаем осторожное предположение о том, что Еналей и Алей это одно лицо. Еналей погиб под Москвой при Василии Шуйском, «как стоял под Москвою Вор». Хотя, судя по всему, перед нами пример полуправды, так свойственной участникам событий Смуты. Алей Шейдяков был убит 11 декабря 1610 г. в Калуге казаками в отместку за смерть Лжедмитрия II [41, с. 175; 2, №307]. У него известен сын Зорбек, прижитый с наложницей. Уже после рождения Зорбека, Теникей Шейдяков дал за своего племянника свою родную сестру. Наложницу же с ребенком взял к себе, «для того чтоб она у Еналей мурзы не была, что сестре ево с нею быть не пригоже». После смерти Теникея Зорбек с матерью продолжал жить у его сына Клеша (Келеш). При этом статус наложницы был весьма не определен. Зорбек утверждает, что Теникей «взял (ее – А.Б.) за себя по своей вере». Дядька (аталык) Зорбека Торпай говорит, что Теникей взял ее к себе «кормить». Когда же мать умерла (около 1614 или же 1616 г.) Зорбек продолжал жить у своего двоюродного дяди/сводного брата Клеша (Келмамет, Кул-Мухаммед, в крещении Артемий) мирзы. Однако в 1619 г. (или же 1621 г.) Клеш якобы захотел похолопить Зорбека. Тому ничего не оставалось, как бежать в Москву, где вскоре (в 1621/22 г.⁷) он крестился с именем Федор [88, с. 330–331]⁸. Дети, рожденные вне брака – «прижиты у постельницы», – среди знатных служилых мусульман не были частым явлением. Известно дело, в котором отмечены все подобные случаи на первую треть XVII в.: ногойские князья Федор (Зорбек) Шейдяков и Тихон Барай мурзин сын Кутумов, а также сибирский царевич Янбек (Калинник) Джансюерев и астраханский царевич Михаил Кайбулин (Кутлу-Гирей бин Арслан-Алей бин Абдулла). При этом многие их родственники (дядя, сводные братья и др.) считали их «не прямыми» и не хотели признавать их равными себе⁹. Похоже, это становилось одним из поводов принять бастардами православие. У Алея Туганова предположительно имелась дочь. Во второй половине XVII в. в документах упоминаются вдова сибирского царевича Алтаная бин Кучума ханым Джан тата Алеева мирзина дочь¹⁰.

Федор Еналеевич (Аналеевич) Шейдяков с 1626 по 1649 г. упоминается как дворянин по московскому списку [60, с. 37, 122, 201, 284, 362, 413, 474; 12, с. 313; 28, л. 253. с. 58]. Женат на дочери князя Романа Петровича Пожар-

⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1600 г. Д. 1.

⁷ РГАДА. Ф. 150 (Дела о выездах иностранцев в Россию). Оп. 1. 1668 г. Д. 22. Л. 17 об.

⁸ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1619 г. Д. 6; 1621 г. Д. 18.

⁹ РГАДА. Ф. 138 (Дела о Посольском приказе и служивших в нем). Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 255–258.

¹⁰ РГАДА. Ф. 130 (Сибирские дела). Оп. 1. 1678 г. Д. 1.

ского [57, л. 19. с. 69; 8, с. 157]. Имеется две взаимодополняющие родословные схемы потомков Федора 1766¹¹ и 1801¹² гг. Эти данные в целом подтверждаются иными свидетельствами. У Федора имелся сын Михаил, пожалованный в стольники в 1657/58 г.¹³ В 1663/64 г. в Ярославле проходил сыск о порче травой и кореньями князя Михаила Федоровича и его жены княгини Екатерины их дворовою женкою [50, с. 126]¹⁴. В 1663/64 и 1664/65 гг. Михаил участвовал в войнах против Речи Посполитой. В 1670/71 г. у него была некая Казанская служба. Принял участие в Троицком походе 1682 г. Князь служил в Киеве в 1688/89 и 1689/90 гг.¹⁵ Однако свидетельство о киевской службе следует признать ошибочным. Дело в том, что князь умер 4 мая 1687 г., являясь соликамским воеводой. Дослуживал за него до 1688 г. его сын Афанасий [39, с. 53]. Михаил имел трех сыновей – Семена, Якова и Афанасия. Семен Михайлович упоминается в 1682 г. в Троицком походе. Повидимому, в нем участвовали все три брата¹⁶. В 1712 и 1713 гг. значится как жилец, «капитан в генеральстве Н.И. Репнина»¹⁷. Далее ассессор в Сенатской канцелярии [91, с. 108]. В 1724 г. в Мануфактур коллегии [23, с. 267–268]. Афанасий, похоже, родился в 1664 г. (по другим данным в 1665 г. [53, с. 12–13]). В 1682 г. участвовал в Троицком походе, стольник с 1685/86 г.¹⁸ В 1684/85 г. отмечен в полку своего отца в Козлове. Участвовал в Крымском 1689 г. и Азовском 1695 г. походах. С 1700 по 1702 гг. в Костроме. В 1703 г. напротив его имени стоим помета: «из Военного в посылки». В 1704 г. «По государеву смотру написан под крестом»¹⁹. С 1704 г. адъютант Н.И. Репнина. «За слабость мою» отпущен домой. В 1712 г. ездил с Н.И. Репниным в Померанию. В 1713 г. получил отставку. Однако в 1715 г. его определили в Польшу к послу Г.Ф. Долгорукову, где он был до 1719 г. [53, с. 12–13]. В декабре 1721 г. признан старым для дальнейшего несения военной службы. 14 августа 1722 г. определен по протекции князя Г.Ф. Долгорукова в Ярославский надворный суд вице-президентом. 6 сентября 1725 г. за старостью отставлен от дел²⁰. Известно, что в 1719 г. Афанасий способствовал бегству дочери Г.Ф. Долгорукова, Александры, от ее мужа, В.Ф. Салтыкова [81, с. 231–232]. Яков Михайлович – стольник царицы Прасковьи Федоровны 1685/86 г.²¹ Отмечен в

¹¹ РГАДА. Ф. 388 (Канцелярия Московского Разрядно-сенатского архива). Оп. 1. Кн. 802. Л. 23.

¹² РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 142 об.

¹³ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 143

¹⁴ РГАДА. Ф. 210 (Разрядный приказ). Столбцы Белгородского стола. 1663/1664 г. Д. 658. Л. 299–304.

¹⁵ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 143–143 об.

¹⁶ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 144.

¹⁷ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=10807

¹⁸ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 144–144 об.

¹⁹ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=2631

²⁰ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 144 об.

²¹ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 144.

боярском списке 1706 г. [34, л. 13, 52 об. с. 287, 308]²². В 1703 г. о нем сказано: «На смотре в Столовой не был и велено выслать в Шлотбурх». Известен до 1713 г.²³

По родословной у Якова отмечен сын Григорий. Однако в боярских списках известен еще и Афанасий Яковлевич. Григорий Яковлевич впервые отмечен 1691/92 г. В 1706 г. напротив его имени стоит помета: «На Раманове, на Епифани»²⁴. В боярском списке 1706 г. Григорий значится среди стольников, а Афанасий среди полковников, подполковников и начальных людей [34, л. 19, 118 об. с. 290, 328]. И Афанасий²⁵, и Григорий²⁶ известны в боярских списках до 1721 г. На 1766 г. Григорий уже умер. При этом о нем сказано, что служил по Москве (по московскому списку?)²⁷.

У Григория по родословной два сына – Василий и Александр. Василий на 1766 г. отмечен как «капитан во Пскове». Об Александре сказано, что он служит в астраханском гарнизоне сержантом. У Александра Григорьевича в свою очередь было два сына – Алексей и Иван. Иван на момент составления родословной был солдатом в Новгородском пехотном полку, а Алексей – недорослем, со слов которого и была составлена эта родословная²⁸. Интересно, что Алексей знал только тех своих предков, что умерли уже в XVIII в. Далее имени прадеда он ничего не знал.

В 1773 г. в Ярославской губернии известен помещик князь Иван Алексеевич Шейдяков²⁹. По-видимому, это сын Алексея Александровича. В молодости он служил в лейб-гвардии Семеновского полка. Зачислен в него в 1729 г., в 1741 г. произведен из сержантов в прапорщики, в 1748 г. произведен в подпоручики, а в 1751 г. уволен в отставку [32]. В 1779 г. «предводитель, лейб-гвардии поручик» «при дворянской опеке» в Ярославле [42, с. 256]. Был жив еще июле 1801 г.³⁰ Возможно, у него имелся сын Алексей. Дело в том, что в Москве на Ваганьковском кладбище похоронена умершая 14 ноября 1881 г. на 87-м году жизни княжна Шейдякова Татьяна Алексеевна [44, с. 338]. В более поздний период представителей этой ветви рода нам неизвестно, хотя, возможно, последующие изыскания позволят нам найти и других представителей рода. На настоящий момент это единственная ветка некогда обширного рода, которой удалось перешагнуть рубеж середины XVIII в. и даже продолжиться до конца XIX в.

²² На самом деле в начале XVIII в. известны Яков, Лев, Афанасий и Семен Михайловичи Шейдяковы. О троих из них, Афанасии, Льве и Семене известно, что они родные братья [РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 576. Л. 88]. При этом их поместья находятся в селах Дехтярево и Ширенга Ярославского уезда. Там были испомещены родственники Федора (Зорбека). Сам он за службу получал поденный корм. Нам ничего не известно о поместьях его детей. Поэтому три брата, скорее всего, дети Михаила Артемьевича (Келеш, Кул-Мухаммед).

²³ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1358

²⁴ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=596

²⁵ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=3638

²⁶ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=596

²⁷ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 802. Л. 23.

²⁸ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 802. Л. 23.

²⁹ Государственный архив Ярославской области. Ф. 455 (Ярославская провинциальная канцелярия). Оп. 2 я. Т. 6. Д. 7369.

³⁰ РГАДА. Ф. 388. Оп. 1. Кн. 873. Л. 142.

Таблица №2.
Туган условно учитывается нами как правнук Саид-Ахмеда бин Мусы

У Федора-Зорбека имелись сводные братья Канай и Девлет (Девлет-Мамет³¹) Еналей мирзины дети Шейдяковы³². В 1625 г. Девлет упоминается как кормовой иноземец в Ярославле³³. Он умер в Великий пост 1646 г. [18, с. 113]³⁴. У него известна дочь Ирина от царицы Молдур, дочери сибирского хана Кучума. Дочь приняла православие в 1652 г.³⁵ У Девлет-Мамета была еще одна жена, касимовская царица Нал-ханиша (Нагел) Карамышева дочь Мусаитова [14], вдова касимовского царя Арслана бин Али [13] и сестра мирзы Исинея Карамышева сына Мусаитова. Канай (Алексей) Шейдяков упоминается в полку князя Ю.Я. Сулешева уже в 1616/17 г.³⁶ А в 1620/21 г. ему на свадьбу дали 30 рублей³⁷. Он тогда женился на племяннице касимовского царя Арслана бин Али. Имя невесты и ее отца неизвестны³⁸. В 1634 г. его имя фигурирует в связи с поземельным спором между его двоюродными братьями Каном (Ханом) и Салтаном Каплан мирзины детьми³⁹. В 1640 г. у него отмечены сыновья Василий и Никифор⁴⁰. Канай принял крещение с именем Алексей. Московский дворянин Алексей Еналеев мирзин сын упоминается в боярских списках с 1651/52 г. На следующий год он отмечен «за приставом» за попытку отъехать со своими сыновьями в Польшу. Алексей якобы отпросился на богомолье в Псково-Печерский монастырь. По извету Петра Рогозинского сотник Борис Бабаев задержал князя Алексея в 8 верстах от Ярославля в селе Солонце у брата кн. Абрама Шейдякова. Его дети были арестованы под самим Ярославлем. Из дела становится известно, что к этому времени двое старших сыновей князя Алексея уже приняли православие, должны были выехать с отцом. Двоих младших, оставшихся мусульманами, и жену, князь планировал оставить в России. Причиной неудавшегося побега якобы было незначительное, по мнению князя, материальное содержание. Все на самом деле обстояло не так однозначно. Материалы дела позволяют предположить иное развитие событий. Князь действительно остался недоволен своим положением после крещения. Его ожидания были большими. Он не стеснялся говорить об этом посторонним людям. Петр Рогозинский со своими поделщиками, воспользовавшись этим, спровоцировали князя Алексея к побегу с ними, после чего принесли на него донос, намереваясь получить за это награду от государя. К сожалению, концовка следственного дела не сохранилась [49, с. 242]⁴¹. В 1653/54 г. Алексей, вероятно, умер [12, с. 311]. У Каная /Алексея известны по именам трое сыновей – Сафа-Гирей (Василий) и Шин-Гирей (Никифор), третий в 1653 г. еще был мусульманином⁴². Похоже, это московский дворянин Дывыд Алексеев, упоминаемый в 1675/76 –

³¹ РГАДА. Ф. 141 (Приказные дела старых лет). Оп. 1. 1622 г. Д. 22.

³² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 3.

³³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1625 г. Д. 5.

³⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 65. Л. 1; 1652 г. Д. 9. Л. 3; Ф. 141. Оп. 1. 1646 г. Д. 113 а. Л. 73.

³⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1652 г. Д. 5. Л. 1.

³⁶ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1631 г. Д. 1. Л. 3.

³⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1630 г. Д. 5. Л. 16.

³⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1619 г. Д. 5. Л. 276–280.

³⁹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1634 г. Д. 1.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1649 г. Д. 1. Л. 180.

⁴¹ РГАДА. Ф. 210. Столбцы Разрядного стола. 1653–1699 г. Д. 199. Л. 58–82.

⁴² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1645 г. Д. 1.

1676/77 гг. [5, с. 469]. Имя четвертого сына остается неизвестным. В документах отмечена жена Каная – Александра, возможно, племянница касимовского царя Арслана бин Али.

У Каплана (Капланды) Туганова (Таганов) (умер в 1627/28 г.⁴³) было трое детей – Кан (Хан, Канай), Салтаным (Салтанай) и Абрам. Несколько раз отмечен еще один сын – Эрмамет (Ир-Мамет⁴⁴, Ураз-Мухаммед?)⁴⁵. Мы знаем примерный возраст братьев. Старший, Салтанай, достиг 15 лет и был верстан во второй половине 1630 г. Таким образом, он должен родиться в 1615 г. Дело о крещении Кана начали в июне 1631 г. Получается, что он родился не ранее июня 1616 г. Остальные братья в это время оставались недорослями⁴⁶. Канай и Салтаным в крещении стали Иваном Большим и Иваном Меньшим. Все трое пожалованы в стольники из новокрещенов 25 декабря 1649 г. Иван Большой умер в 1658/59 г. Иван Меньшой отмечен в боярском списке 1706 г. среди отставленных в 1703 году [34, л. 70. с. 317]. С 1703 г. в четвертях для посылок из Москвы. Умер в 1708 г.⁴⁷ или несколько позднее [40, с. 16]. Абрам умер в 1654/55 г. [12, с. 312]. В 1646 г. в Ростове перепись татарских дворов фиксирует Султаная, Хана и Бия Каплановичей [88, с. 331]. Поэтому до крещения Абрам, по-видимому, был Бием. У Абрама известен сын Роман. В стольники он также пожалован 25 декабря 1649 г. Упоминается до 1666/67 г. [12, с. 312]. Также имеется упоминание о крещении в 1652 г. еще троих малолетних детей Абрама: Василия, Марии и Фетины⁴⁸. У Ивана Меньшова отмечен сын Василий. В боярском списке 1706 г. он значится среди полковников, подполковников и начальных людей [34, л. 95. с. 327]. Умер он не позднее 1711 г.⁴⁹ Другим его сыном, по-видимому, был стольник Иван Иванович (1685/86 – 1691/92 гг.) [5, с. 469]. Последний раз встречается в 1700 г.⁵⁰ Возможно, это о нем писал С.В. Соловьев как о казненном за разбой и смертельное убийство [82, с. 565].

Около 1621/22 г. в Новодевичьем монастыре находилась под началом жена новокрещена московского дворянина князя Артемия Шейдякова княгиня Феодора Шабанаева⁵¹. По другим сведениям крещение произошло в 1623/24 г.⁵² До крещения ее звали Азикея⁵³. Однако это вторая жена князя. После крещения он вынуждено развелся с ней. Другая его жена, Алтынбека (Алтын-беке), в крещении Алена, (крестилась с детьми в 1622/23 г.⁵⁴), мать его четверых детей, двух дочерей, Арины и Федосьи, и двух сыновей, Михаила и Федора, после

⁴³ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 30.

⁴⁴ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 35.

⁴⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1631 г. № 4. Л. 8.

⁴⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 30-34.

⁴⁷ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1723

⁴⁸ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1652 г. Д. 6.

⁴⁹ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=3100

⁵⁰ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=2353

⁵¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1624 г. Д. 2.

⁵² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 22. Л. 4.

⁵³ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 59. Л. 82.

⁵⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1628 г. Д. 22. Л. 4.

принятия православия осталась единственной супругой князя Артемия. Феодора же в 1624 г. вышла замуж за Петра [Васильевича] Волинского⁵⁵. Из другого дела мы узнаем, что до крещения Артемия звали Келмамет (Кул-Мухаммед, Клеш [51, с. 327, л. 568 об.]) мирза Теникеев⁵⁶. Вскоре после этого Артемий исчезает из документов. В 1623/24 г., похоже, князь уже был мертв. Но при этом его жены (вдовы?) по-прежнему называются ногайскими именами⁵⁷. Нам становится известны некоторые обстоятельства жизни семьи в Ярославском поместье. Оказывается, что сразу после крещения (1621/22 г.) Артемий «старую свою жену мусульманского закона к себе взял и с нею жил, и с татары ел и пил». Возможно, Алена также получила развод и с детьми жила отдельно [51, л. 568–568 об. с. 327]. По крайней мере, имеющиеся в нашем распоряжении данные говорят об автономности существования Алены с детьми от мужа⁵⁸. В 1625 г. обвинения Артемия в пьянстве были повторены⁵⁹.

Его сыновья с 25 марта 1629 г. значатся в стольниках. Однако после 1630 г. также исчезают из документов [60, с. 264, 337]. Федор Артемьевич вновь появляется на страницах боярских списков с 1634 по 1649 г. [12, с. 313; 28, л. 214. с. 46]. Он женат на дочери князя Ивана и княгини Марии Петровны Бабичевых [29, л. 110, 204, 320, 446. с. 256, 289, 332, 373]. Его супруга приходилась родной племянницей князя Василия Петровича Ахамашукова-Черкасского [29, л. 138. с. 266]. В таком случае Мария являлась дочерью князя Петра Ивановича Ахамашукова-Черкасского. У Федора был сын Иван. Стряпчий с 1675 г, стольник в 1685 г. [5, с. 469].

В 1710 г. отмечены три родных брата, дети Ивана Федоровича, имевшие поместья в сельце Неронове Ярославского уезда: Федор (1665 г.), женат на Марии Васильевне (1663 г.р.), бездетны; поручик Алексей (1670 г.р., по другим данным 1667 г.), женат на Авдотье Афанасьевне (1667 г.р.), в первом браке за Федором Шестаковым; Иван (1680 г.р.), холост, служит в Ростовском полку. У Алексея отмечены дети: сын Федор (1700 г.р.) и падчерица Марфа Федоровна Шестакова (1694 г.р.)⁶⁰. О службах Алексея нам известно следующее. В 1707 г. из «житья» его определили в прапорщики в полк (батальон) майора Жедринского. Послан в Сумы, где назначен в полк полковника Урна. Участвовал в Полтавском сражении, после чего пожалован в поручики. В 1711 определен в полк полковника В. фон Деллена. С 1712 по 1719 гг. в полку полковника и коменданта П.В. Измайлова [52, с. 1121].

У Михаила Артемьевича известно трое сыновей. Лев как комнатный стольник царя Ивана Алексеевича упоминается с 1685/86 г. [5, с. 469]. В ноябре 1696 г. его планировалось отправить за границу учиться корабельному делу [19, с. 366]. Не позднее 1709 г. он отмечен как капитан пехотного Воронежского полка. Умер не ранее 1721 г.⁶¹. Его дочь Софья (? – 1712), по некоторым данным, замужем за капитаном (из комнатных стольников) Федором Алексе-

⁵⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1624 г. Д. 7.

⁵⁶ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1629 г. Д. 2. Л. 31.

⁵⁷ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 59. Л. 82.

⁵⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 22. Л. 66–69.

⁵⁹ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1625 г. Д. 2.

⁶⁰ РГАДА. Ф. 1209 (Поместный приказ). Оп. 1. Д. 579. Л. 58–58 об.

⁶¹ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=295

евичем Соковниным [97]. Второй сын, стольник Афанасий, упоминается на страницах боярских книг с 1685/86 по 1691/92 гг. [5, с. 469]. Последний раз встречается в боярском списке 1704 г.⁶² Однако в 1710 г. отмечен как обер-комендант «в Володимере, в Юрьеве Польском, в Луху, в Шуге». Погребен 23 марта 1746 г. в Спасском монастыре в Ярославле в возрасте 80 лет [40, с. 7]. Третий сын – Семен. Жилец Семен Михайлович известен в боярских списках 1712 и 1713 гг., капитан «в генеральстве Н.И. Репнина»⁶³. В 1721 г. его скрепа стоит на книге постановлений Ярославского городского магистрата [87, с. 198. № 1079]. Известна его «сказка» о службах. По ней он якобы родился в 1674 г. В 1700 г. определен из стольников в поручики пехотного Бутырского полка. С 1702 г. адъютант кн. Репнина. В 1705 г. определен квартирмейстером в Тобольский полк. В 1709 г. из Польши отпущен за болезнью. В 1714 г. определен к послу в Польшу кн. Г.Ф. Долгорукову. 15.03.1720 г. определен в Ярославль, в надворный суд [54, с. 2104–2105]. Погребен 23 марта 1746 г. в Спасском монастыре в Ярославле в возрасте 80 лет [40, с. 7]. Возможно, что Семен и Афанасий были двойняшками.

Таблица №3.

Аксар условно принимается нами за внука Саид-Ахмеда бин Мусы

* * *

В 1630-х гг. отмечена вдова некоего Сафаралея (Сафар-Али) мирзы Арасланова (Арсланова, Урусланова) сына Шейдякова⁶⁴. По другим документам нам становится известно имя вдовы – Бохты-ханьш (Бохлы-ханьш), дочь царевича Сеиткула (Сеит-Кула)⁶⁵. Возможно из казахских Чингизидов. В документах упоминается тетка касимовского царя из казахских царевичей Бохты Сеиткулова дочь Шепелева (известен казахский царевич Сеит-Кул сын Шигай

⁶² Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=2631

⁶³ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=10807; РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 579. Л. 88–89.

⁶⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1636 г. Д. 7. Л. 4; Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 59. Л. 74–82.

⁶⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1649 г. Д. 7. Л. 1, 3; 1659 г. Д. 6. Л. 1–3; 1640 г. Д. 3. Л. 15.

хана) [92, № 40. С. 47–48; 16; 37, № 8. С. 11–12]⁶⁶. Но в одном из документов Бохты называет себя сестрой казахского царевича, в последующем касимовского царя Ураз-Мухаммеда бин Ондана. По нашему мнению, ее все же следует считать теткой касимовского царя. В «сестру» она превратилась исключительно благодаря особенностям приказного языка. В данном случае «сестра» или же «сестры», это женский род обращения «моей братье», что далеко не всегда указывает на родственные отношения. Таким образом «сестры» – это только указание на общее происхождение, из казахских Чингизидов. В деле о назначении ей поденного корма также отмечается двойное написание имени ее тестя – Арслан и Излам (Ислам?)⁶⁷. Здесь же указан факт испомещения мирзы Сафаралея в Юрьев-Польском не позднее 1606/7 г. При этом содержащаяся в документе фраза позволяет перенести выезд на еще более ранний срок: «А покаместа он был не испомещен, и ему поденный корм и питье давали ис Большого Приходу по памятем ис Посольского приказу»⁶⁸. Мы склонны отнести выезд мирзы в Россию на конец XVI в. В 1609 г. отмечается зять касимовского царя Ураз-Мухаммеда Сафар-Али мирза Изламов. По-видимому, это одно лицо с нашим героем [92, №XLVI. с. 52–53]. Мирзу убили 11 декабря 1610 г. в Калуге казаки в отместку за смерть Лжедмитрия II от рук князя Петра (Урака) Арасланеева (Джан-Арслан) сына Урусова [41, с. 175; 2, №307]⁶⁹. Но со слов вдовы и ее человека все было несколько по иному: «И Сафаралея де мурзу Шейдякова убили на государеве службе под Москвою литовские люди при царе Василье, как стоял в Тушине Вор»⁷⁰. По нашему мнению, в данном случае, правильнее доверять свидетельству романовских татар [41, с. 175; 2, №307]. Вскоре после завершения Смуты начинается «редактирование» действий отдельных ее участников с целью выставить себя в более выгодном свете перед царем Михаилом Федоровичем. Следует отметить еще одного Сафар-Али, известного в источниках начала XVII в. В жалованной грамоте от имени Лжедмитрия II Эль мирзе Юсупову отмечены его дети: Сююш (Суюс), Бай и Сафар-Али. Однако по другим источникам его детей звали Сююш, Бай, Чин и Козяк (Хозяк) [43; 79, с. 119, 380]⁷¹. Возможно, это упоминания об одном и том же человеке. Такое могло быть, если Эль женился на матери Сафар-Али Шейдякова. Однако для подтверждения данной гипотезы необходимы дополнительные архивные разыскания. Пока же мы имеем слишком много допущений и браков. Точно известно, что после Смутного времени вдова со своими людьми проживала в Ярославле у своих сестер, вдов сибирского царевича Мухам-

⁶⁶ РГАДА. Ф. 122 (Киргиз-кайсацкие дела). Оп. 1. 1594 г. Д. 1.

⁶⁷ Данный факт еще ждет своей интерпретации. Как рабочую версию можно предположить усыновление Сафар-Али. В таком случае это имя отца и отчима. В подтверждение наших построений приведем пример из родословия ногайских мирз, хранящегося в Посольском приказе. В нем среди детей Асана бин Тинбая отмечен Ян-Мамет мирза, при этом о нем сказано, что он Абдул мирзин сын [РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 4].

⁶⁸ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 59. Л. 77–82.

⁶⁹ Не была ли мать Сафар-Али вторым браком за Джан-Арсланом бин Урусом? По крайней мере данная гипотеза объясняет появление второго отчества и почему мирза в конце 1610 г. оказался в Калуге.

⁷⁰ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 59. Л. 78.

⁷¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 13.

мед-Кула бин Ахмед-Гирея (Атауловича) и шамаршанского царевича Шейх-Мухаммеда бин Мухаммеда⁷².

* * *

В августе 1617 г. в Москву из г. Михайлова привезли татарских (ногайских) языков Бека (Батук?⁷³) мирзу Султанашева (Салтанашева) сына Шейдякова и еще 7 человек. В.В. Трепавлов так реконструирует его происхождение: Бек бин Султан (Султанаш) бин Касим бин Ислам-Газы бин Саид-Ахмед [88, с. 330]. Это представитель второй, так называемой малоногойской ветви Шейдяковых. Первое время он «сидел» и получал поденный корм в Разрядном приказе [75, стб. 670–672, 677]. В 1619/20 г. Бек крестился. Теперь он стал московским дворянином князем Леонтием Султанашевичем (Султанаш мирзин сын) Шейдяковым. Умер он в 1641/42 гг. [60, с. 37, 112, 200, 284, 362, 413, 474; 20, л. 170 об., с. 90; 4, с. 78; 28, л. 253. с. 58; 27, л. 28. с. 83]⁷⁴. Женат на Анне Васильевне, дочери князя Василия Петровича Ахамашуковича-Черкасского [55, с. 547]. Она в 1641/42 г. дала вклад по своему мужу в московский Симонов монастырь [4, л. 77 об., 86. с. 78]. В 1646 г. отмечена их дочь Анна [95, с. 107].

Вскоре после Леонтия крестилась вся его семья. Принял крещение и его брат Дмитрий. Однако произошло это, скорее всего, задолго до брата. Впервые он отмечен в Туле в 1613/14 г. [76, стб. 32–33]. А в 1616 г. Дмитрий вспоминал о своих поместном окладе и годовом денежном жаловании при Василии Шуйском [3, с. 139]. В августе 1621 г. по государственной грамоте он был отпущен из Кирилло-Белозерского монастыря в Москву [62, с. 211]. Что князь делал в монастыре, до конца не понятно. По-видимому, Дмитрий находился в обители под началом перед исправлением веры. Тогда же, в 1621 «за измену» его сослали в Устюг. Летом 1626 г. по челобитью князя его вернули в столицу [60, с. 37, 112, 200, 284, 362, 413, 474; 20, л. 170 об., с. 90; 77, с. 422–423]⁷⁵. В возвращении князя Дмитрия большую роль сыграл его брат князь Леонтий. Он в меру своих сил лоббировал данную идею в Москве. И перестарался. Для переезда опального князя следовало дважды найти поручителей по нем. Первый раз они должны были гарантировать его приезд в столицу, а второй раз поручались в том, что Дмитрию с Москвы «в Крым и в Ногаи, и в Немцы, и в Литву и в иные ни в которые государства не отъехать». Леонтий составил поручную запись, в которой говорилось о ручательстве от побега из России, и попросил подписать ее нескольких своих знакомых, сказав им, что в ней говорится о поручительстве за князя Дмитрия «в том, что ему ехать с Устюга до Москвы». Особую пикантность ситуации прибавлял тот факт, что в поручной записи предусматривалась достаточно суровое наказание для поручителей: «порутчиков смертью казнить». Именно на нее обратили свое внимание царь Михаил Федорович и патриарх Филарет. Дьяку Устюжской четверти Михаилу Смывалову было поручено провести дознание. Всех поручителей собрали в приказе и «не читаючи им записи в каком они деле по князе Дмитрие ручались и как к записи руки свои прикладывали». Те

⁷² РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 59. Л. 78.

⁷³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 17.

⁷⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1624 г. Д. 7. Л. 12; 1619 г. Д. 4.

⁷⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1624 г. Д. 7. Л. 12.

сознались что, не читая поручную запись, а ручались в том, что ему ехать с Устюга до Москвы. Прочитанная запись вызвала шок. Только Леонтий Шейдяков по-прежнему готов был ручаться за брата. Других желающих не нашлось. 25 октября 1626 г. Дмитрия с женой и людьми вновь отправили в Устюг. Здесь его поселили на том же «земском дворе», где он жил ранее. При этом воеводе особо было указано следить за его общением, в первую очередь с приезжими людьми. Пострадал и Леонтий: его на время арестовали («отдали за пристава»). В декабре 1632 г. Дмитрий просил разрешить поездку в столицу для своей жены и двоих сыновей (родились после 1626 г.) «помолиться... пречистые Богородицы Владимирской и московским чудотворцем Петру и Алексею и Ионе». Поездка, по-видимому, не состоялась. Осенью 1633 г. семью все же вернули в столицу. В январе 1634 г. князь Дмитрий был у государя у руки, что следует рассматривать как прощение⁷⁶. Не позднее 1637/38 г. его простили. Имя князя вновь встречается в боярских книгах [28, л. 253. с. 58]. 4 октября 1638 г. он дневал и ночевал на государеве дворе [78, с. 117]. В эпоху Смуты (боярский список 1606/7 г.) известен стольник князь Дмитрий Салтанаш мирзин сын Шейдяков [45, с. 134]. Таким образом, мы можем предположить, что Дмитрий впервые выехал еще на рубеже XVI–XVII вв. После 1614/15 г. он бежал⁷⁷. Однако через некоторое время решил вернуться. Но теперь его на всякий случай отправили подальше от границы под надзор. Хотя это могло быть и тюремное заключение. В таком случае это был не добровольный выход, а пленение. Женат на сестре Василия Алексеевича Третьякова [85, с. 109], Татьяне Алексеевне – дочери Алексея Фомича Третьякова-Ховрина [33, с. 524; 56, с. 233, 336]. В боярских списках с 1647 по 1667 гг. отмечается стольник Борис Дмитриевич Шейдяков [12, с. 311]. В боярских книгах он известен с 1657/58 г. по 1685/86 гг. [5, с. 469]. Это сын князя Дмитрия. Второй ребенок, возможно, умер в детстве. В таком случае стольник Иван Борисович (1685/86 – 1691/92 гг.) и стряпчий Федор Борисович (1691/92 г.) – это внуки князя Дмитрия [5, с. 469–470]. Иван в 1700 г. «за воровство (убийство – А.Б.) казнен смертью, повешен»⁷⁸. Как мы видим, беспокойный нрав не был редкостью в этой семье. Федор 16 мая 1703 г. отставлен по старости, умер в 1705 г.⁷⁹ У Леонтия и Дмитрия известен еще один брат Хан. В.В. Трепавлов предполагает, что стольник Григорий Ханмурзич, упоминаемый в 1685–1692 гг., это его сын [88, с. 330]. Григорий умер в 1704 г.⁸⁰ Его жену звали Марфа Жан (Джан?) мирзина дочь, 1645 г. рождения. Детей у них не было⁸¹. По другим сведениям у Хана имелся еще и сын Борис,

⁷⁶ РГАДА. Ф. 141. Оп. 1. 1626 г. Д. 58.

⁷⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1621 г. Д. 12. Л. 1.

⁷⁸ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=2520

⁷⁹ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=7765;
http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=8357;
http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=16810

⁸⁰ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=5889

⁸¹ РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 579. Л. 57 об.

родившийся около 1657 г. и живший еще в 1710 г. Его жену звали Марфа Федоровна, 1680 г. рождения. Детей у них не было⁸².

Можно выделить еще одну веточку данного рода. Белек (Белек-Темир⁸³) Наврузов сын, казыевец князь Касаевы половины Исламова, попал в плен в 1633/34 г. по время похода на Казыев улус окольничего князя Петра Федоровича Волконского. После этого его посадили в Астрахани на малый аманатский двор. В апреле 1650 г. он бил челом о крещении в православную веру. Для этого мирзу отправили в Москву. Здесь он стал князем Федором⁸⁴. Федор Навруй (Навруз) мирзин сын пожалован в стряпчие 28 апреля 1654 г. Известен до 1667 г. [12, с. 312]. Редкое отчество позволяет нам предположить, что это внук бия Казыева улуса Касима (Касая) бин Ислам-Газы. В таком случае это двоюродный брат Леонтия и Дмитрия Султанашевых.

Известно дело 1637/38 г., в котором некий Урак Казбулатов (Хаспулад) сын Шейдяков называет двух своих крещеных братьев – Степана и Исака (Исай). Документ интересен уже тем, что Урак просит поднять размер поденного корма Исака, который оказался в два раза ниже чем у Степана. В таком случае они все должны быть сыновьями Казбулата. У Степана в этих же документах отмечены жена и дети, у Исака – только супруга⁸⁵. Урак также должен приходиться внуком Касиму бин Ислам-Газы⁸⁶.

Известны иные упоминания неких Степана и Исака Шейдяковых. Однако однозначно отождествлять их с вышеприведенными лицами сложно. Московский дворянин князь Степан Сулейман мирзин сын известен в 1649/50 г. [12, с. 312]. Однако сохранилось дело 1636 г., в котором вдова князя Максима Смайлєва Фетинья просит деньги «на свадьбу приданного для» со Степаном Шейдяковым⁸⁷. Если это одно лицо, то где же он находился без малого 15 лет? К тому же мы имеем два разных отчества – Казбулатович и Сулейманович. Здесь следует добавить, что в 1638 г. значится как московский дворовладелец (дворянин по московскому списку?) князь Степан Клеменов Шейдяков [58, стб. 133]. Без дополнительной информации разобраться с этими известиями на данный момент не представляется возможным. Хотя в переписной книге г. Москвы 1638 г. многие имена искажены, и «Сулейман» вполне мог превратиться в «Клемена». По крайней мере данные слова созвучны. Как пример, можем привести искажение в этом же источнике еще одного отчества Шейдяковых – Федор Еналей (Еналеев сын) превратился в Федора Елмашеева. В 1646 г. в Клинском уезде известен помещик Семен Степанов сын Шейдяков [48, № 5684/53, с. 135]. По-видимому, это сын Степана Сулейманова сына.

Дворянин московский князь Исай Чегорда мирзин сын Шейдяков известен с 1649 г. В 1659 г. он убит под Быховом [12, с. 312]. По-видимому, на самом деле князь попал в Россию значительно раньше. Известно, что в 1635/36 г. Исай Шейдяков сговорил жениться на дочери Урака мирзы Тин-

⁸² РГАДА. Ф. 1209. Оп. 1. Д. 579. Л. 57 об.

⁸³ РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 18.

⁸⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1646 г. Д. 4.

⁸⁵ РГАДА. Ф. 138. Оп. 1. 1634 г. Д. 9. Л. 161–165, 181–184.

⁸⁶ РГАДА. Ф. 127. Оп. 2. Д. 32. Л. 2, 19.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1635 г. Д. 3. Л. 1–2.

маметева Ульяне⁸⁸. Иных Исаев (Исаков) нам неизвестно. Позднее мы встречаем его сына Петра. В 1680/81 г. он стряпчий, в 1691/92 г. – стольник [88, с. 331]. В боярских списках упоминается до 1721 г.⁸⁹

В настоящий момент мы можем только предположить близкое родство упомянутых князей. По логике все они приходятся внуками все тому же бию Касиму бин Ислам-Газы.

Следует остановиться еще на одной странности в статусе этих лиц – крещенные мангытские мирзы попадают на страницы боярских книг и боярских списков с очень большой задержкой. Хотя по принятию православия они автоматически наряду с княжеским достоинством должны были жаловаться в дворяне по московскому списку или же в стольники. Можно предположить, что они после крещения продолжали длительное время проживать в Астрахани. На вступление же в состав государева двора могли рассчитывать исключительно лица, попавшие из Астрахани в Москву.

Таблица №4.

Малоногайская ветвь князей Шейдяковых, потомки Саид-Ахмеда бин Мухаммеда

⁸⁸ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1636 г. Д. 4. Л. 1–3.

⁸⁹ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1659

* * *

Помимо мирз/князей Шейдяковых, в той или иной мере встраиваемых в единые генеалогические схемы, известны отдельные представители рода, точные родственные связи которых установить на данное время не представляется возможным. Среди нижеследующих Шейдяковых, однозначно, в своем большинстве находятся мирзы Казыева улуса.

* * *

В 1614/15 г. крестили Дивея (Семена) мирзу Шейдякова, который позднее «побежал» с князем Дмитрием [Султанашевым сыном] Шейдяковым⁹⁰. Вскоре его смогли пленить. Опальный князь был сослан в Устюг. Там он, по-видимому, и умер до 29 марта 1621 г. На его похороны «и на полусорочины, и на сорочины» 4 рубля, по церквям на молебны городские власти дали 4 рубля [63, с. 390–391].

* * *

В 1621/22 г. в Новодевичем монастыре находилась под началом жена некоего князя Андрея Шейдякова княгиня Александра (?)⁹¹. С высокой долей вероятности, это супруга крещенного тогда же (1622/23 г.) Дин-Али (Тинилей) Шейдякова [88, с. 331; 73, стб. 280]. Некая путаница в датах нас не должна смущать. В своем подавляющем большинстве эти сведения сохранились в составе более поздних справок. При очередном переписывании документа могли допустить опisku. Такое не редко встречается в документах Посольского приказа XVII в. Других сведений о нем обнаружить не удалось. По-видимому, он вскоре умер. В боярской книге 1658 г. известен дворянин московский князь Семен Андреевич [21, л. 374, с. 199]. Является ли он сыном Андрея (Дин-Али), мы однозначно сказать не можем. Против этого, в частности, говорит то, что в таком случае Семену в момент его первого упоминания должно быть около 40 лет. Не является ли это опиской?

* * *

Женой Урака мирзы Тинмаметева была княгиня Авдотья (в крещении) Касаева княжая дочь⁹². По-видимому, это дочь бия Малой Ногайской Орды (Казыев улус) Касима (Касая) бин Ислам-Гази бин Саид Ахмеда [89, с. 388].

* * *

Шейдяков Солох мирза Такаев (Токаев) сын, пленен в сентябре 1637 г. в Новосильском уезде во время очередного крымского набега на русские окраины [74, стб. 673]. Был допрошен с применением пытки [72, с. 319–321]. В 1639/40 г. он принимает православие с именем Иван⁹³. Под 1646 г. встречаем запись о смерти московского дворянина князя Ивана Токай мирзина сына [12,

⁹⁰ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1621 г. Д. 12. Л. 1.

⁹¹ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1624 г. Д. 2.

⁹² РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1641 г. Д. 1. Л. 10–11.

⁹³ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 24, 27.

с. 312]. В 1648/49 г. крестится некто Кочюк (Дмитрий) Токаев (его брат?)⁹⁴. В 1646 г. в Суздальском уезде отмечена вдова Аграфена Такаева [95, с. 107].

* * *

Московский дворянин Шейдяков Дмитрий Сатый (Сатаевич) мирзин известен с 1653/54 г. по 1664/65 гг. [21, л. 260 об., 360 об., с. 149, 191; 12, с. 312], хотя выехал в 1648/49 г. Тогда же сговорился жениться на дочери вдовы Марии, Ивановой жены Милюкова⁹⁵. 10 июня 1679 г. его вдова (второй брак?), Ирина Васильевна, сделала вклад в 100 рублей в Троице-Сергиев монастырь. За это Дмитрия погребли в монастыре, а его имя вписали в синодик на вечное поминовение [25, с. 283].

* * *

В 1689/90–1691/92 гг. отмечен стольник Григорий Толбундинов Шейдяков [5, с. 469]. Упоминается в боярских списках до 1721 г.⁹⁶

* * *

Всего в 1700 г. по «сказкам» Генерального двора одновременно проживало 10 мужчин князей Шейдяковых [31, с. 37, 88]. В следующие несколько десятилетий их число резко сокращается. Они практически исчезают со страниц документов. Однако порой можно встретить упоминание отдельных анонимных представителей рода. Так, в 1742 г. некий князь Шейдяков сидел под арестом в Москве в Сыском приказе в Большом остроге и говорил за собой «слово и дело» государево [1, с. 334–335].

* * *

Это все князья и мирзы Шейдяковы, которых нам удалось обнаружить в России второй половины XVI – начала XVIII вв. Отметим, что мы не рассматривали их родственников, проживавших в Астрахани или же кочевавших вблизи города. Не ставили мы своей задачей и поиск всех представителей рода в XVIII в. Возможно, здесь еще могут быть отдельные находки. В конце XVIII в. князья Шейдяковы окончательно сходят со сцены истории. Причина столь быстрого угасания рода в начале XVIII в. непонятна. Со временем, возможно, нам удастся раскрыть эту загадку. Пока же отметим только одно наблюдение. И во второй половине XVI в., и на рубеже XVII – XVIII вв. мирзы/князья Шейдяковы не были бездетными. У них отмечаются дочери. Похоже здесь, отчасти, и кроется разгадка затухания рода. Женщины по вступлению в брак не сохраняли родовые прозвища. Со временем, быть может, нам удастся уточнить отдельные фрагменты их генеалогии. В частности, установить происхождение ряда князей Шейдяковых, имена их жен и дочерей. Однако кардинальные изменения в общей картине, с имеющейся в нашем распоряжении источниковой базой, пожалуй, вряд ли возможно.

⁹⁴ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1650 г. Д. 1. Л. 7.

⁹⁵ РГАДА. Ф. 131. Оп. 1. 1649 г. Д. 4.

⁹⁶ Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl?action=people_id&id=1618

Следует остановиться на статусе мирз и князей Шейдяковых в России. В XVI в. они пользовались наивысшим почетом. Об этом в первую очередь свидетельствуют заключаемые ими браки. В этот период фиксируются исключительно выходцы из Большой Ногайской Орды. Если бы в XVII в. в Московском государстве остались их потомки мужского пола, то они бы имели все шансы попасть в Боярскую думу. Их родственники, фиксирующиеся в России первой половины XVII в., оказались в принципиально ином положении. Постоянные кризисы, ослаблявшие Большую Ногайскую Орду, привели к тому, что статус мангытских выходцев постепенно стал падать. Измены эпохи Смуты отдельных представителей рода заставили московские власти относиться подозрительно ко всем представителям клана. К тому же для карьерного роста требовалось обязательное крещение. Большинство представителей Шейдяковых шли на данный шаг только в крайнем случае. Как следствие, по отношению к представителям этой «семьи» сформировалось определенное предубеждение. К примеру, несмотря на родство со многими видными фамилиями, они не назначались на административные должности. А вот среди знатных служилых татар, оставшихся верными исламу, Шейдяковы сохранили высокий статус. Они стали практически монопольными претендентами на браки с дочерьми и вдовами служилых Чингизидов. Выходцы из Казыева улуса (Малая Ногайская Орда) изначально пользовались меньшим почетом. Но постепенно статус двух родов начал сближаться. Во второй половине XVII в. это произошло окончательно. Теперь Шейдяковы становятся одним из многих служилых родов. В Думу попасть им так и не удалось. Их оттеснили более удачные роды. На рубеже XVII – XVIII вв. ситуация меняется еще раз. У князей Шейдяковых был еще один шанс сделать карьеру в условиях петровских реформ. Но ни первый, ни второй род не смогли выдвинуть видного администратора или же талантливого военачальника. К тому же разросшиеся семьи начинают терять одну за другой свои ветви. Только одну линию удастся зафиксировать до конца XIX в. Но к этому времени об их былом величии говорило только княжеское достоинство. Да и к какой-либо службе Шейдяковы с XVIII в. и не тянулись. Хотя отдельные шансы для карьеры им, похоже, предоставлялись. С какого-то момента жизнь простого помещика им становилась милее.

Во многом судьба рода оказалась типичной для всех знатных тюркских выходцев в России. Для успешной карьеры требовался обязательный переход в православие. Не меньшее влияние оказывал правильный брак. Родственники жены обеспечивали вхождение в круг первостепенной знати и могли влиять на получение видных служебных назначений. Это работало в XVI – первой трети XVII вв. В дальнейшем ситуация кардинально меняется. К концу XVII в. статус ногайских мирз претерпел значительную девальвацию. Те, кто вовремя не крестился, уже не могли рассчитывать на большое материальное содержание. Статус брачных партнеров также понижался. Поэтому они не могли рассчитывать на высокое положение в высшей служилой страте. Негативно сказались и истории с попытками их отъезда из России. Подозрительное отношение к ним держалось очень долго. К петровскому времени Шейдяковы растворились среди многочисленных стольников и дворян по московскому списку и не могли попасть в число первостатейной московской знати. Среди князей из выезжих мангытов они уступили пальму первенства Юсуповым и Урусовым.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акельев Е.В.* Повседневная жизнь воровского мира во времена Ваньки Каина. М.: Молодая гвардия, 2012. 437 с.
2. Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею. СПб.: Типография II-го Отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1841. Т. II. 482 с.
3. Акты Московского государства. СПб.: Типография Императорской академии наук, 1890. Т. I.: Разрядный приказ. Московский стол. 1571–1634. 802 с.
4. *Алексеев А.И., Маштафаров А.В.* Вкладная и кормовая книга Московского Симонова Монастыря // Вестник церковной истории. 2006. № 3. С. 5–184.
5. Алфавитный указатель фамилий и лиц, упоминаемых в Боярских книгах. М.: Типография И. Селивановского, 1853. 498 с.
6. *Антонов А.В.* Землевладельцы Романовского уезда по материалам писцовой книги 1593–1594 годов // Архив русской истории. М.: Древлехранилище, 2007. Вып. 8. С. 574–601.
7. *Антонов А.В.* Частные архивы русских феодалов XV – начала XVII века // Русский дипломатарий. М.: Древлехранилище, 2002. Т. 8. 656 с.
8. *Анхимюк Ю.В.* Частные разрядные книги с записями за последнюю четверть XV – начало XVII веков. М.: Древлехранилище, 2005. 464 с.
9. *Атыгаев Н.А.* Казахские женщины при дворах иностранных правителей // Электронный научный журнал «edu.e-history.kz» № 1(09) [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://edu.e-history.kz/ru/publications/view/645> (дата обращения: 10.01.2020)
10. *Башин Н.В., Корзинин А.Л.* Новые данные к биографии опричника Малюты Скуратова // Российская история. 2017. № 2. С. 172–188.
11. *Белокуров С.А.* Разрядные записи за Смутное время (7113–7121 гг.) М.: Тип. Штаба Московского военного Округа, 1907. 343 с.
12. *Белоусов М.Р.* Боярские списки 1645–1667 гг. как исторический источник. Казань: Институт истории АН РТ, 2008. Т. I. 316 с.
13. *Беляков А.В.* Араслан Алеевич – последний царь касимовский // Рязанская старина. 2004–2005. Рязань: Край, 2006. Вып. 2–3. С. 8–30.
14. *Беляков А.В.* Исинеи Карамышев сын Мусайтов. Неизвестный герой Смутного времени // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2012. №6. Ч. 3. С. 82–87.
15. *Беляков А.В.* Канбаровы (Камбаровы) в Московском государстве XVI–XVII вв. // Средневековые тюрко-татарские государства. 2017. № 9. С. 15–20.
16. *Беляков А.В.* Ураз-Мухаммед ибн Ондан // Мининские чтения: 2006. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2007. С. 29–60.
17. *Беляков А.В.* Царицы сибирские // Золотоордынское обозрение. 2019. Т. 7, №2. С. 372–391. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391
18. *Беляков А.В.* Чингисиды в России XV–XVII веков: просопографическое исследование. Рязань: Рязань. Мир, 2011. 512 с.
19. *Богословский М.М.* Петр I: материалы для биографии. Л.: Гос. соц.-экон. изд., 1940. 435 с.
20. Боярская книга 1639 г. М.: ИРИ РАН, 1999. 264 с.
21. Боярская книга 1658 г. М.: ИРИ РАН, 2004. 333 с.
22. Боярские списки XVIII века [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl>
23. *Быкова Т.А.* Описание изданий, напечатанных кириллицей. 1689 – январь 1725 г. М., Л.: Изд-во Акад. наук СССР, 1958. 403 с.
24. *Вельяминов-Зернов В.В.* Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1864. Ч. 2. 520 с.
25. Вкладная книга Троице-Сергиева монастыря. М.: Наука, 1987. 439 с.

26. Выписка из посольских книг о сношениях Российского государства с Польско-Литовским за 1547–1572 гг. // Памятники истории Восточной Европы. М.; Варшава: Археографический центр, 1997. Т. II. 330 с.
27. Горбатов Е.Н. «Наличный» боярский список 1624 года // Российская генеалогия: научный альманах. М.: Старая Басманная, 2018. Вып. 3. С. 71–102.
28. Горбатов Е.Н. «Подлинные» боярские списки 1637/38 года // Российская генеалогия: научный альманах. М.: Старая Басманная, 2019. Вып. 5. С. 41–113.
29. Горбатов Е.Н. Отпускные челобитные служилых людей 1626–1629 годов // Очерки феодальной России. М., СПб.: Альянс-Архео, 2013. Вып. 17. С. 213–396.
30. Горский А.В. Историческое описание Свято-Троицкой Сергиевы лавры. М.: Общество истории и древностей российских при Московском университете, 1890. Ч. II. 117 с.
31. Дворянство России и его крепостные крестьяне. XVII – первая половина XVIII в. М.: Институт истории СССР, 1989. 181 с.
32. Дирин П.П. История лейб-гвардии Семеновского полка. СПб.: Тип. Эдуарда Гоппе, 1883. Т. II. 515 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.lgsp.petrobrigada.ru/Dirin/index.html> (дата обращения: 10.01.2020)
33. Записные вотчинные книги Поместного приказа 1626–1657 гг. М.: Древлехранилище, 2010. 1660 с.
34. Захаров А.В. Государев двор Петра I: публикация и исследование массовых источников разрядного делопроизводства. Челябинск: Изд-во Челябинского гос. ун-та, 2009. 447 с.
35. Зимин А.А. В канун грозных потрясений. М.: Мысль, 1986. 331 с.
36. Источники по социально-экономической истории России XVI–XVIII вв. Из архива Московского Новодевичьего монастыря. М.: Институт истории СССР, 1986. 362 с.
37. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Алма-Ата: АН Казахской ССР, 1961. Т. 1. 741 с.
38. Кобрин В.Б. Опричнина. Генеалогия. Антропонимика. М.: РГГУ, 2008. 369 с.
39. Космовская А.А. Воеводское управление в Пермском Прикамье в конце XVI – XVII вв.: диссертация ... кандидата исторических наук. Пермь, 2015. 254 с.
40. Лествицын В. Надгробные надписи Спассо-Ярославского монастыря. Ярославль: Типография Губернской земской управы, 1877. 22 с.
41. Мархоцкий Н. История Московской войны. М.: РОССПЭН, 2000. 222 с.
42. Месяцеслов с росписью чиновных особ в государстве на лето от Рождества Христова 1779. СПб.: Имп. Академия наук, 1779. 444 с.
43. Моисеев М.В. К истории землевладения рода Юсуповых в начале XVII века // Русский Дипломатический. М.: Древлехранилище, 2004. С. 197–202.
44. Московский некрополь. М.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. Т. 3. 446 с.
45. Народное движение в России в Эпоху Смуты начала XVII века, 1601–1608. М.: Наука, 2003. 491 с.
46. Ногайские книги по связям России с Ногайской Ордой. 1551–1561 гг. Казань: Татарское книжное издательство, 2006. 391 с.
47. Обзор посольских книг из фондов – коллекций хранящихся в ЦГАДА (Конец XV – начало XVIII в.). М.: Институт истории СССР, 1990. 240 с.
48. Описание грамот Коллегии Экономии. М.: Древлехранилище, 2018. Т. II. 1394 с.
49. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: Типография Императорского Московского университета. 1908. Кн. 15. 355 с.
50. Описание документов и бумаг, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М.: Типо-литография товарищества Кушнерев и К^о, 1903. Кн. 13. 320 с.

51. Описание архива Посольского приказа 1626 г. М.: Главное архивное управление при СМ СССР, 1977. 416 с.
52. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Гарнизонные войска. М.: Старая Басманная, 2016. Т. II. 1731 с.
53. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. М.: Старая Басманная, 2017. Т. I. 1292 с.
54. Офицерские сказки первой четверти XVIII века. Отставные и заполошные чины. М.: Старая Басманная, 2017. Т. II. 1412.
55. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. I. 784 с.
56. Павлов А.П. Думные и комнатные люди царя Михаила Романова: просопографическое исследование. СПб.: Дмитрий Буланин, 2018. Т. II. 624 с.
57. Памятники истории русского служилого сословия. М.: Древлехранилище, 2011. 556 с.
58. Переписная книга г. Москвы 1638 г. М.: Типография М.П. Щепкина, 1881. 172 с.
59. Писцовые книги Московского государства. Ч. 1: Писцовые книги XVI века, отделение 1: Местности губерний Московской, Владимирской и Костромской. СПб.: Типография Второго отделения Собственной Е. И. В. канцелярии, 1872. 924 с.
60. «Подлинные» Боярские списки 1626–1633 годов. М.: Древлехранилище 2015. 736 с.
61. Посольская книга по связям Московского государства с Крымом. 1567–1572 гг. М.: Фонд «Русские витязи», 2016. 400 с.
62. Приходные и расходные денежные книги Кирилло-Белозерского монастыря 1601–1637 гг. М.: Альянс-Архео, 2010. 756 с.
63. Приходо-расходные книги московских приказов 1619–1621 гг. М.: Наука, 1983. 479 с.
64. Разрядная книга 1475–1598 гг. М.: Институт истории СССР, 1966. 614 с.
65. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт истории СССР, 1982. Т. II. Ч. 2.
66. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт истории СССР, 1982. Т. II. Ч. 3.
67. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт истории СССР, 1982. Т. III. Ч. 1.
68. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт истории СССР, 1987. Т. III. Ч. 2.
69. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт истории СССР, 1989. Т. III. Ч. 3.
70. Разрядная книга 1475–1605 гг. М.: Институт истории РАН, 1994. Т. IV. Ч. 1.
71. Разрядная книга 1550–1636 гг. М.: Институт истории СССР, 1975. Т. I. 430 с.
72. Разрядная книга 1598–1638 гг. М.: Институт истории СССР, 1974. 398 с.
73. Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Ф.Г. Елковского и К^о, 1884. Т. VIII. 700 с.
74. Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1875. Т. II. 656 с.
75. Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Сенатская типография, 1910. Т. 27. 660 с.
76. Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Синодальная типография, 1912. Т. 28. 520 с.
77. Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1884. Т. 9. 668 с.
78. Русская историческая библиотека издаваемая Археографическою комиссиею. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1886. Т. X. 600 с.
79. Русский архив Яна Сапеги 1608–1611 годов. Текст, переводы, комментарии. Волгоград: Издательство Волгоградского фил. ФГБОУ ВПО РАНХиГС, 2012. 687 с.
80. Сахаров И.П. Кормовая книга Кирилло-Белозерского монастыря // Записки отделения русской и славянской археологии императорского Археологического общества. СПб., 1851. Т. I. Отд. 3. С. 46–139.

81. *Серод Д.А.* Фискальская служба и прокуратура России первой трети XVIII в.: диссертация ... доктора исторических наук. Екатеринбург, 2010. 446 с.
82. *Соловьев С.М.* Сочинения. М.: Мысль, 1991. Т. VII. 701 с.
83. Список погребенных в Троицкой Сергиевой Лавре от основания оной до 1880 года. Репринтное воспроизведение издания 1880 г. Н. Новгород: Нижегородская историко-этнологическая лаборатория, 2012. 124 с.
84. *Станиславский А.Л.* Труды по истории государева двора в России XVI–XVII веков. М.: РГГУ, 2004. 505 с.
85. *Стрельников С.В.* Землевладение в Ростовском крае в XIV – первой трети XVII века. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 358 с.
86. *Сухотин Л.М.* Четвертки Смутного времени (1604–1617 гг.). М.: Общество истории и древностей российских при Московском Университете, 1912. 400 с.
87. *Титов А.А.* Рукописи славянские и русские принадлежащие И.А. Вахромееву. М.: Печатня А.И. Снегиревой, 1906. Вып. 5. 240 с.
88. *Трепавлов В.В.* История Ногайской Орды. Казань: Издательский дом «Казанская недвижимость», 2016. 764 с.
89. *Трепавлов В.В.* Российские княжеские роды ногайского происхождения (генеалогические истоки и ранняя история) // Тюркологический сборник: 2002: Россия и тюркский мир. М.: Восточная литература, 2003. С. 320–353.
90. *Тюменцев И.О.* Смута в России в начале XVII столетия: Движение Лжедмитрия II. Волгоград: Издательство Волгоградского государственного университета, 1999. 582 с.
91. *Фаизов А.В.* Преобразования высших органов государственной власти в России: 1725–1730. Диссертация кандидата исторических наук. Омск, 2008. 203 с.
92. Сборник князя Г.Д. Хилкова. СПб.: Типография братьев Пантелеевых, 1879. 629 с.
93. *Черкасова М.С.* Крупная феодальная вотчина в России конца XVI–XVII веков (по архиву Троице-Сергиевой Лавры). М.: Древлехранилище, 2004. 395 с.
94. *Черновская В.В.* Служилые татары в Центральной России в XVI–XVII веках (на примере Ярославля) // Средневековые тюрко-татарские государства. 2018. №10. С. 101–109.
95. *Шватченко О.А.* Светские феодальные вотчины в России во второй половине XVII века. М.: ИРИ РАН, 1996. 286 с.
96. *Шумаков С.А.* Тверские акты. Тверь: Типография Губернского Правления, 1896. Вып. 1. 196 с.
97. Rodovid. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ru.rodovid.org/wk/Запись:1047440> (дата обращения: 10.01.2020)

Сведения об авторе: Андрей Васильевич Беляков – доктор исторических наук, научный сотрудник Института российской истории Российской академии наук. (117292, ул. Дм. Ульянова, 19, Москва, Российская Федерация). E-mail: belafeb@gmail.com

Поступила 19.05.2020 Принята к публикации 31.08.2020
Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Akel'ev E.V. *Povsednevnyaya zhizn' vorovskogo mira vo vremena Van'ki Kaina* [Everyday Life of the Thieves' World during the Time of Van'ka Cain]. Moscow: "Young guard", 2012. 437 p. (In Russian)
2. *Akty istoricheskie, sobrannye i izdannye Arheograficheskoyu komissieyu* [Historical Acts Collected and Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Printing house of the Second Branch of the Imperial Chancellery, 1841. Vol. II. 482 p. (In Russian)
3. *Akty Moskovskogo gosudarstva*, T. I.: *Razryadnyy prikaz. Moskovskiy stol. 1571–1634* [Acts of the Moscow State, Vol. 1: Razryad Office. Moscow Department. 1571–1634]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1890. 802 p. (In Russian)
4. Alekseev A.I. and Mashtafarov A.V. Vkladnaya i kormovaya kniga Moskovskogo Simonova Monastyrya [Insert and feed book of the Moscow Simonov Monastery]. *Vestnik tserkovnoy istorii* [Bulletin of Ecclesiastical History]. 2006, no. 3, pp. 5–184. (In Russian)
5. *Alfavitnyy ukazatel' familiy i lits, upominaemykh v Boyarskikh knigakh* [Alphabetical Index of Surnames and Persons Mentioned in the Boyar Books]. Moscow: Printing house of I. Selivanovskiy, 1853. 498 p. (In Russian)
6. Antonov A.V. Zemlevladel'tsy Romanovskogo uezda po materialam pistsovoy knigi 1593–1594 godov [Landowners of the Romanovsky district based on materials from the scribe book of 1593–1594]. *Arkhiv russkoy istorii* [Archive of Russian History]. Moscow: "Archives", 2007, iss. 8, pp. 574–601. (In Russian)
7. Antonov A.V. Chastnye arhivy russkikh feodalov XV – nachala XVII veka [Private archives of Russian feudal lords from the fifteenth to early seventeenth centuries]. *Russkiy diplomatiy* [Russian Diplomatarium]. Moscow: "Archives", 2002. Vol. 8. 656 p. (In Russian)
8. Anhimyuk Yu.V. *Chastnye razryadnye knigi s zapisyami za poslednyuyu chetvert' XV – nachalo XVII vekov* [Private Razryad Books with Records from the last quarter of fifteenth to beginning of seventeenth centuries]. Moscow: "Archives", 2005. 464 p. (In Russian)
9. Atygaev N.A. Kazahskie zhenshchiny pri dvorah inostrannykh praviteley [Kazakh women at the courts of foreign rulers]. *Elektronnyy nauchnyy zhurnal "edu.e-history.kz"* [Electronic scientific journal "edu.e-history.kz"]. No. 1(09). (In Russian)
10. Bashnin N.V. and Korzinin A.L. Novye dannye k biografii oprichnika Malyuty Skuratova [New data on the biography of the oprichnik Malyuta Skuratov]. *Rossiyskaya istoriya* [Russian history]. 2017, no. 2, pp. 172–188. (In Russian)
11. Belokurov S.A. *Razryadnye zapisi za Smutnoe vremya (7113–7121 gg.)* [Razryad Records for the Time of Troubles (7113–7121)]. Moscow: Printing house of the Headquarters of the Moscow Military District, 1907. 343 p. (In Russian)
12. Belousov M.R. *Boyarskie spiski 1645–1667 gg. kak istoricheskiy istochnik* [Boyar Lists for 1645–1667 as a Historical Source]. Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2008. Vol. I. 316 p. (In Russian)
13. Belyakov A.V. Araslan Aleevich – posledniy tsar' kasimovskiy [Araslan Aleevich: The last king of Kasimov]. *Ryazanskaya starina. 2004–2005* [Ryazan Antiquity. 2004–2005]. Ryazan: "Kray", 2006, iss. 2–3, pp. 8–30. (In Russian)
14. Belyakov A.V. Isiney Karamyshev syn Musaitov. Neizvestnyy geroy Smutnogo vremeni [Isinei Karamyshev son of Musait. Unknown hero of the Time of Troubles]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo* [N.I. Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod]. 2012, no. 6, part 3, pp. 82–87. (In Russian)
15. Belyakov A.V. Kanbarovy (Kambarovy) v Moskovskom gosudarstve XVI–XVII vv. [The Kanbarovs (Kambarovs) in the Moscow state of the sixteenth and seventeenth centuries]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2017, no. 9, pp. 15–20. (In Russian)

16. Belyakov A.V. Uraz-Muhammed ibn Ondan [Uraz-Muhammad ibn Ondan]. *Mininskie chteniya: 2006* [The Minin Readings: 2006]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod University Press, 2007, pp. 29–60. (In Russian)
17. Belyakov A.V. Tsaricy sibirskie [Siberian queens]. *Zolotoordynskoe obozrenie = Golden Horde Review*. 2019, vol. 7, no. 2, pp. 372–391. DOI: 10.22378/2313-6197.2019-7-2.372-391 (In Russian)
18. Belyakov A.V. *Chingisidy v Rossii XV–XVII vekov: prosopograficheskoe issledovanie* [The Chinggisids in Russia from the fifteenth to seventeenth centuries: A Prosopographic Study]. Ryazan: “Ryazan. World”, 2011. 512 p. (In Russian)
19. Bogoslovskiy M.M. *Petr I: materialy dlya biografii* [Peter I: Biography Materials]. Leningrad: State social and economic publishing house, 1940. 435 p. (In Russian)
20. *Boyarskaya kniga 1639 g.* [Boyar Book for 1639] Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1999. 264 p. (In Russian)
21. *Boyarskaya kniga 1658 g.* [Boyar Book for 1658] Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 2004. 333 p. (In Russian)
22. *Boyarskie spiski XVIII veka* [The eighteenth-century Boyar Lists]. Available at: <http://zaharov.csu.ru/bspisok.pl> (In Russian)
23. Bykova T.A. *Opisanie izdaniy, napechatannykh kirillicey. 1689 – yanvar' 1725 g.* [Description of Publications Printed in Cyrillic. 1689 – January 1725]. Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1958. 403 p. (In Russian)
24. Vel'yaminov-Zernov V.V. *Issledovanie o kasimovskikh tsaryakh i tsarevichakh* [A Study of the Kasimov Kings and Princes]. St. Petersburg: Printing house of the Imperial Academy of Sciences, 1864. Part 2. 520 p. (In Russian)
25. *Vkladnaya kniga Troitse-Sergieva monastyrya* [Insert Book of the Trinity-Sergius Monastery]. Moscow: “Science”, 1987. 439 p. (In Russian)
26. Vypiska iz posol'skikh knig o snosheniyakh Rossiyskogo gosudarstva s Pol'sko-Litovskim za 1547–1572 gg. [Extract from the embassy books on the relations of the Russian state with the Polish-Lithuanian state for 1547–1572]. *Pamyatniki istorii Vostochnoy Evropy* [Monuments of the History of Eastern Europe]. Moscow, Warsaw: Archeographic centre, 1997. Vol. II. 330 p. (In Russian)
27. Gorbatov E.N. “Nalichnyy” boyarskiy spisok 1624 goda [“On hand” boyar list of 1624]. *Rossiyskaya genealogiya: nauchnyy al'manakh* [Russian Genealogy: Research Almanac]. Moscow: “Staraya Basmannaya”, 2018, iss. 3, pp. 71–102. (In Russian)
28. Gorbatov E.N. “Podlinnyy” boyarskie spiski 1637/38 goda [“Authentic” boyar lists of 1637/38] *Rossiyskaya genealogiya: nauchnyy al'manakh* [Russian Genealogy: Research Almanac]. Moscow: “Staraya Basmannaya”, 2019, iss. 5, pp. 41–113. (In Russian)
29. Gorbatov E.N. Otpusknye chelobitnye sluzhilykh lyudey 1626 – 1629 godov [Vacation petitions of servants for 1626–1629]. *Ocherki feodal'noy Rossii* [Essays on Feudal Russia]. Moscow, St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2013, iss. 17, pp. 213–396. (In Russian)
30. Gorskiy A.V. *Istoricheskoe opisanie Svyato-Troitskoy Sergievoy lavry* [Historical Description of the Holy Trinity St. Sergius Lavra]. Moscow: Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University, 1890. Part II. 117 p. (In Russian)
31. *Dvoryanstvo Rossii i ego krepostnye krest'yane. XVII – pervaya polovina XVIII v.* [The Nobility of Russia and Its Serfs. From the seventeenth to first half of eighteenth centuries]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1989. 181 p. (In Russian)
32. Dirin P.P. *Istoriya leyb-gvardii Semenovskogo polka* [History of Life Guards of the Semenovskiy Regiment]. St. Petersburg: Printing house of Eduard Goppe, 1883. Vol. II. 515 p. Available at: <http://www.lgsp.petrobrigada.ru/Dirin/index.html> (last accessed: 10.01.2020). (In Russian)
33. *Zapisnye votchinnnye knigi Pomestnogo prikaza 1626–1657 gg.* [Note Patrimonial Books of the Manor Office for 1626–1657]. Moscow: “Archives”, 2010. 1660 p. (In Russian)

34. Zakharov A.V. *Gosudarev dvor Petra I: publikatsiya i issledovanie massovykh istochnikov razryadnogo deloproizvodstva* [The Sovereign's Court of Peter I: Publication and Research of Mass Sources of the Razryad Office's Records Management]. Chelyabinsk: Chelyabinsk State University Publ., 2009. 447 p. (In Russian)

35. Zimin A.A. *V kanun groznykh potryaseniy* [On the Eve of Formidable Shocks]. Moscow: "Thought", 1986. 331 p. (In Russian)

36. *Istochniki po sotsial'no-ekonomicheskoy istorii Rossii XVI–XVIII vv. Iz arkhiva Moskovskogo Novodevich'ego monastyrya* [Sources on the Social and Economic History of Russia from the sixteenth to eighteenth centuries. From the Archive of the Moscow Novodevichy Convent]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1986. 362 p. (In Russian)

37. *Kazahsko-russkie otnosheniya v XVI–XVIII vv.* [Kazakh-Russian Relations from the sixteenth to eighteenth centuries]. Alma-Ata: Academy of Sciences of the Kazakh SSR, 1961. Vol. 1. 741 p. (In Russian)

38. Kobrin V.B. *Oprichnina. Genealogiya. Antroponimika* [Oprichnina. Genealogy. Anthroponymy]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2008. 369 p. (In Russian)

39. Kosmovskaya A.A. *Voevodskoe upravlenie v Permskom Prikam'e v kontse XVI – XVII vv. Dissertatsiya ... kandidata istoricheskikh nauk* [The Voivode Administration in the Perm Cis-Kama Region at the end of sixteenth and in the seventeenth centuries. PhD Thesis]. Perm, 2015. 254 p. (In Russian)

40. Lestvitsyn V. *Nadgrobnnye nadpisi Spasso-Yaroslavskogo monastyrya* [Tomb-Stone Inscriptions of the Spasso-Yaroslav Monastery]. Yaroslavl: Printing house of the Provincial Zemstvo Council, 1877. 22 p. (In Russian)

41. Markhockiy N. *Istoriya Moskovskoy voyny* [The History of the Moscow War]. Moscow: Political Encyclopedia Publishers, 2000. 222 p. (In Russian)

42. *Mesyatseslov s rospis'yu chinovnykh osob v gosudarstve na leto ot Rozhdestva Khristova 1779* [The Menologium with a List of Government Officials for 1779 AD]. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1779. 444 p. (In Russian)

43. Moiseev M.V. *K istorii zemlevladieniya roda Yusupovykh v nachale XVII veka* [On the history of land tenure of the Yusupovs at the beginning of the seventeenth century]. *Russkiy Diplomatariy* [Russian Diplomatarium]. Moscow: "Archives", 2004, pp. 197–202. (In Russian)

44. *Moskovskiy nekropol'* [The Moscow Necropolis]. Moscow: Printing house of M.M. Stasyulevich, 1908. Vol. 3. 446 p. (In Russian)

45. *Narodnoe dvizhenie v Rossii v Epohu Smuty nachala XVII veka, 1601–1608* [The Popular Movement in Russia during the Time of Troubles of the beginning of seventeenth century, 1601–1608]. Moscow: "Science", 2003. 491 p. (In Russian)

46. *Nogayskie knigi po svyazyam Rossii s Nogayskoy Ordoy. 1551–1561 gg.* [Nogai Books on Relations of Russia with the Nogai Horde. 1551–1561] Kazan: Tatar book publishing house, 2006. 391 p. (In Russian)

47. *Obzor posol'skih knig iz fondov – kollektsey khranyashchih v TSGADA (Konec XV – nachalo XVIII v.)* [Review of Ambassadorial Books from the Collections of the Central State Archives of Ancient Acts (from the late fifteenth to early eighteenth centuries)]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1990. 240 p. (In Russian)

48. *Opisanie gramot Kollegii Ekonomii* [Description of Charters of the College of Savings]. Moscow: "Archives", 2018. Vol. II. 1394 p. (In Russian)

49. *Opisanie dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom arkhive Ministerstva yustitsii* [Description of Documents and Papers Stored in the Moscow Archive of the Ministry of Justice]. Moscow: Printing house of the Moscow Imperial University, 1908. Book 15. 355 p.

50. *Opisanie dokumentov i bumag, khranyashchikhsya v Moskovskom arhive Ministerstva yustitsii* [Description of Documents and Papers Stored in the Moscow Archive

of the Ministry of Justice]. Moscow: Typical lithograph of the Kushnerev and C^o partnership, 1903. Book 13. 320 p. (In Russian)

51. *Opis' arkhiva Posol'skogo prikaza 1626 g.* [List of the Archive of the Ambassadorial Office for 1626]. Moscow: Main Archive Department under the Council of Ministers of the USSR, 1977. 416 p. (In Russian)

52. *Ofiterskie skazki pervoy chetverti XVIII veka. Garnizonnye voyska* [Officers' Lists of the first quarter of eighteenth century. Garrison Troops]. Moscow: "Staraya Basmanaya", 2016. Vol. II. 1731 p. (In Russian)

53. *Ofiterskie skazki pervoy chetverti XVIII veka. Otstavnye i zapolozhnye chiny* [Officers' Lists of the first quarter of eighteenth century. Retired and Zapolozhny Ranks]. Moscow: "Staraya Basmanaya", 2017. Vol. I. 1292 p. (In Russian)

54. *Ofiterskie skazki pervoy chetverti XVIII veka. Otstavnye i zapolozhnye chiny* [Officers' Lists of the first quarter of eighteenth century. Retired and Zapolozhny Ranks]. Moscow: "Staraya Basmanaya", 2017. Vol. II. 1412 p. (In Russian)

55. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie* [The Duma and Komnatny People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographic Study]. St. Petersburg: "Dmitriy Bulanin", 2018. Vol. I. 784 p. (In Russian)

56. Pavlov A.P. *Dumnye i komnatnye lyudi tsarya Mikhaila Romanova: prosopograficheskoe issledovanie* [The Duma and Komnatny People of Tsar Mikhail Romanov: Prosopographic Study]. St. Petersburg: "Dmitriy Bulanin", 2018. Vol. II. 624 p. (In Russian)

57. *Pamyatniki istorii russkogo sluzhilogo sosloviya* [Monuments of the History of the Russian Serving Class]. Moscow: "Archives", 2011. 556 p. (In Russian)

58. *Perepisnaya kniga g. Moskvyy 1638 g.* [The Census Book of Moscow for 1638]. Moscow: Printing house of M.P. Shchepkin, 1881. 172 p. (In Russian)

59. *Pistsovye knigi Moskovskogo gosudarstva*, Ch. 1: *Pistsovye knigi XVI veka, otделение 1: Mestnosti guberniy Moskovskoy, Vladimirskoy i Kostromskoy* [Scribal Books of the Moscow State, Part 1: Scribe Books of the sixteenth century. Section 1: Locations of the Provinces of Moscow, Vladimir, and Kostroma]. St. Petersburg: Printing house of the Second Branch of the Imperial Printing House, 1872. 924 p. (In Russian)

60. *"Podlinnye" Boyarskie spiski 1626–1633 godov* ["Authentic" Boyar Lists for 1626–1633]. Moscow: "Archives", 2015. 736 p. (In Russian)

61. *Posol'skaya kniga po svyazyam Moskovskogo gosudarstva s Krymom. 1567–1572 gg.* [The Embassy Book on Relations of the Moscow State with Crimea. 1567–1572]. Moscow: Foundation "Russian Knights", 2016. 400 p. (In Russian)

62. *Prikhodnye i raskhodnye denezhnye knigi Kirillo-Belozerskogo monastyrnya 1601–1637 gg.* [Income and Expenditure Money Books of the Kirillo-Belozersky Monastery for 1601–1637]. Moscow: Alliance-Archeo, 2010. 756 p. (In Russian)

63. *Prkihodo-raskhodnye knigi moskovskih prikazov 1619–1621 gg.* [The Account Books of the Moscow offices for 1619–1621]. Moscow: "Science", 1983. 479 p. (In Russian)

64. *Razryadnaya kniga 1475–1598 gg.* [The Razryad Book for 1475–1598]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1966. 614 p. (In Russian)

65. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The Razryad Book for 1475–1605]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1982. Vol. II. Part 2. (In Russian)

66. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The Razryad Book for 1475–1605]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1982. Vol. II. Part 3. (In Russian)

67. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The Razryad Book for 1475–1605]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1982. Vol. III. Part 1. (In Russian)

68. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The Razryad Book for 1475–1605]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1987. Vol. III. Part. 2. (In Russian)

69. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The Razryad Book for 1475–1605]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1989. T. III. Part 3. (In Russian)
70. *Razryadnaya kniga 1475–1605 gg.* [The Razryad Book for 1475–1605]. Moscow: Institute of History of the Russian Academy of Sciences, 1994. Vol. IV. Part 1. (In Russian)
71. *Razryadnaya kniga 1550–1636 gg.* [The Razryad Book for 1550–1636]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1975. Vol. I. 430 p. (In Russian)
72. *Razryadnaya kniga 1598–1638 gg.* [The Razryad Book for 1598–1638]. Moscow: Institute of History of the USSR, 1974. 398 p. (In Russian)
73. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Printing house of F.G. Elkovskiy and C^o, 1884. Vol. VIII. 700 p. (In Russian)
74. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Printing house of the Panteleev brothers, 1875. Vol. II. 656 p. (In Russian)
75. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Senate printing house, 1910. Vol. 27. 660 p. (In Russian)
76. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Synod printing house, 1912. Vol. 28. 520 p. (In Russian)
77. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library Published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1884. Vol. 9. 668 p. (In Russian)
78. *Russkaya istoricheskaya biblioteka izdavaemaya Arkheograficheskoyu komissieyu* [Russian Historical Library published by the Archaeographic Commission]. St. Petersburg: Printing house of the Ministry of Internal Affairs, 1886. Vol. X. 600 p. (In Russian)
79. *Russkiy arkhiv Yana Sapiegi 1608–1611 godov. Tekst, perevody, kommentarii* [Russian Archive of Yan Sapieha for 1608–1611. Text, Translations, Comments]. Volgograd: Publishing house of the Volgograd Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, 2012. 687 p. (In Russian)
80. Sakharov I.P. *Kormovaya kniga Kirillo-Belozerskogo monastyrya* [Feed Book of the Kirillo-Belozersky Monastery]. *Zapiski otdeleniya russkoy i slavyanskoy arkheologii imperatorskogo Arkheologicheskogo obshchestva* [Notes of the Department of Russian and Slavic Archaeology of the Imperial Archaeological Society]. St. Petersburg, 1851. Vol. I. Section 3, pp. 46–139. (In Russian)
81. Serod D.A. *Fiskal'skaya sluzhba i prokuratura Rossii pervoy treti XVIII v.: dissertatsiya ... doktora istoricheskikh nauk* [Fiscal Service and the Prosecutor's Office of Russia in the first third of eighteenth century. PhD Dissertation]. Ekaterinburg, 2010. 446 p. (In Russian)
82. Solov'ev S.M. *Sochineniya* [Works]. Moscow: "Thought", 1991. Vol. VII. 701 p. (In Russian)
83. *Spisok pogrebennykh v Troitskoy Sergievoy Lavre ot osnovaniya onoy do 1880 goda. Reprintnoe vosproizvedenie izdaniya 1880 g.* [The List of Those Buried in the Trinity Sergius Lavra from the Foundation Thereof until 1880. Reproduction of the 1880 Edition]. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Historical and Ethnological Laboratory, 2012. 124 p. (In Russian)
84. Stanislavskiy A.L. *Trudy po istorii gosudareva dvora v Rossii XVI–XVII vekov* [Works on the History of the Sovereign Court of Russia of the sixteenth and seventeenth centuries]. Moscow: Russian State University for the Humanities, 2004. 505 p. (In Russian)
85. Strel'nikov S.V. *Zemlevladienie v Rostovskom krae v XIV – pervoy treti XVII veka* [Land Ownership in the Rostov Region from the fourteenth to first third of seventeenth century.]. Moscow, St. Petersburg: Alliance-Archeo, 2009. 358 p. (In Russian)

86. Suhotin L.M. *Chetvertchiki Smutnogo vremeni (1604–1617 gg.)* [The Fourth Quarters of the Time of Troubles (1604–1617)]. Moscow: Society of Russian History and Antiquities at the Moscow University, 1912. 400 p. (In Russian)
87. Titov A.A. *Rukopisi slavyanskije i russkije prinadlezhashchie I.A. Vahromeevu* [Slavonic and Russian Manuscripts Belonging to I.A. Vakhromeev]. Moscow: Printing house of A.I. Snegireva, 1906. Iss. 5. 240 p. (In Russian)
88. Trepavlov V.V. *Istoriya Nogayskoy Ordyy* [History of the Nogai Horde]. Kazan: “Kazan real estate”, 2016. 764 p. (In Russian)
89. Trepavlov V.V. Rossiyskie knyazheskie rody nogayskogo proiskhozhdeniya (genealogicheskie istoki i rannyya istoriya) [Russian princely families of the Nogai origin (genealogical sources and early history)]. *Tyurkologicheskii sbornik: 2002: Rossiya i tyurkskiy mir* [Turkological Collection: 2002: Russia and the Turkic World]. Moscow: “Oriental literature”, 2003, pp. 320–353. (In Russian)
90. Tyumentsev I.O. *Smuta v Rossii v nachale XVII stoletiya: Dvizhenie Lzhedmitriya II* [The Time of Troubles in Russia at the beginning of seventeenth century: The Movement of False Dmitry II]. Volgograd: Volgograd State University publishing house, 1999. 582 p. (In Russian)
91. Faizov A.V. *Preobrazovaniya vysshikh organov gosudarstvennoy vlasti v Rossii: 1725–1730. Dissertatsiya kandidata istoricheskikh nauk* [Transformations of the Highest Bodies of State Power in Russia: 1725–1730. PhD Thesis]. Omsk, 2008. 203 p. (In Russian)
92. *Sbornik knyazya G.D. Hil'kova* [Collection of Prince G.D. Khilkov]. St. Petersburg: Printing house of Panteleev brothers, 1879. 629 p. (In Russian)
93. Cherkasova M.S. *Krupnaya feodal'naya votchina v Rossii kontsa XVI–XVII vekov (po arhivu Troitse-Sergievoy Lavry)* [Large Feudal Patrimony in Russia at the end of sixteenth and in the seventeenth centuries (according to the archive of the Trinity-Sergius Lavra)]. Moscow: “Archives”, 2004. 395 p. (In Russian)
94. Chernovskaya V.V. Sluzhilye tatarsy v Central'noy Rossii v XVI–XVII vekah (na primere Yaroslavlya) [Service Tatars in Central Russia in the sixteenth and seventeenth centuries (on the example of Yaroslavl)]. *Srednevekovye tyurko-tatarskie gosudarstva* [Medieval Turkic-Tatar States]. 2018, no. 10, pp. 101–109. (In Russian)
95. Shvatchenko O.A. *Svetskie feodal'nye votchiny v Rossii vo vtoroy polovine XVII veka* [Secular Feudal Estates in Russia in the second half of seventeenth century]. Moscow: Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences, 1996. 286 p. (In Russian)
96. Shumakov S.A. *Tverskie akty* [The Tver Acts]. Tver: Provincial Board printing house, 1896. Issue 1. 196 p. (In Russian)
97. *Rodovod* [Rodovod]. Available at: <https://ru.rodovid.org/wk/%D0%97%D0%B0%D0%BF%D0%B8%D1%81%D1%8C:1047440> (last accessed: 10.01.2020). (In Russian)

About the author: Andrey V. Belyakov – Dr. Sci. (History), Research Associate of the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences (19, Dm. Ulyanov Str., Moscow 117292, Russian Federation). E-mail: belafeb@gmail.com

Received May 19, 2020 Accepted for publication August 31, 2020
Published September 29, 2020

УДК 930.85

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.613-623

ОБРАЗ СЮЮМБИКЕ В ТАТАРСКОЙ КУЛЬТУРЕ НАЧАЛА XX ВЕКА

Л.Р. Габдрафикова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
bahetem@mail.ru*

Цель: изучение образа Сююмбике в повседневной культуре татар начала XX в.

Материалы исследования: архивные документы и материалы периодической печати начала XX в., музейные экспонаты, научная литература по данной теме.

Результаты и научная новизна: в повседневной культуре начала XX в. образ Сююмбике применялся в разных вариациях: это имя царицы и её художественное воплощение. Особую смысловую нагрузку несла Башня Сююмбике в Казанском кремле, которая стала предметом заботы татарских предпринимателей. Анализ деятельности татарского купечества показывает, что в начале XX в. сформировался бренд «Сююмбике». Идея национального прогресса являлась движущей силой буржуазных преобразований этой поры, а образ Сююмбике стал одним из основных символов новой культуры. Возросший интерес к исторической фигуре Сююмбике в начале XX в. и активное использование ее образа в разных сферах жизни свидетельствовали о росте национального самосознания, о развитии идей государственности, женской эмансипации и в целом модернизации татарской повседневности.

Научная новизна статьи заключается в том, что образ Сююмбике впервые подвергается комплексному анализу и рассматривается в контексте татарской буржуазной культуры начала XX в. и ее повседневных практик.

Ключевые слова: модернизация татарской культуры, Башня Сююмбике, Казанский Кремль, татарское предпринимательство, история повседневности

Для цитирования: Габдрафикова Л.Р. Образ Сююмбике в татарской культуре начала XX века // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 613–623. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.613-623

THE IMAGE OF SUYUMBIKE IN THE TATAR CULTURE OF THE EARLY TWENTIETH CENTURY

L.R. Gabdrifkova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
bahetem@mail.ru*

Abstract: *Research objective:* The purpose of this study is to analyze the image of Syuyumbike in the everyday culture of the Tatars of the early twentieth century.

Research materials: This article is based on the archive's documents, materials of the periodical press at the beginning of the twentieth century, museum exhibits, as well as academic publications on the subject.

© Габдрафикова Л.Р., 2020

Results and novelty of the research: In the everyday culture of the early twentieth century, the name of artistic image and name of the queen, Suyumbike, were used in different variations. The Syuyumbike Tower in the Kazan Kremlin was very important for the Tatars, so Tatar entrepreneurs provided for its restoration. An analysis of the activities of Tatar merchants shows that at the beginning of the twentieth century, the Syuyumbike brand was formed. The idea of national progress was the driving force of the bourgeois transformations of this period, and the image of Syuyumbike became one of the main symbols of the new culture. The interest in the historical figure of Syuyumbike in that era and the active use of her image in various spheres of life indicate the growth of the Tatar national identity, the idea of statehood, female emancipation, and the modernization of Tatars' everyday life.

The *scholarly novelty* of the article is that the image of Syuyumbike is first subjected to a comprehensive analysis for the first time and is considered in the context of the Tatar bourgeois culture of the early twentieth century and its everyday practices.

Keywords: modernization of Tatar culture, Syuyumbike Tower, Kazan Kremlin, Tatar entrepreneurship, everyday history

For citation: Gabdrafikova L.R. The Image of Suyumbike in the Tatar Culture of the early twentieth century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 613–623. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.613-623

Казанская царица Сююмбике занимает важное место в коллективной памяти татарского народа. Национальная литература и искусство конца XX – начала XXI вв. служат ярким доказательством этого феномена. Кроме того, Башня Сююмбике является основным элементом архитектурного облика Казанского Кремля и продолжает выступать источником туристического мифотворчества, делая образ татарской царицы легендарным. Все эти моменты актуализируют научное изучение образа Сююмбике как особого явления татарской культуры.

На современном этапе осмысление образа Сююмбике ограничивается узким кругом публикаций. Прежде всего, научно-популярный интерес был связан с Башней Сююмбике. Например, на рубеже XX–XXI вв. оставался спорным вопрос датировки и происхождения данного памятника архитектуры [10; 15, с. 63–67]. Единственным цельным исследованием об образе самой царицы является монография И.Р. Рамиевой, посвященная русской, татарской и турецкой литературе [12]. Однако данная работа ориентирована в большей степени на решение научных задач филологического характера. В последние годы наблюдается рост научного интереса к исторической персоне Сююмбике. В 2019 г. под редакторством Б.Р. Рахимзянова был выпущен сборник статей о Сююмбике, ставший результатом научной конференции, прошедшей в 2015 г. в г. Касимов [7]. 18 декабря 2019 г. в Институте истории им. Ш. Марджани АН РТ (г. Казань) проведена научно-практическая конференция «Татарская царица Сююмбике: от исторической реальности до исторической памяти», приуроченная к празднованию 500-летия со дня рождения Сююмбике. Таким образом, изучение персоны Сююмбике охватывает широкий спектр научных проблем, в том числе культурологических. На передний план выходит анализ исторической памяти о Сююмбике и ее образа.

В истории формирования образа Сююмбике знаковым периодом является рубеж XIX–XX вв. – время буржуазных преобразований и модернизации традиционной татарской культуры. На данном этапе была реформирована система конфессионального образования, активно развивалось книгоиздательское дело, возникла сеть татарских периодических изданий, изменилось положение татарской женщины. Движущей силой данных перемен стала идея национального прогресса. В этот период наблюдается рождение особого варианта татарской культуры. Она была городской в своей основе и представляла симбиоз восточных традиций и западных новшеств. В новых условиях татарская культура нуждалась в собственных символах, подчеркивающих татарскую самобытность. Поэтому для рубежа XIX–XX вв. характерно культурологическое осмысление исторической фигуры Сююмбике, наполнение ее образа новыми смыслами.

В начале XX столетия трагическая судьба казанской царицы Сююмбике привлекала особое внимание татарских интеллектуалов. Здесь можно увидеть много характерных для новой культуры моментов.

Во-первых, в начале XX в. становится актуальным вопрос об интеграции широких слоев татарского населения в имперскую русскую культуру. Интеграция была необходимым элементом для успешной реализации карьерных амбиций молодежи. В этой связи необходимо подчеркнуть, что к концу XIX в. в письменной культуре образ татарской правительницы сохранился, прежде всего, благодаря русским авторам. Имя Сююмбике встречается не только в их исторических трудах, но и в различных художественных произведениях (от стихотворных форм до музыкальных пьес и картин). Во-вторых, несмотря на растущий интерес к русской культуре, среди татарских интеллектуалов в этот период явственным было отторжение навязываемой ассимиляции. Из-за этого образ жертвы русского царя – последней царицы Казанского ханства – был особенно привлекательным. В-третьих, на этом фоне начинается поиск татарской самобытности в повседневной среде, некой точки опоры на своей земле. Все эти моменты стали основными слагаемыми символического образа Сююмбике, сформировавшегося в начале XX в.

Третий момент был тесно связан с памятником постханского периода в Казанском кремле – Башней Сююмбике. Этот памятник вызывал много споров, но современные археологи склоняются к мнению, что данное сооружение в XVII в. использовалось как дозорная башня. Исходя из этого считается, что башня построена после завоевания Казанского ханства русскими властями [15, с. 63]. Тем не менее памятник всегда привлекал мусульманское население, был своеобразным местом памяти. Высказывались версии о том, что башня могла быть построена на базе мусульманского мавзолея или же мечети. Ныне музеефицированные останки казанских ханов – мавзолеев у подножия Башни Сююмбике служат доказательством этого старинного убеждения.

В XIX в. татары называли эту башню Хан мәчете (Ханская мечеть), а русским названием памятника стала «Башня Сююмбике». В 1907 г. казанский губернатор Михаил Стрижевский подчеркивал, что для мусульман памятник

имеет как историческое, так и религиозное значение¹. Если обратиться к историческим трудам татарских авторов конца XIX – начала XX вв. (Ш. Марджани, Г. Ахмаров и др.), то упоминание имени Сююмбике обязательно привязано к башне ее имени [9, с. 171; 3, с. 119–120]. Таким образом, можно утверждать, что данный памятник спровоцировал в какой-то мере интерес к самой персоне Сююмбике.

Несмотря на то, что происхождение Башни Сююмбике имело очень спорный характер, в народном сознании, в том числе русском, в тот период памятник воспринимался исключительно как татарское достояние. Например, в 1907 г. группа гласных-татар Казанской городской думы выступила с предложением о реставрации данной башни. Была сформирована специальная комиссия, куда вошли вице-губернатор, городской голова, губернский инженер, губернский архитектор, городской архитектор и гласные А.Я. Сайдашев, С.С. Галикеев, А.С. Галикеев, М.И. Галеев, Г. Мукминов, С.М. Аитов, З.-А.К. Апаханов, И.Г. Утямышев, С. Мусин². После обсуждения всех нюансов, городские власти поручили сбор средств на реставрацию памятника на татарскую общественность. Необходимая сумма была собрана не сразу. В итоге, ремонтные работы начались весной 1914 г. и завершились осенью 1915 г.³

Таким образом, Башню Сююмбике в этот период считали неофициальным мусульманским символом г. Казани, поэтому власти рассматривали ее как предмет социальной ответственности именно татарского предпринимательства.

После февраля 1917 г. символ российской монархии – двуглавый орел – смотрелся на башне Сююмбике как чужеродный элемент. В эпоху революционного хаоса, 2 сентября 1917 г. на общем собрании Казанского мусульманского военного комитета под председательством штабс-капитана Рафикова солдаты вынесли постановление о снятии двуглавого орла (как символа старой власти) с башни Сююмбеки и установлении на его место мусульманского символа – полумесяца. На 16 сентября было запланировано водружение полумесяца [5, с. 371].

Однако сразу же водрузить на шпиль мусульманский символ – полумесяц – не получилось. В этом случае столкнулись интересы не только старой и новой власти, но и представителей двух культур – христианской и мусульманской. Поэтому акция носила скандальный характер, спровоцировала межконфессиональный конфликт в г. Казани, когда православная общественность выступила резко против как снятия герба, так и установления полумесяца. Например, Совет Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете в спешном порядке подготовил справку о том, что Башня Сююмбике не является памятником татарского происхождения и поэтому у татарских солдат нет никакого основания на изменение облика архитектурного сооружения⁴. Поэтому временной мерой стал пустующий шпиль башни.

¹ Камско-Волжская речь. 1908. 13 августа.

² Камско-Волжская речь. 1908. 18 сентября.

³ Камско-Волжская речь. 1915. 18 сентября.

⁴ Государственный архив Республики Татарстан (далее – ГА РТ). Ф. 1246. Оп. 1. Д. 156. Л. 14–15.

Интересно, что реакция мусульманской общественности на данную акцию была совершенно другой. Так, в связи со снятием с Башни Сююмбеки двуглавого орла, с 15 по 22 сентября 1917 г. Казанский мусульманский военный комитет получил поздравительные телеграммы из разных уголков бывшей империи: от председателя Мусульманского комитета г. Баку А. Топчибашева, председателя тюркских федералистов и «Мусульманской демократической партии Мусават» М. Расулзаде, а также от других обществ и их представителей. В Самаре местными мусульманами была учреждена особая «Комиссия Сююмбике», которая тоже приветствовала снятие двуглавого орла с башни. В телеграммах предлагалась всяческая помощь: начиная от моральной и денежной вплоть до военной. Поступали и денежные переводы в адрес Казанского мусульманского военного комитета⁵. Обычная акция для революционной эпохи – снятие двуглавого орла – спровоцировала целую волну бурных эмоций, т.к. задела другой важный символ времени – Сююмбике.

Вопрос о Башне Сююмбике был разрешен в 1918 г.: в январе по специальному декрету В.И. Ленина учредили Комиссариат по делам мусульман. Комиссаром был назначен Мулланур Вахитов, заместителями стали Галимджан Ибрагимов и Шараф Манатов. 20 января В.И. Ленин одобрил подготовленные комиссариатом проект декрета о возвращении татарам их национальной реликвии – башни Сююмбеки в Казани [6, с. 31–32]. После этого было разрешено установление полумесяца на шпилье памятника, это событие произошло в марте 1918 года⁶.

Как уже было отмечено выше, Башня Сююмбике вызвала интерес к персоне самой Сююмбике. Например, в первой половине XIX в. Сююмбике в татарских исторических трудах упоминается только как мать хана Утямыш-Гирея. Кроме того, имелись устные народные предания – байты о Сююмбике.

В начале XX в. ситуация значительно изменилась. Портрет Сююмбике становится более рельефным: она не просто мать, но еще и дочь ногайского князя, супруга трех казанских ханов, женщина трагической судьбы. Ее отъезд является своеобразным прологом падения самого Казанского ханства, а сам образ красивой ханбики – это образ самого ханства – романтизация исторического прошлого народа.

В начале XX в. появляются самостоятельные исторические публикации о Сююмбике. Например, очерк о Сююмбике вошел в книгу «Знаменитые женщины» Ризы Фахреддина (1903). Позднее материал о ней был опубликован им и в журнале «Шура» (1908). Сюжет о Сююмбике есть в труде Гайнетдина Ахмарова «История Казани» (1910). Ранее он читал специальную лекцию о Сююмбике в «Восточном клубе». Кульминацией татарских исторических трудов о казанской царице является работа Хади Атласи «Сююмбике» (1914). Это первая книга, посвященная только Сююмбике. Здесь надо отметить, что все татарские авторы, в том числе Хади Атласи, опирались на работы русских историков и, особенно, летописи. Но, тем не менее, это был другой образ ханбики. Если в русской историографии Сююмбике представляли как краси-

⁵ Безнец тавыш. 1917. 3 октябрь.

⁶ Знамя революции. 1918. 8 марта.

вую, но коварную царицу, то в татарской историографии это теплый и печальный образ красивой и умной женщины, личная трагедия которой перемешалась с трагедией народа.

Именно в этот период впервые был опубликован татарский баит о Сююмбике. В 1912 г. вышла книга «Сөембикә хәлләре», подготовленная имамом из д. Чиртуш Чистопольского уезда Казанской губернии Габделгаллямом Рашиди. Брошюра эта была переиздана и в 1915 г. Зафиксированные позднее в разных уголках страны татарские баиты о Сююмбике в общих чертах повторяют баит, представленный в 1912 г. Габделгаллямом-хазратом. По мнению фольклористов, в произведении Г. Рашиди прослеживается связь со сведениями из публикаций Р. Фахреддинова и с плачем ханши Сююмбике из «Казанской истории» [13, с. 295].

В этой связи, можно утверждать, что в отличие от классических баитов, создаваемых по горячим следам событий, баиты о Сююмбике являются стилизованными под баит песнями, созданными на рубеже XIX–XX вв. Появление такого рода художественных произведений могло быть навеяно общими трендами этого времени.

Кроме исторической литературы и фольклора, к персоне Сююмбике обращались и в татарской художественной литературе. Здесь надо отметить, что в русской литературе образ Сююмбике в XVII – начале XIX вв. встречался довольно часто. Это эпическая поэма М. Хераскова «Россиада», трагедия С.Н. Глинки «Сумбека или покорение Казанского ханства» и другие произведения [13, с. 294]. Но в них образ Сююмбике был холодным и расчетливым, расписанным с вражеской позиции. Татарские литераторы, безусловно, рассматривали Сююмбике с несколько иной точки зрения. К сожалению, пьеса «Сююмбике» Фазыла Туйкина, написанная в 1914 г., считается утерянной. О написании такого произведения есть сообщение в татарской периодике того времени [14, с. 36]. Кроме того, небольшое эссе о Сююмбике принадлежит перу классика татарской литературы Фатиху Амирхану (1913). Интересно, что в четырехтомном собрании сочинений, подготовленном в советское время, это эссе отсутствует. Рассказ о Сююмбике есть и у литератора Шагита Ахмадеева (1916). Обращались к образу ханбики и другие авторы [12, с. 166–167, 221].

Все эти моменты способствовали, а иногда шли параллельно с таким процессом как формирование бренда «Сююмбике». В начале XX в. в самых разных сферах татарской культуры активно использовалось имя царицы, ее визуальный образ и, конечно же, образ башни Сююмбике. Обращение к образу Сююмбике было призвано подчеркнуть татарскую самобытность, особость. Кроме того, последняя казанская царица стала символом зарождавшегося в то время татарского женского движения, женской эмансипации. Имя и образ Сююмбике использовались в самых разных сферах: просвещении, торговле, искусстве и частной жизни.

Наиболее часто имя казанской царицы встречалось в издательском деле, переживавшем свой расцвет в данный период. Кроме многочисленных публикаций о Сююмбике (стихи, эссе, исторические труды), примечательным явлением стал выпуск первого татарского женского журнала «Сююмбике».

Он начал издаваться в Казани с октября 1913 г. Интересно, что на обложке первого номера журнала редакторы поместили фотографию Башни Сююмбике. Издателем был бывший мугаллим Якуб Халили, выходец из д. Иж-Буби Вятской губернии⁷. Издавал он журнал вместе со своей супругой Асьмой, дочерью купца Загидуллы Шафигуллина. Он проживал в деревне Акзегитово Цивильского уезда Казанской губернии и оказывал супругам финансовую помощь в издании журнала.

Символично, что женский журнал назвали именем самой известной татарской царицы. Женщина во главе целого государства – это был вдохновляющий пример для татарок начала XX в. Впоследствии журнал стал основным каналом распространения идей женской эмансипации. Тем не менее журнал все же позиционировал себя как издание, которое воспитывает в женщине не только стремление к самостоятельности, но и помогает в успешном ведении домашнего хозяйства, воспитании детей и т.д. Образ Сююмбике был многогранным – это и хранительница домашнего очага, супруга и мать, при этом образованная, умная и красивая женщина.

Одним из самых актуальных областей для татар начала XX в. являлась сфера образования. Поэтому, кроме издательского дела, имя казанской царицы фигурировало и в просветительском деле. В 1909 г. Мусульманское благотворительное общество г. Троицк (Оренбургская губерния) открыла татарскую начальную школу «Сююмбике». Инициатором и основным организатором данного учебного заведения был учитель Габдрахман Ахмеров. Школа была шестилетней, а к преподавательской работе привлекались лучшие силы того времени, в том числе прошедшие заграничное обучение. Любопытно, что в отличие от конфессиональных образовательных центров, в школе «Сююмбике» обучались и девочки, и мальчики. Школа была закрыта в годы Гражданской войны [1, с. 85–86].

Двигателем многих общественных преобразований конца XIX – начала XX вв. были татарские купцы, поэтому образ Сююмбике фигурировал и в торговле. Прежде всего, это образ башни Сююмбике. В этот период был очень высоким спрос на татарские товары, можно говорить даже о своеобразной татарской микроэкономике. В этой связи к образу башни Сююмбике обращались и в мыловаренной сфере, и в пищевой промышленности. Известно, что татарская конфетная фабрика «Альфа» казанского купца Валиуллы Ибрагимова выпускала конфеты с изображением башни Сююмбике. Это же фабрика выпускала конфеты с изображениями Габдуллы Тукая, Исмаила Гаспринского [4, с. 81]. Кроме того, образ башни Сююмбике использовался при оформлении продукции в торжественных случаях. Например, в 1890 г. в Казани прошла научно-промышленная выставка: товары мыловаренного завода Арслановых (т.е. мыло) были выложены в виде башни Сююмбике⁸. В 1910 г. в Казань приехал Хильми-паша (бывший визирь османского султана),

⁷ ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 243. Л. 2.

⁸ Листок объявлений торгово-промышленности и торговли. 1890. 29 июля.

в его честь татарские купцы устроили торжественный ужин. И на десерт подали пломбирное мороженое в виде башни Сююмбике⁹.

Кроме того, имя Сююмбике встречается и в музыкальной сфере. В русской музыкальной культуре к образу Сююмбике активно обращались в первой половине XIX в. Ставили и оперы, и балеты, посвященные Казанскому ханству и Сююмбике [12, с. 58, 80, 103]. Неизвестно, были ли слышаны об этих театрально-музыкальных сочинениях татарские авторы. Но в начале XX в. казанский музыкант Вали Апанаев сочинил инструментальную пьесу «Сююмбике». Ее исполнял оркестр «Восточного клуба» (Шарек клубы), и публика встретила пьесу очень благосклонно [16, с.290]. Образ прекрасной Сююмбике присутствует и в самом известном татарском музыкальном произведении первой половины XX в. – балете «Шурале» Фариды Яруллина. Будучи сыном известного до революции 1917 г. музыканта З. Яруллина, он вырос в атмосфере подъема национального самосознания, что отразилось и на творчестве композитора.

В татарской повседневной культуре в этот период происходят важные изменения в именаречении детей. На смену традиционным мусульманским именам приходят исконно тюркские, исторические имена. Образ царицы воспринимался настолько положительно и тепло, что в некоторых интеллигентных семьях в начале XX в. Сююмбикой называли своих дочерей. Например, это имя носила дочь театрального критика Габдрахмана Карама, племянница Гаяза Исхаки, Сююмбикой назвал свою дочь и писатель Сайфи Кудаш. Как писал автор казанской газеты «Кояш» в 1913 г.: «Настоящий молодой более интеллигентный класс Казани стремится отыскивать и давать детям красивые национальные имена. Например, Чингиз, Сююмбика, Узбек, Айсылу. Пройдет еще 5–6 лет и вместо имен Абдулла-Джан, Сахим-Джамал будут Чингиз, Узбек, Бату, барышни Сююмбика, Зябярджян...»¹⁰. Об этой тенденции в татарской повседневной культуре тревожно отмечали и русские авторы: «татары с некоторого времени стали давать своим детям национальные имена вместо распространенных доселе сартских имен (влияние Бухары): Мидхат, Энвер, Чингиз, Сююмбике, Узбек, Айслу и др.» [8, с. 18]. Все это было связано с ростом национального самосознания, актуализацией новых символов, в том числе имен исторических персон.

Изменения в визуальной культуре, трансформация взглядов на изображение людей, развитие издательского дела способствовали широкому распространению художественного образа Сююмбике. Визуальный образ самой Сююмбике мы можем видеть, прежде всего, на обложке журнала «Сююмбике». Во всех номерах он оставался неизменным. Очевидно, что этот рисунок появился на основе предыдущих работ русских художников.

Самым известным произведением является «Портрет царицы Сююмбике и ее семейства». При этом имеются сложности с датировкой разных версий этой картины. Так, «Сююмбике с сыном Утямышем» из фонда Музея нацио-

⁹ ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 161. Л. 25 об.

¹⁰ ГА РТ. Ф. 420. Оп. 1. Д. 228. Л. 246.

нальной культуры НКЦ «Казань» считается самой ранней и датируется первой половиной XVII в.¹¹ Похожие на эту, но, тем не менее, имеющие определенные различия, другие картины под названиями «Портрет царицы Сююмбике и ее семейства», «Царица Сююмбика с сыном» хранятся в фонде Национального музея РТ. Одна из них датируется как произведение XVIII в.¹², есть картины написанные в XIX в. (П. Дементьев)¹³ и в начале XX столетия (А. Карнаухов, 1913 г.)¹⁴. В 1870 г. закончил масштабную картину «Плененная царица Сююмбике, покидающая Казань» симбирский художник Василий Худяков, который представил совершенно другой образ казанской ханбики.

Из-за известных ограничений мусульманской культуры (запрет на изображение живых существ), татарское изобразительное искусство в начале XX в. находилось на своей начальной стадии развития. Этот период характеризуется первыми графическими рисунками татарских авторов. Рисунок Сююмбике в журнале является примером таких работ. Но, безусловно, в татарской среде наблюдался рост интереса к художественной культуре, стали публиковаться различные изображения, репродукции образцов мировой и русской живописи в татарских журналах и газетах. Одним из таких оригинальных иллюстрированных изданий был казанский журнал «Аң». Издателем являлся сын купца, Ахметгарай Хасани. В 1915 г. он обратился в Казанский городской музей, и по его заказу сделали копию изображения Сююмбике [11, с. 176]. Хромолитография «Портрет Сююмбике и ее семейства» была отпечатана в типографии Н. Харитонов¹⁵. Впоследствии издатель просто раздавал эти растиражированные рисунки. Его действия вызвали подозрение у казанской жандармерии, которые посчитали, что издатель распространяет изображения «с целью подготовить массы к мысли о возможности воссоздания Казанского ханства» [2, с. 70]. Однако А. Хасани преследовал просветительские цели: это было ознакомление соплеменников с пусть примитивным, но визуальным образом знаменитой Сююмбике. Тиражирование изображений Сююмбике, безусловно, порождало новые смысловые нагрузки, вдохновляло исследователей и писателей.

Таким образом, в татарской культуре начала XX в. образ Сююмбике применялся в разных вариациях: это и имя царицы, и её художественный образ. В этой связи можно указать и башню Сююмбике в Казанском кремле. Сююмбике стала символом красоты и самобытности татарской культуры, свободы татарской женщины. А возросший интерес к исторической фигуре Сююмбике в начале XX в. свидетельствовал о росте национального самосознания, о развитии идей государственности, женской эмансипации и в целом модернизации татарской культуры этого периода.

¹¹ Музей национальной культуры НКЦ «Казань». КП ОФ-13563.

¹² Национальный музей Республики Татарстан (далее – НМ РТ). КП-5765.

¹³ НМ РТ. КП-1283.

¹⁴ НМ РТ. КП-16101, Ж-106.

¹⁵ НМ РТ. КП-8571

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Абубакирова М., Шамсутдинов И., Хасанжанова Р. Историю оставить народу своему. Троицк, 2002. 176 с.
2. Амирханов Р. Татарский народ и Татарстан в начале XX века. Казань: Тат. книжн. изд-во, 2005. 150 с.
3. Ахмеров Г. Избранные труды. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1998. 237 с.
4. Габдрафикова Л.Р. Татарское буржуазное общество: стиль жизни в эпоху перемен (вторая половина XIX – начало XX века). Казань: Тат. книжн. изд-во, 2015. 367 с.
5. История Казани в документах и материалах. XX век / под ред. Амирханова Р.У. Казань: Магариф, 2004. 711 с.
6. История Казани. Книга II. Казань: Тат. книжн. изд-во, 1991. 382 с.
7. Казанская царица Сююн-бике в истории народов России: сб. статей / под общей ред. Рахимзянова Б.Р. М.: Квадрига, 2015. 160 с.
8. Ларионов С.С. Начальное образование инородцев Казанского и Уфимского края. Петроград: Типография П.П. Сайкина, 1916. 161 с.
9. Мәрҗани Ш. Мөстәфадел-әхбар фи әхвали Казан вә Болгар. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1989. 414 б.
10. Мухаммедшин Г. Семь ступеней башни Сююмбике. Историко-публицистический очерк о древнейшем архитектурном памятнике на территории Казанского Кремля (XVI–XX вв.). Казань: «Дом печати», 2002. 188 с.
11. Назинова Г.Р. Казанский городской музей: очерки истории 1895–1917 годов. Казань: «Казан-Казань», 2000. 271 с.
12. Рәмиева И.Р. Рус, татар һәм төрек әдәбиятларында ханбикә Сөембикә образы. Казан, 2009. 244 б.
13. Татар халык ижаты. Бәетләр. Казан: Татарстан китап нәшрияты, 1983. 350 б.
14. Ханнанова-Галимжанова Э. Фазыл Туйкинның тормыш юлы һәм ижади эшчәнлеге // Бертуган Туйкиннар: тарихи-документаль җыентык. Казан: Рухият, Жыен, 2007. Б. 16–42.
15. Хузин Ф. Средневековая Казань. Казань: Тат. книжн. изд-во, 2004. 76 с.
16. Человек в революции. Казанская губерния. Культура / под ред. Габдрафиковой Л.Р. Казань: Институт истории им. Ш. Марджани АН РТ, 2019. 368 с.

Сведения об авторе: Лилия Рамилевна Габдрафикова – доктор исторических наук, главный научный сотрудник отдела историко-культурного наследия народов РТ Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация); ORCID: 0000-0002-9940-9097. E-mail: bahetem@mail.ru

Поступила 18.03.2020 Принята к публикации 26.08.2020
Опубликована 29.09.2020

REFERENCES

1. Abubakirova M., Shamsutdinov I., and Hasanzhanova R. *Istoriyu ostavit' narodu svoemu* [Leave a History to the People]. Troitsk, 2002. 176 p. (In Russian)
2. Amirkhanov R. *Tatarskiy narod i Tatarstan v nachale XX veka* [Tatar People and Tatarstan at the beginning of the twentieth century]. Kazan: Tatar book publishing house, 2005. 150 p. (In Russian)

3. Akhmerov G. *Izbrannye trudy* [Selected Works]. Kazan: Tatar book publishing house, 1998. 237 p. (In Russian)
4. Gabdrāfikova L.R. *Tatarskoe burzhuaznoe obshchestvo: stil' zhizni v epohu peremen (vtoraya polovina XIX – nachalo XX veka)* [Tatar Bourgeois Society in an Era of Change (second half of the nineteenth and beginning of twentieth centuries)]. Kazan: Tatar book publishing house, 2015. 367 p. (In Russian)
5. *Istoriya Kazani v dokumentakh i materialakh. XX vek* [History of Kazan in Documents and Materials. The twentieth century]. Amirhanov R.U. (ed.). Kazan: Magarif Publ., 2004. 711 p. (In Russian)
6. *Istoriya Kazani* [History of Kazan]. Book 2. Kazan: Tatar book publishing house, 1991. 382 p. (In Russian)
7. *Kazanskaya tsarica Syuyun-bike v istorii narodov Rossii: sb. statey* [Kazan Queen Syun-bike in the History of the Peoples of Russia. Collected Papers]. Rakhimzyanov B.R. (ed.). Moscow: "Quadruga", 2015. 160 p. (In Russian)
8. Larionov S.S. *Nachal'noe obrazovanie inorodtsev Kazanskogo i Ufimskogo kraya* [Primary Education of Foreigners of the Kazan and Ufa Territories]. Petrograd: P.P. Saykin Publ., 1916. 161 p. (In Russian)
9. Mərjani Sh. *Möstäfadel-əhbar fi əhvali Kazan və Bolgar* [Sources on the History of Kazan and Bulgar]. Kazan: Tatar book publishing house, 1989. 414 p. (In Tatar)
10. Mukhammedshin G. *Sem' stupeney bashni Syuyumbike. Istoriko-publicisticheskiy ocherk o drevneyshem arkhitekturnom pamyatnike na territorii Kazanskogo Kremlya (XVI–XX vv.)* [Seven Steps of the Syuyumbike Tower. Historical and Journalistic Essay on an Ancient Architectural Monument on the Territory of the Kazan Kremlin (from the sixteenth to twentieth centuries)]. Kazan: "House of the press", 2002. 188 p. (In Russian)
11. Nazipova G.R. *Kazanskiy gorodskoy muzey: ocherki istorii 1895–1917 godov* [Kazan City Museum. History Essays: 1895–1917]. Kazan: "Kazan", 2000. 271 p. (In Russian)
12. Rəmiyeva I.R. *Rus, tatar һәм төрек әдәбиятларында ханбикә Сөембикә образы* [The Image of Queen Syuyumbike in Russian, Tatar, and Turkish Literature]. Kazan, 2009. 244 p. (In Tatar)
13. *Tatar khalyk ijaty. Bəetlər* [Tatar Folk Art. The Bait]. Kazan: Tatar book publishing house, 1983. 350 p. (In Tatar)
14. Khannanova-Galimjanova E. Fazyl Tujkinnyñ tormysh yuly һәм ijadi eshchänlege [Biography and work of Fazyl Tuykin]. Bertugan Tuykinnar: tarikhi-dokumental' jyentyk [Tuikin Brothers. Historical and Documentary Collection]. Kazan: Rukhiyat, Djien Publ., 2007, pp. 16–42. (In Tatar)
15. Khuzin F. *Srednevekovaya Kazan* [Kazan in the Middle Ages]. Kazan: Tatar book publishing house, 2004. 76 p. (In Russian)
16. *Chelovek v revolyutsii. Kazanskaya guberniya. Kul'tura* [Man in the Revolution. Kazan Province. Culture]. Gabdrāfikova L.R. (ed.). Kazan: Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences, 2019. 368 p. (In Russian)

About the author: Liliya R. Gabdrāfikova – Dr. Sci. (History), Chief Research Fellow of the Department of Historical and Cultural Heritage of the Republic of Tatarstan Peoples, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., 7A, Kazan 420111, Russian Federation); ORCID: 0000-0002-9940-9097. E-mail: bahetem@mail.ru

*Received March 18, 2020 Accepted for publication August 26, 2020
Published September 29, 2020*

ХРОНИКА

УДК 001.92

DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.624-626

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КРУГЛЫЙ СТОЛ «ИСТОРИЧЕСКИЕ ЖУРНАЛЫ: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ИЗДАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ» (КАЗАНЬ, 26 ИЮНЯ 2020 Г.)

Л.Ф. Байбулатова

*Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ
Казань, Российская Федерация
bayli77@mail.ru*

В Казани в онлайн-формате прошел Международный круглый стол, посвященный тенденциям развития исторических журналов. Мероприятие было приурочено двум юбилейным датам журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» – 95-летию со дня выхода первого номера и 25-летию его возобновления. Наряду с освещением достижений журнала, были показаны путь его становления, проблемы, стоявшие перед издателями как 95 лет назад, так и в настоящее время.

Вопросы и проблемы развития современной исторической периодики в Российской Федерации, а также Белоруссии и Казахстане были рассмотрены редакторами и членами редколлегий журналов Казани, Москвы, Минска и Нур-Султана.

Ключевые слова: круглый стол, исторические журналы, Российская Федерация, Белоруссия, Казахстан

Для цитирования: Байбулатова Л.Ф. Международный круглый стол «Исторические журналы: тенденции развития научно-издательской деятельности» (Казань, 26 июня 2020 г.) // Золотоордынское обозрение. 2020. Т. 8, № 3. С. 624–626. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.624-626

INTERNATIONAL ROUND TABLE “HISTORICAL JOURNALS: TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF ACADEMIC AND PUBLISHING ACTIVITIES” (KAZAN, JUNE 26, 2020)

L.F. Baybulatova

*Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences
Kazan, Russian Federation
baylu77@mail.ru*

An online international round table on trends in the development of historical journals was held in Kazan. The event was timed to occur on both the 95th anniversary of the “Echo of Centuries” journal’s first issue and the 25th anniversary of the journal’s resumption. Its

© Байбулатова Л.Ф., 2020

development and the challenges faced by publishers both 95 years ago and today were presented along with the journal's achievements.

Editors and members of the editorial boards of the journals of Kazan, Moscow, Minsk, and Nur-Sultan considered the issues and problems of the development of modern historical periodicals in the Russian Federation, Belarus, and Kazakhstan.

Keywords: round table, historical journals, Russian Federation, Belarus, Kazakhstan

For citation: Baybulatova L.F. International Round Table "Historical Journals: Trends in the Development of Academic and Publishing Activities" (Kazan, June 26, 2020). *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2020, vol. 8, no. 3, pp. 624–626. DOI: 10.22378/2313-6197.2020-8-3.624-626

26 июня 2020 года Государственным комитетом Республики Татарстан по архивному делу, Государственным архивом Республики Татарстан и редакцией журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» был организован Международный круглый стол «Исторические журналы: тенденции развития научно-издательской деятельности», приуроченный к 95-летию выхода в свет первого номера журнала «Гасырлар авазы – Эхо веков» («Записки архива») и 25-летию его возобновления. В работе Круглого стола участвовали ученые историки и главные редактора ведущих российских, белорусских и казахстанских исторических журналов.

После приветственного слова председателя Госкомитета РТ по архивному делу Г.З. Габдрахмановой прозвучали доклады, посвященные журналу «Гасырлар авазы – Эхо веков». Действующий главный редактор журнала Ф.Л. Гумаров и бывший главный редактор Д.И. Ибрагимов выступили с докладами об истории и современном положении издания, рассказали о трудностях, стоявших на пути издателей, и достижениях.

Не остались в стороне и актуальные в этом году темы – 100-летие со дня образования ТАССР и 75-летие победы в Великой Отечественной войне. Профессор, академик И.Р. Тагиров рассказал об опубликованных на страницах журнала «Гасырлар авазы» архивных документах, освещающих образование Татарской республики. Профессор И.А. Гилязов в своем докладе раскрыл тему фронта и тыла на примере документальной истории татар в 1940-е годы.

В работе конференции поднимались также вопросы деятельности таких журналов как «Золотоордынское обозрение» (Казань, главный редактор И.М. Миргалеев), «Ученые записки Казанского университета» (Казань, член редколлегии Г.П. Мягков), «Вестник архивиста – Herald of an Arhivist» (Москва, главный редактор И.А. Анфертьев), «Тюркологические исследования» (Казань, главный редактор Р.Р. Фахрутдинов), «Белорусский исторический обзор» (главный редактор Суржик Дмитрий Викторович [Москва], выпускающий редактор Василь Владимирович Герасимчик [Минск]). Редактора и члены редколлегии рассказали о политике, традициях, основных направлениях деятельности, проблемах комплектования своих изданий. Также своим опытом работы поделились редактора казахстанских журналов «Алтаистика, тюркология, монголистика» (главный редактор Д.К. Кыдырали, ответственный редактор Н.Б. Базылхан) и «GLOBAL – Turk» (ответственный редактор Т.А. Козырев, г. Нур-Султан).

Сведения об авторе: Лилия Фаритовна Байбулатова – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра исследований Золотой Орды и татарских ханств им. М.А. Усманова Института истории им. Ш. Марджани АН РТ (420111, ул. Батурина, 7А, Казань, Российская Федерация). E-mail: bayli77@mail.ru

*Поступила 29.06.2020 Принята к публикации 17.07.2020
Опубликована 29.09.2020*

About the author: Liliya F. Baybulatova – Cand. Sci. (History), Senior Research Fellow, Usmanov Center for Research on the Golden Horde and Tatar Khanates, Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences (7A, Baturin Str., Kazan 420111, Russian Federation). E-mail: bayli77@mail.ru

*Received June 29, 2020 Accepted for publication July 17, 2020
Published September 29, 2020*

Подготовка и издание журнала осуществлены в рамках
Государственной программы Республики Татарстан
«Сохранение национальной идентичности татарского народа
(2014–2022 годы)»

The preparation and publication of the journal were carried out
within the framework of the State program of the Republic of Tatarstan
“Preservation of the National Identity of the Tatar People (2014–2022)”

Институт истории им. Ш.Марджани АН РТ является правообладателем
исключительных имущественных прав на свои издания.
Любое использование материала данного издания (размещение в Интернете,
перепечатка, переиздание и т.д.), полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

The Marjani Institute of History of Tatarstan Academy of Sciences is a holder
of exclusive property rights of its own publications. Any use of the material
of this publication (publishing online, reprint, republish, etc.), in whole or in part,
without permission of the rights holder is prohibited.

На обложке: Шлем XIV–XV вв., предположительно
принадлежавший золотоордынскому хану Джанибеку.
Местонахождение: Метрополитен-музей (Нью-Йорк, США).
Источник: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/32641>

On the cover: Helmet of the fourteenth or fifteenth centuries,
presumably belonging to the Golden Horde’s Janibek Khan.
Location: The Metropolitan Museum of Art (New York, USA).
Source: <https://www.metmuseum.org/art/collection/search/32641>

Материалы журнала доступны по лицензии Creative Commons “Attribution”
(«Атрибуция») 4.0 Всемирная (CC BY 4.0)

All the materials of the “Golden Horde Review” are available under
the Creative Commons License “Attribution” 4.0 International (CC BY 4.0)

ЗОЛОТООРДЫНСКОЕ ОБОЗРЕНИЕ. 2020. Т. 8, № 3

GOLDEN HORDE REVIEW. 2020, vol. 8, no. 3

Территория распространения – Российская Федерация, зарубежные страны.
Distributed in Russian Federation and foreign countries.

Оригинал-макет подготовлен в Институте истории АН РТ
420111, г. Казань, ул. Батурина, 7А

Подписано в печать 20.09.2020 г. Дата выхода в свет 29.09.2020 г.

Формат 70×108 ¹/₁₆ Усл. печ. л. 13,25 Тираж 500 экз.

Свободная цена

Отпечатано с готового оригинал-макета

420108, г. Казань, ул. Портовая, 25а
Тел./факс: (843) 231-05-46, 231-08-71, 231-04-19
E-mail: citlogos@mail.ru
www.logos-press.ru

Сайт

Института истории
Академии наук РТ

Татаровед.рф

ЦИЗОТХ ИИ АН РТ и его издания:
<http://татаровед.рф/departments/6>

Сайт журнала: <http://goldhorde.ru>